

СЕСИЛИЯ АХЕРН

ПТИЦА

ЛИРА

Annotation

Юго-запад Ирландии, суровые горы, яркая синь озер. Здесь, в глуши, вдали от мира, на краю леса живет молодая женщина, с рождения окруженная тайной. Но вот она оказывается в современном городе, у всех на виду, среди восторженных поклонников, неожиданно обретшая громкую славу. Лора наделена волшебной способностью: подобно голосу мифической Лорелеи, ее голос будоражит и манит сердца людей, раскрывает их души. Что сулит ей чудесный дар – счастье или гибель? С давних пор, не давая покоя, над ней тяготеет семейное проклятье... Утратившая родных и близких, преданная недавними друзьями, найдет ли свое счастье Лора – вольная Птица-лира?

Волнующая и полная глубокого смысла история любви, история вольного сердца каждого из нас, история тишины, скрытой за шумом внешнего мира...

- [Сесилия Ахерн](#)
 -
 -
 - [Пролог](#)
 - [Часть I](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)

- [Глава семнадцатая](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)
 - [Глава девятнадцатая](#)
 - [Глава двадцатая](#)
 - [Глава двадцать первая](#)
 - [Глава двадцать вторая](#)
 - [Глава двадцать третья](#)
 - [Часть II](#)
 - [Глава двадцать четвертая](#)
 - [Глава двадцать пятая](#)
 - [Глава двадцать шестая](#)
 - [Глава двадцать седьмая](#)
 - [Глава двадцать восьмая](#)
 - [Глава двадцать девятая](#)
 - [Глава тридцатая](#)
 - [Глава тридцать первая](#)
 - [Глава тридцать вторая](#)
 - [Глава тридцать третья](#)
 - [Глава тридцать четвертая](#)
 - [Часть III](#)
 - [Глава тридцать пятая](#)
 - [Глава тридцать шестая](#)
 - [Глава тридцать седьмая](#)
 - [Глава тридцать восьмая](#)
 - [Глава тридцать девятая](#)
 - [Глава сороковая](#)
 - [Глава сорок первая](#)
 - [Глава сорок вторая](#)
 - [Часть IV](#)
 - [Глава сорок третья](#)
 - [Заключение](#)
 - [Благодарности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-

Сесилия Ахерн

Птица-лира

Cecelia Ahern
LYREBIRD

© 2016 Cecelia Ahern

Фотография автора на обложке © Matthew Thompson Photography

© Сумм Л., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2017

Издательство Иностранка®

* * *

Поле Пи

Выживает не самый сильный вид и не самый умный, а тот, кто лучше всех приспосабливается к переменам.

Приписывается Чарльзу Дарвину

Пролог

Он двинулся в сторону от них, неумолчная болтовня сливалась в его ушах в утомительно-монотонный фон. То ли усталость после перелета тому причиной, то ли он попросту утратил интерес. А может быть, и то и другое. Он словно со стороны на все смотрел, не вовлекаясь. И если он позволит себе еще хоть раз зевнуть, она ему точно выволочку устроит.

Они не заметили, что он уходит, или, если заметили, предпочли его не окликать. Звукозаписывающую аппаратуру он прихватил с собой, он нигде не оставлял сумку, не только из-за ее ценности, но и потому, что сросся с ней словно с третьей рукой. Тяжелая, но он привык к ее весу, даже получал от него какое-то удовольствие. Без сумки на плече ему чего-то недостает, и без нее он даже двигается так, будто на слегка опущенном правом плече висит сумка с аппаратурой. Видимо, он обрел свое призвание – звукооператора, – но такая глубокая подсознательная связь с профессией не слишком полезна для осанки.

Он двинулся прочь от расчисти, от дома летучих мышей, которых всех так интересовал, к лесу. На опушке в лицо ему ударил свежий прохладный ветер.

Стоял жаркий июньский день, солнце нагрело макушку и понемногу припекало голую шею сзади. Тень леса манила, стремительно носившаяся и исполнявшая ритуальный танец в лучах солнца мошकारа казалась скопищем каких-то мифических малых существ. В тени леса почва, устланная перегнившими листьями и корой, пружинила под ногами. Отсюда уже не было видно его спутников, и он словно отключил звук их болтовни, вдохнул свежий ветерок, наполнив легкие живительным ароматом сосен.

Он опустил сумку на землю, прислонил микрофон к дереву. Потянулся, наслаждаясь треском в суставах, податливостью мышц. Снял свитер – при этом движении, выставляя напоказ живот, приподнялась и футболка, – обвязал рукавами вокруг талии. Стащил с длинных волос резинку и закрепил пучок выше, узлом на макушке, подставляя ветерку потную шею. С высоты в сто двадцать метров над уровнем моря он смотрел сквозь лес и видел вокруг лесистые холмы Гуган-Барры, простиравшиеся до самого горизонта, и ни приметы соседнего жилья. Мирное, тихое место. Его слух был всегда на острие – приобретенная с годами привычка: он научился вслушиваться и в те звуки, которых люди

обычно не замечают. Он различал птичьи трели, потрескивание веток – вокруг кипела какая-то жизнь, – приглушенное гудение трактора вдали, строительные работы обитателей леса. Тишина была живой. Он втянул в себя свежий воздух, и в этот момент за спиной у него хрустнула ветка. Он резко обернулся.

Чья-то фигура метнулась за дерево.

– Эй! – крикнул он. Слишком агрессивно – его застали врасплох.

Фигура больше не двигалась.

– Кто там? – спокойнее спросил он.

Она выглянула на миг из-за ствола и скрылась вновь, будто играла в прятки. Странное дело. Он понял, что опасности нет, но сердце сильно забило – а должно было бы успокоиться.

Оставив свое снаряжение на земле, он медленно направился к ней, хруст веток выдавал каждый его шаг. Он соблюдал дистанцию, не подходил вплотную, а начал описывать круг, заходя за то дерево, которое служило ей укрытием. И увидел ее целиком. Она напряглась, словно готовясь к отпору, но он поднял руки вверх, ладонями к ней, как будто сдаваясь.

Она могла бы оставаться в лесу невидимкой, полностью с ним сливаясь, если б не светлые до белизны волосы и прозрачные зеленые глаза – самые зеленые, самые яркие, какие он видел в жизни. Они его околдовали.

– Привет, – тихо произнес он.

Только бы не испугалась, не убежала. Она трепетала и готова была обратиться в бегство, приподнималась на цыпочки – вот-вот умчится опрометью, сделай он хоть один неверный шаг. Он остановился, плотно уперся ногами в землю и распростер руки, словно обнимая воздух – или как будто воздух обнимал его.

Она улыбнулась застенчиво.

Довершая волшебство.

Таинственное лесное создание, он с трудом различал границу между ней и деревом. Листья, нависавшие над ней, зашевелились от легкого ветерка, вызвали на ее лице игру света и тени. Эти двое видели друг друга впервые, двое незнакомцев, – и не могли отвести друг от друга глаз. В этот момент его жизнь раскололась надвое: кем он был до этой встречи, кем стал после нее.

Часть I

Одно из самых прекрасных и редкостных и, возможно, умнейших созданий на земле – птица-лира, или лирохвост, несравненный музыкант и артист. Эта птица чрезвычайно застенчива, обладает поразительным интеллектом и легко ускользает от наблюдателя.

Недостаточно будет назвать лирохвоста обитателем гор. Да, он живет в горах, но лишь небольшая часть вершин, составляющих область его обитания, может с гордостью назвать себя его домом... Его вкус столь изыскан и определен и в своих склонностях он столь разборчив, что и среди этих прекрасных гор далеко не всем удовлетворяется, и было бы напрасной потерей времени искать его где-либо за пределами наиболее красивых и величественных мест.

Эмброуз Пратт. Легенды о лирохвосте

Глава первая

В то утро

Может, тебе не стоило садиться за руль?

– Норм, – ответила Бо.

– Может, ей не стоило садиться за руль? – повторила Рейчел, на этот раз взывая к Соломону.

– Норм, – и за Соломона ответила Бо.

– Но ты можешь хотя бы не переписываться за рулем? У меня жена на сносях, я хочу увидеть первенца, – настаивала Рейчел.

– Я не переписываюсь, я только проверяю почту.

– Ну тогда конечно! – Рейчел завела глаза и отвернулась к окну. За окном проносился сельский пейзаж. – Ты гонишь на максимуме. Еще и новости слушаешь. А голова у тебя дурная после перелета.

– Если так волнуешься, пристегни ремень.

– Сильно мне это поможет, – проворчала Рейчел, плотнее усаживаясь на пассажирском сиденье за спиной Бо и пристегивая ремень.

Она бы предпочла сидеть за спиной Соломона, оттуда ей лучше видно, что творит Бо, но Соломон так далеко отодвинул свое кресло, что не уместиться.

– И с головой у меня после перелета все в порядке, – заявила Бо, наконец-то, к облегчению Рейчел, убрав телефон. Рейчел понадеялась, что теперь обе руки водителя окажутся на руле, но вместо мобильного Бо сосредоточилась на радио, принялась перещелкивать станции. – Музыка-музыка-музыка, почему люди перестали разговаривать?

– Потому что иногда имеет смысл заткнуться и помолчать, – фыркнула Рейчел. – Ладно, допустим, ты о'кей, но он-то после перелета не в себе. Сам не знает, где очутился.

Соломон приоткрыл глаза, утомленно оглядел обеих женщин.

– Я не сплю, – томно проговорил он. – Я просто... ну, знаете... – и почувствовал, как сами собой смыкаются веки.

– Знаю, знаю, ты и смотреть не хочешь, как Бо ведет машину, – сказала Рейчел.

После шестичасового перелета из Бостона, приземлившись в Ирландии в пять тридцать, Соломон и Бо перекусили на скорую руку в аэропорту, сели в арендованный автомобиль, подхватили по пути Рейчел и отправились на юго-запад, в Корк, – еще примерно четыре часа дороги.

Почти весь перелет Соломон проспал, но этого ему не хватило, а Бо всякий раз, когда на миг просыпался, он заставлял бодрствующей, с широко открытыми глазами – ей непременно требовалось пересмотреть все демонстрируемые на борту документальные короткометражки.

О некоторых людях шутят, что они одним воздухом питаются, а Бо, как считал Соломон, могла бы питаться одной информацией. Она поглощала ее на второй космической скорости, вечно голодная, ненасытно читающая, слушающая, задающая вопросы, выискивающая – для обычной еды и места не остается. Она почти и не ела, информация питала ее, но никогда не наполняла – эта страсть знать все неутолима.

В Бостон Соломон и Бо летали на вручение награды за документальный фильм «Близнецы Тулин» – ежегодной премии Ирландского репортера (Бостон) «За выдающийся вклад в кино и телевидение». Двенадцатая премия в этом году, не считая множества вторых и третьих мест.

Целый год съемочная группа провела с близнецами Джо и Томом Тулинами – тогда, три года назад, им было 77 лет. Старики жили на ферме в глухом углу Корка, к западу от Макрума. Бо наткнулась на них, когда занималась другим проектом, и близнецы быстро поглотили ее разум, душу и все ее время. Братья всю жизнь провели вместе, не имели близких отношений с женщинами, да и вообще ни с кем. На этой самой ферме они родились, росли, помогали отцу, унаследовали ее после его смерти. Они работали в суровых условиях, жили очень скромно и скудно, в крестьянском доме с каменным полом, спали на двух узких кроватях в одной комнате, единственное развлечение – радио. С фермы они почти не отлучались, раз в неделю им доставляла покупки женщина из деревни, она же быстро проходилась по дому с веником и тряпкой. Отношения стариков с жизнью и друг с другом задевали сердечные струны зрителей, как и тех, кто снимал фильм: под этой простотой скрывался ясный и честный взгляд на жизнь.

Бо была режиссером этого фильма и продюсером; Соломон работал в ее студии Mouth to Mouth Productions звукооператором, Рейчел снимала. Уже пять лет они были единой командой, с тех пор как сняли документальный фильм про ирландских монахинь, которых становилось все меньше, а два года назад у Бо и Соломона начался роман – после неофициальной вечеринки в честь окончания съемок. «Близнецы Тулин» – их пятый совместный фильм и первый большой успех. Весь год они носились с одного фестиваля на другой, собирали награды, Бо успела до совершенства отточить благодарственную речь.

А теперь они возвращались на ферму Тулинов, где каждый закоулок стал знакомым. Но возвращались не праздновать с братьями очередную премию, а на похороны Тома Тулина (он родился на две минуты позже старшего брата).

– Можем мы остановиться и поесть? – спросила Рейчел.

– Незачем. – Бо наклонилась, пошарила под пассажирским сиденьем, одна рука оставалась на руле, машина слегка заюлила.

– Господи, – пробормотала Рейчел, стараясь на это не смотреть.

Из-под сиденья Бо вытащила три шоколадных батончика и бросила один Рейчел.

– Ланч! – Зубами содрала со своего батончика обертку и сразу же откусила, принялась агрессивно жевать, словно таблетку, с которой поскорей бы покончить: еда для поддержания сил, а не ради удовольствия.

– Ты не человек, ты хоть сама это понимаешь? – спросила Рейчел, разворачивая свой батончик и с разочарованной миной изучая его. – Чудище страшное.

– Миленькое мое маленькое чудище, – подхватил Соломон и ущипнул Бо за ляжку.

Бо ухмыльнулась.

– Лучше было, когда вы не спали вместе, – сказала Рейчел, отворачиваясь. – Тогда ты держал мою сторону.

– Он и сейчас на твоей стороне, – заметила Бо шутливо, но всерьез.

Соломон словно и не слышал подначки.

– Если мы едем выразить сочувствие бедняге Джо, зачем ты велела мне взять с собой всю аппаратуру? – спросила Рейчел, пережевывая орехи с изюмом. Она прекрасно знала зачем, но хотелось попридираться. Бо и Соломона дразнить весело, они не слишком-то устойчивы, подтолкни – и будет на что посмотреть.

Соломон широко раскрыл глаза и уставился на свою подружку. Два года вместе в романтическом смысле, пять лет совместной работы – он читал в ней как в открытой книге.

– Ты же не думала, что Бо едет на похороны исключительно по доброте сердечной? – поддразнил он. – Международно признанные, обласканные премиями режиссеры всегда наготове в ожидании новых сюжетов.

– Похоже на то, – согласилась Рейчел.

– Эй! У меня тоже сердце не камень! – запротестовала Бо. – Я смотрела в дороге наши съемки. Помните, кто там говорит последним? Том! «Каждый день, когда есть силы встать с постели, – хороший день!» Я

всем сердцем сочувствую Джо.

– Или хотя бы половинкой, – ласково поддразнила Рейчел.

– Как он теперь будет жить? – продолжала Бо. – Ему и поговорить не с кем. Всеми домашними делами занимался Том. Готовка вся была на нем. Не то чтобы он особо кухарил, но, по крайней мере, напоминал Джо, что пора поесть. Как же ему теперь будет одиноко там, на горе, особенно глухой зимой, когда никого за всю неделю, а то и дольше, не увидишь!

Они примолкли на минуту, задумавшись над участью Джо. Пожалуй, теперь они знали его лучше, чем кто-либо: Джо и Том впустили киношников в свою жизнь. Откровенно отвечали на все вопросы.

Во время съемок Соломон нередко задумывался, могут ли братья выжить поодиночке. С фермы они отлучались только на овечий рынок, домашние заботы передоверили помощнице и воспринимали их как доuku, а не нужное дело: скорее запихать еду в рот – и за работу. Похожие во всем, «как две горошины из одного стручка», братья заканчивали друг за друга начатую фразу, их отработанные движения, когда они находились рядом, напоминали церемонный – хотя не всегда изящный – танец. Танец, отточенный временем, неумышленный, даже неосознаваемый. И хотя этому танцу недоставало грациозности (или как раз поэтому), он был прекрасен, удивительно было следить за ним со стороны.

Джо и Том, всегда в такой последовательности, не наоборот: Джо родился на две минуты раньше, и это словно бы само собой делало его лидером, а Том охотно следовал за ним. Идентичные с виду, но такие разные – и так удачно совпадали. Тем поразительнее была их гармония посреди негармоничного ландшафта.

Разговаривали они между собой мало, обходились без объяснений и описаний, звуками, которые понимали только они, кивком, пожатием плеч, взмахом руки да двумя-тремя словами порой. Снимавшие не сразу научились замечать, как происходит обмен сообщениями между братьями. Они были настолько подключены друг к другу, что распознавали сразу настроения, тревоги, страхи, каждый знал, о чем другой сейчас думает, и они сами не замечали красоты своих отношений. Их зачастую изумляло, как Бо анализирует их, – жизнь есть жизнь, вещи такие, какими кажутся, смысл-то анализировать или пытаться что-то изменить или вникать в то, что человеку недоступно.

– Им никто не был нужен, потому что их двое, им достаточно друг друга, – сказала Бо, повторяя фразу, которую уже не раз произносила на презентации фильма, но все с той же убежденностью. – Так вы думаете, я за сюжетом гонюсь? Еще бы!

Рейчел перебросила через плечо Бо обертку от батончика.
Соломон фыркнул и снова закрыл глаза:
– Нам не привыкать.

Глава вторая

– Ага! – сказала Бо, когда их автомобиль подъехал к окруженной прекрасным пейзажем церкви. – Мы успели заранее. Подготовь-ка ты камеру, Рейчел.

Соломон резко выпрямился, сна как не бывало.

– Бо, похороны мы снимать не будем. Нельзя.

– Почему же? – спросила она, уставившись на него карими очами.

– Разрешения нет.

Она огляделась по сторонам.

– От кого? Это не закрытая территория.

– Ладно. Я лучше выйду, – сказала Рейчел и выбралась из автомобиля, не желая в очередной раз быть застигнутой их спором.

Бо непрерывно воевала не только с Соломоном, в любых отношениях она была столь же неистовой, упрямой, самого спокойного человека умела спровоцировать на спор, словно для нее единственный способ общаться или узнавать новое – доводить все до крайности, до напряженного диспута. И делает она это не потому, что так уж любит поспорить, а потому, что спор ей необходим, чтобы выяснить чужую мысль. Она попросту устроена не так, как большинство. Вроде бы и не бесчувственна, однако восприимчива к самым сюжетам человеческих судеб, а каким способом их добывать – тут она нисколько не щепетильна. И далеко не всегда заблуждается. Соломон тоже многому научился у Бо. Иногда без таких неловких, неприятных моментов не обойтись, нужно идти напролом – иногда востребованы такие люди, как Бо: они разрушают границы, вынуждают собеседника раскрыться, поделиться своей историей. Однако момент она далеко не всегда выбирает правильно.

– Ты не спросила Джо, можно ли это снимать, – пояснил Соломон.

– Спрошу, когда он подъедет.

– Нельзя спрашивать его прямо перед похоронами брата. Бесчувственно.

Бо озиралась по сторонам, Соломон прямо-таки слышал, как тикает ее мозг.

– Может быть, после похорон кто-нибудь согласится дать интервью, расскажет о Томе что-то, чего мы еще не слышали, или обсудим, как теперь будет жить Джо. Может быть, Джо и сам поговорит с нами. Мне нужно уловить ощущение, что теперь происходит с Джо, какой станет его жизнь. –

Произнося эти слова, она сделала полный оборот, охватив перспективу на все триста шестьдесят градусов.

– Чертовски одинокой и несчастной! А ты как думала? – сорвался наконец Соломон.

Бо глянула на него, слегка смутившись:

– А после мы тебе сразу добудем поесть. Так что не откусывай мне голову.

– Хоть немного сочувствия, Бо!

– Я бы не приехала, если б не сочувствовала им обоим.

Понимая, что в этом споре ему не выиграть, он вылез из машины и размял ноги.

Гуган-Барра – деревня к западу от Макрума, графство Корк. Названа в честь святого Финбара, который, согласно легенде, в VI веке построил здесь, на острове посреди озера, монастырь. Благодаря удаленности этого места здесь служили католические мессы, когда старая вера оказалась под запретом, а теперь прекрасный пейзаж приманивает сюда свадьбы. Но почему Джо выбрал именно эту церковь для отпевания, этого Соломон не знал. Уж конечно, ни мода, ни романтические красоты старого фермера не интересовали. Ферма Тулинов пряталась в самом глухом углу и хотя, разумеется, тоже относилась к какому-то приходу, но к этому или к другому, он не был уверен. Как ни странно это для их поколения, близнецы Тулин не были религиозны – они вообще ни в чем не были «типичны».

Хотя Соломон не считал правильным набрасываться на Джо с вопросами прямо в день похорон, но кое-что ему хотелось бы выяснить. Как ни раздражает манера Бо вечно выходить за любые рамки, Соломону от этого тоже бывает польза.

Соломон отошел в сторону, чтобы записать звук. Время от времени Бо указывала ему или Рейчел, что следует записать, но чаще предоставляла им действовать самостоятельно. За это Соломон и ценил работу с Бо. Почти как близнецы Тулин: Бо, Соломон и Рейчел знали, как предпочитает работать каждый из них, и в этом друг другу не мешали. Здесь Соломон чувствовал себя свободным, не то что на другой работе, которую выполнял только ради денег на оплату счетов. Зимой снимал какие-то непонятные и гротескные части тела, лето проводил на реалити-шоу в фитнес-клубе для толстяков – это не жизнь. Документальные съемки с Бо, ее неутолимое любопытство – это было здорово, пусть его и раздражали частенько в ней те самые навыки и свойства, которые дарили ему освобождение от поденщины.

Целый час они снимали возле церкви, и наконец прибыл автобус ритуальной службы, а за ним Джо на «лендровере»: обычно эта машина не выезжала за пределы фермы. Джо вылез из джипа в том самом темно-коричневом костюме с рубашкой и свитером под пиджаком, в каком они видели его сотни раз, наверное, только вместо сапог нынче ботинки. Даже в этот солнечный день он утепился, словно глухой зимой, разве что на одну поддевку меньше. На голове – кепка из твида.

Бо сразу же направилась к нему. Рейчел и Соломон следовали по пятам.

– Джо! – Бо потянулась к старику, пожала ему руку. Обнимать его не следовало, такие нежности вызывали у Джо неловкость. – Мне так жаль!

– С чего это вы приехали? – удивился он, оглядывая всю троицу. – Вы ж в Америке были, когда я вам позвонил? – уточнил он так, словно речь шла о другой планете.

– Да, но мы сразу же вернулись в Ирландию, чтобы поспеть к тебе. Можно мы будем снимать, Джо? Ты не против? Все, кто видел фильм, захотят узнать, как ты теперь.

Соломона такая пробивная наглость пугала и вместе с тем привлекала: отвага Бо и ее честность были редким и чудесным даром.

– А, как хотите, – сказал Джо, отмахиваясь небрежно, словно ему было все равно.

– После можно будет поговорить, Джо? На поминках? Люди соберутся? Чай, бутерброды?

– Из церкви на кладбище, и на том все. Без суеты, без суеты. И снова за работу, я теперь за двоих тружусь, ведь так?

Глаза Джо обведены темными кругами, в них стынет печаль. Гроб уже вынесли из автобуса и поставили на тележку. Всего вместе со съемочной группой в церковь вошли семеро.

Заупокойная служба – короткая и простая. Священник упомянул усердие Тома в работе, преданность своей земле, сказал и о его давно умерших родителях, и о взаимной любви между братьями. За все время стоический Джо сделал одно лишь движение – снял с головы кепку в тот момент, когда гроб опускали в землю. И тут же нахлобучил снова и вернулся к джипу. Соломон почти слышал, как мысленно Джо произнес: «Вот и все».

После похорон Бо успела взять интервью у Бриджет, помогавшей близнецам по хозяйству (попросту говоря, она привозила продукты и сметала паутину по сырым углам). Женщина отворачивалась от камеры, словно боясь, что та взорвется ей прямо в лицо. Местный полицейский

Джимми, человек, поставлявший Тулинам корм для животных, и фермер, чьи овцы паслись на горах поблизости от стада близнецов, беседовать с Бо отказались.

До фермы Тулинов было полчаса езды в глубь гористой местности, вдали от деревни.

– Есть ли у них на ферме книги? – ни с того ни с сего спросила Бо. Она часто вот так бросала внезапные вопросы, идеи, так и эдак складывала в голове обрывки полученных с разных сторон сведений, пока не получит единую внятную историю.

– Понятия не имею. – Соломон оглянулся на Рейчел. Из них всех у нее самая надежная визуальная память.

Рейчел призадумалась, пролистала мысленно отснятые кадры.

– В кухне нет. – Помолчала, продолжая перемещаться по дому. – В спальне тоже нет. Во всяком случае, на открытых полках. У них возле кроватей стоят запертые тумбочки, там могут быть.

– Но больше нигде.

– Нигде, – уверенно повторила Рейчел.

– А почему ты спросила? – поинтересовался Соломон.

– Бриджет. Она сказала, что Том «читал запоем». – Бо сморщила нос. – Я как-то не представляю себе, чтобы он так уж любил книги.

– Разве можно судить, любит ли человек читать, только по его внешности?

– Читатели всегда в очках, – пошутила Рейчел.

– Том никогда не упоминал книги. Мы год напролет отслеживали их жизнь по часам. Я ни разу не видела его с книгой в руках. Они оба даже газет не читали. Они слушали радио. Погоду, спорт, иногда новости. А потом ложились спать. Чтение в это расписание просто не вмещается.

– Может, Бриджет выдумала. Она так нервничала перед камерой, – предположил Соломон.

– Она подробно рассказала, как покупала ему книги у букинистов и на благотворительных распродажах. Что она покупала книги, я верю, но не понимаю зачем. Мы не видели в доме ни единой книги, никогда не заставляли их за чтением. Вот что хотелось бы мне выяснить. Что читал Том? Почему? И почему он это скрывал?

– Не знаю, – зевнул Соломон, его никогда особо не занимали мелочи, в которые вникала Бо, уж во всяком случае не тогда, когда одолевали усталость и голод. – Люди чего только не наговорят, когда им в лицо тычут камерой. А ты что скажешь, Рейчел?

Рейчел помолчала минуту, она отнеслась к вопросу Бо серьезнее, чем

Соломон.

– Теперь он по-любому ничего не читает, – наконец сказала она.

Они добрались до фермы Тулинов, такого знакомого клочка земли: сколько хмурых рассветов они провели здесь, сколько ночей, под проливным дождем бродили по этой опасной для неопытного человека почве. Братья разделили обязанности с самого начала. У фермеров, пасущих овец в горах и производящих немного молочных продуктов, работы по горло, а доход невелик. И однажды после смерти отца распределив эти роли, они так и продолжали до самой смерти Тома.

– Расскажи нам, как это случилось, Джо, – мягко попросила Бо.

Они с Джо устроились на кухне, она же главная комната фермерского дома, всей обстановки – два кресла у пластмассового стола. А еще старая электрическая плита, используются только ее четыре конфорки, духовка закрыта. Даже в такую погоду тут холодно и сыро. В стене одинокая розетка с удлинителем, к которому и подключены все кухонные приборы: плита, радио, чайник, обогреватель. Только и жди беды. Обогреватель гудит, мешает Соломону писать звук. Кухня, как и весь дом, провоняла псиной: вместе с братьями жили два бордер-колли, Мосси и Ринг, названные в честь Мосси О’Риордана и Кристи Ринга, обеспечивших команде Корка по хёрлингу победу в финале чемпионата Ирландии 1952 года, – редчайший случай, когда мальчики Тулин ездили с отцом в Дублин. Хёрлинг – одна из немногих вещей, которая их интересовала за пределами фермы.

Джо сидит на деревянном кресле, очень тихо, локти – на подлокотниках, ладони сжаты на животе.

– Это был понедельник. Бриджет завезла продукты. Том должен был их разложить. Я работал на ферме. Вернулся к чаю, а он лежит на полу. Я сразу понял, что он скончался.

– И что ты сделал?

– Первым делом убрал продукты. Он этого не сделал, стало быть, умер еще в начале дня. Должно быть, сразу, как я ушел. Сердечный приступ. Потом я позвонил. – Кивком Джо указал на телефон на стене.

– Сначала убрал продукты? – уточнила Бо.

– Убрал.

– Кому ты позвонил?

– Джимми. В полицию.

– Ты помнишь свои слова?

– Не очень. «Том умер», – наверное, я так сказал.

Пауза.

Джо припомнил, что его снимают, припомнил просьбу, с которой Бо обратилась к нему два года назад, – отвечая на вопрос, не прерываться, потому что он тут – рассказчик.

– Джимми сказал, он все равно должен вызвать «скорую», хотя я и видел, что его не вернуть. И сам Джимми приехал. Мы выпили чайку, пока ждали.

– А Том так и лежал на полу?

– Ясно, лежал. Куда бы я его?

– Да, ясно, – чуть улыбнулась Бо. – Ты что-то сказал Тому? Пока ждал «скорую» и Джимми?

– Ему сказал? – Джо уставился на Бо как на сумасшедшую. – Да он же был мертв. Мертвее не бывает. С какой стати что-то говорить покойнику?

– Попрощаться или что-то в этом роде. Люди часто так делают.

– А! – отмахнулся он, взгляд ушел в сторону, Джо о чем-то задумался. То ли о том, как мог бы попрощаться с братом, то ли о том, со сколькими близкими ему уже довелось проститься, а может, о недоенных коровах и сколько бумаг придется теперь заполнять.

– Почему ты сегодня поехал в ту церковь?

– Там мама с папой поженились.

– И Том хотел, чтобы его отпели там?

– Он никогда об этом не говорил.

– Вы это не обсуждали? Как бы вы хотели это устроить?

– Нет. Мы знали, что лежать будем с мамой и папой, на семейном участке. Бриджет подсказала насчет церкви. Правильная мысль.

– Ты-то как тут будешь, Джо? – мягко, с искренней заботой спросила Бо.

– Я буду в порядке, а как же! – Внезапная улыбка, такая редкая, застенчивая, словно у маленького мальчика.

– Наверное, тебе понадобится помощь?

– Сынок Джимми. Уже договорились. Будет кое-что делать, когда позову. Тяжелую работу, таскать там. На рынок ездить.

– А то, что делал Том?

– Придется это делать мне, верно? – Он поерзал в кресле. – Больше-то никого не осталось.

И Джо и Тома вопросы Бо частенько удивляли. Она спрашивала о таких очевидных вещах, они недоумевали, к чему столько вопросов, зачем анализировать все то, что они принимали как данность. Чего доискиваться, когда решение прямо у тебя перед носом? Или искать другие возможности,

когда вполне сойдет и это?

– Придется тебе самому общаться с Бриджет. Составлять список продуктов. Готовить, – напомнила Бо.

Это его, похоже, раздосадовало. По дому он возиться не любил, это всегда была территория Тома. Не то чтобы Тому это занятие было по нраву, но он понимал: если поручить готовку Джо, оба умрут с голоду.

– Том любил читать? – спросила Бо.

– А? – удивленно переспросил Джо. – Сколько знаю, Том ни одной книги в жизнь не прочел. Во всяком случае, со школы. Может, спортивный раздел смотрел, когда Бриджет приносила газету.

– Когда ты разбирал в понедельник покупки, ничего необычного не попадалось?

– Нет.

Спohватившись, как своеобразно Джо понимает английский язык, Бо повторила вопрос на иной лад:

– Тебя ничего не удивило?

Он посмотрел на Бо, что-то прикидывая.

– Перво-наперво, еды было чересчур много.

– Чересчур много?

– Две буханки хлеба. Ветчины и сыра тоже по две упаковки. Что-то еще, не припомню.

– А книги?

Опять он глянул на нее, уже по-другому – пробудился интерес.

– Одна.

– Можно взглянуть?

Он поднялся и вытащил из кухонного ящика книгу в бумажном переплете.

– Прошу. Я собирался вернуть ее Бриджет, думал, это ее, как и лишний продукт.

Бо раскрыла книгу. Потрепанный детектив, где-то добытый по дешевке. Поискала внутри надпись, но титульные страницы были чисты.

– Ты не думал, что книгу заказал Том?

– Да с какой же стати? А если это он, значит, у него не только с сердцем был непорядок. – Джо произнес эти слова прямо на камеру и хихикнул.

Бо вцепилась в книгу. Соломон знал: пока Бо не решит эту загадку, не успокоится.

– Так насчет обязанностей Тома. Какую работу ты теперь делаешь на ферме?

– Как всегда. – Джо призадумался, словно впервые мысленно перебирая все дела, в течение дня исполнявшиеся Томом, о которых ему не надо было беспокоиться, и о том, что они обсуждали по вечерам. – Он следил за колодцем у дома летучих мышей. Я там много лет не бывал. Придется теперь мне за ним присматривать, видно.

– Ты никогда раньше не говорил о доме летучих мышей. Проводишь нас туда?

Вчетвером, вместе с одной из верных овчарок, они забрались в джип. Джо повез их на дальний край фермы по грязной колее, которая даже в эту пору года казалась опасной, а уж зимой, в метель или утром, когда все подмерзнет... Восьмидесятилетний старик не справится один, двое восьмидесятилетних кое-как тут выживали. Хорошо бы сын Джимми делал больше, чем Джо поручит, ведь Джо не из тех, кто привык просить помощи.

Машина уткнулась в ржавые ворота. Соломон выскочил из машины, раздвинул ворота и бегом нагнал остальных. Джо остановился на росчисти у кромки леса. Соломон достал из машины свое оборудование. Дальше только пешком по тропе. Пес, Мосси, уже умчался вперед.

– Плохая земля, мы ничего с ней сделать не смогли, но и продать тоже, – пояснял на ходу Джо. – В тридцатые папа посадил ситхинскую ель и скрученную сосну. Отлично растут в плохой почве, выдерживают сильный ветер. Двадцать акров деревьев. Отсюда и лесопарк Гуган-Барры виден.

Они прошли по тропе и выбрались на другую росчисть, где стояла хижина, когда-то белая, но краска за многие годы облупилась, проступил тусклый цемент. Окна были заколочены, и даже в этот ясный день угрюмая с виду постройка никак не вписывалась в прекрасный пейзаж.

– Это и есть дом летучих мышей, – сообщил Джо. – Мы тут играли в детстве. Подначивали друг друга – кто войдет, запрет за собой дверь и дольше продержится, пока другой ведет счет.

– Когда ты тут был в последний раз? – спросила Бо.

– А! Лет двадцать тому назад. Больше.

– А как часто сюда навещался Том?

– Пару раз в неделю. Проверить, не попала ли грязь в колодец. Он там, сзади.

– Если эта земля не приносит дохода, почему ее не продали?

– После смерти па мы ее выставили на продажу. Какой-то парень из Дублина хотел построить на горе, но ему не разрешили снести дом летучих мышей. Эти э-ко-логи, – вздернутый подбородок означал крайнюю

степень неудовольствия, – заявили, что летучие мыши – редкость. Нельзя ни снести эту постройку, ни построиться рядом, потому что это помешает им летать. На том дело и кончилось. Пришлось снять с продажи. Мосси! – крикнул Джо вслед псу, который умчался вперед и скрылся из виду.

Съемка остановилась. Рейчел подошла вплотную к постройке, прижалась лицом к заколоченному окну, пытаясь разглядеть хоть что-то сквозь трещины. Бо глянула вслед Соломону, который со всем своим снаряжением двинулся в сторону леса. Наверное, хочет записать фон, решила она и не стала его останавливать. Даже если он и не за этим отошел, она подняла Соломона и Рейчел спозаранку, пригнала сюда, не дав перекусить, а они, в отличие от Бо, не способны функционировать без еды и отдыха. Она чувствовала, как в них обоих нарастает досада. Пусть лучше Соломон переведет дух.

– А где колодец?

– Там, за домом летучих мышей.

– Можно мы снимем, как ты осматриваешь колодец?

Джо издал хорошо знакомый Бо звук – делайте что хотите, ему наплевать, она такая странная, что его уже ничем не удивит.

Пока Рейчел обсуждала с Джо летучих мышей – Рейчел способна поддержать разговор почти на любую тему, – Бо тоже немного прошлась, сначала около дома летучих мышей, потом зашла за него. По ту сторону обнаружился коттедж, запущенный, фасад выглядел не лучше, чем у дома летучих мышей, – тоже совсем облупилась белая краска и серый бетон жутковато выглядывал посреди пышной зелени. Мосси крутился у порога этого дома, принюхивался.

– Кто тут жил? – крикнула Бо.

– А? – закричал в ответ Джо. Едва ли он мог расслышать ее вопрос.

Она присмотрелась к коттеджу. Окна не заколочены. Чисто вымыты.

Джо и Рейчел пошли за ней следом, тоже завернули за дом летучих мышей.

– Кто тут жил? – повторила Бо.

– Тетушка папы. Давно уже. Он съехала, летучие мыши заселились. – Джо в очередной раз хихикнул. Потом прикрыл глаза, пытаясь припомнить имя давно скончавшейся родственницы. – Китти. Мы ее изводили. Она за нами с деревянным половником гонялась.

Бо чуть отошла от Джо и Рейчел, подошла ближе к коттеджу, присмотрелась. Рядом с домом обнаружился огород, на деревьях поспевали плоды. На одном окне – полевые цветы в высоком стакане.

– Джо! – настойчиво сказала она. – Кто здесь живет сейчас?

– Никто. Разве что летучие мыши, – пошутил он.

– Посмотри сам.

Он посмотрел. Увидел все то, что Бо уже успела заметить. Плодовые деревья и огород, коттедж в приличном состоянии, окна блестят, дверь покрашена в зеленый цвет – и эта краска гораздо свежее, чем все остальное в окрестностях. Поняв это, Джо растерялся. А Бо тем временем обошла дом и обнаружила еще и козу и пару бродивших на свободе кур.

Взволнованная, она ринулась обратно:

– Тут кто-то живет, Джо!

– Захватчики? На моей земле?

Никогда, за весь год, что Бо снимала Джо Тулина и его брата, ей не довелось видеть их в таком гневе.

Крепко сжимая кулаки, старик поспешил к подозрительному дому. Бо напрасно пыталась его остановить. Мосси побежал следом.

– Подождите, Джо! Надо позвать Соломона! – вскрикнула Бо. Ей не хотелось предупреждать об их приходе того, кто прятался в коттедже, но пришлось кричать. – Рейчел, снимай.

Рейчел уже принялась за дело. Но Джо, конечно, и дела не было до съемок. Он ухватился за дверную ручку и собрался распахнуть дверь – но опомнился. Ведь он был настоящий джентльмен. И, прежде чем войти, он постучал.

Бо оглянулась на лес, куда ушел Соломон, потом кинулась к коттеджу. Так бы и убила сейчас Соломона! Как он посмел уйти, где его профессионализм? А она позволила ему уйти, потому что он голоден, потому что, пожив с ним пару лет, хорошо знает, каким он делается с голоду – ворчит, не может сосредоточиться, огрызается по ерунде. В романтических отношениях с коллегами немало проблем, но эта едва ли не главная: начинаешь переживать из-за того, как твои решения сказываются на них, успеют ли они поесть. А теперь придется записывать без звука. Ладно, главное – картинка, звук добавят потом.

– Осторожнее, Джо, – предупредила Рейчел. – Мы же не знаем, кто там.

Не дождавшись ответа на стук, Джо толкнул дверь и переступил порог. Рейчел следовала за ним вплотную, Бо торопливо их нагнала.

– Что за... – Джо остановился посреди комнаты, оглядываясь, растерянно скребя в затылке.

Бо деловито указывала Рейчел, что следует поймать в кадр.

Однокомнатный коттедж, у одной стены узкая кровать, над ней окошко с видом на огород. У другой стены камин, плита, похожая на ту, что в доме

у братьев, кресло, пристроившееся под книжными полками. Четыре полки забиты книгами, аккуратные стопки книг на полу.

– Книги! – изумленно произнесла Бо.

На полу с полдюжины ковриков из овечьих шкур. Конечно, зимой каменный пол страшно холодный, огнем камина его не согреешь. И на кровати тоже овчина, и на кресле. Шнур радиоприемника воткнут в розетку, маленький радиоприемник на журнальном столике.

Здесь явно живет женщина. Бо еще не поняла, почему она так в этом уверена. Одного лишь букетика в стакане для таких выводов недостаточно, духами не пахнет, но все же обстановка женская, не тот замшелогрязноватый вид, что у Тома и Джо. Здесь все иначе. Об этом маленьком доме заботятся, здесь живут, а не только едят и ночуют – да, и вон розовый кардиган на спинке стула. Бо слегка подтолкнула Рейчел.

– Уже снято, – ответила оператор, пот градом тек с ее лба.

– Снимай, не останавливайся. Я быстро.

Бо выскочила из коттеджа и кинулась в лес.

– Соломон! – во весь голос крикнула она. Тут же нет соседей, никого она не беспокоит.

Выбежала снова на росчисть перед домом летучих мышей, увидела Соломона чуть дальше, под горкой, в лесу – стоит себе, смотрит на что-то, словно в трансе. Аппаратура на земле, микрофон прислонен к дереву. Даже не записывает ничего! Тут уж Бо дала себе волю.

– Соломон! – завопила она так, что он наконец оглянулся. – Мы нашли дом! Там кто-то живет! Хватай аппаратуру, быстрее, шевелись, ну!

Она не уверена, что произносит осмысленные слова или ставит их в верном порядке, ей нужно одно: чтобы он стронулся с места, чтобы успел записать звук. Ей нужен этот сюжет.

Но в ответ Бо услышала странный, совершенно незнакомый звук.

Глава третья

Это было похоже на птичий вскрик или на что-то в этом роде – нечеловеческий звук, хотя издал его человек, издала женщина, стоявшая под деревом.

Бо бегом помчалась туда, и та светловолосая женщина взмахнула в ужасе руками, перевернула корзину, рассыпав содержимое, глаза ее тревожно расширились.

– Все в порядке, – сказал Соломон. Выставив перед собой руки, он шагнул между Бо и этой женщиной, пытаясь ее успокоить, укротить, словно необъезженную лошадь. – Вас никто не обидит.

– Кто это? – крикнула Бо.

– Стой где стоишь, Бо, – велел Соломон не оборачиваясь, голос сердитый.

Разумеется, она и слушать его не стала, подошла вплотную. Молодая женщина снова издала какой-то звук, тоже необычный, похожий на разъяренное чириканье, если такое бывает, – залаяла по-птичьи на Бо.

Бо была ошарашена и все же невольно расплылась в улыбке: это завораживало.

– По-моему, она хочет, чтобы ты отошла, – сказал ей Соломон.

– Прекрасно, доктор Дулиттл, но я ничего плохого не сделала, – застроптивилась Бо, возмущенная, что ей дают указания. – Так что никуда я не уйду.

– Хотя бы ближе не подходи, – посоветовал Соломон.

– Сол!

С чего он вдруг так себя ведет?

– Все хорошо, все хорошо, – сказал Сол девушке и, опустившись на четвереньки, подобрал рассыпавшиеся из ее корзины цветы и травы. Она перестала издавать тревожную птичью трель, но явно не успокоилась, все переводила с Бо на Соломона панический взгляд.

– Меня зовут Бо Хили. Я снимаю кино, мы приехали сюда с Джо Тулином, – сказала Бо, протягивая руку.

Блондинка уставилась на ее руку и снова тревожно засвиристела. Ни единого слова она до сих пор не произнесла.

– Господи боже! – Глаза Бо тоже расширились, она выхватила телефон и позвонила Рейчел. – Рейчел, скорее сюда, на рощисть. С камерой. – Отключив телефон, она одними губами велела Соломону: – Записывай! –

Глазами, боясь сделать лишнее движение, она указала ему на звукозаписывающую аппаратуру.

Из уст молодой женщины непрерывно лились какие-то странные звуки, ничего более удивительного Соломон в жизни не встречал. Казалось, будто она не своей волей издает эти звуки, а включилась запись. Соломон был настолько потрясен, заворожен, что глаз не мог отвести от этого чуда, ему все казалось, что вот-вот он разглядит и провод, какой-то фокус – но нет, все было взаправду.

Он осторожно попятился к рюкзаку с оборудованием.

Между деревьями показалась Рейчел, она неслась с камерой наготове, по пятам за ней следовал Джо.

– Что за чертовщина тут происходит? – вскрикнула Рейчел, резко остановившись, когда эта сцена открылась ее глазам.

Незнакомка обернулась и разразилась прямо в лицо Рейчел воем сирены. Соломон вдруг увидел происходящее ее глазами: обступили трое чужих людей, преградили ей путь на лесной тропе, она же чувствует себя в ловушке. Нельзя это записывать. Неправильно.

Бо уловила его колебания и устало вздохнула.

– Ох, бога ради! – фыркнула она и сделала то, что следовало сделать с самого начала, сообразив она вовремя: принялась записывать эту сцену на телефон.

Подоспел Джо.

Светловолосая женщина перестала завывать сиреной: при виде Джо она вроде бы успокоилась.

– Кто ты? – крикнул ей Джо. – Что ты делаешь на моей земле?

Она снова запаниковала, попятилась, пытаясь укрыться среди деревьев.

Соломон внимательно наблюдал. Бо снимала на телефон, Рейчел поднимала камеру, лицо Джо перекосила гневная гримаса.

Соломон устал и срочно хотел поесть.

– Стойте! – крикнул он, и все смолкли. – Вы ее пугаете. Расступитесь. Дайте ей пройти.

Женщина оглянулась на него.

– Вы можете идти.

Она не сводила с него глаз. Зеленых, проникающих в душу глаз.

– Вряд ли она понимает, – заметила Бо, продолжая снимать.

– Разумеется, понимает! – буркнул Соломон.

– Она же не умеет говорить... словами. Как вас зовут? – спросила Бо.

Молодая женщина, не отвечая ей, все так же смотрела на Соломона.

– Ее зовут Лора, – сказал он.

Вдруг опрометью примчался от дома летучих мышей Мосси, влетел в лес, громко лая, собираясь оборонять свою территорию от чужаков. Не остановившись возле Джо, он прямым рванул к Лоре.

– Эй, эй, Джо, отзови его, – попросил Соломон, опасаясь, как бы пес не вцепился в незнакомку.

Но Мосси, добежав до молодой женщины, принялся взволнованно описывать круги, подпрыгивать, требуя ласки, лизать ее руки.

Она тоже стала гладить пса, – очевидно, эти двое давно друг друга знали, но на всех остальных девушка глядела с тревогой. И вдруг протянула Соломону руку. Тот в растерянности тоже протянул руку, думая, что она хочет за него ухватиться, но она с улыбкой перевела взгляд на корзину.

– Корзину, Сол, – подсказала Бо.

Он смущенно передал корзину хозяйке.

Лора сделала шаг, другой, Мосси следовал за ней по пятам. Поначалу она ступала очень осторожно и, проходя мимо Бо, зарычала, так точно воспроизведя собачий рык, что казалось, это рыкнул Мосси или же его голос прозвучал в записи. Очень внимательно она присматривалась на ходу к Джо, но, едва выбравшись из обступившего ее кольца, кинулась бежать через лес, мимо дома летучих мышей, к коттеджу.

– Успела заснять? – спросила Бо.

– Ага, – ответила Рейчел, снимая с плеча камеру и утирая со лба пот. – Сняла, как блондинка тебя обрычала.

– Куда она пошла? – спросил Соломон.

– За домом летучих мышей – коттедж, – пояснила Рейчел.

Бо некогда было отвечать, она просматривала запись в своем телефоне, проверяя, все ли успела запечатлеть.

– Вы ее знаете? – спросил Соломон Джо в полной растерянности. Он не понимал, что сейчас произошло, но от прилива адреналина его слегка потряхивало.

– Она нахрапом обосновалась на моей земле! – заворчал Джо, он прямо-таки дымился от гнева.

– Как вы думаете, а Том про это знал? – спросила Бо.

Джо оцепенел. На его лице уверенность в собственном праве сменилась замешательством, гневом – он понял, что его предали, он не хотел это признавать. А потом все чувства вытеснила печаль. Если Том знал, что на их земле в заброшенном коттедже поселилась молодая женщина, то от брата он это скрыл. Выходит, между близнецами, которые не имели друг от друга секретов, одна огромная тайна была.

Глава четвертая

Есть только один способ все выяснить, – заявила Бо, стаскивая с себя свитер и завязывая рукава вокруг талии (солнце уже палило вовсю). – Надо поговорить с этой девчушкой.

– Она не девчушка, а взрослая женщина, и зовут ее Лора, – напомнил Соломон, сам не понимая, отчего так злится. – И я очень сомневаюсь, что она станет с нами разговаривать после того, как мы насмерть ее напугали.

– Я же не знала, что у нее... что она отсталая, – оборонялась Бо.

– Отсталая? – взорвался Соломон.

– Ой, ну как это политкорректно называется? С проблемами развития, с трудностями развития? Простоватая? Что тебя устраивает? Ты прекрасно понимаешь, о чем я. Но я же не могла сразу об этом догадаться.

– Ну да, она не совсем нормальная, – согласилась Рейчел, присаживаясь на камень, измученная и вся в поту.

– Как ни назови, с ней явно что-то неладно, Сол, – продолжала Бо, убирая с лица волосы и поправляя пучок, волнение так ее и распирало. – Знай я это, я бы по-другому к ней подошла.

– Полагаю, что дальше решать Джо. Это его земля, – сказал Соломон. В желудке у него громко урчало.

Бо сердито покосилась на него.

Джо растерянно шаркал туда-сюда, все эти события явно сбили его с толку. Он любил раз навсегда заведенный ход вещей, чтобы ничего не менялось. Этот день и так выдался очень трудным, полным переживаний.

– Пусть собаку вернет, – сказал он наконец. – И жить ей на моей земле не полагается.

– Законы о скваттерах не так-то просты, – заметила Рейчел. – Один мой друг прошел через это. Чтобы выселить самовольных поселенцев, нужен судебный ордер.

– Твоему другу пришлось выселять скваттера? – уточнил Соломон.

– Нет, он сам был скваттером, – ответила Рейчел.

Как ни злился на все происходящее Сол, это его рассмешило.

– На мою собаку у нее никаких прав нет. Я пошел за Мосси, – объявил Джо, выровнял кепку на голове и направился к коттеджу.

– Ступай за ним, – торопливо распорядилась Бо, передавая Рейчел камеру и делая вид, будто не замечает, как та устала.

Но меж тем и Джо выдохся:

– Пусть лучше с ней женщина поговорит.

– Это не про меня! – предупредила Рейчел.

За всю свою жизнь Джо почти не общался с женщинами, кроме собственной матери, Бо, Рейчел и Бриджет. Рейчел вообще-то легко налаживает контакт с кем угодно, однако Джо понадобилось время, чтобы привыкнуть к ней, все-таки она была не такой, какой он представлял себе обычную женщину; Бриджет он вовсе за женщину не считал, да и едва ли замечал ее, а с Бо ему до сих пор немножко неловко – то ли дело в избытке у нее социальных навыков, то ли в их недостатке. Перспектива общаться с незнакомой женщиной его ужасала. Тем более с какой-то странной, которой нужны забота, понимание.

Вчетвером они направились к коттеджу и на этот раз двигались не так резко, менее агрессивно.

Бо постучала в дверь, Рейчел и Соломон ждали рядом.

– Что ты обо всем этом думаешь? – спросил напарницу Соломон.

– С голоду подыхаю.

– И я тоже. – Соломон устало потер лицо. – Ничего не соображаю.

Они следили за тем, как Бо снова и снова стучит в дверь.

– Если Бо нужен новый сюжет, то вот он. Ясное дело – безумие, причем еще невиданного сорта, – сказала Рейчел.

– Она не согласится на разговор, – сказал Соломон, следя за дверью.

– Ты же знаешь Бо.

Да, он ее знал. Она способна убедить и того, кто изначально был решительно против съемок и не позволял включать камеру, все-таки поговорить с ней. То есть когда она этого действительно хочет. Те трое на кладбище, кто отказался дать интервью, не были так уж важны, вот Бо и не настаивала. Соломон и Рейчел обычно следуют за Бо без особых возражений, но сегодня ее стиль изменился, и сильно изменился: она мечется, хватается то за одно, то за другое, плана пока нет.

Лора появилась в окне, но дверь открывать не стала.

– Скажи ей, чтобы отдала Мосси, – громко потребовал Джо.

Он запихал кулаки в карманы, видно было, как беспокойно шевелятся пальцы. Плохо старику. Такой был тяжелый день, схоронил брата и единственного друга. Весь день вне привычной зоны комфорта, нарушение распорядка, не прерывавшегося на протяжении полувека. Его мир рухнул. Он измучился за день и хотел одного: получить обратно свою собаку и вернуться в безопасное убежище, домой.

– Откройте, пожалуйста, дверь, нам нужно поговорить, – повторяла Бо.

Лора смотрела в окно – прямо на Соломона.

И все обернулись и стали смотреть на Соломона.

– Скажи ей! – велела Бо.

– Что сказать?

– Она смотрит на тебя. Скажи ей, что все в порядке. Мы только поговорим.

– Джо ждет свою собаку, – честно сказал Соломон.

Рейчел усмехнулась.

Лора отошла от окна.

– Умеешь ты... – проворчала Рейчел. Оба они только что в обморок не падали от голода.

Джо занес кулак и собрался крепко стукнуть в дверь, но вдруг она сама собой распахнулась – Мосси выскочил, и дверь закрылась за ним.

Джо сердито пошел прочь, Мосси возбужденно скакал вокруг, совался под ноги.

– Я позвоню Джимми, – пробурчал Джо. – Он с ней разберется.

– погоди, Джо! – крикнула ему вслед Бо.

– Оставь! – не выдержала Рейчел. – Я умираю с голоду. Вернемся в гостиницу. Поедим. Нормальную еду. Мне пора позвонить Сюзи. А потом уж планируй что хочешь. Серьезно тебе говорю.

Рейчел редко выходила из себя, разве что ей снимать мешали: кто-то на заднем плане корчил рожу или Соломон неудачно въезжал микрофоном в камеру. И уж если Рейчел сердилась, все понимали, что с ней лучше не спорить. Бо и сама знала, что всех замучила.

И она уступила – ненадолго.

Вернувшись в гостиницу Гуган-Барры, Соломон и Рейчел молча накинулись на обед, пока Бо рассуждала вслух:

– Том, очевидно, про эту девушку знал, согласны? Это он проверял места вокруг колодца, его обязанность, по несколько раз в неделю навещался к колодцу. Невозможно приехать к колодцу и не увидеть коттедж. И огород, и козу, и кур. Просто немыслимо. И полки в коттедже, и та книга, которую купила Бриджет. К тому же и Мосси ее узнал, то есть Том брал его с собой.

– Мосси – собака. – Соломон произнес первые слова за десять минут с тех пор, как им подали обед. – Бродит сам по себе. Мог случайно с ней познакомиться.

– Допустим.

– Познакомиться с ней, – протянула Рейчел. – Собаки заводят

знакомства с людьми? Хотя с такими, кто говорит по-собачьи, возможно. – Она рассмеялась над своей шуткой, но умолкла, поскольку собеседники к ней не присоединились: Бо и слушать не слушала, а Соломону не нравились насмешки над Лорой. – Ладно. Пойду позвоню Сюзи. – Рейчел перешла за другой стол, прихватив с собой тарелку.

– Что это она делает? Что за звуки? – спросила Бо Соломона. – Это синдром Туретта? Рычит, лает, чирикает.

– Насколько я знаю, люди с синдромом Туретта не лают на людей, – сказал Соломон, слизывая с пальцев липкий соус, перед тем как впиться зубами в свиное ребрышко.

Все лицо у него в соусе. Бо посмотрела на своего бойфренда с отвращением, где ей понять, что он не может нормально функционировать без еды. Сама-то она лишь поковырялась в греческом салате.

– Ты уже кормленный, чего ты на меня ворчишь?

– По-моему, ты сегодня напортила.

– А по-моему, ты страдаешь от джетлага, весь день не в настроении, дергаешься, – сказала она. – Слишком чувствителен. И уж если я говорю это про тебя...

– Ты напугала Лору.

– Я напугала Лору, – повторяет она. Бо часто так делает, словно повтор помогает ей вникнуть в смысл слов. Она делает это и во время интервью, отчего тому, с кем она ведет разговор, бывает не по себе: повторяет как будто бы с недоверием, но на самом деле это ее способ понять сказанное.

– Ты же видела, что ей страшно. Молодую женщину обступили в лесу четверо чужаков, трое из нас в черном после похорон, словно ниндзя, она в ужасе, а ты знай себе снимаешь.

Только тут до Бо наконец дошло:

– Вот дерьмо!

– Ну да, дерьмо.

Он снова облизал пальцы и присмотрелся к Бо:

– Что происходит у тебя в голове?

– Сегодня мы видели что-то замечательное. То, что делает эта девушка...

– Лора.

– ...что делает Лора, эти ее звуки, это словно колдовство. Но я в колдовство не верю. И ничего подобного никогда в жизни не слышала.

– И я не слышал.

– Меня это зацепило.

– Увидела свой интерес?

Пауза.

Он догрыз ребрышки и уставился на телевизор в углу, как раз шли новости.

– Все задают мне вопрос, какой будет следующий фильм.

– И мне тоже.

– А у меня ничего нет. Ничего, равного истории близнецов Тулин. Мы получили столько наград! Теперь, когда удалось привлечь интерес к моей работе, я должна продолжать.

Он знал, что Бо уже слегка паникует, и был рад, что она сказала об этом вслух.

– Радовалась бы, что хоть один твой фильм понравился людям. Сколько продюсеров ни разу такого не добьются. Наслаждайся – и не пытайся воспроизводить свой успех. Продолжение про близнецов Тулин не станет таким же удачным, как первый фильм. Нужно что-то оригинальное. Ты добилась успеха главным образом потому, что не спешила. Нашла правильный сюжет, и тебе хватило терпения. Ты слушала людей. А сегодня ты устроила сумасшедший дом, Бо, носилась как курица с отрезанной головой. Зрители предпочтут увидеть что-то подлинное, стоящее, чем халтуру.

– Сам-то ты снимаешь фитнес для толстых и «Уродские тела».

Гнев забулькал внутри, но Соломон постарался сохранять спокойствие:

– Сейчас мы говорим о тебе.

– Я в панике, Соломон.

– Не будь в панике.

– Нельзя просто посоветовать человеку не быть в панике.

– Только что посоветовал.

– Соломон! – Она и смеялась, и сердилась.

– Что-то в этом лесу пошло не так, – сказал он. Не собирался говорить, само вырвалось.

Она присмотрелась к нему.

– Кому ты это сейчас сказал? Мне или самому себе?

– Видимо, тебе, – ответил он и швырнул ребро на тарелку, звук получился слишком громкий, но Соломон тут же схватил другой кусок мяса.

Бо откинулась на спинку стула и, скрестив руки на груди, изучала Соломона. Тот не поднимал глаз, не произнес больше ни слова.

– Мы встретили в этом лесу что-то замечательное. Я взялась за дело, а ты... застыл.

– Ничего я не застыл.
– Что же ты делал там все время, пока я была в коттедже? Она тоже была там все время?
– Отвали, Бо.
– Имею же я право задать вопрос!
– Да, у нас был секс. Отлучился от тебя на две минуты – и сразу секс. Прижал ее к дереву.

– Я вовсе этого не говорила, на хрен, и ты это прекрасно понимаешь!
– В самом деле?
– Я пытаюсь разобраться, что с ней такое, а ты не хочешь помочь. О чем вы говорили? Я спрашиваю, а ты уклоняешься от ответа. Она сказала тебе свое имя. Ты был там с ней наедине, еще до меня. Я просто хотела знать, о чем был разговор.

Он отключился, иначе бы дал себе волю и заорал во всю глотку, плевать, что в ресторанчике полно народу. Он подавляет в себе гнев, гасит его, гасит, остается лишь тлеющая зола – справился как мог. Смотрит новости, ничего не разбирая.

Бо в какой-то момент встала и вышла.

Он мог бы задуматься над словами Бо, проанализировать ее мысли, понять их, заглянуть в себя и найти ответ. Мог бы задуматься, что он сам сказал и почему. Мог бы во всем разобраться. Но после долгого перелета, переголодав, он был зол, а потом сосредоточился на теленовостях и начал наконец разбирать слова, выходящие изо рта диктора, и буквы, что ползли внизу по экрану. Догрыз последнее ребрышко, насухо облизал пальцы от липкого соуса и откинулся на спинку стула, сытый и довольный.

– Счастлив наконец-то? – окликнула его Рейчел с другого конца ресторана.

– Поспать ночку, и буду в полном порядке. – Он зевнул, потянулся. – Как Сюзи?

– Немножко расстроена. Слишком жарко. Не может уснуть. Лодыжки отекли. И малыш уперся ножкой ей под ребро. Думаешь, завтра мы поедем домой?

Соломон вытащил из пакетика зубочистку, выковырял застрявшее в зубах волоконец мяса.

– Очень на это надеюсь.

Он и правда хотел вернуться домой, потому что растерялся. В лесу что-то пошло не так, верно. Бо это заметила. И точно так же, как Джо, спешивший обратно на свою ферму, Соломон спешил обратно в Дублин, к телешоу «Уродские тела», которое так презирал, в свою квартиру,

провонявшую рыбой с карри, любимым блюдом соседей. Вернуться в нормальный мир. Туда, где не приходилось задумываться о своих чувствах, где не было ни путаницы, ни анализа, где его не тянуло к людям, с которыми не следовало сходиться, он не делал того, что сам считал неправильным.

– Уснул? Глаза-то у тебя открыты, – сказала Рейчел и помахала ребрышком у него перед носом. Брызги соуса полетели на стол и на пол. – Черт!

В бар влетела Бо, на лице то самое выражение, в руке мобильный.

– Джимми звонил. Тот полицейский, с которым мы говорили у церкви. Он сейчас у Тулинов. Джо вызвал его поговорить с девушкой, но по дороге под его машину выскочил Мосси. Девушка унесла Мосси к себе в коттедж. Издаёт эти странные звуки. Заперлась и никого не впускает, и к Мосси тоже не даёт подойти.

Соломон посмотрел на Бо, попытался изобразить равнодушие, изо всех сил попытался, но сердце часто забилося.

Бо с каким-то новым интересом посмотрела на него:

– Она хочет, чтобы пришел ты, Сол.

Глава пятая

Джимми стоял возле патрульной машины, двери нараспашку, радио включено, нос машины нацелен точно на дом летучих мышей. Летний вечер был еще достаточно светел.

Завидев съемочную группу, Джимми поднял руки, словно извиняясь:

– Мосси бросился прямо под колеса. Я его не увидел.

– Где сейчас девушка? – спросила Бо.

– Она схватила собаку, унесла ее в коттедж и не выходит, и впускать никого не хочет. Она в истерике. Джо велел позвать вас.

Вид у него был такой же ошеломленный, как у них самих, когда они впервые слышали эти «звуки» Лоры.

– Она звала Соломона? – спросила Бо. Ей не терпелось уже что-то делать.

– Сначала она звала Тома. Требовала, чтобы я его позвал. Я сказал, Том умер, и она вроде как слегка тронулась. А потом сказала про Соломона.

Оба стоят под деревьями, глаз друг с друга не сводят.

– Привет, – тихо сказал он.

– Привет, – мягко отозвалась она.

– Я Соломон.

Она улыбнулась:

– Лора.

Бо смотрела на него – снова с подозрением.

– Я представился перед тем, как мы перепихнулись! – рявкнул он.

Джимми прыснул. Бо зыркнула уже злобно.

– Идешь за ней? – спросила она.

– Нет – если ее собираются арестовать.

– Ее не за что арестовывать. Я должен поговорить с ней, выяснить, кто она и почему живет на земле Джо. Если она скваттер, тут законы непростые, а если Том ей разрешил, мы и вовсе ничего поделывать не сможем. Я приехал только потому, что меня Джо просил. А по дороге чертова пса сшиб, – виновато добавил он.

– Так что мне делать? – уточнил Соломон. Напряжение нарастало.

– Ты ее как будто боишься. Сходи к коттеджу и спроси, чего она хочет, – скомандовала Бо.

– Ладно! Господи! – вздохнул он, теребя пальцами длинные волосы, затягивая тугой узел на макушке. Он двинулся по тропе к коттеджу, те двое следовали по пятам, но остановились возле дома летучих мышей.

Сердце снова забилося сильнее, когда он приблизился к двери, и Соломон сам не понимал, отчего это. Вытер вспотевшие вдруг ладони о штаны, но, прежде чем поднял руку, чтобы постучать, дверь распахнулась. Девушку он не видел, решил, что она стоит за дверью, и перешагнул порог. Дверь сразу закрылась за ним. Она заперла замок и прислонилась к двери, словно ее охраняя.

– Привет, – сказал он и от растерянности запихал руки в задние карманы.

– Он у камина, – сказала Лора, на Соломона она едва взглянула, нервничала, переживала.

Хотя в лесу она назвала свое имя, сейчас Соломон удивился, услышав ее речь. Там, в лесу, она казалась дикой обительницей природы, в доме она более реальна.

Мосси лежал на овчине у камина, где горело большое полено, грудь собаки поднималась и опускалась в такт затрудненному дыханию. Глаза его были открыты, но пес не реагировал на окружающих и словно не видел ни языков пламени, ни миску с водой и миску с едой возле своего носа.

– Ничего не ест и не пьет, – сказала девушка и села на пол рядом с собакой, обняла ее, защищая.

Соломону следовало бы осмотреть собаку, а он глаз не мог оторвать от девушки. Она подняла голову – испуганные, растерянные, прекрасные, колдовские зеленые глаза.

– Кровь идет? – Он подошел к Мосси, опустился рядом с ним, напротив Лоры, так близко он к ней еще не был. – Привет, парень! – положил руку собаке на спину, слегка погладил.

Мосси приподнял голову, в глазах боль. Слегка заскулил.

Лора воспроизвела песью жалобу с невероятной точностью – Соломон невольно уставился на нее.

– Крови нет, – сказала она. – Не пойму, что у него болит, но встать он не может.

– Нужно к ветеринару.

Она посмотрела Соломону прямо в глаза.

– Вы его отвезете?

– Я? Могу, но лучше спросить Джо, это ведь его собака. – Заметив ее гримаску, он уточнил: – И его тоже.

– Джо меня не любит, – сказала она.

– Нет, просто Джо не привык к переменам. Некоторые люди сердятся, когда что-то в жизни вдруг меняется.

– Все меняется, и нам приходится, – сказала она, и голос ее вдруг изменился, сделался басовитым, хриплым, с североанглийским акцентом – чужим.

– Что вы сказали?

– Так говорила Гага. Бабушка.

– А! Понял! Поедете со мной к ветеринару? – Он бы предпочел поехать с ней вместе.

– Нет. Нет. Я остаюсь здесь.

Глагол в настоящем времени. Не «я останусь», а «я остаюсь здесь». Постоянно.

Чистую кожу девушки подсвечивало пламя очага, комната казалась такой спокойной, безмятежной, хотя собака боролась тут за жизнь, и Лора была близка к отчаянию.

Она погладила тихо вздымавшийся и опадавший живот пса.

– Давно ли вы в последний раз спускались с горы? – спросил Соломон.

Она завесила лицо руками, скрываясь, не желая отвечать.

– Как долго вы тут живете? – настаивал он.

Она не сразу ответила.

– С шестнадцати. Десять лет уже, – сказала наконец, поглаживая Мосси.

– И с тех пор ни разу не отлучались?

Она покачала головой:

– Не было надобности.

Это его потрясло.

– Хорошо, но теперь надобность есть. Мосси будет лучше, если вы поедете с ним, – сказал он.

Мосси, словно подтверждая его слова, шумно выдохнул, и тело его содрогнулось.

Бо дожидалась снаружи вместе с Джимми, расхаживала туда-сюда, неуклюже пыталась завязать разговор, присматривалась к мерцанию огня в окнах, приняховивалась к выходившему из трубы дыму.

– Как это Джо ни разу не заметил дыма? – спросила она, глядя, как над коттеджем собирается темное облако.

Джимми пожал плечами:

– На фермах всегда что-нибудь жгут.

Бо кивнула, соглашаясь.

– И вы не знаете, откуда она?

– Никогда прежде ее не видел, – покачал он головой. – А я тут знаю всех и каждого. В сельской местности вроде нашей, где всего несколько сотен человек живет по горам, это загадка, да и только. Моя супруга считает, она заходящая туристка, лазила тут вокруг, наткнулась на коттедж и расположилась в нем. Такое случается, их тут бродит немало, некоторые остаются. Влюбляются в наши места или в кого-то в наших местах, решают пустить корни. Вряд ли она тут давно обосновалась.

Бо призадумалась, но выводы жены полицейского не убедили ее, напротив, лишь вызвали новые вопросы. Почему Том предоставил девушке жилье? Брал ли он плату за аренду? Сомнительно. Они снимали свой фильм три года назад, и Том ни разу не возил их в эту сторону. Значит, девушка жила здесь уже тогда, иначе их бы пустили поснимать.

– К чему эти секреты? – вслух спросила она.

Джимми призадумался, но не ответил.

Дверь коттеджа отворилась, вышел Соломон, его крупное тело заполнило весь небольшой проем. За его спиной полыхал огонь, звукооператор казался огромной темной тенью. Смахивал на героя, выносящего пса из пожара.

Бо улыбнулась этому романтическому образу.

Соломон обернулся и заговорил с девушкой, остававшейся в доме:

– Пойдем, Лора, все хорошо.

И улыбка замерла на губах Бо – то ли от того, каким тоном он это сказал, то ли от того, как при этом выглядел.

Выпорхнула девушка в клетчатом платье-рубашке с поясом, поверх него просторный кардиган, на ногах кеды-конверсы, светлые волосы до плеч.

– Мосси нужен ветеринар, – сообщил всем Соломон. – Куда ехать?

– Патрик Мерфи живет на Главной улице. Приемная уже закрыта, но я ему позвоню.

Говоря это, Джимми внимательно присматривался к Лоре.

– Добрый день, Лора, – мягко заговорил он с ней, пытаясь установить контакт.

Она уставилась на свои кеды. Вид испуганный. Ухватила Соломона за руку. Очень крепко. Он почувствовал, как ее трясет.

– Вообще-то нам лучше сначала съездить, – сказал он и сделал шаг вперед. – Мосси совсем худо. Джо и сам бы хотел, чтобы первым делом позаботились о собаке.

– Верно, – смутился полицейский. – Лора, мы договоримся о встрече в

ближайшие дни? Неформальной? Можете пригласить и этого парня, если хотите.

Лора цеплялась за руку Соломона, головы не поднимала. Другой рукой она бережно гладила Мосси. Тихо вторила щелчкам статического электричества в полицейской рации.

Джимми нахмурился.

– Мы договоримся, когда вы сможете побеседовать с Лорой, – пообещала Бо, двинувшись следом за Соломоном и девушкой. – И может быть, вы все-таки дадите мне интервью?

Она уже пыталась расспросить его о том, как он приехал на ферму и застал Тома на полу кухни, а рядом Джо. Ей нужно было, чтобы эту сцену кто-то описал со стороны. Самое время сторговаться: она поможет ему пообщаться с Лорой, а Джимми пусть поговорит с ней.

Лора вдруг замерла.

– Идем! – ласково уговаривал ее Соломон. Никогда Бо не слыхала, чтобы он говорил таким тоном.

Лора неподвижно смотрела на Бо, и Соломон чувствовал себя очень неловко, но это, право, уже становилось смешно. Он очень устал и хотел поскорее добраться до кровати. И Мосси с каждой минутой прибавлял в весе.

– Джимми, отвезете Бо в нашу гостиницу? – попросил он, стараясь не глядеть Бо в глаза. – Закончим, и я туда же приеду, Бо.

Она приоткрыла рот, но ничего не произнесла.

– Сама же послала меня помочь! – буркнул он, проходя мимо нее к тропе, которая вела к припаркованной машине, с трудом удерживая собаку на руках.

Лора устроилась на заднем сиденье, рядом с ней Мосси, головой у нее на коленях. Бо, все с той же обиженной гримаской, садилась в машину к полицейскому. Со стороны было бы смешно на это смотреть, но Соломона происходящее ничуть не забавляло.

– Спасибо, Соломон, – сказала Лора так мягко, что Соломон мгновенно расслабился и гнев улетучился.

– Рад помочь.

В машине Лора затихла, только поскуливала иногда вместе с Мосси, словно пытаясь взять на себя его боль. Соломон включил радио, потом приглушил звук, а затем и вовсе выключил. Минут тридцать ехать до ветеринара.

– Зачем полицейский приехал? – спросила Лора.

– Его вызвал Джо. Хочет выяснить, кто вы и почему тут живете.

– Я сделала что-то плохое?

– Не знаю, сами скажите! – засмеялся он, но, не услышав ответного смеха, вновь посерьезнел. – Вы живете в доме на земле Джо без его ведома, это... ну да, это противозаконно.

Глаза ее расширились.

– Но Том мне разрешил.

– Тогда все в порядке, достаточно будет им этого сказать. – Он прикинул и уточнил: – Есть письменное соглашение? Об аренде?

Она покачала головой.

Соломон кашлянул, прочищая горло, и она точно воспроизвела этот звук – это смущало, но, судя по невинному лицу Лоры, она вовсе не передразнивала Соломона, едва ли даже замечала, что делает.

– Вы платили ему?

– Нет.

– Ладно. Значит, вы просто попросили разрешения жить там и он согласился.

– Нет, его попросила Гага.

– Ваша бабушка? Она сможет это подтвердить?

– Нет. – Она опустила глаза и погладила Мосси. Поцеловала его в голову, потерлась лицом о шерсть. – Оттуда, где она теперь, – не сможет.

Мосси заскулил и прикрыл глаза.

– Том правда умер? – спросила она.

– Да, – ответил он, следя за отражением ее лица в зеркале заднего вида. – К сожалению. В четверг у него случился инфаркт.

– В четверг, – тихо повторила она.

Они припарковались на Главной улице, постучали в дверь ветеринарной клиники. Ответа не было, зато в соседнем доме распахнулась дверь и вышел какой-то мужчина, утирая салфеткой рот, а из-за его спины выплыл запах домашнего жаркого.

– Привет-привет, – заговорил он. – Джимми мне позвонил. Срочный случай, да? – добавил он, увидев на руках Соломона Мосси. – Заходите, заходите.

Соломон остался сидеть возле кабинета, Лора вошла туда вместе с собакой. Соломон уперся локтями в колени, уронил голову на руки – головокружение, земля так и не остановилась после долгого перелета.

Дверь кабинета отворилась, вышла Лора, по щекам ее струились слезы. Она молча села рядом с Соломоном.

– Как жаль! – Он обнял ее рукой за плечи, притянул к себе.

Вторая потеря за одну неделю. Он не знал, долго ли они так просидели, но охотно бы сидел так и дольше, если бы на пороге кабинета не появился ветеринар, терпеливо ожидавший, когда его клиенты оправятся и уйдут, позволив ему после долгого рабочего дня вернуться к семье.

– Извините. – Соломон убрал руку с плеч девушки. – Поехали.

Снаружи уже стемнело. Когда они вышли, из местного паба донеслась музыка.

– Я бы выпил пинту, – сказал Соломон. – Вместе?

В баре распахнулась дверь пожарного выхода, оттуда вылетела бутылка, точно приземлилась в баке для стекла, разбилась об уже накопившиеся там бутылки.

Лора воспроизвела звук бьющегося стекла.

Он рассмеялся:

– Это знак согласия.

Когда Соломон распахнул дверь паба и завсегдатаи уставились на двух чужаков, Лора попятилась. Соломон только рад был устроиться снаружи, не под взглядами местных жителей. Лора отхлебывала воду из стакана, а Соломон растягивал пинту «Гиннеса».

– Совсем не пьете? – уточнил он.

Она покачала головой. От этого движения в стакане задребезжал лед. Она с изумительной точностью воспроизвела песенку льда. Никак Соломон не мог с этим освоиться, но и не понимал, как заговорить с Лорой о ее даре, которого она сама вроде бы и не замечала.

– Ты как? – спросил он. – Том и Мосси. Многовато за одну неделю.

– За один день, – отозвалась она. – Я и про Тома узнала только сегодня.

– Жаль, что тебе пришлось узнать об этом таким образом, – тихо сказал он.

– Том всегда привозил мне по четвергам продукты. Когда он не приехал в этот раз, я поняла, что-то случилось, но некого было спросить. В лесу я приняла Джо за Тома. Я никогда его не видела. Они очень похожи. Но он был такой сердитый. А Том никогда не сердился.

– Ты прожила здесь десять лет и ни разу не видела Джо?

Она покачала головой:

– Том не хотел.

Он чуть не спросил, почему не хотел, но вовремя остановился.

– Джо горюет. Обычно он более покладист. Не надо его торопить.

– Так ты ничего с четверга не ела? – спохватился Соломон.

– У меня есть фрукты, огород, яйца. Я сама пеку хлеб. Всего

достаточно. Но Том хочет... хотел... чтобы у меня было больше. Я как раз пошла по ягоды, когда встретила тебя. – Она застенчиво улыбнулась, словно припоминая эту встречу.

Соломон улыбнулся в ответ и вдруг рассмеялся – над самим собой, смущенным точно школьник.

– Господи, так давай я тебе еды закажу. Что будешь, бургер с чипсами? – Он поспешно поднялся. – Я и сам уже два часа как не ел.

Она улыбнулась.

Соломон думал, девушка сразу набросится на еду, но ничего подобного. Она все делала спокойно, без спешки, и теперь длинными тонкими пальцами изящно подносила ко рту чипсы.

– Невкусно?

– Не чувствуется картофель. – Она уронила чипс на промасленную бумагу и сдалась: – Нет, я такое не ем.

– В отличие от Тома.

Глаза ее расширились.

– Я все уговаривала его соблюдать диету. Он и слушать не хотел.

Она снова приуныла, словно вспомнив о своей утрате.

– Джо и Том не из тех, кто прислушивается к советам, – сказал Соломон, чтобы она перестала себя винить.

– Однажды он признался, что на обед съел сэндвич с ветчиной. Я так его запилила, что в следующий раз он вернулся довольный собой: съел сэндвич с бананом. С фруктом полезнее – так он решил.

Они дружно рассмеялись.

– Значит, я был неправ, – ласково сказал Сол. – Тебя он все-таки слушался.

– Спасибо, что ты это сказал.

– А как бабушка познакомилась с Томом? – спросил он.

– Ты все время задаешь вопросы.

Он призадумался.

– Ну да. Я так веду разговор. А как ты ведешь разговор? – И оба расхохотались: опять он задал вопрос.

– Никак. Мне не с кем разговаривать. Кроме Тома. То есть из людей не с кем.

За дальним столиком кто-то поднялся, отпихнув скамью, та со скрежетом проехала по полу, и Лора повторила этот звук – несколько раз, пока не получилось один в один. Официантка, убиравшая рядом с ними со стола, удивленно обернулась.

– Я веду прекрасные разговоры сама с собой, – продолжала Лора, то ли

не заметив этого взгляда, то ли не желая обращать внимание. – С Мосси и Рингом. И даже со всякими вещами.

– Не ты одна, – усмехнулся он, следя за каждым ее жестом, захваченный и увлеченный.

Она произвела очередной звук, от которого он рассмеялся, – было похоже на сигнал мобильного.

– Что это?

– Ты о чем? – нахмурилась она.

Звук раздался снова, но губы Лоры – он следил внимательно – не шевелились. Тут он почувствовал, как вибрирует в кармане телефон.

– А! – Он сунул руку в карман и достал мобильник.

Пять пропущенных звонков от Бо, три сообщения нарастающей степени отчаяния.

Он положил телефон на стол, вниз экраном. Пусть себе.

– А как ты познакомилась с Томом?

– Опять вопросы.

– Потому что я хочу больше знать о тебе.

– И я хочу больше знать о тебе.

– Так спрашивай, – улыбнулся он.

– Есть и другие способы узнать человека. – Ее взгляд проникал в него, наверное, до самого сердца.

– Хорошо. – Он снова откашлялся, и она снова идеально воспроизвела этот звук. – Мы – я, Бо и Рейчел – снимали о Томе и Джо документальный фильм. Целый год провели с ними, усвоили весь их распорядок дня. И у меня сложилось впечатление, что близнецы ни с кем не общались, кроме поставщиков и покупателей, да и тогда это редко бывало вживую. Практически всю жизнь они так и провели – только вдвоем. Вот я и спросил, как Том познакомился с твоей бабушкой.

– Через мою маму, которая привозила им еду и все остальное. И дом убирала.

– Бриджет – твоя мать? – уточнил Соломон.

– До Бриджет.

– Как давно? – Соломон подался ближе к рассказчице, внимая ее истории. Ему было все равно, правду она говорит или сочиняет, но он склонен был думать, что тут все достоверно.

– Двадцать шесть лет назад, – сказала она. – Или чуть больше.

Он уставился на нее. Постепенно дошло. Ей двадцать шесть. Том приютил ее на своей земле. Двадцать шесть лет назад ее мать работала в доме у близнецов.

– Том – твой отец, – еле слышно пробормотал он.

Это привело ее в смятение, она завертела головой, послышался звук чокающихся бокалов, бутылок, разбивающихся одна о другую в контейнере, звенящего в стакане льда. Звуки вылетали из ее рта поспешно, накладываясь друг на друга, – Лора не могла совладать с собой.

Он был потрясен и своим открытием, и еще более – тем, что оно подействовало на Лору. Обеими руками придержал ее ладони:

– Прости, еще раз прости, что тебе пришлось вот так узнать о его смерти.

Она повторила тот звук, который он издавал, откашливаясь, – сейчас он не откашливался, но Лора усвоила, что Соломон прочищает горло, когда ему становится не по себе, и таким образом, видимо, пыталась передать ему свое состояние, показать, что она чувствует себя так, как он в подобные моменты. Возможно, это звукоподражание – своего рода язык. Или же он окончательно выжил из ума, тратит столько времени и веры на человека, которого Бо сочла по меньшей мере простоватым, а то и отстающим в развитии. Но сидевшая перед ним женщина уж никак не казалась простоватой. Похоже, она способна общаться и передавать смыслы на таком уровне, который ему еще только приоткрывается.

– Лора, почему ты сегодня позвала меня?

Она подняла на него колдовские зеленые глаза.

– Потому что кроме Тома я знаю только тебя.

Никогда ему не доводилось быть для кого-то единственным знакомым. Это так странно – и так прекрасно, небывалая близость. А еще к этому нельзя относиться легкомысленно, это большая ответственность. Это надо ценить и беречь.

Глава шестая

Следующее утро. Съемочная группа сидит на кухне у Джо. Джо мрачно сгорбился в своем кресле, у его ног – Ринг, тоскующий по лохматому товарищу.

Только что Бо со всей доступной ей деликатностью сообщила Джо о том, что Лора – дочь Тома. Он ничего не ответил, ни слова. Глубоко погрузился в свои мысли, возможно, перебирает все разговоры с братом, все моменты, когда брат ухитрялся от него это скрыть, когда он был обманут, пытается представить себе, как близнец все эти годы хранил от него свою тайну.

Сердце Соломона щемит так, что он не может и смотреть на Джо. Держит микрофон поближе к нему, а сам отворачивается – из уважения старается не смотреть на Джо, дать ему хоть какую-то укромность. Самый тяжелый момент в его жизни, а в дом набились трое чужаков и в лицо ему тычут камеру. Соломон уговаривал не сообщать Джо эту весть под запись, но решающее слово принадлежит продюсеру.

– Мать Лоры, Изабел, вела ваше хозяйство двадцать шесть лет назад.

Джо смотрит на Бо и слегка опоминается.

– Изабел? – выпаливает он.

– Да. Помнишь ее?

Он призадумался.

– Она тут особо не задержалась.

Снова молчание, его мозг напряженно работает, перебирая воспоминания.

– Не припоминаешь, Том был как-то особенно близок с Изабел?

– Нет.

Пауза. И снова:

– Нет. Ну он... – Джо откашлялся. – Знаешь, все как с Бриджет. Он нанял ее убирать и покупать продукты. А я работал на ферме. Я к этому отношения не имел.

– Так что ты не знал про их роман?

Судя по лицу Джо, ему только что пришло это в голову: чтобы стать отцом, нужно иметь «роман» с какой-то женщиной. А ведь они оба утверждали, будто ничего такого в их жизни не было. Два восьмидесятилетних девственника.

– Девушка уверена?

– Вот что она рассказывает. Ее мать, Изабел, скрывала беременность. Никто не знал, кроме матери Изабел. Домашние роды, потом мать и бабушка растили девочку в своем доме, дали ей домашнее образование. Изабел заболела раком и вскоре умерла, тогда ее мать, бабушка Лоры, сама уже недомогавшая, договорилась с Томом, и девушку поселили в коттедже.

– Значит, он про нее знал, – сказал Джо, словно эта мысль жгла его все время, но он боялся спросить.

– Лора думает, что Том узнал о ней только после смерти Изабел, то есть десять лет назад. Коттедж по возможности подновили, но электричества и водопровода нет. С тех пор Лора там и жила. – Бо сверилась с записями. – Хетти Мерфи после смерти мужа вернула себе девичью фамилию Баттон. Изабел тоже взяла фамилию матери, и девушка называет себя Лора Баттон. Хетти Баттон умерла девять лет назад, через полгода после того, как пристроила внучку.

Джо кивнул:

– Так что теперь она осталась совсем одна.

– Именно.

Он обдумал и это:

– Рассчитывает на его долю, думается мне.

Соломон впервые взглянул старику в лицо:

– Его долю?

– Земли. Том написал завещание. Она в нем не значится. Если у нее были какие надежды.

Пресловутая ирландская жадность до земли обуяла его.

– Лора ничего не говорила о своих правах. Никому из нас.

Джо разволновался, ответ Бо ему не слишком помог. Он словно готовился к битве. Его земля, его ферма – вся его жизнь, ничего другого он с детства не знал. Он не готов расстаться даже с малым ее клочком лишь потому, что брат так долго ему лгал.

– Может быть, Том собирался с духом, чтобы когда-нибудь тебе признаться, – сказала Бо.

– Ну так он этого не сделал, – с нервным, сердитым смешком возразил он. – Так ни слова и не сказал.

Бо дала ему небольшую передышку и снова:

– Если бы ты раньше это узнал, ты бы позволил Лоре жить в коттедже?

Он не ответил. Казался растерянным.

– Ты готов признать ее родственницей? – настаивала Бо.

Он не ответил. Сидел очень спокойно, хотя едва ли был спокоен в душе.

Бо оглянулась на Соломона, соображая, как продвигаться дальше:

– Наверное, о родстве пока думать рано. Проще пока решить, готов ли ты поддерживать ее, как Том?

Он обеими руками ухватился за подлокотники кресла, Соломон видел, как побелели костяшки пальцев.

– Джо! – мягко настаивала Бо. – Ведь это значит, что ты не один. Ты – дядя Лоры.

И тут Джо встал во весь рост, попытался отцепить от лацкана микрофон. Руки у него тряслись, он явно был раздосадован, сердит и, помимо всего прочего, злился на съемочную группу, словно это она принесла в его жизнь такое расстройство.

– Довольно, – сказал он, роняя микрофон на покрывавшую деревянное кресло тонкую подушку. – Хватит на сегодня.

Впервые он сам прервал съемки.

Команда перебралась в коттедж Лоры. Девушка сидела в кресле, на ней все то же клетчатое платье-рубашка с поясом на талии и потрепанные конверсы. Длинные волосы недавно вымыты и теперь сохли, на прекрасной чистой коже ни капли косметики.

Камеру выключили. Рейчел со своим оборудованием осталась снаружи, чтобы позвонить Сюзи. День пасмурный, вчерашняя жара рассеялась, и Соломон задумался, как же девушка тут живет зимой, когда и в его современной городской квартире в Дублине мрачновато. Бо что-то говорит, Лора следит глазами за Соломоном, и в присутствии Бо его это стесняет. Он откашлялся.

Лора повторила этот звук.

Соломон покачал головой и улыбнулся.

Бо ничего не заметила, она готовилась к разговору.

– Итак, учитывая, что мы не знаем, готов ли Джо помочь вам, забегая вперед, мы, Соломон и я...

При упоминании своего имени он прикрыл глаза. Она хочет завоевать доверие девушки, выступая в качестве друга Соломона, а значит, и ее друга. Формально все верно, она же его подруга. Но все равно чувствуется привкус обмана.

– Мы хотим вам кое-что предложить. Предложить вам помощь. Понимаю, начало нашего знакомства получилось неудачное, и я хотела бы объясниться. Я всячески извиняюсь за свое поведение при первой встрече. Я разволновалась. – Бо прижимает руку к сердцу, она совершенно честна, каждое ее слово правда. – Я снимаю документальное кино. Целый год

снимала вашего отца и дядю.

Лора вздрогнула, словно и ее открывшаяся правда ранила не меньше, чем Джо.

– Они замечательные люди, они оба были замечательные, их историю узнал теперь весь мир. Фильм идет в двадцати странах. У меня он есть с собой в айпаде, если хотите. – Она протянула Лоре айпад, присматриваясь, понимает ли девушка, о чем идет речь.

Лора воспроизвела пощелкивание айпада.

– Стоит нажать – и начнется фильм. – Бо коснулась экрана, и пошли первые кадры.

С минуту она дала Лоре посмотреть.

– Теперь я хочу снять документальный фильм о вас. Снять вас здесь, в коттедже, понять, кто вы и как живете.

Лора оглянулась на Соломона. Он собирался кашлянуть, но вовремя остановился. Лора подхватила, откашлялась его голосом. Бо пока еще ничего не замечала.

– Мы вам заплатим, правда немного. Вот договор.

Она вынула из папки лист бумаги и протянула девушке.

Лора неподвижно уставилась на эту страницу.

– Оставлю вам, вы подумаете.

Бо тоже посмотрела на этот лист, прикидывая, надо ли что-то еще объяснять или это покажется высокомерным. Тем более Соломон торчал у нее за спиной, судил, может, не специально, но она чувствовала его осуждение, исходивший от него холодок, что бы она ни говорила и что бы ни делала. Да, она ценила его умение справляться с определенными ситуациями, но предпочитала сохранить за собой свободу действовать так, как считала нужным, не страшась его критики, не ощущая неодобрения, даже разочарования Соломона. Ей все время приходилось сдерживать себя – или подводить его. И сейчас она не хотела, чтобы холодок между ними нарастал, но еще более не хотела сомневаться в своем умении делать работу, в которой – она сама это знала – была асом. В каком-то смысле раньше было легче, пока у них не завязался роман. Тогда ее интересовало, что Соломон думает о работе, а не о ней самой.

Бо почувствовала, что сдвинулась совсем на край стула, вторгаясь в личное пространство Лоры. Заставила себя откинуться на спинку, убрать с лица напряжение, вроде бы она спокойно ждет положительного ответа.

Лора посмотрела первые минуты фильма о своем отце и дяде.

– Мне кажется, я бы не хотела, чтобы люди узнали обо мне, – сказала она, и Соломон удивился, какое облегчение принесли ему эти слова.

Он не считал документальные фильмы покушением на частную жизнь и все же гордился Лорой, которая умеет отстаивать то, что считает правильным, не льстится на внимание и славу, как очень многие. Нечасто Бо приходилось уговаривать человека что-то сказать на камеру, достаточно камеру включить, и все наперебой рвутся отвечать, соблазненные пятью минутами славы. Как хорошо, что Лора – другая. Нормальная. Нормальный человек, довольный своей анонимностью, ценящий укромность. Да, но тут есть еще что-то.

– Вам не придется делиться тем, чем вы не захотите делиться, – настаивала Бо. – Джо и Том разрешили нам всюду ездить с ними, смотреть, как они живут и как друг с другом общаются, и они никогда не жаловались, что мы заходим чересчур далеко. Действовало соглашение, понятное обеим сторонам: по первой же просьбе мы прекращаем снимать.

Впервые это случилось нынче утром в кухне Джо. И Бо до сих пор переживает, словно поссорилась с другом.

Лору это успокоило.

– Я хочу остаться самой собой. Не хочу... – Она обвела рукой айпад, лежавшие на столе газеты и журналы с отзывами о фильме. – Ничего этого не хочу.

Натянув рукава кардигана почти до пальцев, она обхватила себя руками, словно замерзла.

– Все ясно, – сказал Соломон и посмотрел на Бо: на этом ставим точку. – Мы уважаем твое решение. Только занесем кое-какие покупки перед отъездом.

Он притащил пакеты и сложил к ее ногам. Пожалуй, тут он немного перестарался, но не мог же он оставить ее в пустом доме: а вдруг Бриджет станет на сторону Джо и больше не будет ничего покупать для Лоры? Заскочив в местный магазин для туристов, он скупил чуть ли не все одеяла, футболки и джемперы. Представить себе страшно, какая тут бывает холодина, ветер задувает в щели, старые окна, летучие мыши мечутся в нескольких метрах от дома.

Бо ни словом не прокомментировала его действия. Сидела в машине, проверяя почту, пока он укладывал в багажник пакет за пакетом. Только теперь Бо разом увидела всю кучу, оценила ее размеры и с изумлением покосилась на Соломона. Он смутился, но Бо, кажется, осталась довольна. Сочла, что таким способом удастся убедить Лору и она согласится на сотрудничество.

– Я подумал, тут зимой бывает очень холодно, – пояснил Соломон, неловко переминаясь, засовывая руку то в один пакет, то в другой, пытаясь

пояснить, что там внутри.

Бо улыбнулась, сдерживая себя, чтобы не расхохотаться при виде его растерянности.

– Так что скажете? – подалась она вперед.

– Большое спасибо за все это, – ответила Лора, заглядывая в пакеты. Обернулась к Соломону: – Всего слишком много. Я никогда столько не съем одна.

– У вас тут трое гостей, готовых помочь, – небрежно пошутила Бо. Давит, всегда продавливая свое.

– Лучше я все это вам верну, – сказала она Соломону и добавила, обращаясь к Бо: – Я не могу сниматься в вашем фильме.

– Это твое! – твердо повторил Соломон. – Будешь ты сниматься или нет – твое.

– Да-да, не надо возвращать, – рассеянно подтвердила Бо.

Соломон уже готов уйти, он не собирается давить на девушку, не хочет показаться ей наглым, но Бо готовится к очередному заходу. Пусть она покажется не столь деликатной, неловкость длится недолго по сравнению с большим и важным делом: она нутром чувствует, Лору упускать нельзя. Потрясающая, очень красивая, загадочная – никогда Бо еще не видела ничего подобного. Одной ее уединенной и таинственной жизни хватило бы для сюжета, а тут еще и эта особенность, которая сразу поражает воображение. Само совершенство. Соломон прощается, а Бо медлит, собирает бумаги, укладывает аккуратной пачкой копии газетных вырезок, перебирая в уме, что еще сказать.

– Иди, Сол. Я буду через минуту, – говорит она, убирая папку в свой портфель, очень неторопливо.

Соломон выходит и закрывает за собой дверь.

Ушел ее парень – мрачный и ею недовольный.

Бо поднимает глаза на Лору, девушка, похоже, вот-вот заплачет.

– Что такое? – удивленно спрашивает Бо.

– Ничего. Только... нет, ничего, – слегка задыхается она. Встала, прошла в дальний угол, где у нее кухня. Налила себе воды и, не отрываясь, осушила чашку.

Какая необычная девушка! Бо хотела бы знать о ней все. Увидеть мир ее глазами, пройти по земле ее ногами. Лора должна согласиться! Нельзя ее упускать. Бо знает за собой эту граничащую с одержимостью профессиональную страсть, но одержимость как раз и позволяет ей до конца понять сюжет. Она должна полностью раствориться в жизни другого человека, и она этого хочет. Бо как раз искала новый сюжет после

«Близнецов Тулин», и вот он, новая история совершенно естественно возникла, буквально родилась из прежней. Это идеально, это правильно, это может оказаться даже посильнее «Близнецов». Работа Бо в том и состоит, чтобы показать другим то, что видит она сама, научить их чувствовать то, что она чувствует. И она должна убедить Лору.

– Лора, – мягко подступает она, – я уважаю ваше решение не сниматься, но хочу убедиться, что вы видите ситуацию целиком. Эта неделя была для вас слишком тяжелой, пора больших перемен после смерти вашего отца.

Лора смотрела себе под ноги, кончики длинных ресниц касались лица. Бо заметила, как девушка реагирует, когда Тома называют ее отцом, Джо – дядей, нужно быть с этим поосторожнее. Эти слова пугают Лору, предстоит выяснить почему. *Почему, почему, почему!* Кажется, эта девушка целиком состоит из тайн: зачата втайне, втайне рождена, выращена, втайне и живет. Пора прервать эту цепочку.

– Для вас это новое начало. Жизнь не стоит на месте. Неизвестно, позволит ли Джо вам тут жить, а если позволит, не факт, что он станет помогать вам жить так, как вы жили последние десять лет. Не уверена, что Джо станет договариваться за вас с Бриджет, платить за продукты, – насколько я понимаю, все ваши расходы брал на себя Том?

Лора кивнула.

– Если Джо не станет помогать, как вы доберетесь до магазинов без машины? А деньги у вас есть? Есть на что купить еду? Том заботился о вас и все же оставил в очень уязвимом положении. – Следующую фразу Бо постаралась произнести как можно деликатнее: – В завещании Тома вы не упомянуты. Он целиком оставил свою долю фермы брату. Может быть, он собирался рассказать ему о вас, но так этого и не сделал.

Она подождала, пока Лора, обеими руками вцепившаяся в спинку кресла, осмыслит эту весть. Взгляд девушки заметался по комнате, она пыталась понять происходящее, прежний устойчивый мир рассыпался на ее глазах.

– Если вы примете участие в съемках, мы сможем вам помочь. Мы все трое будем тут, привезем вам, что понадобится. Поможем с переездом, если вы захотите устроиться в другом месте. Во всем поможем. Вы не одна. У вас есть я, Рейчел и конечно же Соломон, я же вижу, он сразу вас полюбил, – с улыбкой добавила Бо.

Глава седьмая

– Согласилась! – пропела Бо, шагая по тропе к машине, где ждали ее Соломон и Рейчел.

– Как? – изумилась Рейчел. – Сол только что сказал, что она против.

– А теперь за! – Бо подняла руку, словно ожидая, что Рейчел торжествующе хлопнет по ней ладонью. Но оба молча таращились на нее. – Долго мне так руку держать?

Рейчел хлопнула рукой по ее руке, но не сдержала смеха:

– Невероятно! Ты – это нечто.

Бо приподняла брови, принимая комплимент как должное, а руку так и не опустила, дожидаясь Соломона.

Тот скрестил руки на груди.

– Не буду ничего праздновать, пока ты не объяснишь, почему она передумала.

Бо уронила руку, завела глаза чуть ли не под лоб.

– А другого режиссера ты бы тоже стал допрашивать? Или только мне такая честь? Я бы хотела видеть от тебя не меньше уважения, чем получают другие. Имею я право?

– Если бы на моих глазах режиссеру ответили «нет», а стоило мне выйти и он получил «да», – еще бы, я бы его спросил.

– Непременно «его»? – уточнила Бо.

– Какая, к черту, разница? Пусть ее.

– Ребята, прежде чем вы вцепитесь друг другу в глотку, давайте с планами разберемся, – перебила их Рейчел. – Мне пора домой к Сюзи, у нас в пятницу УЗИ, я не собираюсь его пропускать. – Голос ее угрожающе серьезен. – Хочу понимать, что у нас намечается. Какой план?

Бо переводила взгляд с одного на другого, словно глазам своим не верила.

– Ребята! – обиженно сказала она. – Можно на минутку прекратить нытье и оценить, отпраздновать тот факт, что у нас есть сюжет для нового фильма – сюжет утвержден! Можно не портить этот момент, задавая тысячу вопросов? Просто порадоваться? – Она еще раз обвела их взглядом. – Мы снова в деле! У-ху! Ну же!

Она теребила их, пока оба не сдались, не признали ее победу и не обняли Бо с обеих сторон, на время оставив сомнения.

– Поздравляю, чертовка упрямая! – сказал, целуя ее, Соломон.

Она расхохоталась:

– Благодарю! Наконец-то заслуженное признание.

– Итак... – заговорила Рейчел.

– Знаю, знаю. Сюзи! – ответила Бо, торопливо соображая. – Конечно, ты должна ее повидать. Все сходится, снимать надо сейчас, сама погода подсказывает. Зимой тут хмарь, тут тяжело. Ты, Рейчел, тысячу раз плюхалась на задницу и, хотя со стороны это ужасно смешно, сама говорила, как это опасно.

Соломон захихикал.

– И хотя фильм должен охватывать ее жизнь тут во все сезоны, потому что это, я считаю, важно, основной материал я хочу отснять прямо сейчас. Покажем людям, как мы ее нашли. Спящую красавицу в домике, скрытом посреди леса. Мне нужны краски, нужен свет, нужны эти звуки, – продолжала она, охватывая все разом. – Это все летнее. А кроме того, если мы будем тянуть, Лора может передумать. И мне нужны ее мысли, желания, мечты какие они есть, а не то, что она вычислит, копаясь в себе несколько месяцев подряд. Ее жизнь меняется прямо на глазах, и мы должны проследить каждую минуту. К тому же мы не знаем, долго ли Лора сможет тут пробыть. Вдруг мы уедем, а он ее выгонит. При нас он вряд ли так себя поведет. Так что, с учетом всех обстоятельств, сегодня мы отправляемся домой, все готовим, ты, Рейчел, собираешь оборудование, я – бумаги. Вернемся вечером в воскресенье. В понедельник начинаем съемки – самое большее на две недели.

На том и порешили.

– Рейчел, роды у Сюзи планируются через три недели, если тебе придется уехать раньше... – Бо прикинула, кого из операторов можно позвать на замену. – Можно спросить Энди, и посмотрим...

– Энди – тупица, снимает он в сто раз хуже меня. Не вздумай позвать вместо меня Энди. Я тебе этого не прощу. Никто не будет снимать вместо меня, – твердо заявила Рейчел. – Это сюжет! – ткнула она пальцем вверх, в сторону коттеджа. – И я хочу с ним поработать.

Услышав, как горячо Рейчел поддержала Бо, Сол и сам почувствовал мурашки на коже. Никогда она прежде не проявляла такого энтузиазма, да и сам он ничего подобного не чувствовал. Все трое спешили поскорее взяться за дело, погрузиться в историю Лоры. Бурля от возбуждения, Бо вернулась в коттедж обсудить с Лорой график съемок, но вернулась уже не столь радостной.

– Она отказалась, – угадал Соломон. И почему-то его это огорчило.

– Не совсем. Но запаниковала. И зовет тебя, Сол. Опять.

Он вошел в коттедж и закрыл за собой дверь. Лора бродила между кроватью, кухней и гостиной зоной своей единственной комнаты.

– Привет, – сказал он.

В ответ послышался какой-то звук. Он не сразу сообразил, пока не запер дверь: раздался в точности такой же звук защелкивающейся задвижки. Может быть, эти звуки порой выражают желание или просьбу. Соломон внес это наблюдение в список подлежащего обдумыванию.

Она встретила с ним взглядом:

– Я думала, начнется прямо завтра.

– Фильм?

– Да.

– Нет. К сожалению. Сразу начать невозможно. Надо съездить домой и подготовиться. В понедельник вернемся на две недели.

– Когда вы уезжаете? – спросила она, все так же беспокойно бродя по комнате.

– Сейчас, – ответил он. – Лора, что случилось?

– Вы уедете, а я останусь одна.

Раздалась птичья трель – встревоженная, испуганная.

– Всего пять дней. Ты всегда была тут одна.

– Джо не хочет, чтобы я тут жила.

– Мы пока не знаем, чего хочет Джо, – сказал Соломон. – Он сам потрясен и растерян, дай ему время оправиться.

– А вдруг он придет сюда, когда вас не будет, и велит мне убираться? Или полиция приедет? Что мне тогда делать? Куда идти? Я никого не знаю. У меня никого нет.

– Если что-то случится, звони мне. Вот. – Порывшись в карманах, он достал ручку и лист бумаги. – Я оставлю свой телефон.

– Как я позвоню? У меня нет мобильного.

Он замер, так и не коснувшись ручкой бумаги.

– Останьтесь, пожалуйста. Я готова сниматься хоть завтра, – умоляла она, то и дело сглатывая – в горле от волнения пересохло.

– Мы не можем снимать завтра, Лора, – мягко возразил он. – Успокойся, все будет хорошо, вот увидишь. Мне нужно попасть завтра на мамин день рождения. Ей семьдесят. Она живет в Голуэ. Не могу же я пропустить юбилей. И Рейчел, оператор, – у нее жена беременна, ей тоже пора вернуться домой, и наша Бо, режиссер и продюсер, должна все подготовить к следующей неделе, планы, документы, а еще у нее публичная лекция. Нам нужны оборудование, разрешение. Мы никак не

можем завтра начать.

– А можно я поеду с вами? – взмолилась она.

Он уставился на нее, не веря своим ушам, не зная, что на это ответить.

– Ты хочешь?..

– Пожить у вас. Здесь мне оставаться не вмоготу. Все изменилось. Все меняется, и нам приходится.

Она была в панике, мысли метались.

– Успокойся, Лора, все в порядке, все по-прежнему, ничего не изменилось. – Он подошел к ней, взял за руки, очень нежно, хотел, чтобы она посмотрела ему в глаза. Сердце резко забилося от одного прикосновения к ее коже. Она покорно подняла взгляд – глаза цвета травы уставились ему прямо в душу.

– Мой отец умер, – заговорила она, все так же проникновенно на него глядя. – Мой отец умер, а я так ни разу не назвала его отцом. Я даже не знала, известно ли ему, что я его дочь. Мы даже ни разу... – Слезы потекли по ее щекам.

– Полно, полно, – шепнул он, обхватив ее обеими руками, прижимая к себе так, что ее голова уткнулась ему в грудь. Он словно пытался закусать ее в свою любовь и заботу.

– Как может быть домом то место, где ты никому не нужна? – сквозь слезы спросила она. – Раз меня гонят отсюда, это не дом.

Он не нашелся с ответом.

На всем белом свете он – единственный знакомый ей человек. Он не может уехать и бросить ее здесь.

– Что. За. Черт, – чуть ли не по слогам произнесла Бо, распрямляясь при виде Соломона с пакетами в руках и следовавшей за ним по пятам Лоры.

– Она едет с нами, – сообщил он и занялся пакетами, избегая пристального взгляда Бо, пока складывал их в багажник.

– Что? – Бо обошла машину и встала рядом с ним.

– Ей страшно. Она не хочет оставаться одна, дожидаясь нашего возвращения. Интересно, кто ее так запугал, Бо, – проворчал он сквозь зубы, чувствуя, как вздуваются вены на шее. Здорово он разозлился.

– Но ты же едешь к родителям!

– Точно, и беру ее с собой. С тобой в Дублин она не поедет, – буркнул он, пытаясь пристроить чемодан и пакеты с покупками между киношным оборудованием.

Он ждал, что Бо заспорит, скажет, ни в коем случае, она не отпустит

своего парня на семейную вечеринку с молодой, красивой и загадочной женщиной, но когда он распрямился, то увидел на лице Бо широченную ухмылку.

– Лора! – окликнула она девушку, выставляя разом оба больших пальца. – Отличные новости! Лучше не бывает.

Глава восьмая

– «Белоснежка»! – провозгласила Бо, стукнув бутылкой о столик в гостиничном баре – чуть громче, чем собиралась.

Рейчел засмеялась. Соломон покачал головой и потянулся за орешками.

– Правда же, настоящая Белоснежка! – взволнованно убеждала его Бо. – Это я смогу продать. Живет в лесу, болтает с чертовыми зверями.

Соломон и Рейчел невольно расхохотались, уж очень Бо напориста, когда закусит удила. Она пьяна, глаза разгорелись, щеки порозовели, обсуждает свой будущий фильм. Домой они так и не поехали, Бо уболтала Рейчел задержаться на два дня. Поселились в гостинице, днем будут снимать, домой поедут в пятницу, а в воскресенье ночью уже вернутся. Она просто не может сдерживаться, ее возбуждение заразно, Соломон и Рейчел даже не пытаются спорить. Лора отправилась в номер на верхнем этаже, смежный с комнатой Бо и Соломона: Бо велела заснять, как она входит в гостиницу и в номер. Первые осторожные шажки в большой страшный мир, хотя пока ничего особенного не происходило. В конце концов, Лора не в волчьей стае выросла, она умела себя вести. Что бы она ни переживала, это она держала в себе, внешне не обнаруживая. Рейчел снимала, как Лора садится в машину – впервые за десять лет, как исчезает вдали за домом летучих мышей ее коттедж. Лора не оглянулась, только повторила звук заработавшего двигателя. Расставаясь с фермой Тулинов, Лора не обнаружила никаких эмоций. Тихо и неторопливо впитывала все вокруг, и смотреть на нее было отрадно, словно на новорожденного младенца. Только звуки, вылетающие из ее горла, немного приоткрывали чувства, которые она так старалась обуздать.

– Словно мы ребенком обзавелись, – пошутила она, когда за Лорой закрылась дверь смежной комнаты. Пошутила и сама вздрогнула.

– Если Лора – Белоснежка, кто же злая мачеха, вынудившая ее прятаться в лесу? – уточнила Рейчел.

– Бабушка, – ответил Соломон, язык у него развязался. Весь день его клонило в сон, а тут вдруг он проснулся. – Но не со зла. С самыми лучшими намерениями.

– Все злые люди думают, будто действуют с самыми лучшими намерениями, – подхватила Бо. – Чарльз Мэнсон хотел убийствами спровоцировать апокалиптическую войну рас... Может, «Рапунцель»?

– Или «Маугли»? – засмеялась Рейчел.

Бо ее не слушала.

– Заперта в домике на вершине горы, отрезана от мира. И у нее прекрасные белокурые волосы, – добавила она. – Хотя волосы не так уж важны, но мы же понимаем, что в конечном счете и они важны. – Она помахала пальцем перед носом у Рейчел и Соломона, запрещая им спорить, хотя они и не собирались.

– Почему ты ухватила за Диснея? – спросила Рейчел. – Думаешь, привлечет инвесторов?

– Потому что это похоже на сказку. В ней есть что-то воздушное, неземное, вы согласны?

Сол согласен, он сразу это почувствовал, и, наверное, было неверно, даже глупо воображать, что Лора так подействует только на него.

– Разговаривает со зверями и птицами, – продолжала Бо. – Чистый Дисней.

– Де Ниро разговаривал с зеркалом, – напомнила Рейчел, – а Ширли Валентайн и вовсе со стеной.

– Не совсем то, – улыбнулась Бо.

– Она не разговаривает с ними, она им подражает, – пояснил Соломон. – Действительно, не совсем то.

– «Имитатор». «Имитаторша».

– Фи, ты же феминистка, откуда эти гендерные обозначения? Стыдись! – заявила Рейчел и жестом велела бармену снова наполнить кружки.

– «Лора: звуки и отзвуки».

– Идеально, – фыркнула Рейчел. – Для «Вся правда на телеэкране».

– Она подражает, – рассуждал вслух Соломон, – услышав что-то новое, повторяет несколько раз, пока не получится. Может быть, это способ понять. Испугавшись, она издает тревожные звуки – лай, рычание, при первой встрече с нами – вой сирены. Эти звуки у нее ассоциируются с опасностью или защитой.

Женщины призадумались над его анализом.

– Интересно, – кивнула Рейчел. – Я не думала, что это целый язык.

– Не думала? – переспросил Соломон. Ему это казалось очевидным. Столько разных звуков! Скулила вместе с Мосси, сочувствуя ему, издавала испуганные или агрессивные звуки, когда ее окружили в лесу. Прокашливалась, как Соломон, если видела, что ему неловко, или ситуация в целом ее смущала. Эти звуки имели смысл. Очень странные, но в них прослеживалась система.

– «Язык Лоры», – предложила Бо очередной вариант названия.
– «Театр Лоры»? «Лора-мим»? – выдвинула свою версию Рейчел.
– Глубоко берешь, – засмеялась Бо.
– Она воспроизводит только звуки. Не действия, не движения, – уточнил Соломон.

Его собеседницы призадумались.

– Она не становится на четвереньки, изображая собаку, не бежит по комнате, взмахивая руками, словно крыльями. Она повторяет звуки.

– Так, хорошо.

– За нашего друга-антрополога! – подняла кружку с пивом Рейчел.

– Кстати, антрополог – хорошая идея. – Бо потянулась за бумагой и ручкой. – Надо с кем-то поговорить о ней.

– Есть такая птица, которая умеет подражать чужим звукам, – сказал Соломон, не прислушиваясь к их болтовне. – Видел недавно в научно-популярной программе.

Он сосредоточенно пытался вспомнить, мозг его был затуманен недосыпом и алкоголем.

– Попугай? – подсказала Рейчел.

Бо захихикала:

– Волнистый!

– Нет, эта птица подражает не только человеку, но и машинам, другим птицам – воспроизводит любые звуки. В передаче показывали.

– Хм. – Бо потянулась за телефоном. – Птица, подражающая чужим звукам.

Минуту поискала, и вдруг ее телефон громко запел, сидевшие за соседними столиками оглянулись, и Бо, поспешно извинившись, убавила громкость.

– Вот она.

Чуть не сталкиваясь головами над мобильником, они посмотрели двухминутный клип Дэвида Аттенборо о птице, подражающей другим птицам, бензопиле, звонку мобильного, щелчкам камеры.

– В точности как Лора! – Рейчел ткнула в экран пальцем, жирным от соленого арахиса.

– Это птица-лира. Или лирохвост, – сказала Бо, примериваясь к новой мысли. – «Лора-Лирохвост».

– «История Лирохвоста», – поправила Рейчел.

– Нет, – вмешался Соломон. – Просто «Лирохвост», и больше ничего не надо.

– Замечательно! – расплылась в улыбке Бо. – Берем! Поздравляю,

Соломон, ты только что придумал название фильма.

Наступила полночь, и они, преисполнившись надежд, разошлись спать.

– Я думала, ты устал, – улыбнулась Бо, когда Соломон ткнулся носом ей в шею, пока она пыталась открыть дверь номера карточкой. Несколько раз промахнулась, что-то с координацией. – Вампир, оживаешь ночью, – поддразнила она.

Он начал тихонько покусывать ее шею, но почему-то это напомнило ему про летучих мышей, про их дом, а соответственно и про Лору, устроившуюся в соседней комнате. Смутившись, Соломон отпустил Бо, а та, к счастью, ничего не заподозрила, поскольку в этот момент карточка наконец вошла правильно и дверь отворилась.

– Спит ли она? – шепнула Бо.

Соломон прижал Бо к себе, стал целовать, но тоже не мог отвлечься от мыслей о Лоре.

– погоди, – шепнула Бо. – Дай послушаю.

Она выскользнула у него из-под руки и подошла к двери в комнату Лоры. Прижала ухо к двери. Пока она вслушивалась, Соломон начал ее раздевать.

– Сол! – усмехнулась она. – Я же провожу исследование.

Сидя на корточках, он стащил с нее трусы и перебросил через плечо. Начал целовать, продвигаясь от лодыжки все выше по ноге, и вот уже его язык коснулся внутренней стороны бедра.

– А, ладно! – Бо махнула рукой на исследование и повернулась спиной к двери.

В постели Бо расслабилась, тихонько постанывала.

Соломон все крепче прижимал ее к себе, и, когда их губы слились в поцелуе, этот легкий стон наслаждения послышался снова. Тот самый, но стонала не Бо. Звук доносился из-за двери. Любовники застыли. Бо уставилась на Соломона.

– Боже мой!

Соломон тоже оглянулся на соседнюю дверь. Ее освещала только лампа ванной. С их стороны дверь оставалась закрытой, но, очевидно, Лора отомкнула внутреннюю дверь и подслушивала.

– Боже мой! – повторила Бо, отрываясь от Соломона и укутываясь простыней.

– Видеть тебя она никак не может, – напомнил Соломон.

– Ш-ш!

Соломону стало не по себе, словно его застигли за дурным делом.

Пусть Лора их не видит, она все слышала.

– Слушай, Соломон, она же ненормальная!

– Нормальная она.

– Да черт побери, Сол! – прошипела Бо, не на шутку рассердившись.

Они продолжали прислушиваться, но больше не уловили ни звука.

– Куда ты? – шепнула она.

Соломон решительно поднялся.

Он подошел к двери, соединявшей две спальни, прижался ухом к холодному дереву. Ему представлялось, как по ту сторону двери то же самое делает Лора. Первая ночь вдали от привычного ей коттеджа. Наверное, зря они оставили ее одну на несколько часов. Все ли с ней в порядке?

– Ну? – спросила Бо, когда он вернулся в постель.

– Тихо.

– А вдруг она все-таки сумасшедшая, Сол? – шепнула Бо.

– Она не сумасшедшая.

– Психованная маньячка-убийца. А?

– Ничего подобного.

– Откуда тебе знать?

– Допустим, неоткуда. Но это ты притащила ее сюда.

– Спасибо, утешил.

Он вздохнул:

– Давай хотя бы закончим?

– Нет уж. Меня это выморозило.

Соломон вздохнул, повернулся на спину, подсунув руки под голову, и уставился в потолок. Бо приткнулась вплотную, закинула на него ногу, он даже сам себе помочь не сможет, когда она уснет. Лежи тут без сна и радости.

Он откинул одеяло, подвинулся в сторону от Бо.

– Если пойдешь драть в туалет, не шуми, а то Лирохвост изобразит все твои вздохи под камеру, – сквозь сон предупредила его Бо.

Он фыркнул и снова забрался в постель. Настроение в корень загублено.

Так он и уснул, прислушиваясь к Лоре, которая прислушивалась к нему.

Глава девятая

Утром Сол проснулся в пустой постели. Дверь в соседнюю комнату была чуть приоткрыта. Он сел и постарался сообразить, что к чему. Услышал голос Бо – мягкий, но инструктирующий.

– Джо согласился впустить нас сегодня в коттедж, мы сможем снять вас там. Как вы проводите день, что делаете, чем занимаетесь и так далее. Я задам несколько вопросов – каким вам видится будущее, как вы распорядитесь своей жизнью. Так что подумайте пока над этим.

Молчание.

– Или у вас уже есть ответы?

Молчание.

Соломон вылез из постели и голым прошел через комнату к двери. Заглянул в щелку и увидел обеих: Лора сидела на кровати, Бо он видел только сзади, с затылка.

– Ладно, ладно, пока можете не отвечать. Но в целом наш план понятен?

– Я поняла.

– Мы будем снимать здесь сегодня и завтра, прервемся на выходные и в понедельник вернемся. Вас устраивает?

– В выходные я буду у Сола.

– Да.

Снова неловкое молчание.

– Лора, прошлой ночью...

Молчание.

Сол зажмурился, на расстоянии пытаюсь внушить Бо: оставь это! Впервые за десять лет Лора спала в незнакомой постели, в незнакомой комнате. Все непривычно. И эти звуки тоже были для нее чем-то новым, она повторила их, чтобы понять, она всегда так поступает, ничего особенного, пусть только Бо не лезет.

– Прошлой ночью я слышала, как вы издали такой звук. Когда я была в постели.

Лора повторила этот звук, точную копию сладострастных стонов Бо, словно записала их на магнитофон и теперь проигрывала вслух.

Соломон прикусил губу, чтобы не расхохотаться.

– Да. Это, – обиженно подтвердила Бо.

– Хотите, чтобы я так сделала в фильме?

Соломон снова заглянул в щель, присматриваясь к Лоре. Он заметил, как изменился ее тон. Сделался шутливым. Она дразнит Бо. А Бо этого не уловила.

– Нет! – засмеялась она нервно. – Понимаете, то, что вы слышали, – это личное, только между мной и... – Она смолкла, не желая произносить его имя.

– Солом, – закончила вместо нее Лора в точности с ее интонациями. Голос Бо – но выходил он из гортани Лоры.

– Господи! Ну да!

– Соломон ваш бойфренд?

– Да!

Соломон сглотнул, чувствуя, как вновь участилось сердцебиение.

– Все хорошо?

– Кому хорошо?

– Вам. Вас все устраивает? – в растерянности переспросила Бо.

Лора откашлялась – опять-таки не своим кашлем, это было смущенное покашливание Соломона – и воровато оглянулась на дверь. Он сообразил: она знает, что он подслушивает. Улыбнулся и пошел в душ.

В четверг они снимали коттедж. Убедившись, что Лора склонна замирать и испуганно таращиться в камеру, Бо предложила снять, как девушка варит овощной суп. По крайней мере, это занятие успокоительно. Поначалу ее напрягало присутствие съемочной группы, она чувствовала на себе их взгляды и луч камеры, но постепенно растворилась в своей работе и явно расслабилась. Они старались держаться чуть в стороне, не мешать, хотя понятно, сколь неестественно выглядят в глуши леса трое со съемочным оборудованием. И по мере того как продвигалось приготовление супа, Лора все реже воспроизводила их шумы.

Она показала свой садик и огород, прошла по лесу в поиске нужных трав, у ручья и в тени всегда в изобилии дикий чеснок, она срывала крупные листья и расцветшие бутоны.

Говорила она мало, порой и вовсе умолкала. Бо сначала просила рассказывать, что именно она собирает, срывает, но потом перестала, решив, что этот документальный фильм будет сделан так же, как хроника близнецов Тулин, – звук они наложат позднее, будут задавать конкретные вопросы и получать ответы. Рассказывала девушка плохо, зато великолепно подражала голосам птиц, которые, похоже, признавали ее за свою, по крайней мере издали, и откликались на зов.

Бо так и распирает, это видно. Да и все они в тихом восторге.

Стараются изо всех сил не шуметь, видя, как Лора нуждается в тишине. Даже в перерывах почти не разговаривают, только по необходимости. Достаточно жеста, полуслова. Наверное, это самый тихий день в жизни Соломона, и не потому, что сам он вынужден молчать, он-то привык, но обычно приходится все время слушать других. И хотя снимают они на той же самой горе, где ферма Тулинов, картинка, звуки, ритмы – все отчетливо другое. Это будет совсем другой фильм. Лиричный, музыкальный, магический. Лора, идущая по лесу, светлые, почти белые волосы, ее безмятежность – все поражает, все словно не от сего мира. Соломон перебирает в памяти мгновения их первой встречи, когда посреди леса он увидел вдруг это похожее на фею, хрупкое, воздушное существо. Он мог целый день наблюдать за ней, глаз не сводя. Слушать ее день напролет. Собственно, это он и делает. И сейчас, когда на воротах ее футболки закреплен микрофон, он слышит даже ее дыхание, биение ее сердца. А посмотришь на нее глаза в глаза – не так уж она хрупка. Она сильная. Она твердо стоит на своем. Крепка духом.

Лора остановилась на краю леса, потянулась, распрямляя спину. Подняла голову к небу, глубоко вздохнула, потом, словно вспомнив про съемочную группу, обернулась и приподняла напоказ корзину.

– Что у вас там? – спросила Бо, обрадовавшись: значит, девушка готова к общению.

– Дикий чеснок, приправить суп. Еще он лечит кашель и боль в груди. Можно сварить суп из дикого чеснока, лука и картошки. Еще у меня тут грибы... – Длинными пальцами она пробежалась по шляпкам.

– Откуда вы знаете, какие можно есть?

Лора засмеялась, смех ее был старше ее лица и глаз. Она издала звук блевоты – настолько реальный, что у Рейчел сработал рвотный рефлекс, хотя сама девушка вроде и не заметила, что она сделала, звук был для нее способом оживить воспоминание, как у других – визуальный образ.

– В первые годы методом проб и ошибок, – пояснила она, снова проводя рукой по собранным в корзину припасам. – Земляные каштаны – картошка фей – вкусные, если пожарить. Конская петрушка, вроде обычной. Гвоздика, почки утесника для чесночной горчицы. Это дикий родич бобовых, с горчицей получается вкусный маринад. Мне утесник нравится, потому что все его части идут в дело – корни, листья, цветки, семена. Из корней и делается уксус для вкусной горчицы.

– Отлично, спасибо, – радостно улыбнулась Бо.

Вернувшись в дом, Лора открыла шкафчик и показала им свои запасы маринованной, сушеной и консервированной пищи – заранее готовилась к

зиме. Поскольку зимой мало что можно добыть свежего, она заботилась о том, чтобы рацион ее оставался разнообразным. И все же зимой она больше зависела от того, что покупал ей Том. Покупал – в прошедшем времени. Спohватившись, она смолкла на миг. Запасы она показывала с удовольствием, гордилась своими трудами, они придавали ей уверенности. Говорила она короткими фразами, не слишком много, но даже такой добровольный рассказ был знаком вернувшейся уверенности в себе. И по мере того как шел первый день съемок, уверенность ее укреплялась.

Суп сварился, Лора предложила им попробовать. Бо из вежливости съела ложечку, Соломон и Рейчел выхлебали по тарелке.

Близился вечер.

– Что вы обычно делаете в это время дня? – спросила Бо, стараясь ускорить темп.

– Обычно в это время я еще хожу по лесу. – Лора вежливо улыбнулась, понимая, как Бо тревожится из-за нехватки времени.

– Не надо из-за нас торопиться. Я хочу снять вас в точности как в обычной вашей жизни.

– В обычной жизни я не кормлю супом троих гостей, – улыбнулась она и добавила специально для Соломона: – Впервые за десять лет.

– Четверых, – поправила Рейчел. – Можно добавку – я сейчас ем за двоих?

Лора рассмеялась. Рейчел ей явно нравилась, Бо внушала опасения. А вот Соломон – человек надежный, это все знают.

Лора предложила заняться стиркой, но это Бо не заинтересовало. Не то чтобы она поморщилась, но ее реакция была вполне очевидной.

– А давайте снимем вас за чтением? – заторопилась Бо. – Книги ведь – важная часть вашей жизни, верно?

– Конечно. Я каждый день читаю.

– Это ваша связь с миром?

– Я бы сказала, единственная вещь, которая *не* связывает меня с миром, – уточнила Лора. – Развлечение, даже бегство.

– Да, – подхватила Бо, обдумывая не столько полученный ответ, сколько будущие кадры. – И где вы обычно читаете?

– В разных местах. Здесь. Или на свежем воздухе.

– Выйдем, покажете нам, куда вы ходите с книгой.

– Зависит от сезона и от дня, от времени дня, от света, – перечисляла Лора. – Я брожу вокруг, пока не найду, что мне подходит.

– Так пошли, – с улыбкой позвала Бо, но украдкой от Лоры глянула на часы. Не то чтобы ей не было интересно – еще как интересно, Бо

впитывала в себя информацию ненасытно, – вот только время всегда было ее врагом. Слишком много дел, и слишком мало времени. Делая все как можно быстрее, ничего не упуская, но, разумеется, постоянно спеша, она, как ее неустанно предупреждал Соломон, как раз и упускает что-то важное.

Соломон подвел Лору к битком набитой книжной полке. И на полу тоже высокими стопками – книги.

– Какая любимая? – спросил Соломон.

Она вытащила эротический роман «Меж двух огней» и сунула ему, издав тот самый звук, который слышала накануне ночью, – постанывание Бо в миг экстаза. Очень тихо, так, чтобы не услышала Бо. Сол рассмеялся, укоризненно покачал головой.

– Ты влюблен в нее? – спросила Лора.

Вопрос так его ошеломил, что он не нашелся с ответом. Ему следовало бы знать ответ, но он даже не мог задаться этим вопросом.

Лора смущенно откашлялась голосом Соломона.

– Странно, что Бриджет принесла тебе такую книгу, – поспешил он сменить тему.

– Я с Бриджет не знакома, но меня это тоже удивило, – усмехнулась она. – Полная коробка попала на церковной распродаже. Девственница Бетти и проказник Натан, мойщик окон. Где они только не развлекаются!

Они засмеялись в унисон.

– Нет, любимая – вот. Я ее раз пятьдесят перечитывала. – Она протянула ему книгу с картинками.

– Тут нет слов. – Он быстро пролистал страницы.

– Словам придают слишком много значения.

– О чем книга?

– О том, как дерево превратилось в женщину.

– Бо все-таки права, – насмешливо произнес Соломон, присматриваясь к картинкам. – Это и есть твоя связь с миром.

Девушка засмеялась.

Он глянул на обложку.

– Корни. Так о чем она?

– В парке росло дерево. В городском парке, посреди деловых улиц. Ему много сотен лет, оно каждый день наблюдало за людьми. Как дети играют с мячом, мамы прогуливаются с колясками, кто-то бежит трусцой, парочки ссорятся. Время идет, и чем больше эта девушка-дерево впитывает в себя жизнь вокруг, тем более очеловечивается. Кора становится кожей, ветки – руками. Убывает рост. И вот она уже не дерево, а прекрасная юная девушка. Она выдернула ноги из земли и вышла из парка.

– Любопытно. – Соломон еще раз пролистал книгу.
– Возьми почитать, – предложила она.
– Она так голой из парка и вышла? – спросил он. – В книге с картинками как обойтись без наготы...

– На вкладке! – улыбнулась она.
Соломон, тоже улыбаясь во весь рот, с любопытством присматривался к Лоре.

Она смотрела на него снизу вверх, и его жадный взгляд, похоже, ее мало смущал. А поскольку ее это не смущало, он позволил себе полюбоваться еще.

Потом сделал глубокий вдох и медленно выпустил воздух.
– Спасибо за книгу. Я верну ее в том же виде. У меня тоже есть книга для тебя. – Он вытащил из сумки книгу в бумажном переплете. – Бриджет доставила ее в четверг – конечно же для тебя.

Надо отдать должное Бо: как только Бриджет упомянула про книги, которые покупала по просьбе Тома, Бо почуяла тут какую-то тайну. Знать бы, что еще она способна угадать.

Лора приняла из его рук книгу, ее настроение мгновенно изменилось: последняя книга, полученная от отца, пусть даже он не сам ее выбрал, пусть не успел ей привезти, а может быть, не успел даже взять эту книгу в руки, узнать, о чем она. Но он попросил, чтобы Лоре купили книгу. И она прижала к себе эту книгу, словно подарок.

– Пошли! – позвал ее Соломон. – А где ты одежду стираешь? – уточнил он, подхватывая свое оборудование, думая, что им предстоит снова работать на улице.

– В прачечной-автомате на верху горы, возле кафе, – пресерьезно ответила Лора. – Но об этом Бо и слышать не захотела.

Закинув голову, Соломон от души расхохотался.

Лора прислушалась к радостному смеху, стараясь его запомнить, повторяя мысленно снова и снова.

Глава десятая

Ночью поражала тьма, окутывавшая дом Лоры. Как одиноко, отчужденно от всего мира! Днем это место казалось уединенным, но мирным, однако ночью становилось грозным, чуть ли не жестоким, словно девушку бросили одну в опасности. Никого у нее нет. Никого. Разве что Ринг, уцелевший овчар, заглянет, отлучившись от хозяина, погоревать вместе о Томе и Мосси. Единственная теперь ее компания – он да птицы и другие лесные существа. Лора научилась чувствовать их присутствие, предупреждала Рейчел, чтобы та, оступившись, не наткнулась на дохлого барсука, показывала ей упавшее с ветки птичье гнездо. Ее чувства были так гармонично настроены на окружающий мир, что Соломону казалось, Лирохвост – как прозвала ее Бо – почти растворялась здесь, не осознавала своего присутствия в лесу, впитывала звуки, суть, жизнь всего вокруг, словно читая любимую книгу. Если дерево, вобрав в себя человеческую жизнь, превратилось в девушку, то эта девушка впитывала в себя природу и становилась – или пыталась стать – ее частью.

– Нужно продолжение, – сказал Соломон, подразумевая книгу с картинками. Они с Лорой стояли у окна дома, и Соломон с трудом подавлял желание оборачиваться на каждый звук, ему казалось, девушку надо охранять, хотя это глупо, Лора с легкостью распознает приметы опасности, нет причины вздрагивать тревожно. Неизвестно, кто еще кого тут защищает. Рейчел и Бо присели на диванчике у камина, просматривая отснятый за день материал. – Хотелось бы мне знать, как эта женщина, бывшая прежде деревом, отправилась босиком в мир. Может, она сделала карьеру в мире бизнеса и полностью избавилась от человеческих чувств? Стала роботом? Или влюбилась, вышла замуж, народила пятерых ребят? Или... – Он умолк и рассмеялся.

– Или что?

– Не важно.

– Расскажи.

– Или, едва выйдя из парка, попала под машину, потому что из парка не видела улицу и не знала, что там делается.

Он улыбался, но Лора призадумалась.

– Ей просто надо найти человека, которому можно доверять, и все будет хорошо.

– Доверять, – повторил он. Слово казалось абстрактным. – Как

девушка-дерево научилась доверию – в парке?

– Нет! – рассмеялась Лора. – А впрочем... может быть. В парке она узнала людей. Прочти книгу, непременно. Да и необязательно учиться доверию в парке. Доверие растет изнутри.

– А! Что-то инстинктивное?

– Да.

– Не рассказывай мне заранее конец.

– Этого в книге нет.

Он устоял на нее, уже не страшась, что девушка увидит и поймет его взгляд. Ее глаза блестели даже в темноте, губы такие мягкие, сочные, больше всего на свете ему хотелось целовать эти губы. Сила собственного желания напугала его, никогда с ним прежде такого не было. Он отвернулся, прокашлялся.

– Останешься здесь сегодня на ночь?

– А ты?

– Нет, – тихо ответил он. – Не могу, Лора.

– Ох, это я понимаю. – Она заспешила, выражения ее глаз в темноте он не мог прочитать. – В смысле все вы. Добро пожаловать.

– Все мы тут? – переспросил он, оглядывая коттедж.

– Да, ты прав, лучше вернуться в гостиницу, – сказала она. – Я не хочу оставаться тут одна.

«Больше не хочу», – прибавила она про себя.

На следующее утро они наведались в домик бабушки Лоры, где выросла она сама и ее мать. В стороне от главной дороги, в двадцати минутах езды от городка этот маленький дом словно прятался от любопытных глаз. Как это часто бывает в сельской местности, съезд к дому замечал только тот, кто его специально искал. А если бы кто-то случайно наткнулся на это жилье, оно показалось бы неприветливым, и не догадаться, сколько любви и тепла хранили не так давно его стены. После смерти Хетти прошло девять лет, в доме никто не жил, и это сказывалось. Но Лора и после десятилетнего отсутствия водила их по дому так, словно покинула его лишь вчера. Бо старалась расспрашивать ее как можно деликатнее, понимая, как непроста для девушки эта минута.

Машину Бо оставила на главной улице: ей хотелось уловить реакцию Лоры, когда та впервые за десять лет подойдет к родному дому. Подъездной путь к дому преграждали закрытые ворота, которые, по словам Лоры, бабушка установила после смерти деда – ради большей безопасности.

– Не знаете, написала ли ваша мама или бабушка завещание? –

спросила Бо, пока они шли к дому по длинной дорожке под высокими деревьями.

Лора покачала головой:

– Как я могла это узнать?

– Обратиться к нотариусу или к поверенному вашей бабушки.

– У Гаги душа в доме не было, какой уж там поверенный.

Рейчел и Соломон отвернулись, скрывая смех.

– Ну, если не поверенный, то назначается кто-то для распоряжения собственностью. Обычно ближайший родственник. Я потому это говорю, что вы, скорее всего, имеете права на эту землю и дом. А если в банке остались деньги или были какие-то инвестиции, переходящая по наследству пенсия – все тоже ваше. Я готова помочь вам разобраться с этим, если хотите.

– Спасибо. – Долгое молчание. Наклонившись, девушка сорвала фрезию, повертела в пальцах.

Рейчел сдвинулась вбок, спеша уловить отчетливую тень Лоры, силуэт, обрисованный солнечными лучами. Эти резкие лучи то смягчались, то снова резко вспыхивали за деревьями с каждым их шагом, словно огни маяка.

Лора снова зашагала, на этот раз быстрее.

– У Гаги больше никого не было. Она была единственным ребенком. Ее родители давным-давно умерли. Она родилась в Лидсе, с четырнадцати лет работала на фабрике, шила. Переехала в Ирландию, собиралась нянчить детей в семье тут поблизости, но вышло недолго – в то же лето познакомилась с дедом... – Тут дом полностью оказался у нее перед глазами, и Лора замерла, задыхнувшись.

Соломон шагнул вперед, чтобы ей помочь.

Тишина.

Рейчел сместилась у нее за спиной, камеру держала низко, снимала дом – глазами Лоры.

Соломон хотел бы увидеть ее лицо в эту минуту, но обязан был стоять позади камеры. Он присматривался к Лоре, вбирая каждую деталь. Как приподнялись и замерли ее плечи, оцепенев. Пальцы ее перестали судорожно вертеть фрезию. Цветок упал на землю, около кед. В наушниках Соломона отдавалось быстрое дыхание Лоры – учащенное и неглубокое.

Он отвел глаза от Лоры, охватил взглядом все кругом. Трава вымахала настолько высокой, что почти закрывала окна. Домик вовсе не сказочный – бурый кирпич, плоская крыша, два окна по обе стороны от двери. Никакого очарования, и только для Лоры – сундук с сокровищами воспоминаний.

Он ожидал от нее примерно таких же предсказуемых слов, какие вырвались у Бо, когда та подняла обеими руками первый полученный кубок: «Ой, тяжеленький!» – сколько он дразнил ее потом, когда она вернулась с этим хрустальным дивом. Потом Бо уже такого не говорила, стала более красноречивой, привычной, ушла спонтанность. Он ждал от Лоры кроткого удивления: «Дом стал совсем маленьким, не таким он мне запомнился» – что обычно говорят взрослые, когда возвращаются в места своего детства, но вместо этого Лора произнесла совсем другие слова.

– Даже если завещание и было, в чем я сомневаюсь, – голос ее был тверд, – и если дом оставлен мне, он давно перешел государству, потому что я нигде не значусь. Все, кто знал о моем существовании, умерли.

Она прибавила шаг, словно желая отделаться от спутников, и сквозь высокую траву устремилась к дому. Рейчел тревожно оглянулась на Соломона.

– Она говорит, что никто не знает о ее существовании? – тихо переспросила Рейчел, на миг прервав съемку.

Бо кивнула, ничуть не удивляясь, только зрачки расширились от возбуждения:

– Я порасспрашивала в городе, и ни один человек не слышал, чтобы у Изабел Мерфи, или Баттон, как она предпочитала себя называть, был ребенок. Этот вопрос у всех вызывал только смех.

Рейчел нахмурилась:

– Так она лжет о себе?

Соломон сердито глянул на Рейчел, задетый таким суждением о девушке, но тут же напомнил себе, что Рейчел никогда не теряет благоразумия, а такое сомнение вполне естественно. Он запаниковал: неужто молодая женщина, к которой он успел сильно привязаться (по крайней мере, для него это было так), все о себе сочинила? Его словно в воронку засосало, и, когда все вокруг закружилось, отлетая, Бо пришла на помощь, Бо удержала его на поверхности и произнесла слова, за которые он вечно будет ей благодарен.

– Я выслушала все, что люди говорят об этой семье, самые безумные сплетни, какие только есть, и не то чтобы я не верила этим людям, но в первую очередь я верю каждому слову Лоры, – отчеканила Бо и заспешила к дому, нагоняя девушку.

Лора потянула на себя ручку, но дверь оказалась заперта. Потом она заглянула в окна, в каждое окно, прижимаясь лицом к грязному стеклу, заслоняясь ладонями от солнечных бликов. Стекло было так замурзано, ничего толком не разглядишь. Она обошла дом сзади.

– Где ваша комната? – вынырнула рядом с ней Бо.

– Там.

Внутри виднелась железная кровать без матраса, со шкафа кто-то снял дверцы. Комната практически пуста, никаких следов прежней жизни. Соломон пытался вчитаться в лицо Лоры, хотел зайти сбоку и посмотреть, но Рейчел сердито приподняла брови – он заслонял ей свет, мешал снимать, не туда пошел, бестолковый.

Наконец Соломон поставил оборудование. Развязал свитер, примотанный рукавами к поясу, обернул им руку до локтя.

Выбил стекло. Бо, Рейчел и Лора дружно обернулись к нему, чуть испуганные.

– Открыто, – сказал он.

Лора улыбнулась благодарно.

– Расскажите, как вы тут жили. В любой последовательности расскажите, – попросила Бо, когда они, пройдясь по захваченному крысами домику, устроились во дворе. Бо отыскала чудесное местечко в высокой траве, так чтобы дом и лес позади оказались у них за спиной.

Был теплый летний день, душный, словно надвигалась гроза, по небу проносились стремительные тучи, спеша так, словно им было известно нечто, сокрытое от тех, кто оставался на месте. Замечательные кадры. Лора сидела на стуле, Бо перед ней, но так, чтобы не попадать в кадр. Как обычно, она попросила собеседницу повторять в ответе часть вопроса для ясности и чтобы в фильме это звучало как единый рассказ. И они начали.

– Ничего не изменилось, – сказала Лора, прикрывая глаза и глубоко вдыхая. – Все кажется таким же, как было. Во всяком случае, когда закрываю глаза.

– Что вы почувствовали, увидев дом таким?

Лора оглянулась на дом, словно не вполне узнавая.

– Много не так, как помнится. Безупречно чистым он не был никогда. Бабушка и мама любили свой дом, но им важнее был не порядок, а все эти мелочи повсюду – стеклянные банки со всевозможными пуговицами, нитками, травами, камушками. Тары-бары-отвары-товары. – Она улыбнулась, словно припомнив семейную шутку. – Так Гага про нас говорила. Мол, заполняем дом болтовней, отварами и товарами на продажу.

– Ваши мама и бабушка – можно я тоже буду называть ее Гагой? – шили и перелицовывали наряды. Я поговорила с местными жителями, они подтвердили, что их работа пользовалась спросом, можно сказать,

успешное предприятие.

Накануне вечером и в этот день с утра Бо отлучалась из гостиницы и занималась «исследованием». На долю Соломона выпало развлекать Лору, они играли в карты до полуночи, пока не вернулась Бо – от нее разило пивом, одежда провоняла сигаретным дымом. Соломон не был рад ее возвращению. Он бы еще посидел с Лорой, прислушиваясь к ее звукам, как она подражает шороху карт, журчанию тающего в его стакане льда. Словно музыка. С ней было так легко, никакой спешки, никакой срочности и тем более паники. Время словно исчезало. У Лоры не было ни часов на запястье, ни мобильного. Она просто была тут, присутствовала в настоящем моменте, мягкие очертания губ, щекочущее прикосновение кончиков длинных волос к его руке, если она тянулась за картами. Каждая мелочь казалась важна. И никогда он не чувствовал разом такое сердечное удовлетворение – и сердечную дрожь. Лишь в ее отсутствие пробуждались вина, конфликт, сопоставление с Бо, немой и тайный ужас, от которого он холодел.

– У них было успешное предприятие, – подхватила Лора. – Достаточно постоянных клиентов, кому они шили наряды для первого причастия, для праздников и для свадеб. А семьи тут большие, так что всегда что-нибудь такое происходило. Мне больше всего нравились примерки. Ткань закалывали прямо на мне – лучше, чем на манекене, потому что на манекене не проверишь, как платье реагирует на движение. Мне так нравилось вертеться перед ними в нарядных платьях и воображать, будто это будет моя свадьба или мой день рождения, я их этим до ручки доводила. – Она улыбнулась своим воспоминаниям. – А когда платья перестали шить, остались только ремонт и переделки, потом мама немножко помогала по хозяйству одиноким старикам, покупала им продукты, стирала и гладила все, что требовалось. Тут многие живут на отшибе, а дети уехали в город, кто учиться, кто работать. Почти никогда не возвращаются. Так у Гаги и мамы работа и кончилась.

– Заказчицы приходили в дом?

– Нет, в студию, вон туда, – она указала на гараж. – Там они принимали клиентов. В дом никого не пускали.

– Почему?

– Потому что охраняли свою личную жизнь. Не хотели, чтобы дом превратился в мастерскую.

– Боялись, что кто-то увидит вас?

– Да.

– Как вы думаете почему?

– Потому что это их личное дело.

– Не могли бы вы повторять в ответе во...

– Они не позволяли никому меня видеть, потому что это их личная жизнь! – резко повторила Лора. Слишком резко, это нельзя будет использовать в фильме. Слишком агрессивно, смахивает на самооборону.

Бо дала девушке время успокоиться, прикинувшись, будто проверяет с Соломоном звук.

– Все идеально, – подмигнул он Лоре, как только Бо снова повернулась к ним.

Рейчел внимательно присмотрелась к ним обоим.

– У меня два вопроса. Один я задам сразу, второй оставлю на потом. Как вы это понимали в детстве? Такую заботу о личной жизни?

Лора призадумалась.

– Я видела, как им хорошо вместе. Они все время разговаривали, смеялись. Они вместе работали, вместе жили, могли допоздна пить и болтать, далеко за полночь. Всегда находили чем заняться: какая-то работа, либо платье, либо сложный рецепт. Им нравилось планировать, обсуждать все детали, они умели видеть картину в целом, были терпеливы, заглядывали далеко вперед, одновременно брались за много дел, то есть у них всегда что-то происходило, всегда завершался какой-то проект или эксперимент, и они это воспринимали как маленький праздник. Настаивали месяцами водку на березовых листьях, бутылки рядами в кладовке, – она тихо засмеялась, – а потом пили ночь напролет и танцевали, пели и рассказывали всякие истории.

Это показалось Соломону похоже на его семью. Очень.

– Им никто больше не был нужен, – тихо продолжала она. Казалось, она не чувствовала себя этим задетой, скорее восхищалась. – Мне кажется, это что-то вроде идеальной любви. Когда лучше всего вдвоем.

А это уже похоже на близнецов Тулин. Быть может, у Изабел и Тома было все-таки что-то общее.

– А вы тоже сидели с ними по ночам? Участвовали в этих вечеринках? – спросила Бо. Глаза у нее разгорелись: Лора нарисовала восхитительную картину.

– Иногда я засиживалась с ними допоздна. И даже когда меня отправляли спать, я прислушивалась. Дом-то маленький, сами видите, а они малость шумели. – И она рассмеялась, чудесный музыкальный смех. Потом вдруг прикусила губу и оглянулась на Соломона.

Он поднял на нее глаза – большие и красивые синие с блеском глаза, прядь волос выбилась из тугого узла и упала ему на глаза, на длинные

черные ресницы. И сразу же Соломон уткнулся в свое оборудование, чуть повернул какую-то ручку и назад точно в то же положение.

– Перескажите нам, какие истории они рассказывали, – попросила Бо.

– Нет, – мягко отказала Лора, – это их личное.

– Но их сейчас тут нет, – с заговорщическим видом шепнула Бо.

– Они здесь. – Лора снова прикрыла глаза и глубоко вдохнула.

Соломон улыбнулся, глянул на Рейчел и встретился с ее взглядом – лучистым, увлажненным слезами. Бо позволила девушке минуту передохнуть и снова принялась:

– Они учили вас на дому. Расскажите, как это было?

– Гага тоже в основном училась дома. Ее отец считал, что девочкам школа ни к чему, не пускал ее. Ее мама тайком учила ее дома. А она так же занималась со мной.

– Вам жаль, что вы не получили преимуществ школьного образования?

– Нисколько! – рассмеялась она. – Думаю, большинство детей порадовалось бы преимуществам домашнего образования. Помню, как бабушка гонялась за лягушкой вокруг ручья. Она сказала, у мамы в классе лягушек резали и показывали школьникам, как они устроены, мертвые. Она решила поймать лягушку и показать ее мне живьем.

Она снова прикусила губу, и Соломон, еле переводя дух, уставился на ее губу.

– Так смешно она бегала за лягушкой. Можно ли лучше провести день? Анатомию лягушки я до сих пор помню назубок.

Бо засмеялась вместе с ней. Потом спросила:

– Вы уже тогда понимали, что вы и есть главный секрет? Что про вас никто не знает?

– Да, я понимала, всегда понимала, что я – секрет. Они не доверяли людям. Были очень осторожны. Все время повторяли: надо держаться друг за дружку – и будем в безопасности.

– От чего они хотели вас уберечь, как вы думаете?

– От людей.

– Люди причинили им зло?

Пауза. Лора подбирает слова.

– Гага и мама были особенные, непохожие на других. Когда приходили заказчицы, я слышала их голоса, иногда наблюдала за ними в окно, но почти не узнавала их – с клиентками они не смеялись, даже движения становились механическими, только по делу. Вся магия пропадала. Они не были веселыми и забавными, как дома, когда пели и смеялись. Становились серьезными. Даже угрюмыми. Настороже. И это не потому, что клиентки –

бизнес, а потому, что они настораживались. Опасались людей.

– Ваша мама рано бросила школу. В четырнадцать. Почему?

Соломон глянул на Бо и убедился, что ей что-то известно. По ней это было видно. Вся напряглась, хотя и старалась сделать вид, будто вопрос случайный. Но он знал, как она выглядит, зажав в зубах добычу. Бо не поделилась с Соломоном ничем из того, что узнала от местных: она вернулась поздно, он был усталый и огорчился оттого, что прервались их посиделки с Лорой, после этого он хотел только спать, а Бо, взвинченная, все что-то делала, крутилась по номеру, шумела, он рассердился. Уже тогда по ее поведению можно было бы сообразить: она что-то нарыла для фильма. А он и внимания не обратил. Теперь ему и любопытно, и в то же время он настороже – ему не хочется, чтобы она продолжала копать, он бы рад защитить от нее Лору, перешел, можно сказать, на другую сторону. Это настолько странно, что голова идет кругом.

Лора замерла.

– Умер дед. Бабушке понадобилась помощь мамы. Дед работал на ферме. Без него стало не хватать денег. Мама ушла из школы, дальше бабушка учила ее сама. Они занялись пошивом и переделкой платьев. И еще лекарства. Отвары из трав, которые они продавали на ярмарках. Мама говорила, дети в школе дразнились: «Ведьмы!»

– Это ее обижало?

– Нет. Гага и мама смеялись над этим. Хихикали, когда варили свои зелья. Отвары-тары-бары. – Она улыбнулась, вспоминая.

– Дети бывают жестоки, – ласково кивнула Бо. – А что еще дети говорили вашей маме?

«Ты имеешь право промолчать», – готов был подсказать Сол Лоре. Рейчел уставилась на свои ботинки, то и дело проверяла монитор – верный признак того, что и ей не по себе.

– Мама была не такой, как большинство людей, – заговорила Лора, вдумчиво, медленно, осторожно подбирая слова. – Решения принимала Гага. Мама была рада предоставить все руководство бабушке, – дипломатично пояснила она. – Мама была не как все. Если уж вас так интересует, что говорили о ней другие дети, хорошо, я скажу: они называли ее отсталой. Мама мне говорила. Но она вовсе не была отсталой. Какое-то ленивое слово. Она думала не как все, училась иначе, не как другие, только и всего.

Поняв по мимике Лоры и ее позе, что девушка вот-вот замкнется, Бо сменила тему.

– Почему в итоге вы поселились у Тулинов?

– Мама заболела, тяжело заболела в 2005-м. К врачам мы не обращались никогда, Гага и мама не верили в их лекарства, предпочитали свои натуральные отвары и почти никогда не болели, но они поняли, что с мамой что-то серьезное и тут их средства не помогут. Они пошли к врачу, тот порекомендовал больницу. У нее был рак кишечника. От больницы она отказалась, сказала, что предпочитает уходить естественным путем, каким и пришла. Мы с Гагой ухаживали за ней.

– Сколько вам тогда было? – тихо уточнила Бо.

– Четырнадцать, когда она заболела, пятнадцать, когда умерла.

– Как жаль! – шепнула Бо и помолчала с минутой сочувственно.

Большая птица пролетела над головой, рядом жужжала муха. Лора повторила и тот и другой звук. Так она выражала свою печаль, пытаясь снова собраться.

– Значит, вы остались вдвоем с бабушкой. Расскажите про тот год.

– Бабушке стало трудно, некому помочь с ремонтом и перешивкой. Я старалась как могла, но она меня еще не всему обучила, я мало что умела. А у нее начались проблемы с руками, артрит, пальцы скрючивались, и она не могла шить, не могла так легко и быстро, как прежде. Да и заказчиц становилось все меньше. Прежде мама кое-что подрабатывала, помогая старикам, а мне и этого было нельзя.

– Даже в пятнадцать вас не пускали к клиенткам? Вы продолжали прятаться?

– Как бы Гага объяснила, откуда я вдруг взялась? – пожала плечами Лора. – Невозможно. Она бы хотела, прикидывала, как это сделать, но только больше расстраивалась. Нервничала. Лгать она не хотела. Боялась, что сойдет, запутается. Она к тому времени сделалась забывчивой. И думала, что в пятнадцать лет я еще не готова. Еще маленькая.

– Откуда у нее этот страх, Лора?

Снова тот же вопрос, но на этот раз он показался Соломону уместным. Он и сам хотел бы услышать ответ. Но Лора закрылась, и Бо не пыталась настаивать.

– Вы когда-нибудь спрашивали, кто ваш отец?

Соломон снова присмотрелся к девушке. Она опустила глаза, отсвечивавшие зеленым, словно отблеском высокой травы, среди которой она сидела. Провести бы пальцем по ее щеке, подбородку, по ее губам. Он отвернулся.

– Нет. – И, словно припомнив инструкции Бо, дала развернутый ответ. – Я никогда не спрашивала, кто мой отец, – негромко произнесла она. – Не спрашивала, потому что это было не важно. Кто бы он ни был,

мне это было все равно. Все, кого я любила, были со мной.

Рейчел сжала губы, явно растроганная.

– А когда мама умерла?

– Когда мама умерла, я подумала, не следовало ли мне спросить, потому что это был единственный шанс узнать. Конечно, заведомо я не могла быть в этом уверена, но чувствовала, что Гага не скажет. Мама могла сказать, но предпочла не говорить, и я понимала, что бабушка соблюдет ее волю. Это может показаться вам странным, но я редко даже задумывалась, кем он мог быть. Это не имело значения. – Она приостановилась на миг. – Я стала больше думать о нем, когда увидела, как бабушка дряхлеет, когда испугалась, что останусь одна. Она ужасно быстро старела. Они с мамой были одной командой, ни в ком больше не нуждались, и это было прекрасно, но друг без друга они обойтись не могли. Поддерживали друг друга. Когда мама умерла, Гага тоже начала уходить. И она это понимала. Беспокоилась за меня. Пыталась что-то спланировать. По ночам не спала. Я знала, ее мысли только этим и заняты.

– Они ничего не успели спланировать до смерти вашей мамы?

– Я не спрашивала. – Девушка с трудом сглотнула. – Но мама не умела составлять планы. Планировала Гага, а мама помогала осуществить план. Думаю, то, как бабушка в итоге сделала, – это и был их план, мама это одобрила бы. Понимаю, со стороны это звучит так, словно мы толком не общались, но это неверно: мы жили не просто вместе, а словно друг за друга, нам не было надобности многое обсуждать, каждая знала, что думают и чувствуют две другие, ни к чему переспрашивать.

Она смущенно поглядела на Бо: понятно ли объясняет?

– Я все поняла, – сказала Бо совершенно искренне, хотя Соломон усомнился, так ли уж все. Бо и представить себе не может, как это – не задавать вопросов. – Когда же вы узнали, что Том – ваш отец?

– Когда Гага поделилась планом переселить меня в коттедж. Тогда она сказала, что Том Тулин – мой отец и что он ничего не знал. Она поговорила с ним, и он позволил мне жить на его земле. Еще она сказала, что у него есть брат-близнец, и тот не должен ничего знать. Это было единственное условие.

– Как вы это восприняли? – спросила Бо. По ее тону было слышно: она бы ни с чем подобным не смирилась.

– Я привыкла к секретам, – ответила девушка с улыбкой, но глаза выдавали грусть.

Бо решила оставить на время эту тему – Тома и жизнь на горе.

– Вы прожили тут шестнадцать лет, прежде чем переселились в

коттедж. Вам когда-нибудь хотелось покинуть дом? Куда-то поехать?

– А мы и ездили, много раз, – приободрилась Лора. – Пока мама не заболела. Ездили отдыхать в Дингл. Я плавала в Клохерхеде, чуть не утонула! – и засмеялась. – И в Донегол мы ездили. Любили рыбачить. Ловили рыбу, потрошили, жарили. И рыбий жир вытапливали.

– Значит, вы не сидели всю жизнь взаперти? – изумилась Бо.

– Никто меня не запирали, – усмехнулась Лора, довольная, что сумела ее удивить. – Наоборот. Мне предоставили свободу. Я могла быть самой собой, никто не делал мне замечаний, не указывал. Не вижу, какие уж такие большие жертвы с моей стороны. Заказчицы всегда записывались заранее, просто так никому не открывали, так что я могла играть во дворе сколько угодно, если мы не ждали клиентов. А когда они приходили, я сидела у себя в комнате и делала уроки.

– Но экзамены вы не сдавали.

– Выпускные – нет.

– Потому что государство вас не признает.

– Вернее, даже не знает о моем существовании, – бесхитростно пояснила Лора. – В этом все дело. Мама родила меня дома, здесь. И не стала регистрировать.

– Но почему она сохранила ваше рождение в тайне? Спрятала вас от всего мира?

Снова и снова Бо возвращалась к своему вопросу.

– От мира она меня не прятала. Я все время была в нем, с головой в окружающем мире, – твердо возразила Лора.

Бо решила, что пора чуть сбавить темп.

– Итак, раньше я задала вам двойной вопрос: во-первых, когда вы были маленькой, как вы себе объясняли, почему мама и Гага вас прячут, и на этот вопрос вы ответили, а теперь вторая часть вопроса: сейчас, уже взрослой, когда их нет, как вы себе объясняете, почему вас прятали? Ваше мнение не изменилось?

На этот раз Лора не замкнулась, как при прошлых попытках, – Бо сумела перефразировать вопрос, напомнив ей, что она уже не ребенок, она выросла, а мама и бабушка умерли и нет надобности ни защищать их, ни отвечать вместо них. Она может теперь высказать собственное мнение.

Она зарычала – не на Бо, в воздух, выражая свой страх, загнанность. Потом послышался звук бьющегося стекла. Заработала рация, защелкало статическое электричество. Замечала ли она сама, как производит эти звуки?

– В ту пору я чувствовала, как они счастливы. Да, они были настороже,

но всем довольны. Но теперь, оглядываясь, я понимаю, что они жили в страхе.

Бо слушала не дыша.

– Они боялись, что меня отнимут. Боялись, что их сочтут непригодными воспитывать ребенка. Потому что ходили... слухи. – Снова разбилось стекло, защелкала рация. – Люди сплетничали. Они, мол, ведьмы, они сумасшедшие. Приходили к ним сшить наряд или что-то подогнать, но на праздники и свадьбы их никогда не приглашали. Они были здесь чужими.

– Но почему? – мягко переспросила Бо.

– Гага говорила, она не сумела тут прижиться, когда приехала. Но она влюбилась в моего деда и осталась, старалась как могла. Но стало только хуже. Слухи все злее.

– Когда?

Лора снова задумалась.

– Когда умер дед, – сказала она и замкнулась.

И тут же, словно ей хотелось выговориться или уж отделаться от неизбежных вопросов, Лора заговорила снова:

– После смерти мамы бабушкино здоровье пошатнулось. Она не хотела, чтобы я осталась одна. Хотела обеспечить мне убежище, все время об этом говорила. Иногда посреди ночи будила, чтобы мне это сказать, и я видела, как ее это беспокоит. – Снова пауза. – Я как-то читала, что инстинкт побуждает птиц строить гнезда, чтобы укрыть свое потомство и спрятаться самим. Убрать яйца подальше от хищников, спасти. Мне кажется, именно так поступили мама и бабушка. А потом Гага отвезла меня в этот коттедж – новое гнездо. Подальше от опасности, поближе к отцу. Сделала для меня все, что могла.

Пауза.

– Почему вы остались жить в коттедже? Вам уже двадцать шесть лет, вы давно могли уехать. Когда вы стали взрослой, уже не было опасности, что вас заберут в детский дом.

Лора оглянулась на Соломона. Бо заметила это. Соломон и так глаз не сводил с девушки. И пусть Бо это заметила – не может же он сейчас отвернуться, выслушав ее историю, это будет жестоко и грубо. А кроме того, она притягивала его – магически, магнетически.

– Я оставалась там по той же причине, по какой мама и бабушка жили так, как они жили. Потому что мне было там хорошо. Потому что я боялась выйти оттуда.

– Но теперь вы не боитесь уйти? Почему? Потому, что Том умер? Или

потому, что вы готовы к переменам? – Бо задавала вопрос за вопросом, понукая Лору продолжать.

– Перемены происходят всегда, даже на горе. Все меняется, и нам приходится, – добавила она басовито, голосом бабушки. Бо и Рейчел слышали это впервые, у них даже глаза расширились, словно кто-то овладел телом Лоры и говорил за нее. – Я бы хотела найти то, что было у мамы и Гаги. Нужен только один человек – кому довериться.

Она посмотрела прямо в глаза Соломону, а у Соломона сердце билось так громко, что он испугался, не испортит ли звукозапись.

Глава одиннадцатая

В субботу утром все четверо завтракали в ресторане гостиницы. Лора оглядывалась по сторонам – не как марсианин, но как человек, которому никогда прежде не доводилось бывать в подобном месте.

– Доброе утро, вы готовы сделать заказ? – возникла у стола официантка.

Она картавила, вместо «р» выходило «в».

Лора прислушивалась словно зачарованная, губы ее задвигались, воспроизводя этот звук.

Соломон следил за ней: только бы не вслух!

– Да! – громко ответила Рейчел, готовая грызть хоть ножку стола. И первая выпалила заказ.

– Так, проверим заказ: две сосиски, два яйца, два помидора, грибы, ветчина... отличная нарезка от Рафферти, местный фермер. Прекрасные свиньи. Получают награды.

– Помидовы, – заговорила внезапно Лора, точно копируя официантку. При этом она даже не смотрела на нее, намазывала тост маслом и картавила, словно не замечая, как эти слова вылетают у нее изо рта. – Гвибы. Нагвады.

Официантка замерла и уставилась на Рейчел.

Бо нисколько не сочувствовала бедной женщине, которая, разумеется, думала, что над ней издеваются. Бо следила за каждым движением Лоры, увлеченная, заинтригованная, с такой жадностью, с какой Рейчел вот-вот накинется на двойной ирландский завтрак. А у Соломона от неловкости даже струйка пота потекла по спине.

– Она вас не передразнивает, – неуклюже попытался он объяснить.

Его спутницы явно удивились, что он вообще затронул этот вопрос.

Гнев в глазах официантки погас. Она присмотрелась к Лоре, и Соломон сообразил: она думает, что у девушки не в порядке с головой.

– Не передразнивает. Она... она учится. Новые звуки. Она... – Он оглянулся на Лору, но та смотрела на него с усмешкой, словно если над кем и подшутили, то над ним.

– Ладно, если что-то еще понадобится, зовите. Пока что побыстрее доставлю на кухню этот заказ. – И она ухмыльнулась Рейчел.

Лора не могла сдержаться. Она так точно повторила «побыстее», что Рейчел едва сдержала нервный смех.

– Перестань! – тихо попросила Бо.

– Знаю, знаю, но не могу удержаться, простите, – очень серьезно ответила Рейчел и тут же прыснула, и так у нее и чередовались смех и серьезное выражение лица, словно доктор Джекил и мистер Хайд.

Официантка отошла от стола, недоумевая, то ли дурочку привели на завтрак, то ли все-таки издеваются.

– Плюнет тебе в капучино, – предупредил Соломон, намазывая маслом тост.

– Почему вы засмеялись? – спросила Рейчел Лора.

– Не удержалась. – Она салфеткой утерла вспотевший лоб. – Со мной такое бывает в самые неподходящие моменты. С детства. Хуже всего на похоронах.

– Вы смеетесь на похоронах? – улыбнулась Лора.

– Всякий раз.

– И когда Тома хоронили?

Рейчел мрачно глянула на нее.

– Ага.

Соломон покачал головой:

– А почему вы смеялись? – допытывалась Лора, широко раскрывая любопытные глаза. Нисколько не обиделась на то, что Рейчел смеялась на похоронах ее отца.

– Бриджет пукнула, – пояснила Рейчел.

– Ну полно же, – покачал головой Соломон.

– Рейчел! – с отвращением одернула ее Бо.

– Лора задала вопрос, и я стараюсь честно ответить. Я сидела у нее за спиной. Когда Бриджет встала, чтобы опуститься на колени, послышался негромкий выстрел. – Рейчел изобразила, и Лора в точности повторила этот звук, отчего Рейчел расхохоталась еще громче.

Бо и Соломон вопреки рассудку присоединились к ним.

– Это называется «ротацизм», – сказал Соломон, когда смех смолк. – Или, наоборот, «деротацизм».

– Ты о чем? – удивилась Бо. Она уже уткнулась в телефон, проверяя почту.

– Картавость как у официантки. Я тоже в детстве не выговаривал «р», – пояснил он, обращаясь главным образом к Лоре.

Бо удивленно подняла глаза.

– Мне ты никогда об этом не говорил.

Соломон пожал плечами, чуть покраснел, вспоминая.

– Меня до семи лет водили к логопеду, пока не исправили. Братья

никогда не дадут мне об этом забыть. Моего брата Рори в семье так и зовут – Вовви.

– А я-то гадала, почему его так зовут, – рассмеялась Бо. – Думала, потому что он младшенький.

– Вот именно. Мой маленький Вовви, – подтвердил Соломон, и захохотали уже все.

Вдруг заурчала, кипятя молоко, кофейная машина. Лора подскочила, огляделась в поисках источника звука, уже повторяя его.

– Что это? – тихо спросила Бо.

– Молоко процеживается, перколяция, – пояснила Рейчел.

– Вот это да! – Бо торопливо записывала звук на телефон.

За соседним столом доедала завтрак семья, двое детей так рты и разинули.

– Нельзя так смотреть, – тихо предупредила их мать, но сама поверх чашки внимательно следила за Лорой.

Соломон подавил желание сообщить им, что с Лорой все в порядке.

– Кофейная машина, – сказал он, наклоняясь и кладя руку на плечо Лоре, надеясь ее этим успокоить.

Она оглянулась – зрачки расширены, паника.

Соломон указал ей на машину за стойкой в дальнем конце зала:

– Вон кофейная машина. Кипятит молоко, чтобы добавить в латте или капучино.

Она присмотрелась, снова повторила тот звук, приладилась к нему и отвернулась. Дети за соседним столиком тоже успокоились и воткнулись в компьютерную игру.

Лора вдруг заметила их тоже, начала воспроизводить звук планшета, пiski и выстрелы. Мальчик отложил игрушку и, встав коленями на стул, положил подбородок на спинку, пристально разглядывая Лору. Она улыбнулась ему, и он поспешно уселся. Мать велела обоим выключить звук.

Вернулась официантка с подносом. Ирландский завтрак для Соломона и Рейчел, грейпфрут для Бо, которая даже его не заметила, продолжая записывать Лору на телефон. Лоре досталось два яйца вкрутую.

Молча каждый вгрызся в свою еду, но тут Лора, осмотрев тарелку Рейчел, повторила слова официантки – «навозка от Вафевти» – так точно и так невинно, так явно не желая передразнить или обидеть, что они, не выдержав, засмеялись снова.

– Думаю, правильнее было бы мне поехать с вами в Голуэй, –

спохватилась вдруг Бо, когда они выписались из гостиницы.

Лора помогала Рейчел паковать сумки в машину, Сол и Бо на минуту остались вдвоем возле стойки администратора.

– Впервые ты надумала повидаться с моей семьей, – сказал он шутливо, но ведь так оно и было на самом деле. Теперь, когда Лоры не было рядом, он позволил себе потрепать Бо по волосам.

Она улыбнулась, заглянула ему в лицо, обхватила руками за талию.

– Твоя семья возненавидела меня с первого взгляда.

– Про ненависть – это ты чересчур. – Он быстро клюнул ее в щеку. – Моей семье ты не приглянулась, это да.

– Тебе следовало солгать и уверить меня, будто они меня обожают.

– Обожать – тоже чересчур.

Они улыбнулись друг другу.

– Нам с тобой предстоит что-то замечательное, Сол!

– Это так романтично, Бо! – передразнил он ее мечтательный тон, прекрасно понимая, что речь не о любви, а о будущем фильме.

Она засмеялась.

– Думаю, надо бы снять эту поездку в Голуэй. Как Лора впервые выходит в мир. Нельзя это упускать. Как и то, что сегодня было за завтраком – это же клад. Невероятное разнообразие звуков, охренеть!

– Ты прекрасно знаешь, почему мы не можем это снимать, – пожал он плечами и отстранился, профессиональная неумность Бо вдруг стала ему неприятна. – Мы не готовы. Рейчел должна побывать дома, ты – прочесть свою суперлекцию. Блудный студент возвращается в родной университет.

Она застонала.

– Если б не лекция, я бы поехала с тобой.

– Помнится, ты специально выбрала дату, чтобы совпала с маминым юбилеем.

– Правда.

– Карма – такая сука.

Снова Бо рассмеялась.

– Просто я плохо выдерживаю все эти семейные дела. У меня была ущербная в социальном отношении семья ровно из четырех человек. А когда все обнимаются-целуются-поют-и-танцуют и каждому непременно отводят минуту славы, я нервничать начинаю.

У Соломона трое братьев и сестра, все они соберутся на выходные в родительском доме, кто с подружкой, а кто уже с женами, детьми. И без счета дядей и теток и двоюродных братьев-сестер, не говоря уж о сумасшедших соседях и тех, кто заглядывал на вечеринку случайно – проходил или

проезжал мимо и вдруг слышал музыку. Да, у них шумно, непривычному человеку тяжело, а Бо не из тех, кто может выдержать два-три дня выходных, когда ее постоянно подначивают. Но и ему приходилось нелегко в пригородном доме ее родителей. Слишком тихо, а когда заговорят, следят за каждым словом, вежливость и еще раз вежливость. В семье Соломона обсуждали все, схватывались по поводу политики, новостей, спорта, не забывали и посплетничать насчет соседей. Его близкие не переносили молчания. Пауза годится лишь для нагнетания драматического эффекта в рассказе. Молчание надо во что бы то ни стало разогнать – для того людям и даны слова, музыка и песни.

Но, по правде говоря, Соломона отсутствие Бо на юбилее вполне устраивает. Ему без нее будет проще. Точнее – было бы, но теперь с ним едет Лора.

– Не думаю, что Лора кардинально изменится к понедельнику, когда мы начнем съемки. И звуки останутся при ней, – подбодрил он.

– Уверен?

– Да. Это часть ее существа.

– Может быть, мы могли бы найти ей врача. Засняли бы и процесс исцеления. – Бо уже снова вернулась в привычную роль продюсера. – Как переход к новой жизни. Столько возможностей, как подступиться к этому фильму! Надо мне сесть и во всем разобраться.

– Зачем же ей избавляться от звуков? – удивился Соломон.

Бо с не меньшим удивлением покосилась на него.

Соломон услышал шаги Рейчел. Бо торопливо поцеловала его и отошла.

– А ты не мог бы остаться с ней здесь? – спросила она. – Проследил бы, чтобы никаких новых впечатлений не было до моего возвращения. Право первой ночи.

Последнее замечание смутило Соломона, хотел бы он понять, насколько оно шутливо. Нет, конечно, Бо ничего такого не имела в виду, первая ночь не в таком смысле, даже если это действительно была бы первая для Лоры ночь. Он-то уже немало над этим думал и уверился, что она девственница, она же с шестнадцати лет жила одна в том коттедже. А до тех пор в ее жизни никого не было? Не было, она бы сказала. Как скрыть от Бо, какое впечатление произвели на него ее слова?

Он откашлялся.

– Ни за что на свете я не пропущу мамино семидесятилетие, – как можно тверже выговорил он. – Если тебе так хочется, возьми Лору с собой в Дублин. Сама и проследишь за «прогрессом».

Тут же ему захотелось взять свои слова обратно. Сердце пуще прежнего заколотилось в груди, пока он ждал ее ответа, но психология «от обратного» сработала. Бо встревожилась, словно мамочка новорожденного, которую попытались впервые оставить наедине с малышом.

– Нет, ей лучше с тобой. Она предпочитает тебя.

Он постарался скрыть облегчение, как Бо постаралась скрыть испуг, но, может быть, она так же ясно читала в его душе, как он – в ее.

Соломон отвез Бо и Рейчел на вокзал. Сначала Бо и Рейчел собирались поехать в Дублин на машине, а Соломона отправить в Голуэй на автобусе, но теперь решили, что Лоре три часа в переполненном автобусе со множеством незнакомых звуков покажутся тяжелы. До вокзала Рейчел и Лора ехали на заднем сиденье, они успели сдружиться, общались легко и свободно.

– Как ты с ней размякла, – поддразнил Соломон, помогая Рейчел выгрузить съемочное оборудование. – Наверное, надвигающееся материнство так на тебя подействовало. Большая добрая мамочка.

– Обойдемся без «большой», – проворчала Рейчел.

– Правда, ты ей нравишься, – сказал Сол.

– Ага. Но ты нравишься ей намного больше. – Рейчел проницательно глянула на него. Предупреждающе глянула. – Веди себя хорошо. До понедельника.

Глава двенадцатая

– Мам, это я, Соломон.
– Привет, милый. Все хорошо?
– Да. Все отлично. Только... Хмм. Я уже еду к тебе, и со мной еще кое-кто.

– Бо? – Голос нерадостный, хотя из всей семьи только мама действительно старалась не показывать свое отношение к Бо. Она всегда уважала выбор своих детей, даже если ей не слишком нравились их половинки.

– Нет, не Бо, она просила передать, ей очень жаль, но лекцию невозможно перенести. Это большая честь – лекция в родном университете, тут ничего не поделаешь, – заспешил он, прикрывая Бо и сам дивясь, зачем он это делает, вечно извиняется за одних перед другими, когда самим им друг на друга наплевать.

– Конечно, конечно, занятая женщина.

– Не потому, что не могла уделить время, но лекция – это важно. Конечно, твой день рождения тоже важен, – окончательно увяз он.

– Соломон, милый. – Он расслышал в голосе мамы улыбку. – Не убивайся так. Ты слишком волнуешься, сам себя запутал. Кого ты везешь с собой? Его можно поселить с тобой в одной комнате? У меня места маловато. – Она понизила голос. – Морис хочет приехать с Фионой и взять всех троих детей. Он славный, бедняжка, и вдовец, разумеется, но трое детей! Я засуну их в комнату, которую наметила для Пэдди с Мойрой, потому что Мойра не приедет. Опять спина. Пэдди будет с Джеком, он страшно зол, они никогда не ладили... Но что тут поделаешь?

Соломон засмеялся.

– Сама не волнуйся. Пусть радуются, что их вообще пустили. А я поселюсь у Пата.

– Нет, ты не будешь жить у Пата, у тебя своя комната есть. Слышать ничего об этом не желаю.

– Мам, мой гость – женщина. Так что тут есть некоторые трудности. Но давай поселим ее в моей комнате, а я буду спать на диване.

– Никто из моих сыновей не будет спать на диване! Кто эта женщина, Соломон?

– Лора. Лора Баттон. Ты ее не знаешь. Она из Макрума. Мы будем снимать ее в новом фильме. Ей двадцать шесть лет. И мы, ну, мы не пара.

Короткая пауза.

– Значит, я помещу ее в комнату Кары.

– Мама, но это вовсе не обязательно. Я уступлю ей свою комнату. Посплю на диване. Ей будет лучше одной.

– На диване никто спать не будет! – решительно повторила она. – И уж тем более никто из моих мальчиков. Не затем я год планировала праздник, чтобы гостей по диванам распихивать.

Родители Соломона – владельцы мини-гостиницы на восемь номеров. Мама обожает привечать гостей, кормить, обустраивать, она больше хлопочет о чужом удобстве, чем о своем. Своим она всегда готова поступиться. Но при всей приветливости она человек старомодный и никогда не допустит, чтобы кто-то из ее детей делил комнату с другом или подругой до вступления в брак.

– Ты все поймешь, когда ее увидишь. Она особенная.

– Вот как?

– Да не в этом смысле, – улыбнулся он.

– Увидим, – весело отозвалась мама, в ее голосе тоже звучал отголосок смеха. – Посмотрим и увидим.

Закончив разговор, Соломон помахал рукой Лоре. Увидим, вот именно. Лора стояла возле огороженного участка мостовой, где четверо мужчин в оранжевых жилетах и джинсах, спущенных на ягодицы, пытались работать с отбойным молотком, в то время как Лора в точности воспроизводила его звук.

Убедившись, что у нее получается идеально, и видя, что Соломон убрал телефон, она подбежала к нему.

– Садимся в машину и едем в Голуэй. Если по дороге захочешь остановиться и на что-то посмотреть, что-то послушать, так и скажи. Чем чаще, тем лучше – по правде говоря, я вовсе не спешу туда попасть.

Она улыбнулась:

– Ты счастливчик, у тебя семья есть, Сол.

«Сол» она произнесла голосом Бо.

– Не надо, называй меня по-своему, – попросил он.

– Соломон, – сказала она, и он улыбнулся.

Каждый раз, когда они вот так общались, ему приходилось в итоге отключаться вручную. То есть буквально распутывать свою душу, отделяя от ее. И в этот самый момент Лора вновь изобразила смущенное покашливание – и Соломон засмеялся.

Они вернулись в машину, которую Соломон бросил как попало, когда Лора вздумала выскочить на светофоре, чтобы выяснить, откуда доносится

грохот отбойного молотка.

– Кто такой лирохвост? – спросила она, как только они снова пустились в путь.

Он быстро глянул на нее и снова сосредоточился на дороге.

– Я слышала, как Бо говорила по телефону про лирохвоста. Она нашла лирохвоста. Это про меня?

– Да.

– Почему она так меня назвала?

– Так будет называться фильм. Птица-лира, она же лирохвост, живет в Австралии и славится умением подражать самым разным звукам.

На самом деле он не об этом собирался сказать, не этого хотел. Птица-лира – одно из самых прекрасных, самых редких и самых разумных созданий на Земле. Он видел эти отзывы, когда просматривал материал по лирохвосту, и хотел ей сказать, но слова не шли с языка. Он много чего успел прочесть об этой диковинной птице с тех пор, как Бо приняла решение так назвать фильм. Но сейчас он впервые упомянул ее умение подражать голосам птиц и боялся, не обидел ли сравнением. До сих пор он не был уверен, замечает ли сама Лора, как она повторяет все звуки. Даже когда толпа набежала посмотреть, как она вторит отбойному молотку.

– Вот. – Он поискал в телефоне, одной рукой придерживая руль, одним глазом следя за дорогой. Протянул Лоре короткую запись, найденную на YouTube. Пытался понять ее реакцию (Бо, вероятно, будет недовольна, что этот момент не запечатлен на камеру).

Лора улыбнулась при виде того, как лирохвост, забравшись на построенную им в лесу «сцену», передразнивает оттуда других птиц.

– Зачем он это делает? – спросила она. Соломон и сам бы хотел задать ей аналогичный вопрос.

– Привлекает пару, – пояснил он.

Лора поглядела на него, и под взглядом этих зеленых глаз он чуть не врезался в переднюю машину, остановившуюся на светофоре. Ударил резко по тормозам и в который уже раз смущенно откашлялся.

– Самец лирохвоста поет в сезон спаривания. Строит такой вот помост, стоит на нем и поет. Самки собираются на его зов.

– Выходит, я – птичий самец, решивший поразвлечься, – скорчила гримасу Лора.

– Некоторая поэтическая вольность тут уместна.

Она еще немного посмотрела запись, и, когда лирохвост принялся подражать бензопиле, а потом звукам видеокамеры, Лора засмеялась так громко и свободно, как Соломон ни разу еще не слышал.

– Кто додумался назвать меня лирохвостом? – еле выговорила она, утирая выступившие от смеха слезы.

– Я, – признался он смущенно и отобрал у нее телефон.

– Я-а, – в точности повторила она за ним, а потом, после короткого молчания, пока он гадал, о чем же она думала, добавила: – Ты меня открыл, ты меня нарек.

Он поежился.

Лора продолжала:

– Я читала книгу об индейцах. Они верили, что имя добавляет нечто к личности человека. И, поскольку человек меняется, надо время от времени менять его имя. Прозвища показывают не только самого человека, но и как другие люди его воспринимают. И каждый становится не односторонним зеркалом, а как бы двусторонней призмой.

Соломон настолько был поглощен этим разговором, что внезапный гудок посреди ее речи застал его врасплох – он не сразу понял, что Лора первой услышала нетерпеливого водителя, пристроившегося ему в хвост. Светофор переключился, пока он всем сердцем вслушивался в слова Лоры, горел зеленый. Он успел проскочить на желтый, уходя от того разгневанного водителя.

– Я что хочу сказать, – улыбнулась Лора. – Мне нравится. Я – Лирохвост.

Глава тринадцатая

– Ох, Соломон, какая она красавица! – выдохнула мать Соломона, Мари, выскочив навстречу ему на крыльцо. Можно подумать, он вернулся из роддома с первенцем на руках. Даже обнимая сына, она глаз не сводила с Лоры. Словно была чем-то поражена так, что дух перехватило. – Да ты только погляди! – Она взяла ее за обе руки и с той минуты уже не обращала ни малейшего внимания на сына. – Ангел, чистый ангел! Уж мы о тебе позаботимся!

Мари притянула девушку к себе, обхватила ее рукой за плечи.

Соломон вместе с отцом потащил в дом сумки, и по пути Финбар так ловко ткнул его локтем в бок, что он и сумки выронил. Финбар расхохотался и первым взбежал на крыльцо.

– Куда мы ее поместим, цветочек? – спросил он жену.

– Для милой Лоры – комната с орхидеями! – решила та.

– Это же моя комната! – высунулась из комнаты по правую сторону коридора чья-то голова. – Привет, братан!

Вылитый Соломон – разве что на несколько лет старше, – его брат Донал вышел обнять брата и поздороваться с Лорой.

– Отправляйся к Ханне, – распорядилась мать. – Если б ты не один приехал, мы бы нашли тебе место в доме, но уж как вышло.

– О-хо-хо! – рассмеялся Соломон, хлопнув брата по плечу. Мать покарала Донала за то, что он расстался с единственной женщиной, на которой, они-то с отцом уж понадеялись, мог бы жениться.

Лора с улыбкой наблюдала за каждым их жестом.

– Соломона тоже в комнату с орхидеями? – невинно осведомился Донал, и мать глянула на него столь яростно, что он прыснул со смеху.

Соломон подхватил сумки и постарался увести Лору от этого разговора.

– Соломон будет спать в собственной комнате! – фыркнула Мари, ей такая перебранка только в радость. – А теперь вы все ступайте прочь. Лора, ангел мой, пойдем провожу тебя в твою комнату. Не вздумай задирать его там, Донал! – предупредила она, видя, как оба сына заходят в комнату Соломона.

Донал расхохотался:

– Мам, мне сорок два!

– Не важно, сколько тебе лет, ты всегда обижаешь бедняжку Сола. Я

точно знаю, это ты скинул его с верхней кровати.

Донал ослабился еще шире:

– Ах, бедный наш маленький Соломон!

– Ничего я не маленький и не бедненький! – заспорил Соломон, пытаюсь поймать взгляд Лоры, убедиться, что они еще не свели ее с ума. Каково это – от полного одиночества перейти вот к таким семейным сценам, справится ли она?

– Вовви! – произнесла вдруг Лора, и Донал аж взвыл от смеха. Он высоко поднял руку, предлагая ей хлопнуть, но Мари потащила девушку прочь, скрывая собственный смех. Мать, по ее понятиям, должна быть строгой, если мальчики увидят, как она утратила сдержанность, они и слушаться перестанут. Они и так все время ее подначивают, но она ведет свою игру – не поддается.

Лору проводили в «пристройку»: родители добавили к дому две гостевые комнаты после того, как дети разъехались. Остался только Рори, и он, судя по неспешному его взрослению, так и будет жить с ними до конца жизни.

Дав Лоре несколько минут на обустройство, Соломон постучался в ее дверь.

– Да! – откликнулась она, и он распахнул дверь.

Девушка сидела на широкой кровати, рядом стояли нераспакованные сумки, пока что она оглядывала комнату.

– Красиво! – мечтательно выговорила она.

– И правда. Комната с орхидеями у мамы любимая, – подтвердил Соломон, входя. – Моя сестра Кара – фотограф. На всех тканях тут ее фотографии. Она фотографирует цветы и камни. Камни – в комнате камней, там сумасшедший дядюшка Брайан. Мама почему-то не так любит камни.

– Какая у тебя интересная семья! – улыбнулась Лора.

– Можно и так сказать. – Он прокашлялся. – Итак, празднество начинается через час. Сюда ворвется весь Спидл, будут петь, играть на музыкальных инструментах, рассказывать байки и плясать. Ты можешь пересидеть тут, в безопасности.

– Я бы хотела со всеми.

– Уверена? – тревожно переспросил он.

– Ты будешь петь? – вопросом на вопрос ответила она.

– Да, каждый обязан выступить.

– Хочу послушать, как ты поешь.

– Учти, они и тебя заставят петь. Я попытаюсь их остановить, но не могу ничего обещать. Они ребята крутые и меня не слушают.

– Я спрячусь в задних рядах, – сказала она, и он засмеялся. – Почему ты смеешься?

– Как ты спрячешься? Да в полном зале ты – самая приметная.

Она прикусила губу, принимая комплимент. А ведь Соломон не хотел так откровенно выдавать себя. Он попятился к двери, чувствуя, как сводит все внутри.

Снова она повторила его покашливание.

– Вот-вот, – согласился он. – Я смущен. Уж извини. Пойду, не буду тебе мешать умываться, наряжаться и так далее. Получаса хватит?

Бо полчаса заведомо хватило бы, она редко задумывалась над тем, как будет выглядеть, от природы она красива, накинёт на себя какую-то одежду – и клево. Свежо. Броги и брюки с отворотами, тонкий свитер из кашемира или блейзер – гарвардская девица, хоть сейчас на рекламу J. Crew. Но бывали у него и такие девушки, которые за полчаса не успели бы высушить волосы.

Лора кивнула. Потом вдруг:

– погоди! – Она занервничала. – Там все будут нарядные? У меня с собой ничего такого нет. Я кое-что сама себе шила, но... не для такого случая.

– Примерно то, что на тебе сейчас, и пойдет. Никакого парада.

Она успокоилась, а Соломон огорчился: значит, вот что ее тревожило по пути сюда. С этой проблемой Бо справилась бы лучше, чем он.

– Что у тебя с блондиночкой? – спросил Донал, когда Соломон вышел из душа. Брат валялся на кровати в его комнате и просматривал его телефон.

– Давай-давай, ройся в личных сообщениях.

– А где корова?

– Бо в Дублине. Сегодня она читает лекцию студентам-киноведам. Так и так не успела бы попасть еще и сюда.

Донал присвистнул, якобы от восхищения, но смотрел насмешливо:

– Ну да, и отменить она не могла.

– Я просил ее ничего не отменять. Это большое событие.

– Похоже на то. – Донал чересчур пристально к нему присматривался.

Недовольный этим взглядом, Соломон сбросил полотенце, прикрывавшее его ниже пояса, и поднял руки:

– Смотри, но не трогай.

– О, это по-взрослому.

– Ну да. – Соломон порылся в сумке в поисках чистой футболки. –

Мне тут проще без нее, – продолжал он, стоя к брату спиной, и тут послышался щелчок телефонной камеры. – Вы, ребята, мне сильно жизнь усложняете.

– Вовсе нет, – запротестовал Донал и щелкнул задницу Соломона под другим углом. – Мы помочь стараемся.

– Называя ее коровой.

Донал засмеялся еще веселее:

– Ты сам велел говорить с ней по-английски.

«Бо» по-ирландски – корова. То-то радости для его ирландскоязычной родни.

– Вы ее ни на минуту в покое не оставляете.

– Просто шутим.

– У нее другое чувство юмора.

– Да ладно? У нее вовсе нет чувства юмора. И к нам она приезжает так редко, что могла бы и потерпеть.

– Хватит фотографировать мои яйца.

– Такие хорошенькие. Я эту фотку маме пошлю. Пусть отделает новую комнату – назовет яйценокской.

К стыду своему, Соломон не устоял перед дурацкой шуточкой и рассмеялся.

– А ты бываешь у родителей Бо? Гости-бранчи-вечеринки и все такое? – Долан изобразил столичный дублинский выговор.

– Иногда. Нечасто. Один раз был. Нам с Бо лучше всего вдвоем. Подальше и от ее, и от моей родни.

– И друг от друга подальше.

– Хватит тебе.

– Ладно. Последний вопрос. Жениться собираешься?

– Жениться? – Сол тяжело вздохнул. – Что за старушечьи разговоры? Тебе-то какое дело, женюсь я или нет?

– Слышь, а член у тебя от такого вопроса вдвое короче стал. Смотри. – Он поднес к его глазам мобильник. – Вот до того, как я задал вопрос. А вот после.

Соломон усмехнулся.

– С чего ты-то задаешь мне такие вопросы? Холостяк в сорок два года. Тебе в священники следовало пойти.

– Да, жилось бы веселее, – подхватил Донал, и Соломон сердито поморщился.

– Не смешно. Я слышал, как мама с папой обсуждали, не гей ли ты.

– Заткнись! – Донал прикинулся, будто его эти слова не задели, но

телефон от себя отшвырнул.

Соломон подхватил мобильник.

Тридцать два снимка его собственных причиндалов.

Донал поспешил сменить тему:

– Мама говорила, ты побывал в Бостоне. Чего вдруг?

– Irish Globe нас награждала.

– Поздравляю.

– Спасибо.

– Итак, ты счастлив.

– Как всегда.

– И ты женишься на ней?

– Отвали.

– Так что с блондиночкой? – повторил Донал свой первый вопрос.

– Ее зовут Лора.

– Что у тебя с Лорой?

Соломон быстро пересказал предысторию Лоры, упомянул о ее звукоподражательных способностях, все рассказал, что ему было известно.

– Почему она не поехала в Дублин с Бо?

– Предпочла поехать со мной. Я первый ее нашел. Она мне доверяет. –

Соломон пожал плечами. – Давай скажи, что это чудно.

– Вовсе нет.

Соломон присмотрелся: нет, не издевается.

– Наденешь ты наконец трусы? – швырнул в него подушку брат.

– Вот тебе, нечего мои яйца фоткать! – Подушка полетела обратно. – Я тебе фотки пришлю, будешь всю жизнь любоваться.

Дверь отворилась, еще двое братьев разом протиснулись в комнату.

– Э-ге-гей! – завопили они, потрясая упаковкой с шестью бутылками пива.

Соломон, хохоча, поймал брошенные Доналом боксеры.

– Что у вас тут? – спросил самый старший, Кормак, оглядывая Соломона с головы до ног. – Симпатичный крантик.

– Твоя подружка стоит у окна комнаты орхидей и кукует вместе с кукушками, – сообщил самый младший, Рори.

– И что? – Соломон напрягся. Быстро натянул джинсы и обернулся к парням, готовый драться, готовый защищать Лору. Не впервой ему давать любому из них по морде.

– Горячая штучка! – ухмыльнулся Рори и вручил ему бутылку.

Спускаясь на первый этаж, Лора издали услышала гул толпы и замерла

в испуге. Братья это заметили, но пошли дальше, словно ни в чем не бывало, и Соломон оценил их деликатность. Будь на ее месте Бо, они бы ее в покое не оставили. Могли бы подхватить да и снести вниз на руках.

– Все будет хорошо, честное слово! – ласково сказал Соломон девушке.

Он хотел обхватить ее за талию и проводить или за руку взять, но ничего такого себе не позволил. Смотрел на нее сбоку и видел, как свет играет на кончике ее носа, просачиваясь сквозь длинные ресницы. Она все-таки переделась – в рукодельное платье. Простой покррой, длинные рукава, но само довольно короткое. Из двух разных материалов. Наверное, переезжая в коттедж, она немалый запас тканей с собой прихватила.

– Будешь рядом? – попросила она, заглядывая ему в глаза.

Он был рад отвести прядь, упавшую ей на лицо.

Они стояли на ступеньке так близко, что девушка почувствовала исходящий от него жар. Ей хотелось прижаться лицом к обнаженной коже под распахнутым воротом его рубашки. Вдохнуть запах его кожи, ощутить этот жар.

Они стояли неподвижно и смотрели друг на друга. Он откашлялся.

– Конечно, я буду рядом. Но и ты далеко не отходи. Они меня готовы заживо сожрать.

Она улыбнулась, потянулась к нему и ухватила под руку, словно школьница. Не могла удержаться, прижала теснее его руку.

– Все будет хорошо, – шепнул он ей в макушку, почти касаясь губами волос, вдыхая легкий сладкий аромат.

Глава четырнадцатая

Из зимнего сада были распахнуты двери в гостиную, столовую, кухню и кабинет, образуя единый зал для приема гостей. Обеденный стол плотно уставлен блюдами, часть которых приготовила Мари, а остальные принесли с собой соседи. Сотня гостей заполонила первый этаж, Финбара уже выпихнули на импровизированную сцену – рассказывать историю его знакомства с Мари. Тщательно отрепетированный рассказ исполнялся на английском, для родственников и друзей именинницы, прибывших из Дублина. Закончив выступление, Финбар вручил жене деревянное сердце, которое собственноручно вырезал из дерева, под которым они впервые обменялись поцелуем. Потом, дескать, это дерево повалила буря. Соломон подозревал, что дерево могло быть и не тем же самым, а соседним, но ведь главное – чувство. В каждой камере сердца по ящичку, в каждом ящичке – символ, представляющий одно из поколений семьи.

Все взирали на эту сцену со слезами умиления, многие подняли повыше телефоны, чтобы заснять исторический момент, когда Мари – она всегда устраивалась на сцене рядом с Финбаром – спряталась в объятиях мужа. А затем настала ее очередь выступать. До того как родить пятерых детей и стать хозяйкой гостиницы, Мари была профессиональной арфисткой, ездила по всему миру, много раз бывала в Штатах, играла на днях рождения и свадьбах, участвовала в концертах. Исполняла и классическую, и традиционную музыку, что попросят, но больше всего любила кельтскую. Именно с кельтской группой она и приехала впервые в Голуэй, и тут-то Финбар на нее глаз и положил. Рыжеволосая богиня за огромной арфой. Сол и его братья столько раз слышали одну и ту же музыку, что, хоть она и не наскучила и в таланте матери они не сомневались, уже и не восхищались ею – кроме тех мгновений, когда при виде восторга на лицах тех, кто слышал ее впервые, они понимали, как она умела заморозить зал.

Мари заиграла «Сон О'Каролана», и Лора, до сих пор сидевшая рядом с Соломоном тише мышки, выпрямилась, явно потрясенная. Соломон улыбнулся ее восторгу и откинулся на спинку стула, сложил руки на груди, любясь тем, как Лора любит его мать.

Вдруг в кармане у него завибрировал телефон. Сол глянул – это звонила Бо. Он тихо извинился (никто и не обратил внимания, все смотрели на Мари) и выскользнул из зала в кухню.

– Алло, – сказал он, мимоходом отщипывая от дожидавшегося в кухне угощения.

– Алло! – завопила Бо, и он отвел трубку подальше от уха. В мирную обстановку родительской кухни ворвался грохот толпы. Она явно в пабе.

– Я думал, ты дома сидишь и работаешь, – сказал он, приглушая голос.

– Что? – крикнула Бо.

– Думал, ты дома работаешь, – повторил он погромче, и кто-то шикнул, прикрыл дверь.

Он вышел через заднюю дверь в сад. Сильный запах жимолости напомнил ему детские игры на воле, долгое жаркое лето напролет, в каждом углу сада свои приключения.

– Да. Работаю! Собираю материал! – прокричала Бо, и по смазанной интонации легко было догадаться, что она успела выпить. Тем более ей, чтобы опьянеть, много не надо. – Встречаюсь с анпротологистом, – кое-как выговорила она и сама над собой засмеялась. – Ну, ты понял. Вернее, хотела найти спеца, для того и послала Джеку видео с Лорой. Джек сразу влюбился. Хочет, чтоб она прослушалась на «Поиске звезд», говорит, она потрясающая. Нельзя никому знать, что он посмотрел ту запись, судьям не полагается заранее смотреть, но он говорит, она невероятная. Я знаю, ты это шоу презираешь, но такой шанс для нее, ты же понимаешь, и для фильма тоже!

Бо прямо-таки задышалась от восторга, пыхтела так, словно торопливо шла по самой длинной и шумной улице Дублина. Или просто расхаживала взад-вперед.

Соломон почувствовал, как закипает кровь.

– Стой! Джек Старр хочет заполучить Лору в «Поиск звезд»?

– Это будет великолепно. Сол, сам подумай! Мы целиком снимем всю поездку. Ей нужно начать с чистого листа – и что может быть лучше такого начала? И он хочет не просто позвать ее на просмотр, он точно возьмет ее в шоу, в прямой эфир. Совершенно точно. Только никому нельзя говорить, не полагается говорить об этом заранее. Представляешь, как это будет замечательно – для Лоры? Ты подумай!

– Подумал, и вот что я думаю: ты никакого, на хрен, права не имела даже думать об этом! – выплюнул он в трубку.

Она умолкла на несколько мгновений.

– Так я и знала, что ты меня холодной водой обольешь. Сол, я тут звоню тебе, радуюсь... Почему же ты никогда не порадуешься вместе со мной? Мог бы хоть в чем-то быть со мной заодно. А ты всегда настроение портишь.

– А ты, значит, отправилась в паб с Джеком? – сказал он.

Пять лет назад Джек был ее парнем, они жили вместе – до Соломона. Средних лет, бывшая звезда, знаменитый исполнитель американского софтбола, несколько хитов у него на счету. В восьмидесятые он перебрался в Ирландию, встречался то с одной моделью, то с другой, жил за счет былой славы. Теперь он радиодиджей и ведущий шоу талантов, где и Соломону пришлось как-то раз поработать. Как Джек его доводил! Не упускал возможности поиздеваться над ним, то и дело намекая на свою прежнюю связь с Бо, отпуская уничижительные замечания.

– Я с ним не пила. – Бо перешла в оборону. – Я послала ему кадры с Лорой, просила подыскать антрополога.

На этот раз она выговорила слово правильно, тщательно следила за своей речью.

– Где он, черт возьми, возьмет антрополога, Бо? Потасканный, вышедший в тираж певун. Дерьмо все это, ты позвонила ему потому, что я уехал, а тебе надо кого-то подцепить.

Откуда этот гнев, откуда вдруг ревность? Он сам не понимал: конечно, кое-какие основания злиться у него были, но не до такой же степени. И все-таки он не мог сдержаться. Причина была в нем самом: он виноват в том, что влюбляется в Лору, и вместе с тем он взял на себя роль ее защитника – вот и полыхает.

Бо что-то верещала в телефон, оскорбленная беспочвенными обвинениями, а он своими яростными репликами заглушал ее голос, никто из них не слышал другого, разве что выхватывал отдельные обидные слова, на них и набрасывался. И так они ходили кругами. Пока не выдохлись и не умолкли.

– Лора отправится на прослушивание – и это поможет привлечь средства на съемки, – деловито подытожила Бо.

– Я думал, ты в этом не нуждаешься. Дурацкая затея, Бо. Подорвет уважение к тебе как к серьезному документалисту. Перечеркнет все хорошее, что ты успела сделать в этом году. – Теперь он говорил холодно, в расчете, что до нее дойдет. Или нужен удар покрепче?

Она стихла. Неужели он довел ее до слез? Не похоже на Бо. Но вот она снова заговорила – столь же уверенно, как до того.

– Как продюсер, я должна все варианты предусмотреть. Я не возвращаюсь в понедельник в Корк, вези Лору в Дублин на прослушивание. Поздравь от меня маму. Доброй ночи.

И она отключилась.

Отключилась и так осталась стоять с телефоном в руках. На подсвеченном экране – их общая с Соломоном фотография, когда им вручали награду за «Тулинов». Злые слезы щипали ей глаза. Ужасно она злилась в ту минуту на своего бойфренда, но обида была даже сильнее злости. Обида, разочарование, удушье, словно ее в тесную клетку загнали. До чего предсказуемо! Она же знала, что именно так он поступит, тут же постарается растоптать выпавший им замечательный шанс, – знала и все же ринулась к нему со своей радостью и получила вот такой ответ. Каждый раз одно и то же, одно и то же, а она все еще надеется на иной результат. Не признак ли это безумия?

Чья-то рука обвилась вокруг ее талии. Бо прикрыла глаза, вспоминая эту руку, наслаждаясь воспоминанием, потом отшатнулась.

– Прекрати, Джек! – пробормотала она.

Он всмотрелся в ее лицо:

– Разговор с Прекрасным принцем не задался?

Она не смогла соврать, не смогла защитить ни Соломона, ни себя. Чувствовала на себе пристальный взгляд Джека. Он всегда так делал – смотрел на нее, пока она не выпалит то, о чем пожалеет. Нет, на этот раз она не поддастся.

Джек застегнул кожаную куртку, надвинул пониже кепку – прохожие оглядывались на него и шептали его имя.

– Он в Голуэе с другой женщиной, а ты тут со мной. Что-то не заладилось.

– Мы доверяем друг другу, – устало возразила она.

– Вернись ко мне, – предложил он.

Она рассмеялась:

– Мало ты меня обманывал?

– Тебя я не обманывал. Я тебе говорил. Ты единственная, кому я не изменял.

Бо поглядела на него недоверчиво. Ему так и не удалось ее убедить. Тем более что измену он и она понимали по-разному. «Технически» его пребывание в клубе среди толпы почти голых девиц, которые только что его не облизывали, можно и не считать изменой – но разве он когда-нибудь отказывался от их прикосновений, поглаживаний? Разве он в чем-нибудь отказывал себе?

– Такая я особенная? – переспросила она циничным тоном, словно готовую реплику в пьесе подала.

– Как ты можешь даже спрашивать? – возмутился он. – Конечно же ты особенная! И кто-то должен каждый день тебе об этом напоминать, –

ласково добавил он.

– Он постоянно мне напоминает, – тускло ответила она. – Спокойной ночи, Джек.

Он протянул руку, провел большим пальцем по ее скуле, как делал всегда. Знакомый запах сигаретного дыма.

– Пора бы тебе бросить курить, Джек.

– И тогда ты вернешься?

Она закатила глаза, но уже не сердилась.

– И тогда ты бросишь курить?

Он усмехнулся:

– Благополучно тебе добраться до дома, крошка Бо-Пип.

Она осталась стоять возле паба – в окружении десятка болтающих и смеющихся курильщиков, одна. Пыталась припомнить, когда в последний раз Соломон похвалил ее или назвал особенной. Припомнить не удалось. Но они вместе уже два года, так обычно и бывает, ведь правда? Чувства притупляются – это естественный процесс. По крайней мере, он ей верен, на это она может положиться, во всяком случае, до сих пор полагалась. Она могла не беспокоиться, если он где-то проводил вечер, возвращался поздно, – он не из таковых. Сейчас она могла думать только об одном – мысленно перебирала все ситуации, когда он ее отговаривал, добивался, чтобы она изменила свой подход, и всегда таким успокоительным, снисходительным тоном. Но ведь и это естественные последствия совмещения работы и личной жизни, некуда друг от друга деться, одно накладывается на другое, границы размываются, а в целом у них все хорошо, уговаривала она себя. Возможно, следовало бы установить более жесткие правила, чтобы их отношения не отражались на работе. Довольно звукооператору спорить с режиссером и продюсером, в других местах он же этого не делает. Но тут же Бо напомнила себе, как часто ей бывает необходима отрезвляющая критика. Она во все бросается стремглав, Соломон помогает ей взглянуть на ситуацию под другим углом. Эти ракурсы кажутся очевидными, когда он их укажет, но поначалу она их не замечает. Вместе они отличная команда.

А иногда, особенно сейчас, кажется, что вовсе не команда. И это конечно же тоже вполне естественно.

Соломон выругался и сунул телефон в карман. На дворе все еще светло, только-только начинает смеркаться, летний вечер тянется долго. Он сделал несколько глубоких вдохов, пытаясь отойти от услышанного. Тащить Лору в Дублин в шоу талантов – ничего равного этой идиотской,

чудовищно нелепой затее Бо еще не выдумывала. Но и отказаться вот так с ходу он не вправе. Придется рассказать Лоре и выяснить, что она об этом думает. Это ее жизнь, а не его. Нельзя так глубоко увязать в чужих проблемах, нельзя так остро реагировать на все вокруг. В его обязанности не входит гасить чужой пожар, в его обязанности не входит переживать за других, но так уж он устроен, всегда был таким. Ничего с собой не поделаешь. Он и в юности старался примирить парочку, если думал, что поссорились они по глупости. Пытался уладить любое недоразумение, даже если сам был вовсе к нему не причастен. Выступал арбитром. Советчиком. Миротворцем. Переживал порой сильнее самих участников, словно под увеличительным стеклом в нем гипертрофированно отражалась чужая боль, гнев, несправедливость. Он знает это за собой и понимает, что пора бы остановиться, – но не может.

По крайней мере, гнев улегся, и ему уже не жарко. От прохладного морского ветерка по телу побежали мурашки. Надо бы стрельнуть сигарету, он курит, лишь когда разволнуется или напьется, а сейчас, пожалуй, и то и другое. Но в этот момент он услышал музыку – и замер на месте с сильно бьющимся сердцем.

Снова «Сон О'Каролана», только это кто-то другой играет, не мама. С чего бы мама стала играть ее дважды за вечер, никогда раньше она так не делала. И хотя мелодия очень точна, все-таки чуть-чуть иная. Что-то изменилось, он не мог понять, что именно: ни одной фальшивой ноты и ритм соблюден, но какие-то почти неуловимые появились модуляции, а ведь среди зрителей нет ни одного равного его матери в умении играть на арфе, кто решился бы на такую импровизацию. Нет никого. Он тронулся с места, как в замедленной съемке, словно перед ним провозили камеру. Он почти не чувствовал, как движутся его ноги, голова наполнялась доносившейся из зала музыкой, и он следовал за этой музыкой, словно музыка манила его, словно это был спасительный луч маяка. Дверь из кухни в зал снова распахнулась, но отсюда Соломон видел только зрителей. Они уставились на сцену, раскрыли рты, трясли головами, у некоторых даже слезы текли из глаз, столь прекрасно было то, что им довелось видеть и слышать. Никто и головы не повернул, когда Соломон остановился в проходе. Отсюда ему открылась сцена – а там Лора, одна-одинешенька, прикрыв глаза, голосом воспроизводит музыку кельтской арфы.

Мама, стоявшая у возвышения рядом с отцом, обернулась и заметила Соломона. Она ринулась к нему, на лице что-то очень похожее на тревогу, даже рука взметнулась к горлу.

– Ох, Соломон! – шепнула она, крепко обнимая сына, притянув его к

себе. И оглянулась на Лору.

– Все хорошо? – неуверенно спросил он. Вдруг мама обидится, как примадонна, что на ее собственный юбилей кто-то пародирует ее музыку. У мамы не тот вроде бы характер, но Соломон никак не мог взять в толк, что именно Мари переживает в эту минуту.

Она словно забыла на миг о сыне, полностью поглощенная выступлением Лоры. Потом снова обратилась к нему:

– Никогда в жизни подобного не видела! Просто чудо!

Соломон улыбнулся, утешившись. Пожалуй, возгордился.

– Теперь ты сама слышишь, как прекрасна твоя музыка, – сказал он маме.

– Ох! – выдохнула она, щеки у нее вспыхнули.

Он оглядел толпу – все захвачены, для всех это – нечто небывалое и прекрасное.

Наверное, Бо права, а он неправ. Лора заслуживает, чтобы о ней узнали. Документального фильма мало – нужна живая аудитория, непосредственная реакция. Увидеть ее вот так, вживую – потрясение. Только так по-настоящему можно оценить ее дар. Может быть, и ей, как лирохвосту, от природы назначено красоваться на сцене.

Глава пятнадцатая

Лора закончила исполнение «Сна О'Каролана», и толпа взорвалась овацией. Люди вскакивали на ноги, вопили, свистели, вызывали на бис. Лора насмерть перепугалась, застыла неподвижно.

– Спасай ее, Соломон, – подтолкнула его Мари.

Он кинулся к сцене, взял Лору за руку. Она вздрогнула, словно прикосновение застало ее врасплох. Вспомнив свой спор с Бо, он сразу же выпустил руку, но, когда Соломон шагнул прочь, Лора последовала за ним. Он торопился отойти подальше от сцены, но братья перехватили его. Родственники и соседи дружно потребовали, чтобы он спел. Соломон знал: так его со сцены не отпустят. Одну песню уж точно требуют. Рори проводил Лору, усадил ее, а Соломон, растерянно глядя ей вслед, уже настраивал гитару. Рори что-то шептал девушке, она близко наклонилась к нему, вслушиваясь. Снова кровь застучала в висках, но тут ничего не поделаешь, пока не споешь и не уйдешь со сцены, да и тогда едва ли, ведь у него не было на девушку особых прав. Рори – младшенький, ему всего двадцать восемь, ближе по возрасту к Лоре, чем Соломон. И у Рори нет постоянной пары, никогда не было, он то и дело привозит на семейные праздники очередную симпатичную девчушку, но через несколько месяцев уже появляется другая. Рори выбирает свободно и выбирает очень удачно – сплошь красивых и милых девушек, всех берет обаянием. Красавчик, кудахчут над ним девицы, такая лапочка, а он и рад.

Соломон потуже затянул хвостик на макушке («Постригся бы!» – крикнул ему Донал) и перебрал струны, чтобы привлечь внимание. Лора тут же подняла голову. Рори наплевать, он уже сто раз слышал эту песню, интересуется только сидящей рядом девушкой.

– Я написал эту песню в семнадцать лет, когда подружка, чье имя упоминать мы не станем, разбила мне сердце.

– Сара Магир! – выкрикнул Донал, и все засмеялись.

– Все присутствующие, за одним исключением, уже много раз слышали эту песню. Поприветствуем нашу гостью, ребята! Она чудесная, верно?

Дружные вопли в честь Лоры.

– «Двадцать причин быть счастливым».

Такое же дружное:

– А-а-а!

– «А ты тут не у дел», – договорил он полное название и дождался аплодисментов. Всегда хлопают в одно и то же время. Вот чем хороши семейные сборища – каждый знает свою роль, каждый от души участвует, вовремя подыгрывает другим. Хотя все знают наизусть и название песни, и слова, смеются все так же щедро.

И он запел свою бойкую песенку о простых радостях жизни, о том, как они важны, эти причины быть счастливым. Намного важнее девушки, разбившей ему сердце и превратившейся в ничто, – в ничто он хотел превратить ее, когда ему было семнадцать лет, а она изменила ему с другом, и он был зол и обижен. Не первая его любовь, в ту пору он влюблялся чуть ли не каждый день, был влюблен в самую любовь, юный романтик, писавший любовные песенки для собственного удовольствия, а для своей группы – рок.

Он мечтал стать рок-звездой, запасным вариантом предусматривал работу в студии звукозаписи или же путешествующего звуковика. В итоге он стал звукооператором и, чтобы платить за квартиру, участвовал в реалити-шоу, а для души работал в документальном кино. И по-прежнему сочинял песни и играл на гитаре, правда, с тех пор как поселился вместе с Бо, все реже и реже: времени почти не остается и стены в городской квартире тоньше бумаги, не укрыться, когда он мучительно, а порой и дурашливо подбирает музыку и слова.

Пустился перечислять двадцать причин для счастья, и слушатели подхватили:

Раз: простыня аж хрустит от крахмала.

Два: волосы сами легли на пробор.

Три: вернулся с работы засветло.

Четыре: солнышко в выходной.

Пять: почта пришла без квитанций.

Вот пять для счастья причин, о-о-о...

Он приостановился, и толпа сама закончила:

А ты тут не у дел.

Зашумели, захлопали, и он продолжал:

Шесть: намазать бекон кетчупом.
Семь: как пахнет трава под косой.
Восемь: киношку запить пивком.
Девять: Ирландия в четвертьфинале.
Десять: монеты в кармане нашлись.
Вот десять для счастья причин, о-о-о...

Он приостановился, и толпа сама закончила:

А ты тут не у дел.

– САРА! – крикнул Донал, и смех перерос в истерику.

Одиннадцать: по радио любимый хит.
Двенадцать: автобус с утра поймал.
Тринадцать: щелкать пузырьки на обертке.
Четырнадцать: мамин яблочный торт.

(И конечно, опять все завопили.)

Пятнадцать: в паре совпали носки.
Вот пятнадцать для счастья причин, о-о-о...
А ТЫ ТУТ НЕ У ДЕЛ.

Шестнадцать: Пакки Боннер ворота спас.

(Снова все: «Ура!»)

Семнадцать: завтрак в кровать.
Восемнадцать: просрался, побрился – и в душ.
Девятнадцать: начало каникул.
Двадцать...

Он торопливо перебирал струны, предвкушение нарастало, и последнюю строчку пропели хором:

Подружку твою целовать!

Когда-то он написал: «Трахнуть подружку твою» – и так и поступил, но ради родителей подверг свою песенку цензуре и с тех пор исполнял ее в таком виде.

Под радостные крики зрителей он слез со сцены, уступив место старшему, Корнаку: тот исполнял наизусть отрывок из «Танцев на празднике Луга» Брайана Фрила.

Пока Соломон пробирался сквозь толпу, обмениваясь парой фраз с людьми, которых давно не видел, Лора куда-то делась. Он огляделся по сторонам, поймал взгляд Донала – брат кивнул в сторону кухни, и Соломон поспешил туда.

На кухне кое-кто из отбившихся гостей начал угощаться, пережидая выступление Корнака. С его декламаций уходят не потому, что Корнак плохо читает, – отлично он читает, лучшего и желать нельзя, – но не чувствует момента. Все уже потолок готовы пробить, а он знай себе читает, негромко, мрачно, вопреки общему настроению. Гасит веселье, убивает энергию. Он и в общении такой же: все хохочут, а он что-нибудь очень серьезное ввернет.

Кара тоже сбежала с декламации. Заметила, как Соломон озирается по сторонам, догадалась, в чем дело.

– Они там, – ткнула она в окно. – Он взялся показать ей кукушек, наш петушок по ним специалист.

Пожалев Соломона, Кара даже не стала смеяться над собственной шуткой. Соломон постарался контролировать себя, не торопиться даже умерить сердцебиение, когда пробивался сквозь загустевшую толпу на выход, в сад. У двери он помедлил, уже взявшись за ручку.

Почему бы Лоре и не прогуляться с Рори в саду? Да, Соломона это убивает, но ей двадцать шесть лет, взрослая женщина, вправе поступать, как сочтет нужным. И что он задумал? Разогнать эту парочку? Заявить, что вместе им не бывать? Он прекрасно знает своего брата, знает, чего тот добивается от Лоры: чего любой мужчина постарался бы добиться от молодой красивой женщины, оставшись с ней наедине. Конечно, Рори не насильник. Он не вздумает повалить Лору и наброситься на нее. Спасать ее нет причин.

А может быть, Лора прекрасно понимает, чего хочет Рори, может быть, она и сама этого хочет? Десять лет одиночества в коттедже на горе. Не пора ли заняться сексом? Разве сама природа этого не требует? Сам-то он разве

не хотел бы, спросил себя Соломон. И в его обязанности не входит такого рода забота о Лоре. Он ей не сторож. Разве что сам себя назначил на эту должность, тешит свое эго. Аргумент, достойный двух мальчишек, спорящих между собой: «Я первый с ней познакомился! Она моя!» Но ведь Лора выбрала его, захотела поехать с ним... да, но о том, чтобы он увернул ее в вату и охранял, речи не было. И на роль рыцаря в сияющих доспехах он едва ли может претендовать, учитывая, какие его преследуют мысли и желания. У него есть подруга. Которую он только что обвинил в желании переспать с бывшим. Перенес на нее собственную вину. Бо сразу его разгадает. Наверное, уже разгадала. Нормальная женщина вовсе не допустила бы, чтобы ее парень поехал к родителям с другой, тем более такой красавицей, молодой и одинокой. Проверяет его Бо или у нее столь неисчерпаемый – столь абсурдный – запас доверия и уважения к нему? Или поощряет его сделать то, чего ему так хочется? Провоцирует, подталкивает? Пусть решит все за нее? Ведь если он этого не сделает, они обречены всегда оставаться вместе, так? Никогда не избавятся друг от друга, потому что обоим на это не хватает пороха, потому что причины нет для разрыва?

Им неплохо вместе, но в какую сторону развиваются отношения? Они вместе работали, и это в первую очередь их связывало, а совместная жизнь – результат скорее случайности, чем глубокой влюбленности или заранее обдуманного плана. Кем он себя возомнил, с чего взял, что у него есть какой-то шанс с Лорой, словно девушку ему на блюдечке поднесли? Он злился на себя за то, что позволил себе надеяться, он сам был виноват, старался как-то объяснить (и оправдать!) все, что творилось с ним с того момента, как он повстречал посреди леса Лору.

– Господи! – прервала его внутренние ламентации Кара. – Если ты не пойдешь, пойду я!

Она передала ему свою бутылку пива, отодвинула брата с дороги и вышла в сад. Соломона окатила волна холода – достигла мозга, отрезвила и побудила к действию. Он допил остававшийся в бутылке глоток и вслед за Карой вышел в сад. Автоматически включилась подсветка. Рори и Лоры нигде не было видно.

Три варианта: под арочным сводом – в лабиринт; к подстриженной ограде – там, в кустах, они часто проказничали; на пляж.

– Туда бы он ее не повел, – подсказала Кара, глянув в сторону пляжа по ту сторону дороги.

У Соломона резко забилося сердце.

– Идем! – позвала сестра, и они, оставив за спиной ухоженный сад,

забрались на неровную, дикую территорию за его пределами. В детстве их сюда не пускали. Все знали: в таких местах ребенка может украсть старая ведьма, у которой нет собственных детей. Такой вариант страшилки сочинила Мари для своих отпрысков. Пока они были мелкие, это помогало. Лишь подростками они вздумали отвисать там. Корнак и Донал заманивали четырнадцатилетних дублинских школьников, которые приезжали на лето в их края учить ирландский, и целую ночь пили с ними на пустоши. Ничего особенно ужасного – пили, курили, целовались, щупали девочек, насколько те позволяли, но однажды ночью Донал оступился на валуне и сломал лодыжку, пришлось во всем признаться, на том веселье и закончилось. За девочками приехали негодующие родители, школьницы со слезами возвращались в Дублин, понимая, что целый год о них будут сплетничать в школе: опозорили учителей, вошли в легенду. Корнак и Донал провели лето под домашним арестом, а Мари зареклась пускать в свою гостиницу девочек с языковых курсов, пока собственные дети не вырастут.

Соломон и Кара осторожно пробирались в темноте, Кара впереди.

– Вот они! – объявила она внезапно, и Соломон ее нагнал.

Лора и Рори сидели на плоском гладком камне, укрытом от взглядов со стороны дома, с прекрасным видом на море. Светилась лунная дорожка, негромко шуршала о берег волна. Рори обхватил Лору рукой за плечи. Соломон вдруг утратил дар речи, сердце застряло в горле.

– Она замерзла! – нахально улыбнулся ему Рори.

Младший братец умел вывести его из себя. С двумя другими у Соломона особых проблем не было, а если случались, можно было все выяснить кулаками, но Рори забирался ему прямо в мозг. С самого начала, с рождения, Рори подложил ему свинью – два «р» в имени, которые Соломон не мог выговорить. Старшие дразнили Соломона за то, что он коверкает имя брата, а Рори с малолетства научился его изводить.

– Да, холодно, – подтвердила Кара. – И кукушек нет. Поздновато для птичек.

Рори закусил губу, но не сумел скрыть усмешку. Переводил взгляд с брата на сестру, зная, что допек обоих, и очень этим довольный. Или по меньшей мере одного допек, а другая поспешила выручать. Прямо-таки можно собой гордиться.

– А вы зачем сюда пришли? – спросил он.

– Фотографировать, – не растерялась Кара.

– У тебя и фотоаппарата с собой нет.

– Нету. – Она выдержала взгляд Рори, готовая высказать ему все.

Младший братец pokrutil головой и рассмеялся:

– Ладно, Лора, нам и правда лучше вернуться домой. Наши Тернер и Хуч за тебя переживают.

– Хорошо, – согласилась она, заглядывая каждому из них в лицо, встревожившись, – и Соломону стало стыдно, что он причинил ей такое беспокойство.

– Будет этот придурок тебе надоедать – зови меня, – ухмыльнулся Рори, встал и пошел к дому, аккуратно пробираясь между камнями.

Кара ушла вместе с ним.

– Ты в порядке? – Наконец-то к Соломону вернулся голос.

– Да. – Она улыбнулась и вдруг опустила глаза. – Ты беспокоился за меня?

– Да, – смущенно подтвердил он.

Они оказались так близко, что его горячее дыхание согревало ее кожу. Дыхание его слегка отдавало пивом. Было темно, но огни дома подсвечивали его лицо, решительную челюсть, идеальный нос. Ей хотелось распустить связанные в хвост волосы, погладить их, растрепать. Хотелось узнать, каково это, как это бывает. Она видела, как движется его кадык, когда Соломон с трудом сглатывает.

– Не надо беспокоиться за меня.

Она пыталась объяснить, что Рори ее несколько не интересует, рядом с ним она не чувствует ничего похожего на то, что чувствует сейчас, но получилось неуклюже. Соломон явно обиделся. Кажется, понял так, что беспокоиться нечего, потому что он ей не нужен. Сердце отяжелело. Как бы вернуть эти слова, как бы все объяснить?

– Смотри под ноги, камни, – мягко предупредил он, повернулся и побрел к дому.

Глава шестнадцатая

Наутро в доме, битком набитом народом – в каждой спальне гости, на каждом диване кто-то пристроился вопреки благим намерениям Мари, – было очень тихо. Вечеринка продолжалась до шести утра, и, хотя Лора ушла к себе сразу после столкновения с Соломоном, расстроенная тем, как неудачно ему ответила, сам он, сто раз отрекшись от роли рыцаря в сверкающих латах, все же проторчал еще несколько часов, карауля лестницу и карауля Рори, чтобы Лора оставалась в безопасности. Рори держался от Соломона на расстоянии – физически, но при этом продолжал выедать его мозг. Всякий раз, когда они встречались взглядами, он усмехался или подмигивал, а Соломона раздирала ревность – молчаливая и оттого лишь более яростная. Около двух часов ночи он все же отправился спать, но сначала ему мешали заснуть крики и пение на первом этаже, а около пяти утра явился Донал, рухнул прямо на него и захрапел, едва коснувшись головой подушки.

Соломон охотно провел бы в постели весь день или забился бы в тихий угол с гитарой, попеть, может быть, что-то удалось бы сочинить. Что-то в нем зашевелилось. В последнее время вдохновение навевалось редко, но он понимал, что за сочинительством ему не усидеть. Лора едва ли проспит допоздна, и нельзя допустить, чтобы Рори снова тишком ее куда-то увел. Соломон не собирался разыгрывать из себя личного телохранителя, но уж предприимчивого младшего братика он к ней не подпустит.

Наскоро приняв душ, он спустился на первый этаж. Все окна были распахнуты в надежде избавиться от застоявшейся вони дыма и спиртного. Мари в халате сидела за кухонным столом и вместе с соседями попивала «Кровавую Мэри».

– Картошку жареную будешь? – устало спросила она. Добило ее это празднество.

– Все хорошо, мама, спасибо. А вы так по домам и не разошлись? – пошутил он, заливая хлопья молоком.

– Разошлись, поспали и вернулись на второй раунд. Гонг! – Джим, живший по соседству, расхохотался и приподнял «Кровавую Мэри», словно чокаясь. – Слайнте!

Соседи болтали весело, но спокойно, перебирая события вчерашнего вечера.

– Эта твоя Лирохвост – сокровище, да и только, – сказал только что

провозгласивший тост сосед.

– Откуда вы знаете прозвище?

– Сама сказала. Мол, ты так ее окрестил. Что за птица-лира, не знаю, видать, сказочная. Но уж девушка-то и вовсе сказочная. А горлышко у нее – что твой орган.

– Прекрасный орган, – подхватил Рори, внезапно выныривая в кухню. Он все еще сонно зевал и скреб затылок.

– Она пошла на пляж, – сообщила Мари, внимательно присматриваясь к Соломону, и попыталась скрыть понимающую улыбку, когда он вдруг принялся метать в рот ложку за ложкой, спеша покончить с завтраком и присоединиться к Лоре.

– Ты не против, если я... – Он поднялся и поставил пустую тарелку в раковину.

– Иди, – улыбнулась мама. – Только не забудь, вы с отцом собирались сегодня пострелять.

Лора стояла у кромки воды. На ней был другой наряд, но столь же своеобразный – похоже, она взяла мужскую рубашку (возможно, Тома), но сумела сделать из нее платье, добавив внизу контрастного цвета ткань. Вокруг талии кожаный пояс, длинные изящные ноги выигрышно смотрелись в черных мартенсах с шерстяными носками почти до колен. На плечах джинсовая куртка. В моде Соломон не очень-то разбирался, но эта девушка явно не следовала никаким трендам – и все равно выглядела лучше всех. С такой женщиной он бы охотно разговорился в баре, такая женщина могла бы вскружить ему голову. Сердце могла бы заморозить.

Лоре казалось, она готова целую вечность простоять тут, на берегу. Слишком много лет прошло с тех пор, как она в последний раз была у моря, ездила с бабушкой и мамой в Дингл. Она могла бы остаться здесь надолго, но так уж Лора устроена – она где угодно могла остаться надолго, если ей там было хорошо. Целые дни проводила в лесу, прислонившись к дереву, глаза сквозь листву на облака. Дни напролет – погружившись в свои воспоминания, в свои мысли, сны наяву. Но больше так нельзя, ей пора с этим покончить, меняться вместе с меняющимся миром, двинуться в новом направлении.

Прикрыв глаза, она внимала вкрадчивому плеску волн и слегка покачивалась, чувствуя, как расслабляется. Над головой кричали чайки, минута была прекрасной, идеальной. И стала еще прекраснее, когда явился он. Она почуяла его запах раньше, чем услышала шаги.

– Привет, Соломон, – сказала она, не оборачиваясь, прежде чем он успел ее окликнуть.

– Привет, – рассмеялся он. – Ты еще и экстрасенс?

– То есть умею заглядывать в будущее? – переспросила она и повернулась к нему наконец. – Хотела бы я это уметь.

Он был в синей хлопчатобумажной рубашке с длинными рукавами, расстегнутой под горлом, выглядывало несколько темных волосков. По бокам волосы короткие, подбриты, а основная масса черных локонов собрана в высокий хвост. Никогда прежде она не видела мужчин с длинными хвостами, но ей нравится. Нисколько не убавляет мужественности. Даже похож на древнего воина, такая прическа открывает лицо, высокие скулы, сильный подбородок, на нем уже пробивается щетина. Ей захотелось провести рукой по этой щетине, как делает он сам, когда призадумается, – такой у него при этом сосредоточенный и немного потерянный вид.

– Что это? – нахмурился он.

– Ты о чем?

– Этот звук?

А она даже не заметила, как у нее вышло, но именно этот звук она представляла себе, когда он, размышляя, поскребывает пальцами свою щетину. Ей это нравится.

– Ты правда хотела бы заглянуть в будущее? – спросил он, встав рядом с ней и глядя на море.

– Иногда меня больше волнует прошлое, – призналась она. – Я перебираю разговоры, которые слышала или подслушала, и даже думаю о том, чего совсем не знаю, – пытаюсь себе представить, как это могло бы произойти, что было бы дальше.

– Например?

– Например, про маму и Тома. Их тайный роман – я пытаюсь вообразить подробности. Не все, конечно, ты понимаешь, но...

– Да, я понимаю, – кивнул он, ему хотелось, чтобы она продолжала.

– Наверное, в этом-то моя беда. Из-за этого я так и осталась на горе. Все время думала о прошлом и не позаботилась спланировать будущее.

Она почувствовала его взгляд, но отвернулась, не готова была встретиться с ним глазами.

– А ты? – спросила она.

– Что я? Мы о чем сейчас говорим? – Он не посмеивался. Он действительно был сбит с толку – нервничал.

– Больше думаешь о будущем или о прошлом?

– О будущем, – уверенно ответил он. – С раннего детства проигрывал все в голове. Мечтал стать рок-звездой. Всегда думал о будущем, как

вырасту, закончу школу и покорю весь мир своей музыкой.

Она засмеялась:

– И в этом была твоя беда?

– Нет. – Он снова поглядел на нее, у Лоры екнуло сердце. – Думаю, беда у нас с тобой общая.

– Какая?

– Мы оба упускаем настоящее.

Стоило ему это сказать – и все вокруг замерло в настоящем. Словно заклятие обрушилось на обоих. Лора почувствовала, как дрожь пронзает все тело, от макушки до кончиков пальцев, никогда она не была такой живой, такой хрупкой. Никто не вызывал у нее таких чувств, и, как ни мал был ее опыт общения с людьми, она знала – это не норма. Это что-то совсем особенное.

Он отвернулся, колдовство рассеялось. Лора попыталась скрыть разочарование.

– Прошлой ночью ты покорила всех, – сказал он почти деловито, констатируя. Она вновь утратила с ним связь – он ушел в какие-то свои мысли, опять у него сделался вид напряженный и вместе с тем отчужденный. – Им показалось, будто ты с другой планеты прибыла. Никогда никто не видел подобного таланта.

Лора улыбнулась благодарно:

– Талант – это у твоей мамы.

Ей вспомнилось, как Мари сидела за арфой – ее красивая, очень прямая фигура, – услышала вновь ее музыку и не сразу поняла, что эту музыку она сама же и воспроизводит.

– Тебе понравилось на сцене? – спросил он все так же задумчиво.

Она видела: что-то у него на уме. Прошлой ночью он рассердился, потому что застал ее со своим братом, и это она тоже сразу поняла. Хотя прежде не видела, чтобы человек так много переживал и держал в себе, не высказывая. Все отражается только в глазах да хмурится лоб. Мысли как будто формируются и начинают двигаться под черепом, завязываются узлами. Лучше бы вырвались на волю, чтобы она увидела, о чем он думает. Ей хотелось приложить обе ладони к его лбу и попросить его: «Перестань!» Разгладить морщины, успокоить его. Еще лучше – прижаться к этим морщинам губами. Ему не по себе, что-то его все время беспокоит, за доли секунды он переходит от расслабленного покоя к угрюмости.

Он потер подбородок. Лора зашуршала в точности как он. Любила этот звук. И вдруг одолевавшие его мысли рассеялись, идеально ровные зубы обнажились в улыбке. Так-то лучше.

– Так вот что это был за звук, – сказал он, обрадовавшись, что сообразил, обрадовавшись, наверное, и тому, что она подражает его звукам.

Лора готова была повторять этот звук день напролет, лишь бы Соломон ей улыбался. Но не поможет, ему надоест, искра погаснет, надо будет искать новые – ничего, этот новый для нее мир полон новых звуков. Переполнен даже – у нее уже голова разболелась от усилия все запомнить. Поначалу она жадно вслушивалась, хотела все понять, но по пути из Макрума в Голуэй звуков становилось все больше. А уж прошлой ночью! Общение с людьми изнурило ее, хотелось поскорее вернуться в Корк. Где бы она там ни устроилась, в гостинице или в коттедже, на горе она окажется в окружении знакомых звуков.

С другой стороны, сколько бы раз люди ни слышали те песни, что исполнялись прошлой ночью, им не надоедало. Она-то слушала в первый раз, но они как будто и пели впервые. Особенно Соломон. Как все оживились, когда он пел! У Лоры сердце билось чуть ли не в горле, пока она слушала его песню, перечисление двадцати причин для счастья, какие он находил в семнадцать лет.

А Соломона снова что-то беспокоило, и у него, догадалась Лора, была на то причина.

– Я спросил, понравилось ли тебе вчера выступать, потому что мне звонила Бо.

Стоило в их разговор вторгнуться Бо, и все изменилось, они сразу отдалились друг от друга. Кто это сделал – она или он? Лора поглядела на песок и увидела по следам, что и она отступила назад, и он. Значит, оба они виноваты.

– Планы переменились, – натужно выговорил он.

У Лоры сильно забило сердце. Неужели Бо раздумала снимать фильм? За славой она не гналась, но фильм был ей нужен – единственный мостик, соединявший ее остров с сушей. Если она лишится этих людей, что ей делать со своей жизнью?

– Она хочет, чтобы мы приехали сегодня вечером в Дублин. Наметила там несколько интервью для фильма.

Лора обрадовалась, что фильм не отменяется, а известие, что с возвращением домой придется подождать, ее не слишком беспокоило. Главное – ухмылку с лица стереть.

– У нее есть приятель, – лицо Соломона омрачилось, лоб вздыбился морщинами, – он ведет шоу «Поиск звезд». Хочет, чтобы ты приняла участие.

Она не знала, как ей следует поступить, – так странно он себя вел. То

ей вроде бы удавалось его понять, но тут же связь пропадала. Пока она пыталась разобраться, он уже продолжал:

– Бо показала нашу съемку телевизионщикам. Помнишь кофемашину, вчера, за завтраком?

Припоминая, Лора в точности воспроизвела перколяцию.

– Вот именно, – еле улыбнулся он.

– Им понравился этот звук? – удивилась она. Повторила еще разок, вслушиваясь, пытаясь понять, чем он так уж хорош.

– Это уникально, Лора! Больше никто не издает таких звуков. Никто, кроме... кофемашины.

– То есть в конкурсе талантов у кофемашины больше шансов, – уточнила она, пытаясь его развеселить.

Он громко расхохотался. Шутка удалась.

– Я слыхала об этом «Поиске звезд», – сказала она. – В журналах пишут о победителях всех реалити-шоу, а по радио рассказывают о них и передают их песни. И как, по-твоему, я буду там смотреться?

– Честно говоря... – Он поднес руки к лицу.

Она зашуршала, как щетина о пальцы, и он остановился, сунул руки в карманы.

– Вчера, когда Бо это предложила, я не обрадовался. Мне показалось, дурная идея. Но потом я увидел, как ты выступала, видел лица зрителей. Ты всех покорила. Может быть, неправильно прятать такой талант, лишать людей возможности услышать то, что слышал я. Наверное, я просто не хотел ни с кем делиться тобой. Но документальный фильм так или иначе меня к этому вынудит. И наверное, неправильно и тебя лишать такой возможности – чтобы твой талант оценили, чтобы им восхищались.

Она почувствовала, как кровь приливает к щекам. Он не хочет делиться ею. Но кое-что оставалось непонятным.

– Какой талант?

Он не был уверен, можно ли заводить с ней разговор о звуках. Не был даже уверен, что она всегда замечает, как у нее вырываются эти звуки.

– Как вчера на сцене. Тебе понравилось выступать?

Она подумала о том восторге, который пережила вчера в доме его родителей. Блаженство, которое наступило, когда она воспроизводила песню арфы, единое энергетическое поле, к которому все были приобщены. А потом – взрыв эмоций, напугавший ее, но больше от неожиданности. Она и сохраняла свое одиночество, что ей нравилось, и общалась с людьми, чем-то делилась с ними.

– Да, – призналась она. – Мне понравилось.

Он задумался. Ее ответ явно удивил его, может быть, даже разочаровал. Лора вновь была сбита с толку. Очень он ей усложнял задачу. Предлагал сделать что-то, а при этом не поймешь, хочет ли, чтобы она это сделала.

– Так почему ты советуешь мне участвовать в этом шоу? – переспросила она.

– Это не моя затея, – поспешно открестился он. – Бо придумала. Говорит, пойдет на пользу фильму. Если тебя уже будут знать, это хорошо для фильма.

От фильма Лора отказаться никак не могла. Если съемочная группа ее бросит, она останется ни с чем. Никем. Она цеплялась за них, словно за спасательный плот.

– Поучаствовать в шоу талантов на пользу фильма – это Бо хорошо придумала, – сказала она.

Он кивнул:

– Думаю, да.

– Ты не всегда одобряешь ее идеи, – улыбнулась она.

Он с видимым облечением сказал ей правду:

– Нет, далеко не всегда. И насчет этой идеи не очень уверен. Решать тебе, и только тебе.

– А как ты относишься к этому конкурсу талантов? – спросила она.

Он почесал лицо, прищурился, обдумывая ответ.

– Я там работал, – буркнул он. – Звуковиком.

– Это не ответ.

– Тебя не проведешь, – усмехнулся он. – Ну что ж, конкурс – это риск. Можно пройти просмотр и не попасть в следующий раунд. Толпа может тебя полюбить, а может возненавидеть, поди знай. Бывает и так, что отборочный проходят удачно, а потом зрители буквально сгоняют человека со сцены. Но возможно, ты пройдешь отбор, а потом победишь. И с этого момента перед тобой откроется множество путей. Все зависит от того, чего ты хочешь в жизни.

– А если проиграю?

Он обдумал и этот вариант.

– Тогда о тебе забудут почти сразу.

Она тщательно присмотрелась. Возможности, говорила она себе. Варианты. Выбор. Разные пути – это хорошо, ведь она не хочет возвращаться. Если провалится, о ней забудут – это не беда. Это, пожалуй, даже ободряет.

– Поеду, – сказала она вдруг очень решительно. Соломон такого не

ожидал.

Вот и еще один мостик, на который можно ступить с ее острова.

Днем, когда братья Соломона проснулись и возвратились к жизни, они поехали в соседний тир пострелять по тарелочкам. Это было азартное соревнование, давно установившаяся в семье традиция, участвовали отец и все четверо братьев, а Кара оставалась дома пообщаться с матерью. Финбар, изрядно игравший в покер, всегда стремился к выигрышу и привил это своим детям. Они каждый год ходили на охоту – на фазана и вальдшнепа, голубей, всякую разрешенную дичь, и достоинство каждого измерялось его добычей. А вне охотничьего сезона довольствовались стрельбой по движущейся мишени. Финбар разработал правила и метод подсчета очков.

Соломон и Лора собирались поехать вдвоем на машине Соломона, однако, едва машина тронулась с места, дверца распахнулась и запрыгнул Рори. Соломон обозлился, но постарался держать себя в руках. У Лоры загорелись глаза, она всю дорогу любезно смеялась над нелепыми шутками и побасенками Рори. Соломон сдерживался, не обращал внимания на болтовню брата, но не мог не замечать, как оживилась в его присутствии Лора.

Она подошла вместе с Рори к тиру – ряду деревянных кабинок. Соломон остановился рядом с ней, как бы защищая девушку от покушения со стороны, однако не решаясь встать к ней вплотную. Может быть, она бы предпочла, чтобы он ушел? Но он упрямо оставался рядом. Пять кабинок, каждая на шесть человек, были заполнены. Погожий выходной денек многих выманил из дому.

Лору вполне устраивало посидеть на скамейке и посмотреть, как они будут сражаться. К досаде Соломона, Рори пристроился там же. А он стоял рядом, как лишний, вслушивался зачем-то в их разговор. Он убедился, что его брат нравится Лоре, этого достаточно, так что, когда очередь стрелять дошла до него, он отошел, предоставив ему свободу действия, – чувствовал себя отверженным, злился и на брата, и на себя, и так все время.

Он сосредоточился на глиняных голубях, а Рори знай себе болтал. Нарочно, чтобы отвлечь его, помешать прицелиться! И тут же он понял, как глупа сама эта мысль. Но по первому голубю Соломон промазал.

– Заткнитесь наконец! – рявкнул он, и те двое примолкли. Финбар тоже шикнул на Рори, порадовав хоть немного Соломона, и после этого он сшибал голубя за голубем. Пять подряд, но это был предварительный раунд. Его место занял Рори, а Соломон с облегчением вернулся к Лоре.

Лора подняла руку, поздравляя его.

Соломон улыбнулся, хлопнул ладонью о ладонь, пальцы их переплелись. Девушка улыбалась ему. Потом их руки медленно опустились, не разлучаясь. Но тут он припомнил ее болтовню с Рори – какого черта он тут пытается? – и разжал пальцы.

Рори выбил шесть из шести.

– А все потому, что ты на Рождество не приезжал, – поддразнил Финбар Соломона. Действительно, пропустил большую охоту.

– Ах, не наваливайтесь на него, – заступился Донал, берясь за ружье. – Эти документалисты летают теперь по всему миру за наградами.

– Награды не мне, ребята, а нашему «Свежему дыханию», – уточнил Соломон. Скрестив руки на груди, он мрачно стоял возле Лоры – предпочел бы сесть, но рядом с ней места не оставалось, а с другой стороны уже пристроился Рори.

– У вас свежее дыхание? – поинтересовался Донал, нажимая на спуск.

Ради Лоры Соломон пояснил:

– Так называется продюсерская компания Бо. Она считает, что документальные фильмы вдыхают жизнь в старые истории. Как при реанимации, изо рта в рот.

Рори притворился, будто его тошнит.

– Да прекрати же, Рори!

– Вовви! – Лора идеально воспроизвела картавость Соломона, которую тот сам недавно вспоминал и демонстрировал. Она не собиралась передразнивать его и надеялась, что он не воспримет это как дразнилку, она чувствовала, как сгущается напряжение между ним и младшим братом, и выразила это одним словом. Передала чувства Соломона. Вот только Рори ничего не понял, да и остальные тоже. Засмеялись, решив, будто она издевается над Соломоном. Соломон сложил руки на груди и уставился куда-то вдаль.

– Шевелитесь же, не весь день тут торчать!

Лора виновато покосилась на него.

После нового раунда впереди оказались Финбар и Рори – у Рори все выходило лучше, когда было перед кем покрасоваться. Замыкал таблицу результатов Кормак. Серьезный и сосредоточенный Кормак думал перед каждым выстрелом слишком долго.

– Кара своим фотоаппаратом лучше щелкает, – посмеялся над ним Соломон.

Когда наступала очередь Рори, хотя бы освобождалось место на скамейке рядом с Лорой. Соломон радовался этим моментам, но сесть не решался, со стороны это выглядело бы мелочно, братья задразнили бы,

приписав ему «особые намерения». В итоге он остался стоять, а Лора с увлечением следила за успехами Рори. Ни разу не промахнулся. Единственный из братьев оставшийся жить с родителями, он чаще всех охотился вместе с отцом.

Всем на радость Лора разучивала звуки выстрелов, машинки, запускающей движущуюся мишень, жужжание, с которым летит тарелочка, и звук попавшей в цель пули. Удивительно, думал Соломон, как быстро все привыкли к этой ее манере, знай себе стреляют и оглядываются каждый раз на нее. Время от времени удачное подражание вызывало смех, отец порой приговаривал «Здорово, Лора», иногда братья даже вскрикивали от восторга, и никто над ней не смеялся – за одно это он готов был обнять и расцеловать их всех.

Рори вырвался вперед. Второе место делили Финбар и Соломон. Кормак и Донал плелись в хвосте. Если бы Соломону удалось выбить шесть из шести, а отец один раз промахнулся, Соломон переместился бы на первую строку, рядом с Рори. Он вышел на линию стрельбы. Прижал к плечу приклад.

– Удачи, Соломон, – сказала Лора, и от сердца отлегло.

За его спиной Рори подхватил ружье и жестом пригласил Лору отойти в сторону. Она слегка нахмурилась, но тихо поднялась и пошла за ним. Рори отошел так, чтобы укрыться от глаз родственников (впрочем, в его сторону никто и не смотрел, все болели за Соломона). Рори указал девушке на что-то в траве, она присмотрелась и радостно улыбнулась: зайчишка. Забрел, дурачок, на опасную территорию и скакал теперь, ошалев, пытаясь удрать, а из пяти кабин гремели выстрелы. Лора с улыбкой наблюдала за ним. Она давно уже не встречала зайцев, на горе они не водились, не было никого крупнее барсуков и крыс, а их не так уж приятно встретить возле дома.

Пока она любовалась, Рори уже вскинул ружье. Прицелился.

– Что ты делаешь? – только и успела она спросить.

Он выпалил. От грохота, раздавшегося так близко – но не из ружья Соломона, на которого все смотрели, – остальные братья так и подпрыгнули.

Лора вскрикнула. Соломон с перепугу нажал на спуск, в тарелочку не попал, но промах его меньше всего беспокоил в ту минуту. Что случилось с Лорой? Он обернулся и увидел, как она нырнула под деревянное ограждение на лугу.

– Куда это она? – удивился Донал.

– Лора! Стой! – крикнул Соломон, бросил ружье и кинулся следом.

– Вернись! – заорал ему вслед отец, братья подхватили, но он ничего не слушал. Вокруг раздавались выстрелы. Могли ранить Лору.

Владелец тира заметил бегущих, закричал, чтобы прекратили огонь, но его команду не сразу услышали, и, пока Лора и Соломон неслись через луг, несколько выстрелов все же раздалось.

– Стой! Лора! – вопил Соломон, вне себя от гнева: как можно так рисковать!

Нагнал ее, обхватил обеими руками, прижал к себе, но она оттолкнула его руки и продолжала тревожно оглядываться по сторонам, как будто искала что-то в траве. Он отпустил ее, она закружила на одном месте, пытаясь что-то найти. Лора издавала странные звуки, не все он мог идентифицировать. Звуки выстрелов – и крики животного.

– Что ты делаешь? – спросил он уже спокойнее, поскольку выстрелы прекратились. Но все стрелки столпились у ограждений, таращились на странное зрелище. Он не хотел, чтобы Лора превращалась в «зрелище». В цирк уродов.

Она кружила на одном месте, не сводя взгляда с земли, явно в панике, все время повторяя какие-то звуки, никак не могла что-то важное для себя найти.

– Лора, – совсем спокойно сказал он, – я помогу. Только объясни мне, в чем дело.

Он услышал, как сзади подошли братья. Подошел отец. Оглянулся на них в растерянности и заметил, что Рори плетется сзади, вид виноватый.

– Ты что натворил? – набросился он на младшего.

Рори отмолчался.

– Подстрелил зверушку, – ответил за него рассерженный Кормак. – Господи, Рори, а если бы ты в кого-то из нас угодил? Нельзя палить из кабинки.

– Это тебе не «Взвод», на хрен, – подхватил Донал.

– Кого ты подстрелил? – спросил Соломон. – Птицу?

– Нет тут чертовых птиц, – проворчал Рори, раздосадованный тем, что все на него накнулись. – Какая птица станет тут летать?

– Не трогай это, лапочка, – предупредил Финбар, обернувшись и увидев, что Лора уже стоит на коленях в траве рядом с зайцем – подстреленным, но еще живым. Лора всхлипывала, слезы текли по ее щекам, она вторила стонам умирающего животного.

– Господи боже! – Рори уставился на нее, словно на юродивую. – Это всего лишь паршивый заяц.

– Здесь нельзя стрелять зайцев, Рори! – рявкнул отец, но приглушил

голос, чтобы не услышали зрители. – О чем ты только думал, нас же всех выгонят со стрельбища!

– Хвост распускал, вот и вся причина, – презрительно пояснил Кормак.

– Надо вернуться в кабинку, – сказал Финбар Соломону. Он с тревогой поглядывал на Лору, ему не нравилось, что на них все смотрят.

– Надо, – устало потер глаза Соломон. – Дайте ей еще минутку.

Он смотрел на Лору – стоит на коленях возле умирающего зайца, вторит его плачу и сама плачет от сострадания. Другие могут считать ее ненормальной, но он понимал ее горе, ее утрату.

Владелец тира уже шел к ним через луг, лицо его побагровело от гнева.

Соломон подошел к Лоре, присел, обнял за плечи:

– Он умер, Лора. Пойдем обратно.

Он чувствовал ее дрожь – девушка медленно поднялась, огляделась. Увидела, что все смотрят на нее. Увидела эти усмешки, нахмуренные лица, поднятые в воздух телефоны – снимают на камеру. Даже Рори избегал ее теперь – развернулся и пошел к кабинке, не дожидаясь остальных. Лора вытерла слезы и постаралась собраться.

К тому времени как они вернулись к своей кабине, Рори уже исчез – попросился к кому-то в машину. Настроение было испорчено, продолжать соревнование не имело смысла, так что они тоже поехали домой.

Мари и Кара удивились их преждевременному возвращению, их мрачным лицам и невнятному ворчанию. Соломон сразу проводил Лору в ее комнату, остановился в дверях.

– Ты как?

Она опустилась на кровать, свернулась клубком и снова заплакала. Соломон готов был лечь рядом с ней, прижаться к ней всем телом, обнять, защитить.

– Хочешь уехать прямо сейчас? – предложил он.

– Пожалуйста! – сквозь слезы ответила она.

Они быстро и тихо простились с Финбаром и Мари. Мари обняла девушку и пожелала доброго пути, но Лора почти ничего не сказала, только «спасибо», и то шепотом. Выбрала заднее сиденье, сначала потому, что не хотела садиться рядом с Соломоном, а потом прилегла там, отвернувшись. Соломон включил радио, негромко, слышал песенку Джека Старра. Обычно он сразу его выключал, но на этот раз прибавил немного громкость.

– Джек Старр, – сказал он Лоре. – Судья конкурса талантов.

Она не ответила. Он глянул в зеркало заднего вида и убедился, что она так и лежит спиной к нему. Он приглушил музыку, потом поискал другую

станцию, потом вовсе выключил.

Лора время от времени взвизгивала, как умирающий заяц, потом скулила, как Мосси скулил несколько дней назад – на этом же самом заднем сиденье, когда они везли его к ветеринару.

До конца поездки он больше не включал музыку. Нужно дать Лоре возможность справиться с очередной потерей – и все за одну неделю – единственным доступным ей способом.

Лора лежала на заднем сиденье. Голова разламывалась, мигрень началась за глазами, разливалась по лобным пазухам, словно боль умирающего животного передавалась ей, вошла в нее через те органы, которыми она наблюдала его смерть. Избавиться от боли нет никакой возможности, остается лишь прикрыть глаза и укрыться в темноте.

В темноте мелькали образы матери, Гаги, Тома. Все, что она могла сказать им, что, вероятно, должна была им сказать. Поначалу, когда она перебралась в коттедж, отношения с Томом складывались непросто. Он еще меньше был приучен к человеческому общению, чем она. Лора была с ним деликатна, присматривалась к его манерам, устраивалась почитать, когда он хотел дольше посидеть с ней, но не был в настроении болтать. С годами он все чаще задерживался у нее в гостях и даже соглашался пообедать. По четвергам она готовила специально для Тома, в надежде, что у него найдется время поесть. Часто они сидели в полном молчании, он размышлял о чем-то, она пыталась распознать в отце свои черты. А в другой раз они говорили не умолкая – о природе и спорте, о чем-то, что она прочла в журнале или слышала по радио. Хотя вроде бы скрывалась она, но именно от Лоры Том получал новую информацию о мире. Его собственный мир сводился к ферме, а ее – еще более тесный – к дальнему коттеджу на этой ферме, но она слушала радио и читала, а потому всегда была подключена к внешним событиям. Лишь бы Том не забывал покупать батарейки. И она замечала, что к ее болтовне он прислушивается с удовольствием. Может быть, тоже присматривался и находил в ней свое. Том редко смеялся, но он был простодушен и добр, умел слушать, еще лучше умел наблюдать. В этом они были схожи. Она стала вспоминать, как он в последний раз попрощался и ушел, махнул ей рукой, перед тем как скрыться за деревьями, по пятам за ним бежал Мосси. Обещал вскоре зайти починить окно в коттедже. Он часто бродил по дому, что-то чиня или намечая в ремонт, отпихивая с дороги то, что ему мешало. Поначалу Лоре это казалось невежливым, мог бы уделить больше внимания ей самой, но потом она поняла, что таким образом он старается помочь и даже проявить заботу. Он был ее единственным другом на протяжении этих десяти лет, и

она полюбила его.

Мосси, Рори, залихватская усмешка на красивом лице – парень поднимает ружье и стреляет в зайца. Вскрик раненого зайца. Заяц был далеко, а ружье выпалило прямо у нее над ухом, но Лора отчетливо слышала этот вскрик. Прощание с жизнью.

Жестокий мир.

Зачем она решилась выйти в этот мир? Куда пойдет?

Она понимала, что впереди куда более длинный путь, она прошла лишь малую часть. И пока еще можно вернуться. Мост качается, веревочный непрочный мост, его шаткие подпоры рухнут, если возрастет вес. И Джо, до того похожий на Тома, что сначала она подумала, это и есть Том. Его сердитые крики, совершенно непривычная для нее интонация. Глаза Лоры сами собой распахнулись. Она почувствовала близость Соломона – представила себе, как он смотрит на нее, как прижимает ее к себе на стрельбище, пытается увести в безопасное место. Сильные руки обхватили ее. И даже когда он не дотрагивался до нее, она ощущала его присутствие. Чувствовала руку, обнявшую ее и уводящую от опасности.

Куда ведет ее путь, она пока не знает. Но назад не вернется, это она твердо решила.

Глава семнадцатая

В Дублин они добрались вечером. За всю дорогу Лора не обмолвилась ни словом, хотя Соломон несколько раз окликал ее, хотел знать, как она себя чувствует, не нужно ли ей выйти из машины. Когда звуки затихли, он решил, что девушка уснула. Теперь он знал, что во сне она молчит, и в этом знании была какая-то особая близость, как и в самом желании это знать. Никогда прежде ему не требовалось знать о человеке такие подробности. Он в очередной раз глянул на нее в зеркало заднего вида, вздохнул и поудобнее устроился на сиденье.

Он жил на Большом канале, в квартале, где между роскошными офисными зданиями сравнительно недавно появились жилые дома. На первых этажах понатыканы рестораны и кафе, в первое лето после переезда Соломон усаживался с бутылкой пива на балконе и слушал чужие разговоры. Слушал все подряд, все было ему интересно, пока однажды ночью не вспыхнула пьяная свара, и он сглупил: вышел на улицу и попытался вмешаться. Мира он не добился, а фонарь под глазом заработал. И постепенно чужие разговоры стали раздражать. Ничего заслуживающего внимания – болтовня, пререкания, сплетни, неуклюжие парочки на первом свидании, молчаливые многолетние супруги, шумные компании. Он перестал выбираться на балкон, а если выходил, то принимался громко откашливаться или включал музыку, чтобы те, внизу, знали, что над их головами кому-то все слышно.

А потом он вдруг перестал их слышать. Сам не понял, как это произошло, а заметил в первую неделю после того, как Бо переехала к нему. Она не могла уснуть, ей эти разговоры под окном мешали. И днем не могла сосредоточиться на работе, потому что на канале шумели вейкбордисты. За обедом он пытался ей что-то рассказать, но она не слушала. Вдруг вскочила:

– Слышал? – и бросилась к окну, свесилась через подоконник, пытаясь разобрать, откуда донесся привлечший ее голос.

А он сам не заметил, как для него отключился уличный шум. Со временем то же самое, по-видимому, произошло и с Бо. Так оно обычно и бывает.

Как только они въехали в город, Лора приподнялась и села. Почувствовала перемену освещения, звука, движения транспорта. Она потянулась и огляделась по сторонам. Соломон тем временем осторожно

присматривался к ней. Впервые за несколько часов он увидел ее лицо. Судя по всему, в машине Лора не спала: глаза широко раскрыты, с невинным любопытством она поворачивала голову то к одному окну, то к другому, вбирая в себя новые впечатления. Впервые в большом городе. Но внезапно свет и движение за окнами исчезли – машина въехала в подземный гараж.

– Квартира наверху, – пояснил Соломон изумленной девушке.

Он закрыл машину, грохот дверцы разнесся по парковке – Лора так и подскочила. Вдалеке кто-то бросил в контейнер мешок с мусором и так же громко захлопнул крышку. Снова разнеслось эхо – и снова девушка сильно вздрогнула.

Соломон краем глаза наблюдал за ней. Правильно ли он поступил, привезя ее сюда?

– В соседнем квартале есть гостиница. «Маркер». Симпатичная. Современная, на крыше бар, оттуда весь город виден.

Личных средств для оплаты номера ему бы не хватило, но Бо изыщет. Ради своего фильма она придумает, как устроить Лору.

– Хочешь, поселю тебя там?

– Нет, – поспешно отказалась она. – Хочу быть с тобой.

– Нет проблем, – легко ответил он. На душе потеплело.

Он вынул из багажника пакеты и закрыл его осторожнее, чем до того дверцы. Но в этот момент распахнулась дверь для выхода, тяжелая противопожарная дверь, уж она грохнет так грохнет. Зацокали по цементному полу каблуки. Поблизости заверещала, откликаясь владельцу, машина. Лора воспроизвела этот звук. Женщина, садившаяся в машину, поморщилась, словно обидевшись. Она включила двигатель, и Соломон поспешил увести Лору.

– Пошли в дом, – позвал он, подхватывая пакеты и направляясь к выходу.

Бо ждала под дверью. Соломон и Лора должны были прибыть с минуту на минуту. Она нервничала, сама толком не понимая почему. Нет, неправда. Прекрасно она знала, в чем дело, но перед самой собой прикидывалась, что отпустить Соломона с Лорой одних на два дня – ничего особенного. Она хотела бы стать такой женщиной, которую подобные глупости не волнуют. Ревность убивает. Она никогда не ревновала – в отношениях не ревновала, никогда не чувствовала такого рода угрозы. Работа – другое дело. Если кто-то снимет лучший фильм, если у кого-то документальное кино будет получаться интереснее, чем у нее, тут она приревнует и готова в этом признаться. Профессиональная ревность способствовала ее карьере. Но как применить ревность к отношениям? Как

ей превзойти Лору, да и зачем?

И это чувство не Джек спровоцировал. Дело не в том, на что он вчера намекал, не это посеяло в ее душе семена сомнения, никто не нашептывал ей сплетню, не звонил в тревожные колокола. Это чувство проросло изнутри. Лора все время цеплялась за Соломона. Разве нормальная женщина отдает напрокат своего парня? И не просто позволяет это – еще и поощряет. Она буквально толкала Сола в объятия Лоры. Вот что пробудило в ней тревогу, вот почему от беспокойства живот сводило: она знала, что сама этому способствовала. Притворялась, будто ничего не замечает, потому что иначе ее поведение выглядело бы странно, чтобы не сказать – бесчувственно. Она видела, что творится прямо у нее перед носом, и поощряла их обоих во имя своего документального фильма. Ну вот! Наконец-то хоть самой себе призналась.

Лифт включился, поднялся на ее этаж. Бо вышла на площадку: успеет застать их врасплох, прежде чем они приготовят те лица, с которыми собираются войти в квартиру. Стоит взглянуть на них, и она сразу поймет, на каком она свете. Происходит ли что-то между ними. Лифт отворился. Снова свело желудок. Соломон вышел на площадку. Один. Бросил на Бо предостерегающий взгляд и обернулся к лифту:

– Лора, это наш этаж.

Сдвинувшись влево, Бо заглянула в лифт. Лора скорчилась в углу, прикрывая руками уши. Вот она встала, придерживая свои пакеты, робкая, точно мышка. И узел в животе у Бо мгновенно ослаб. Ей даже стыдно стало, что она почувствовала облегчение, увидев Лору в таком состоянии.

– Ей плохо в лифте, – сообщил Соломон. Он и сам разнервничался.

– Привет, Лора, – мягко заговорила Бо. – Заходи.

Лора еле слышно шепнула «спасибо» и переступила порог.

– Как съездили? – спросила Бо, пока Лора озиралась по сторонам.

Соломон покачал головой, советуя ей воздержаться от вопросов, но было уже поздно.

Из приоткрытого рта Лоры потоком хлынули звуки, они смешивались, накладывались друг на друга, сбивались, как в плохой записи.

У Бо изумленно расширились глаза. Как понять эту какофонию? Смысл ее был, видимо, негативным, что-то произошло нехорошее, девушка чем-то расстроена. Молча Бо наблюдала за тем, как Соломон провожает Лору в маленькую гостевую комнату, оберегает ее, точно разбившуюся птицу. Бо изо всех сил пыталась разобраться в этих звуках, но ничего не получалось. Ей казалось, чаще всего слышались ружейные выстрелы.

Зато Соломон отчетливо различал каждый звук, понимал его значение,

Лора проигрывала всю «запись» снова и снова – единственный для нее способ передать душевное смятение, сердечную рану. Вот скулит Мосси. Гневается Джо. Кричит подбитый заяц, раздаётся выстрел, грохнула дверь, цокают по бетону шпильки, сработала сигнализация в машине, снова дверь, гудение лифта – это когда они вошли и Соломон нажал кнопку. Полицейская сирена.

И среди этого потока звуков – всхлипы Бо, когда она занималась любовью с Соломоном.

Эти звуки рассказывают ее историю. Все то, что огорчает или пугает Лору. Дублин полон новых для нее звуков. Сотни людей выходят из театра за углом, кто-то идет к своей машине, кто-то ловит такси, разъезжаются в разные стороны, возвращаются каждый в свою жизнь. Таксисты сбиваются под балконом, прячась от внезапного дождя. И дождь здесь идет по-другому – капли падают либо на асфальт, либо в канал через дорогу. Здесь нет листьев, которые могли бы задержать их падение, нет почвы, которая всасывает влагу. Полицейская сирена вдали, чьи-то вопли, дружный смех... на каждый звук она бросается к окну.

Хорошо, что комната невелика. В незнакомом да еще и просторном помещении совсем бы невмочь. Хотелось спрятаться в кокон, всего было слишком много. В комнате узкая кровать у стены, а по ту сторону стены – спальня Соломона и Бо. И тут в шкафу висят его рубашки, в комнате его запах. У Бо гардероб в спальне, сказал он мимоходом. Он хорошо это умеет – болтать какие-то пустяки, давая ей время прийти в себя. Успокоительно. И голос успокоительный, добрый. Особенно когда поет. Прикрыв глаза, она вспомнила, как он пел на празднике, но только начала вживаться в ту минуту, как очередной уличный звук вырвал ее из полудремы. Девушка смеялась на пару со своим парнем. И снова ухнуло сердце.

В коттедже звуков тоже хватало. Там никогда не бывает абсолютно тихо, сколько бы съемочная группа ни хвалила «нейтральный фон». Но к тем звукам Лора давно привыкла. Хотя в первую ночь, в шестнадцать лет, когда осталась там одна, перепугалась до смерти. Мамы уже не было, умерла несколько месяцев назад, с бабушкой они, плача, простились. Но даже тогда было еще не так плохо – пусть и не в соседней комнате, а в деревне, Гага была не так уж далеко, это смягчало страх и боль. А вот полгода спустя, когда пришла весть о бабушкиной смерти, земля ушла из-под ног. Совсем одна! И все же не совсем: с утратой бабушки Том стал ей ближе. Весть о смерти Гаги он сообщил ей в обычной своей манере, не выражая сочувствия. Но постепенно он учился. Осознав, что девочка

осталась одна, стал больше времени проводить у нее, чаще предлагал свою помощь, чинил что-то, не дожидаясь просьбы, – заботился. И важно было сознавать, что он рядом, в случае чего – выручит. Он и туалет чинил, и краску ей привозил, мог забить гвоздь или купить лекарство, хотя в целом она справлялась и сама. Ей нравилось – до восторга – быть самостоятельной, и все же с условием, что неподалеку жили старики, ее защита. Пусть даже один из них не знал о ее существовании.

«Он не должен знать», – вот и все, что Том сказал по этому поводу, и на этом точка.

Ни разу Том не обнял ее, не поцеловал, даже не притронулся, но он служил ей связью с миром, реальность которого она порой утрачивала.

Впервые за долгое время она отчетливо припомнила первую ночь в коттедже. Она лежала в постели, смотрела сквозь незанавешенное окно на черное небо, и ей казалось, на нее отовсюду глядят, хотя на мили кругом никого не было, кроме близнецов. Сколько Том ни старался приготовить коттедж к ее переезду, здесь было холодно. Она закуталась в овчину, свернувшись клубком и прислушивалась к незнакомым звукам, стараясь осмыслить каждый, сложить из них свой новый мир. И вот теперь, десять лет спустя, в двадцать шесть, она словно бы вновь очутилась в коттедже Тулинов в ту первую ночь.

– Я словно попала в Корк, в тот коттедж, – шепнула Соломону Бо и захихикала.

– Тсс, – несердито цыкнул он. Не хотел, чтобы Лора слышала ее смех. – Сова, – прошептал он, угадав один из звуков.

Он припомнил, как стоял в ее доме у окна и вздрагивал от каждого звука. Она стала их называть и тем самым помогла ему успокоиться. Наверное, следовало бы сейчас пойти к ней и точно так же утешить ее. Он стал вслушиваться внимательнее не только в звуки, производимые Лорой, но и во все шумы внутри квартиры и снаружи. Никогда прежде он не обращал на них внимания.

Они оба слушали молча. Лежали рядом, оба на спине, глядя в потолок.

– Летучая мышь? – признала Бо.

– Какая-то птица, – недоуменно пожал он плечами. – А вот лягушка, – это было легко.

– Ого, дождик стучит, – прошептала Бо, устраиваясь поудобнее. – И ветер?

– Не знаю, – сказал он, радуясь близости с Бо, их товариществу.

Оба лежали голыми, укрывшись простыней ниже пояса – жаркая ночь, дождик тщетно попытался ее освежить, – и вслушивались в ночной фон

далекой горы. Соломон словно чудом перенесся в другое место, достаточно было закрыть глаза. Изнутри постиг, каково это могло быть – лежать рядом с Лорой в ее коттедже, ночью.

– Как романтично, будто ночевка под открытым небом, – сказала Бо, прижимаясь к нему, голова у него под мышкой, ее тело точно повторяет очертания его тела. Она приподняла бедро, чтобы еще точнее вписаться. – Как насчет секса под звездами? – Она принялась целовать его грудь, спускалась все ниже, по животу, к паху.

Но тут он понял, как мало в этом романтики. Лора, оказавшись одна в чужом месте, вспоминает дом, по которому она стосковалась, призывает на помощь знакомые звуки, чтобы хоть отчасти развеять одиночество. Он пытался отделаться от мыслей о ней, от ее звуков, раствориться в Бо. Но ничего не вышло: даже когда Лора смолкла, он продолжал прислушиваться к ней.

Глава восемнадцатая

Съемочная группа вместе с Лорой сидела в лаборатории Дэвида Келли, члена Ирландского орнитологического общества. Рейчел изучала монитор – птичьи клетки на заднем плане, научное оборудование, расставленное так, чтобы побольше попало в кадр, удачную подсветку, – а мистер Келли с тревогой следил за происходящим.

– Хорошо, пусть, но вообще ему там не место, – пробормотал он, когда Бо вздумала перевесить плакат с птицами на другую стену, чтобы он тоже попал в кадр.

Наконец он устроился рядом с Бо так, чтобы они оба оставались за кадром. Ученый приготовился к разговору, приготовился и Соломон, подставив им обоим микрофон. Все были довольны, за исключением Соломона: звуковой фон невозможный. Стоит Дэвиду произнести слово, и тут же отзывается какая-нибудь птица, а в довершение кошмара Лора непременно воспроизводит это щелканье, чириканье и пение.

Если Рейчел сердится, когда ей мешают снимать, у Соломона тоже портится настроение, когда возникают проблемы со звуком. Дэвид Келли сердито смотрит на Лору, ему теперь придется заново подавать ту же реплику. Но вдруг Соломон, как это ни странно, успокаивается. Он перестал нервничать из-за этих звуков. Просто счастлив, что Лора рядом и эти звуки напоминают о ее присутствии. Чудеса, да и только, совсем не такой у него характер.

А Лора смотрела на Дэвида невинно, широко раскрыв глаза, словно и не понимала, что творит.

Соломон заранее счел всю эту затею неуместной: приятно ли будет Лоре слушать, как обсуждают ее, какие-то ее особенности? Кому охота знать, что говорят у него за спиной? Он поделился своими сомнениями с Бо, и та в целом согласилась, но выбора не было: оставаться в их квартире одна Лора отказалась напрочь. Нет, она поедет вместе с Соломоном.

– Пожалуйста, доктор Келли, еще раз. Тот же вопрос, тот же ответ, – попросила Бо.

– Разумеется. Птица-лира, или лирохвост, – это...

– Простите, не могли бы вы повторить ответ без «разумеется»?

– Да, извините меня, конечно же. – Пауза. Рейчел кивнула: снимаем. – Птица-лира, или лирохвост, – австралийская птица, живущая на земле и известная...

– Стоп! – перебила Бо. – Извините, ребята. Слишком быстро, – пояснила она. Действительно, Келли торопится договорить прежде, чем очередная птица испустит свой клич, а за ней повторит Лора. – Чуть медленнее, как в прошлый раз, было идеально. Продолжайте, прошу вас.

Наушники надеты. Снимаем.

– Лирохвост – австралийская птица, живущая на земле и известная...

– Тррр! – птица.

– Тррр! – Лора.

– ...поразительной способностью к подражанию, – продолжал ученый. – Она гнездится в густых зарослях...

– Тррр! – птица.

– Тррр! – Лора.

– ...на горах. Очень редко удастся увидеть лирохвоста. Хотя они...

– Тук-тук! – клювом о прутья клетки, и, разумеется, этот звук Лора тоже воспроизвела.

Соломон мрачно оглянулся на Бо. Не звук, а сплошное месиво. Даже Дэвид Келли смущен, он что-то еще продолжает лепетать, но дергается так, словно его все время тычут под ребра.

– Нет! – заявила вдруг Рейчел, прервав их мучения. Соломон снял наушники, пряча улыбку облегчения. – Так ничего не выйдет.

– Надо бы попробовать в другом помещении, без птиц! – бодро предложила Бо. Главное – не сбавлять темп.

Дэвид Келли украдкой глянул на часы.

В зале заседаний тихо. Не доносится гул транспорта, нет людей, нет телефонов, не гудят кондиционеры. Все это Соломона вполне устраивает. Мебель темная, Рейчел пришлось повозиться с освещением, но она справилась. В кадре снова птицы, птицы на ветках, за стеклом. Увы, мертвые, набитые чучела, это Соломону не по душе.

По пятам за съемочной группой пришла и Лора. Она покосилась на стеклянный контейнер с мертвой птицей, на лице ее проступило смятение, но Лора промолчала. Соломон надел наушники. Лора подошла к стеклянному ящику, дотронулась до него пальцами, попыталась проникнуть внутрь, к мертвой птице, и, прежде чем Дэвид Келли успел заговорить, изо рта Лоры вновь полились звуки – выстрел, заяц падает, визжит от боли, скулит перед смертью Мосси. И еще один звук – из детской компьютерной игры, тот, что Лора слышала несколько дней назад в ресторане отеля. Выстрелы, взрывы. Она соединила эти два впечатления.

Доктор Келли поднялся и уставился на девушку:

– Боже! Поразительно.

Лора подняла глаза, увидела, что смотрят на нее, и смолкла. Убрала руку со стеклянной стенки.

– Отчего умерли все эти птицы?

– Лгите, – шепнул Соломон доктору Келли, маскируя совет кашлем.

– Э! Ну... естественные причины, – пробормотал ученый.

Лора нахмурилась, посмотрела на Соломона. Стала покашливать, как он, снова и снова, пока сквозь кашель не прозвучало отчетливо: «Лгите!» Соломон только вздохнул.

– Послушайте, лучше снимать в вашем кабинете! Это будет идеальное место! – передумала вдруг Бо.

– Вам же там не понравилось! – надулся доктор Келли, как обиженный ребенок.

– Нет, там будет идеально! – повторила Бо, собирая вещи и подгоняя сотрудников.

– Мне уже пора. У меня лекция...

– Осталось совсем немного, – ободряюще улыбнулась Бо. – И вы сможете больше времени пообщаться с нашим Лирохвостом. Это же ради науки!

Такая мысль доктора Келли порадовала, он явно был очарован женщиной, поющей по-птичьи. Он продолжал присматриваться к ней, пока остальные переносили оборудование, посмеивался на свой педантично-профессорский манер.

Лора уставилась на него, осмотрела с ног до головы, в точности как он ее, и воспроизвела его смешок. Профессор восторженно захлопал в ладоши.

И вот они в кабинете – это маленькая комната, забитая бумагами, основной предмет мебели – огромный стол.

– Доктор Келли, – приступила Бо к интервью, – расскажите нам, будьте добры, о лирохвосте, о его таланте звукоподражания.

– Самец лирохвоста – краса и гордость горного леса, его пением восхищаются другие искусники. Главным образом он подражает песням других птиц, однако лирохвост и сам прекрасно умеет петь. Примерно треть его «представления» вполне оригинальна, другая треть, можно так сказать, полуоригинальна, она состоит из звуков, услышанных в буше, но обработанных и соединенных в гармоничную мелодию, а последняя треть – в чистом виде подражание, причем настолько точное, что на слух невозможно различить оригинал и копию. Кажется, нет такого звука, который лирохвосту было бы не под силу изобразить. При этом лирохвосты – существа очень привязчивые и всегда следуют своим

привычкам. Сезон спаривания продолжается с мая по август. В начале сезона самец строит себе несколько «сцен» и там исполняет песни и танцы в честь самки, которая следует за ним повсюду и наблюдает каждое представление с наиболее выгодного места. По окончании спектакля они вместе кормятся, но, как только самец вновь начинает петь, самка прекращает поиски пищи и внимает ему. Самцов почти никогда нельзя встретить в одиночестве, они преданы своему потомству, можно сказать, лирохвосты являют нам пример семейных ценностей.

Соломон невольно улыбнулся такой восторженной речи. Бо искоса глянула на него, и он отвернулся, притворяясь, будто возится с оборудованием.

– Когда лирохвост находит себе пару, они вместе выбирают место для гнезда. Ни один из них не покинет свою пару. Они моногамны: однажды определившись с выбором, они проведут всю жизнь в этом браке.

Соломон поджимал губы, напрасно скрывая улыбку. Быстро глянул на Лору – та смотрела на него в упор, зеленые глаза сияли.

Десять вечера. Слишком рано для Бо и Соломона укладываться и тем более рано уже закончить с сексом, но, учитывая, что небольшое жилое пространство они делят с Лорой, всем проще сказать «доброй ночи» и разойтись по спальням.

Любовью они занимались как можно тише, опыта в отеле с них вполне хватило. Соломон думал о чем-то, и это к лучшему: у Бо тоже голова забита мыслями и планами, будущий фильм постепенно приобретал очертания. И вот они оба лежат на спине, смотрят в потолок и слушают песню Лоры. Бо это нравится, ее эта песня успокаивает. Потихоньку наматывая на палец прядь волос, она прикрыла глаза.

– Перебирает события дня, – шепнула она.

– Банкомат, – с улыбкой пояснил Соломон. – Мы ходили, пока вы с Рейчел заканчивали завтрак. Она его впервые увидела.

Лора по очереди подает сигналы банкомата. Зашуршали купюры.

– Вот бы она по-настоящему деньги выдавала, – пошутила Бо. – Впрочем, если фильм окажется хорош – а я в него верю, – так и будет.

– Она могла бы расшифровывать ПИН-код, запоминая эти звуки, – предложил Соломон. – Тайный отдел разведки наймет ее с такими талантами.

Бо тихонько засмеялась.

– Это бы я включила в фильм. – Прислушалась. – Она перебирает звуковые воспоминания за день, как я – снимки на мобильном.

Еще послушали. Спокойные. Умиротворенные.

И вдруг из соседней комнаты донесся смех Соломона. Редкий у него самозабвенный, от всей души смех.

– Это ты? – Бо повернула к нему голову.

– Да. – Он не смотрел ей в глаза. – Уж и не знаю, что меня так рассмешило, – солгал он, припомнив, как они цеплялись друг за друга, изнемогая от смеха, у него живот заболел, слезы потекли. Это было с утра: одеваясь, он решил, что Лора жарит бекон. Из кухни доносились сладостные звуки масла, растекающегося и шипящего на раскаленной сковороде. Он вышел – Лора стояла перед открытым холодильником, изображая звуки готовки. Проголодалась. А в холодильнике ничего не было, и при виде пустых полок и пустого стола он растерялся так, что Лора, увидев его гримасу разочарования, громко засмеялась. И он, осознав, что произошло, расхохотался вместе с ней.

А после смеха слышался его кашель, скрывавший призыв «Солги». Соломона передернуло.

И снова смех. Снова ложь, и снова смех. И так несколько раз.

– Она пытается понять, – сказала Бо, не сводя глаз с Соломона. Ее сердце тоже забилося учащенно: она угадала. – Хочет знать, что ты за человек.

Лора вновь воспроизвела его смех.

– Сол! – озабоченно сказала Бо.

– А? – Смотреть ей в глаза он не мог. Сердце билось так сильно, что он боялся: Бо, прижимавшаяся к нему, это заметит. Ему казалось, в такт сердцебиению содрогается все тело.

– Сол!

Солги! Смех. *Солги!* Смех. И так много раз.

Он посмотрел на Бо. Сел, закрыл лицо руками.

– Да, я знаю. Черт.

Глава девятнадцатая

Утром Лора с кружкой чая устроилась на балконе и принялась насвистывать.

– Что она делает? – Соломон вышел из душа и присоединился к Бо на кухне. Поцеловал ее. Он твердо решил: целовать ее открыто, не прячась.

Прошлой ночью они решили: ему нужно отойти в сторону, предоставить Бо и Лоре шанс сблизиться. Тем более у него срочная работа, на несколько дней нужно съездить в Швейцарию снимать для «Уродских тел» операцию мужчины, чью историю отслеживали целый год. Бо и Сол решили, что и Лоре, и фильму его отлучка пойдет на пользу, а про себя Соломон знает, что так будет лучше и ему. Он теряет самого себя и недоволен тем, во что превращается: в мужчину, способного думать о другой женщине в тот самый момент, когда лежит в постели с подружкой. Нет, это не он. Таким он быть не хочет. Нужно выйти из этой ситуации.

– Беседует с птицей по соседству, – пояснила Бо. – Яичницу с беконом будешь? – спросила она, ставя перед ним тарелку. – Лора приготовила. Только все просила у меня такие приправы, про которые я и не слышала. Травки разные.

– Свози ее в супермаркет, – посоветовал он, запрещая себе оглядываться на Лору. – Ей понравится.

– Ага, – кивнула Бо, пытаясь сообразить, как в ближайшие четыре дня будет справляться с Лорой в одиночку. Она уж готова закрыть глаза на их с Соломоном подозрительную близость, только бы он остался.

Лора чирикает на балконе.

– Что там за птица? – спросил вдруг Соломон, жадно заглатывая завтрак. С появлением в их доме Лоры качество еды заметно повысилось.

– У парнишки по соседству птица в клетке. Волнистый попугайчик, кажется. Неужто ты ни разу не слышал?

– У какого парнишки? – переспросил он.

Бо засмеялась, игриво замахнулась на него посудным полотенцем. Потом вернулась к столу с эспрессо и грейпфрутом, заговорила тише:

– Посидишь рядом, пока я буду объяснять ей насчет прослушивания?

– Мы вчера уже все обговорили, – ответил он, утыкаясь в яичницу. – Пора тебе лучше ее узнать. И чтобы она и тебе доверяла.

Чудесный завтрак, Лора сделала такую вкусную яичницу, какой он в жизни не едал. Готов языком вылизывать тарелку. Нужно как можно скорее

отсюда удрать.

– Знаю, знаю, но ты лучше справляешься с ней.

Он поглядел на Бо, понял, как она сильно нервничает.

– Ты справишься. Просто воспринимай это не как «инструктаж», а как будто ты общаешься с подругой.

– Откупорить в восемь утра бутылку вина, пожалуй, рановато, – попыталась она шутить, но ей было явно не по себе.

Впервые с того момента, как Соломон сел за стол, он хорошенько присмотрелся к Лоре. Ей понадобилось несколько дней после той истории с убитым зайцем, чтобы выйти из своей скорлупы. Они неплохо проводили время. Соломон с радостью показывал Лоре город, все для нее новое, наслаждение было смотреть на нее и слушать, как она повторяет каждый звук, самые рутинные звуки, он-то давно их не замечал. Шипение тормозов, когда автобус приближается к остановке, свисток почтальона, жалюзи, поднимающиеся на витрине магазина, клацанье ключей, рев мотоцикла, велосипедный звонок, цоканье каблучков.

Ее звуки были неисчерпаемы, они словно сами собой вытекали из рта, и Лора не всегда это замечала. Напрасно Бо тревожилась, как бы этот талант не иссяк в городе, – звуки только умножались. Да, ему было с Лорой весело. Сколько он смеялся – месячная норма за два дня! А потом ловил себя на таком легкомыслии и замыкался. Правильно Лора усомнилась в его характере, его надежности. Кто он такой, что делает? То открывается ей, то захлопывается, то горяч, то холоден. Нужно держаться от нее подальше – ради блага Лоры, ради Бо, ради него самого.

Боковая дверь была раздвинута, сквозь нее чириканье Лоры разносилось на всю квартиру.

– Кстати, она вовсе не разговаривает с птицей, – сказал Соломон, моя в раковине посуду.

– Мм?

– Ты думала, что она разговаривает с птицей.

– Ну да.

– Ты что, в самом деле?

– По мне, так это очень похоже на двусторонний разговор.

– Нет. – Он рассмеялся, но снова шевельнулась уже ставшая знакомой тревога. Или то была тоска? Припекало в груди. Эта ли тревога побуждает его пикироваться с Бо, или Бо – причина его тревоги? Он пока не разобрался, но как-то они взаимосвязаны.

– Птичка явно думает, что нашла собеседницу, – весело проговорила Бо и снова уткнулась в телефон, проверяя почту.

– Что там птица думает, я не знаю, но в людях я разбираюсь. – И на этот раз в его заявлении довольно откровенно проступил подтекст: а вот она не разбирается.

– Прекрасно, Соломон, это она не с птицей разговаривает, – согласилась Бо. – Так объясни мне, что к чему. Ты-то ее гораздо лучше понимаешь, чем я.

Она не поддразнивала его, не оборонялась, и осуждения в ее голосе тоже не было.

– Давай мы с тобой так «поговорим», как они. Можем прямо сейчас начать.

– Хочешь, чтобы я насвистывала? – усмехнулась Бо.

– Хочешь, чтобы я насвистывала? – повторил он и постарался, как мог, похоже воспроизвести ее смешок.

Она засмеялась.

Он тоже.

– Может, мне зачирикать?

– Может, мне зачирикать?

Ее улыбка увяла.

– О'кей, Сол, я усвоила.

– О'кей, Сол, я усвоила.

– Это не разговор с птицей.

– Это не разговор с птицей.

– Она подражает птице.

– Она подражает птице.

Оба умолкли.

На балконе Лора, невидимая обоим, улыбнулась, пряча улыбку в широкую кружку чая.

Соломон уставился на Бо, ожидая следующей реплики. Вернулся в детство, когда вот так доводил братьев.

– Моя подружка Бо, – медленно, обдумывая каждое слово, произнесла она, – крутейший в мире продюсер.

Он повторил ее похвальбу, придвинул стул вплотную к ее стулу, глаза в глаза.

– С самыми сексуальными сиськами.

Она рассмеялась:

– Этого я не говорила.

– Этого я не говорила.

Веселые, счастливые. Когда расшались, им хорошо вместе. А потом Бо все испортила:

– Скоро я женюсь на моей Бо.

Он замер. Уставился на нее, чуть отодвинувшись, чтобы как следует рассмотреть, увидеть картину целиком, не шутит ли она. С ее лица сдуло улыбку – и с его тоже. Между ними повисло тяжелое напряжение. Зачем она это сказала? Зачем испортила славную минутку, перевела в серьезный разговор?

– Ты этого хочешь? – спросил он.

И она тоже присмотрелась к нему. Очевидно, он-то этого вовсе не хочет, не может произнести эти слова даже в игре. Но нет, на самом деле она этого не хочет. В этих отношениях она себе подобной цели не ставила. Раньше, с Джеком, – да, но тогда она была моложе, ей нравилось осуществлять трудные проекты, и Джек был для нее таким проектом. Смешно сказать, но она скорее вышла бы замуж за Джека, чем за Соломона. И все же она расстроилась – не потому, что хотела стать женой Сола, но потому, что он так очевидно этого не хотел. Не оскорбительно ли для женщины оставаться с тем, кто не хочет на ней жениться, пусть сама она и не собирается за него замуж? Двойные стандарты? Что ж, у нее таковых немало.

Она прямо-таки слышала отговорки Соломона, хотя он не произносил ни слова, только смотрел на нее в панике, кожа блестела, словно его прошиб нервный пот. Она слышала его контрдоводы, словно он произнес их громко и внятно, то есть на самом деле эти доводы она сама знает и сама использует против брака, и тем не менее произнесла эту фразу, чтобы вынудить его повторить, чтобы испытать его, – и это, конечно, нечестно.

– Ну вот и поговорили, – сказала она, вставая. – А ты иди, на работу опоздаешь.

Лора на балконе медленно выдыхает, дослушав до конца этот разговор.

Птица на соседнем балконе шумно чирикает, скачет по клетке, на качели, на пол, клюет то еду, то прутья клетки. Рядом с птицей сидит маленький мальчик, сшибает друг с другом красные автомобили, голосом изображая эффект столкновения. Лора повторяет звуковое сопровождение этой игры.

Третье утро подряд она с удовольствием устраивается на балконе посидеть и подумать. По крайней мере, тут, кроме множества звуков, есть и свежий воздух. На свежем воздухе легче совладать с новыми звуками, голова не так болит.

Бо вышла к ней на балкон. Лора быстро оглянулась на нее. Бо – сама точность, аккуратность, опрятность, совершенство. Одежда без складочки, без морщинки, кожа оливкового цвета, такая же гладкая и безупречная, без

прыщика, глаза шоколадные. Короткие каштановые волосы подвязаны высоким хвостом, хотя их не так уж много для хвоста, спереди две пряди выпали из общей массы, и она тщательно заправила их за уши. Волосы, как всегда, блестящие. На ней брюки в обтяжку и лоферы, воротник футболки-поло поднят. На вид вещи дорогие, все на ней отличного качества. Бо выглядела так, словно собиралась позировать для яхтенного журнала. Никогда ее не собьешь с толку, она неизменно контролирует ситуацию. Лоре казалось, Бо всегда точно знает, куда идет и зачем. Полная ей противоположность.

– Обзаводишься друзьями? – спросила Бо.

Лора удивленно покосилась на нее. Она же тут одна.

– Ладно, не важно. – Улыбка померкла, Бо поставила на стол ноутбук. – Вот, принесла тебе посмотреть этот конкурс талантов. Тебе нужно подготовиться. И если тебе что-то не понравится, мы этого делать не будем.

Лору охватила дрожь. Прослушивание было назначено на этот же день. После обеда.

– Вот Джек. – Бо указала на экран, и, услышав в ее голосе необычную мягкость, Лора быстро на нее оглянулась. – Что такое? – слегка покраснела Бо.

– Ничего, – мягко ответила Лора.

– Налью тебе еще зеленого чая. – Бо скрылась в квартире.

Лора внимательно смотрела на экран. Бо подобрала для нее множество записей с YouTube: каждому участнику конкурса выделялось две минуты на демонстрацию талантов. Невероятно гибкие акробаты, певцы, музыканты, фокусники и такие способности, о существовании которых она и не подозревала.

Вернулась Бо, поставила перед Лорой чашку чая, налитую доверху, через край капал кипяток. Похоже, Бо редко приходится заваривать чай. С какой стати, спросила себя Лора, она выискивает в Бо недостатки? Только потому, что ей еще не доводилось видеть такое совершенство – и столь неколебимо в себе уверенное?

– Что скажешь? – спросила Бо.

– Какие они талантливые! – откликнулась Лора. – Я буду чувствовать себя белой вороной среди них.

– Лора, ты куда более уникальная, чем все они вместе взятые! – сказала Бо. – И Джек Старр, судья конкурса, сам сказал, чтобы я тебя непременно привела.

– Ты ему доверишь, – сказала Лора. Это не было вопросом: она ясно

слышала, как Бо произносит его имя – тепло. С доверием. С любовью.

Бо замерла.

– Я... что? Ну да. В смысле он... он занимается поиском талантов. Он музыкант, он и сам очень талантлив, хоть и не все это понимают. Играет на гитаре, на пианино, на гармонике. Написал несколько хитов, но не это главное, на самом деле у него так много песен, которых люди и не слышали, – и эти песни лучше. У него огромный опыт, поэтому он умеет распознавать таланты, и он ищет нечто подлинно уникальное.

Вот уже второй раз Бо произносит это слово. Так Лора для них талантлива – или уникальна? Переспрашивать она боялась. Боялась услышать ответ. Щелкнула мышью и открыла очередное видео. Это шоу меняет жизнь, глубоким басом возвестил мужчина-ведущий. Готова ли Лора к таким переменам? Впрочем, ее жизнь уже сильно изменилась и остановить перемены не в ее власти. Приходится двигаться вместе с ними.

– Как мне следует поступить? – спросила она.

Бо отвечала не раздумывая:

– Сделай это. Мы можем снять фильм и без шоу талантов, фильм не о том, но, если ты появишься на телеэкране, это не только сюжет обогатит, но и для продвижения фильма будет полезно. Тебя это, может быть, и не волнует, но я продюсер и вижу, что способствует продажам. Успех фильма откроет и перед тобой новые возможности, ты сможешь выбирать направление своей жизни. Это, на мой взгляд, главное – возможности, выбор. Ты же именно это сейчас ищешь.

Лора кивнула. Бо так хорошо ее понимала! И всегда говорила нужные слова в тот момент, когда Лора терялась.

– Сделай это! – весело повторила Бо. Она улыбалась во весь рот, энергия ее была заразительна. – Давай, это славное приключение. И что ты теряешь?

– Ничего! – Лора вскинула руки и улыбнулась в ответ.

Глава двадцатая

Соломон и Рейчел подъехали к старой бойне, где происходили пробы шоу талантов, в полдень.

– Агнцы на бойню, – проворчала Рейчел, с отвращением посмотрев на это здание.

Здесь теперь проводили съемки: сравнительно небольшое здание бойни переделали под сцену для прямого эфира. Пробы шоу талантов осуществлялись в непривычном для таких конкурсов формате: нигде не было видно длинных очередей, томящихся часами, жюри заранее отбирало участников проб. При этом жюри учитывало как потенциальный талант, так и зрелищность, за час в прямом эфире десять участников успевали показать по двухминутному номеру каждый. Джек Старр восседал на троне, зрители окружали сцену, словно на гладиаторских боях. По истечении двух минут Джек нажимал кнопку, и выскакивал огромный золотой палец – либо вверх, либо вниз, помиловать или казнить. Такой формат разработали Джек и его продюсерская компания StarrGaze (название напоминало о золотых деньках, когда Джек был солистом Starr Gazers. Год назад после долгой тяжбы он отсудил право использовать это название для продюсерской компании, студии звукозаписи и агентства, а злосчастный сотоварищ по бывшей группе напрасно возвышал свой осиплый голос, пытаясь присвоить лейбл.

Франшизу этого шоу уже приобрело двенадцать стран, им приходилось подбирать ведущих с таким же бэкграундом в шоу-бизнесе, как у Джека, и чем-то на него похожих. Вот только в рынок США ему никак не удавалось запустить зубы, а Джек упорно туда прорывался, особенно после того как из эфира пропал «Американский идол». Но пока что он ведет шоу талантов в Ирландии, которая давно стала его домом, и из всех англоязычных стран только здесь это шоу и прижилось. С победителями подписывают контракт его студия звукозаписи и актерское агентство StarrGaze. Нужно ловить момент, пока в этот бизнес не вторгся кто-то еще из музыкальных знаменитостей. Джек радуется успеху – почти двадцать лет прошло с того времени, как его дебютный альбом завоевал «Грэмми» и молодой музыкант пустился в кругосветный тур. Сейчас он снова гребет деньги лопатой – и благодаря этому шоу, и благодаря продажам нового выпуска того дебютного альбома. Он снова играет вживую перед публикой, это он обожает и норовит включать побольше новых песен в каждое

выступление, хотя публика является послушать старые любимые хиты. Он бы хотел, чтобы новые песни вошли в чарты, они куда лучше творений его пьяной и обдолбанной юности, но пока что популярность шоу-ведущего не превратилась в новую музыкальную славу. За все время с тех пор, как шоу талантов в эфире, ему удалось выпустить в свет только одну песню – и та не попала в топ-сорок.

Посреди сцены установлен четырехсторонний экран. Золотая перчатка болтается посредине во время двухминутного представления, пока принимается решение, пальцем вверх ее поднять или пальцем вниз. Изюминка: решение принимается с участием зрителей, как тех, кто находится в студии, так и тех, кто сидит дома и голосует с помощью мобильного приложения. Если зрители проголосуют «палец вверх», а Джек – «палец вниз», их голоса пересиливают. А если он голосует «вверх», а они «вниз», то побеждает Джек, то есть положительное решение ценится выше отрицательного. Обратившись в буддизм после того, как необузданная молодость отняла у него брак и карьеру и чуть не лишила жизни, Джек старается в любое свое дело вносить позитивные ноты. Первоначально проигравших уволакивали в клетке гладиаторы, но от этого отказались после первого же сезона: зрители возмутились, когда в клетке увезли девяностодвухлетнюю мать одиннадцати детей (в зале присутствовали и ее внуки и правнуки), пытавшуюся спеть «Дэнни-бой», а в особенности когда десятилетний мальчишка, не справившийся с трюком, в ужасе разрыдался. Но на Ближнем Востоке в своей версии франшизы эту клетку охотно сохраняли.

Хотя обычно пробы назначались заранее, за несколько недель, а то и месяцев, Джек Старр ухитрился втиснуть Лору в шоу на ближайшие выходные. Члены жюри заранее посмотрели запись, которую Бо сделала на айфоне, – Лора подражает кофеварочной машине – и запросили дополнительный материал, чтобы примерно понимать, с чем она выступит вечером. Тем не менее предварительно требовалась личная встреча, проверка звука и прогон – для полной уверенности. Шоу нельзя пускать на самотек.

Вход в здание надежно охранялся. Личный охранник Джека, Майкл, самолично разбирался с Рейчел и Соломоном.

– Можете пройти, – сказал он Рейчел, но протянул руку, преграждая дорогу Соломону.

Прошло по меньшей мере двадцать лет с тех пор, как Майкл получал призы, отправляя соперников в нокаут на ринге, но силушки у него не убывало. Он злобно уставился на Соломона, а тот, закатив глаза под лоб,

поправлял на плече сумку с аппаратурой.

– Я работать пришел, – сказал он со скукой в голосе. Подавил искушение добавить «Большой Микки» – так парня прозвали в Америке, где он боксировал. Может, в Америке это круто, но в Ирландии «Большой Микки» – смешно.

– Угу, помнится, я тебя в прошлый раз выкинул отсюда – и тебя уволили.

Двухметрового роста американец навис над Соломоном. Когда-то он сопровождал молодого Джека в турах, и, когда к Джеку вернулся успех, он снова позвал давнего друга. В этом смысле Джек – молодец. Не способен хранить верность женщине, зато никогда не забывает старую дружбу.

В обычной ситуации Соломону было бы плевать, пустят его в здание бывшей бойни или нет. Да он только рад был бы держаться подальше от Джека Старра, и Лоре тоже не мешает привыкать к его отсутствию, но ради документального фильма Соломон обязан был проникнуть внутрь. Да, разумеется, только ради фильма, не из желания оставаться поблизости от Лоры. Завтра он уже будет в Швейцарии, и не придется все время вести эту битву внутри собственной головы.

Лора и Бо уже зашли. Они почти весь день провели вдвоем, пока он записывал звук для «Уродских тел» – как Пол Бойл готовится к операции в Швейцарии. Он надеялся, что после столь интенсивного общения в предыдущие дни ему на пользу пойдет небольшой отдых от обеих женщин, но в итоге весь день напролет только и думал о Лоре. Обменивался с Бо эсэмэсками, узнавая, как она, но в итоге получил от нее раздраженное: «Прекращай она взрослая женщина». И на его ответ она уже не ответила. Он понятия не имел, где они в итоге провели день, чем занимались, и не мог себе представить, что могли делать вместе эти две столь разные женщины.

Рейчел вернулась постоять вместе с Соломоном.

– Наверное, он в итоге тебя впустит, просто хочет помариновать немного.

– Да на здоровье, – откликнулся Соломон, поставил на землю свою сумку и прислонился к стене. Ждать придется долго. – Ты сегодня от Бо весточку получала? – спросил Соломон.

– И да и нет, – ответила Рейчел.

– Это как?

– Она пару раз звонила мне, пока я была в клинике, хотя и знала, что мы поедем на УЗИ. Оставила сообщение с просьбой встретиться с ней и Лорой.

– Поснимать?

– Нет, пообщаться.

На лице Рейчел можно было читать, как в открытой книге. На ее личное время покушались, и ее это рассердило. Хорошо, что Рейчел откровенно говорит о Бо, хотя и знает про их отношения. Соломон был рад тому, что их дружбе с Рейчел это не повредило, они могут свободно обсуждать Бо как своего босса. И хотя Соломон предпочитал не жаловаться на Бо, Рейчел и так угадывала, если он бывал чем-то недоволен. Да и нетрудно угадать: Соломона раздражало в Бо ровно то, что всех в ней раздражало.

– Как Лора? – спросил он, хмурясь в тревоге: с чего это Бо звала Рейчел на помощь?

– У нее все в порядке, я уверена. Скорее уж проблемы у Бо.

Интересно, а почему, послав ему столько эсэмэсок, Бо так и не призналась, что он ей срочно нужен? И ведь он всячески намекал. Правда, не мог же он бросить работу и нестись к ней? Ничего, как-нибудь вывернулся бы.

Дверь распахнулась, вышла Бо, непривычно взволнованная. Не так-то ей просто, когда рядом и Джек, и Соломон, бывший бойфренд и нынешний, который побил бывшего и за это его уволили и теперь не впускают в это здание. Но при виде Соломона и Рейчел все следы тревоги исчезли с ее лица.

– Привет, ребята, – с явным облегчением воскликнула она. – Что это вы торчите на пороге?

– Он меня не впускает, – указал Соломон на Майкла.

– Она пусть заходит, – сказал Майкл, откусывая от яблока, почти невидимого в его огромной ладони. Первым же укусом он отхватил более половины.

– У «нее» вообще-то имя есть, – напомнила Рейчел.

– Приношу извинения, – склонил голову бывший боксер. – Но тот засранец не войдет.

– Извинения приняты, – рассмеялась Рейчел.

– Майкл! – сказала Бо. – Джек говорит, он не против.

– Мне он такого не говорил.

– Еще бы! – фыркнул Соломон.

– Почему он не впускает тебя, Соломон? – послышался вдруг голос Лоры.

Обернувшись, они увидели ее тоненькую фигурку, полускрытую массивной глыбой Майкла. Глаза Лоры широко раскрыты в испуге.

– Лора! – словно непослушного ребенка, одернула ее Бо. – Я тебе сказала ждать в приемной.

– Засранец не войдет, – пояснил Майкл специально для Лоры, – потому что в последний раз, когда я видел эту девчонку, с ней истерика приключилась. Пришлось вынести ее на руках, как она ни брыкалась.

– Для девчонки она неплохо работает кулаками, – вступилась Рейчел за Соломона. – Меня при этом не было, но на следующий день на фото в газете я видела синяки.

Майкл развернулся к Рейчел.

– Да, она не поклонница «Большого Микки», – вставил Соломон, и Рейчел устало закатила глаза.

– Господи, ты добьешься, что нас всех отсюда выгонят. Дай мне с этим разобраться! – потребовала Бо, роясь в сумке в поисках мобильного.

– Бо, скажи, пожалуйста, Джеку Старру, что я благодарна ему за такую возможность, но без Соломона я туда не пойду, – очень вежливо и очень твердо сказала Лора.

Соломон посмотрел на нее с изумлением и не сумел скрыть от Майкла торжествующую усмешку.

Преданность Лоры не произвела особого впечатления на охранника, мало ли жаждущих славы красоток блондинок прошло в эти двери мимо него.

– Все в порядке, Лора, я звоню Джеку, – торопливо успокоила ее Бо и отошла в сторону, прижимая трубку к уху. Это не понравилось Соломону: что она собирается сказать о нем своему бывшему – у него за спиной? Так или иначе, через пять минут их всех провела внутрь Бьянка, помощница Джека, и сопровождала дальше по лабиринту коридоров.

– Эй! – сказала Рейчел Лоре. – Мы с тобой толком не успели поздороваться.

Она вскинула руку, и Лора с готовностью встретила ее в воздухе.

– Как малыш? – спросила Лора.

– Растет, здоровенький! – расплылась в улыбке Рейчел.

– Хорошо провели утро? – спросил Соломон, стараясь держаться как можно равнодушнее, но впиваясь взглядом в лица Бо и Лоры в поисках хоть какой-то подсказки.

– Замечательно! – ответила Бо, пожалуй, чуть резковато. – Отправились в супермаркет, потом выпить кофе и чаю, потом прошлись по Стивенс-грин. Я показала ей несколько хороших магазинов, на случай, если она, ну, знаешь, надумает прикупить одежды.

– Угу, – пробормотала Рейчел, тоже присматриваясь к обоим

женщинам.

– Я тебе звонила, – напомнила ей Бо. – Хотела позвать за компанию.

– Правда? Я пропустила, – соврала Рейчел. – Была на УЗИ.

– И верно! – спохватилась Бо. – Совсем забыла. Все хорошо?

– Отлично! Как я уже сказала, врачи подтвердили: внутри ребенок, так что я счастлива, – ответила Рейчел.

Лора засмеялась.

– Как день прошел? – спросил Соломон Лору, дождавшись, чтобы Рейчел и Бо ушли вперед.

Лора покосилась насмешливо, раскрыла рот, и из ее рта вылетел голос Бо:

– Наверное, нам лучше вернуться домой.

От того, как это прозвучало – резкий, напряженный тон, слова словно обкушены, – Соломон безудержно расхохотался. Узнаваемо: Бо из последних сил пытается соблюсти вежливость, но и хочет поскорее выпутаться из стесняющей ее ситуации.

Бо обернулась, глянула на них обоих с некоторой тревогой и снова зашагала вперед.

– Ох нет, – сказал Соломон. – Неужели так все плохо было?

Лора открыла рот, и снова раздался голос Бо:

– Тебе обязательно делать это здесь?

Улыбка на лице Соломона погасла.

– Все хорошо, – поспешно сказала Лора и дотронулась до его руки. Соломон был в футболке, ее пальцы коснулись обнаженной кожи, и что-то произошло. Электрический ток – по обоим. – Я слишком часто это делала, – пояснила она. – Нервничаю рядом с ней.

– Похоже, это взаимно, – откликнулся Соломон.

– Она нервничает, когда я рядом?

– Ты другая, – сказал он, а на самом деле хотел сказать, что Бо, вероятно, ощущает в ней угрозу, особенно с тех пор как убедилась, что Лора хочет все время быть рядом с Соломоном, явно и откровенно доверяет только ему, поняла, что означает желание Лоры подражать его смеху. – Иногда люди нервничают оттого, что кто-то на них не похож.

Она кивнула понимающе:

– Да, со мной тоже так.

– Ты сейчас нервничаешь?

Она снова кивнула.

– Все будет хорошо.

– Ты останешься здесь?

– Я останусь. – Он постучал по сумке с оборудованием. – Я всегда рядом и слушаю.

Бьянка наконец провела их в гримерную, на двери которой заранее повесили табличку «ЛИРОХВОСТ».

– Итак, Лирохвост, мы на месте, – сказала она. – Примерно через пятнадцать минут мы займемся подбором костюма, сделаем прическу и грим, а около четырех часов – проверка звука. – Она заглянула в свой блокнот. – Ваш выход последний, без десяти девять. Нужно уложиться в две минуты. Вы... – она снова сверилась с записями, – вы мим-подражатель? Все верно?

Все посмотрели на Лору, кроме самой Лоры, которая посмотрела на Соломона.

– Не совсем точно, – сказал Соломон. – Она воспроизводит звуки.

– Звукоподражатель, – записала Бьянка. – Круто. Вы ее агент?

– Да, – очень серьезно ответил он. – Агент.

Лора захихикала. Бо завела глаза:

– Нет, он не агент. Он – член съемочной группы.

Бьянка присмотрелась к Соломону, низко опустила тяжелые веки, прищурилась.

– Круто, – сказала она в итоге, но, судя по интонации, крутым его вовсе не сочла. – Так вот, ведущий программы хочет знать, сколько мини-сцен или там подражаний вы намерены представить?

Она посмотрела на Лору, а та – снова на Соломона.

– Сейчас обсудим, – сказал он.

– Сейчас? – Глаза Бьянки расширились в тревоге. – Круто. Вернусь к вам через четверть часа, идет?

У нее затрещала рация.

Лора повторила этот звук и села.

– Круто, – сказала она в точности как Бьянка.

Бьянка раскрыла глаза еще шире. Никто не засмеялся. Остальные уже свыклись с особенностями Лоры. Бьянка поспешила оставить этих странных людей: в соседней комнате дожидалась двенадцатилетняя гимнастка.

– Я думал, вы с утра поработаете над программой, – тихо заметил Соломон Бо, когда они расселись в гримерной, чтобы помочь Лоре подготовиться.

Бо сразила его взглядом:

– Сол, в мясном отделе супермаркета она произвела визги и пiski каждого, на хрен, животного, чью тушу сумела опознать. Потом она

звенела у кассы вместо сканера. Довела кассиршу, та уже сама не понимала, какой товар успела пробить, какой – нет.

Соломон фыркнул и, не удержавшись, расхохотался, чем и привлек внимание Лоры и Рейчел.

– Не смешно! – почти взвизгнула Бо. – Что тут смешного?

Но он продолжал хохотать, пока и она, капитулировав, не засмеялась.

– Как чувствуешь себя? – спросила Бо Лору.

Они начали снимать. У Бо и Лоры мгновенно налаживались отношения, когда между ними появлялась камера.

– Прекрасно себя чувствую, – сказала Лора. – Разве что немножко нервничаю.

Она изобразила прошлогоднего победителя, престарелого певца, игравшего также на гармонике. Рейчел усмехнулась.

– Взволнована, – продолжала Лора, точно и не превращалась на минуту в живой музыкальный инструмент. – Взволнована – вот точное слово. Начинается что-то новое. Вся эта неделя – сплошные открытия.

– Ты уже решила, что будешь делать на прослушивании? Тебе не нужно прорепетировать? Составить план?

Лора опустила взгляд на руки.

– Я никогда не планирую. Оно происходит... само.

– А ты помнишь, как в первый раз обнаружила эту замечательную способность к подражанию?

Лора с минуту помолчала, и Соломон готов был услышать от нее: «Какая способность?» Казалось, эти звуки – неотъемлемый элемент ее природы, что-то, что она не вполне сознает. Лора напряженно размышляла, глаза ее метались вправо и влево, словно в поисках. Вдруг глаза ее замерли, и Соломон увидел: она вспомнила. Увидела это и Бо.

– Нет, – сказала Лора, отводя взгляд.

Врать она толком не умела.

Бо не сумела скрыть разочарование:

– То есть ты всегда так делала?

Снова пауза.

– Ну да. Очень давно.

– Вероятно, с рождения?

– Так далеко я не помню, – улыбнулась Лора.

– Я и не рассчитывала, – ровным тоном возразила Бо. – Я имела в виду, считаешь ли ты, что эта... способность...

Талант, сказал бы на ее месте Соломон, дар. Но Бо явно воспринимает это иначе. Как странность, даже отклонение. Интересно только с точки

зрения документального фильма. Но хотя бы теперь она говорит о «способности», а не об отсталости, как поначалу. И на том спасибо.

В дверь постучали – короткая громкая дробь, вошла Бьянка:

– Идем в гардеробную, Лирохвост.

Соломон хотел поправить Бьянку: Лора, не Лирохвост, очевидно же, что это сценический псевдоним, но вовремя остановился. Не надо во все лезть.

Не снимая микрофонов, Лора и съемочная группа направились в гардеробную: Лоре предстояло выбрать костюм, прежде чем заняться прической и макияжем.

В коридоре Лора на миг остановилась, оглянулась на Соломона, лицо ее выражало крайнюю степень неуверенности.

Он подмигнул ободряюще, она взволнованно улыбнулась, и все пошли дальше.

– Тут тесновато, дамы! – резко окликнула их изнутри женщина, когда Рейчел с камерой, а за ней и Бо попытались протиснуться вместе с Лорой. И в самом деле, помещение заполнено десятками вешалок, от стены до стены, не повернуться.

– Я подожду в коридоре, Рейчел? – предложила Бо.

– Ясно, – ответила Рейчел, правильно поняв смысл этих слов: «Ничего не упусти».

– Ого! – выдохнула Лора. Она прошла вдоль вешалок, легонько дотрагиваясь до свисавших нарядов.

– Я Кэролайн. Будем с вами подбирать стиль, – сообщила хозяйка гардеробной, осматривая Лору с головы до ног, прикидывая на глаз ее формы. – Это Клэр.

Клэр молчала и не улыбалась. Помощница, приученная не открывать рта, пока не попросят.

Лора улыбнулась:

– Мама и Гага были бы счастливы это увидеть. Они были портнихами.

Кэролайн это не интересовало. Ее работа – подбирать костюмы для десятка исполнителей, крутиться в помещении без окон, времени мало, чертовы продюсеры все время меняют планы, а она поспевать за ними. Но Лора двигалась в ином темпе, чем все, кто входил через эту дверь в мир Кэролайн. Она прикрыла глаза, и вдруг в комнате застрочила швейная машинка. Ритмично и успокаивающе, как перестук колес, звук, под который тело само собой начинает раскачиваться.

Кэролайн чуть не расплакалась.

– Господи! – схватилась она за сердце. – Ты меня врасплох захватила.

Это же «Зингер»!

– Да! – улыбнулась, открыв глаза, Лора.

– Мама на такой шила, – продолжала Кэролайн, ее строгий голос смягчился, на лице проступило живое чувство. – Я устраивалась на полу под столиком и целый день готова была слушать, как стучит машинка, смотреть, как спускается постепенно рядом со мной кружево.

– И я тоже! – подхватила Лора. – А из остатков я шила платья куклам.

– Я тоже! – сказала Кэролайн, и напряжение сбегало с ее лица.

Но Лора еще не закончила импровизацию. Новые звуки: ножницы режут ткань – щелк-щелк, рвется и расходится ткань, потом снова стрекочет швейная машинка, то быстрее, то замедляясь, когда нужно повернуть шов.

– О! Лапонька моя! Дорогая! Давай же подыщем тебе самый чудесный наряд, волшебница! – восклицала Кэролайн, полностью ею покоренная.

Пятнадцать минут спустя Лора выпорхнула из примерочной.

– Ну что? – Кэролайн глянула на Рейчел. Та, разумеется, не имела права ответить вслух, зато камера делала свое дело, запечатлевая Лору, какой Рейчел ее прежде не видела, какой Лора никогда прежде не была. Девушка оглядела их всех – все еще неуверенная в себе, но уже с застенчивой улыбкой. Ей понравился новый наряд, и она надеялась, что нравится в нем своим новым друзьям.

Клэр занялась подбором аксессуаров.

– погоди, сейчас за тебя примутся парикмахер и гример. Ты у нас станешь горячей штучкой, – посулила Кэролайн. – Вот только с обувью никак не соображу, – добавила она. – Ножки-то у тебя дрожат, бедняжка.

Лора с облегчением избавилась от высоких каблуков.

– Римские сандалии, – окончательно постановила Кэролайн. – Как раз для тебя: что-то ангельское или античное, прямо богиня. И к тому же достаточно высокого роста.

Добавив прическу и косметику, гримерная команда и впрямь сотворила из Лоры богиню в очень короткой белой облегающей рубашке, закрывавшей длинные мускулистые бедра лишь до середины – стоило поднять руки, и из-под подола проступала кромка нижнего белья. Длинные светлые волосы связали узлом на затылке, блестящие металлическим, золотым блеском сандалии зашнуровали до колен, на руке появился золотой браслет с изумрудом, под цвет сияющих зеленых глаз.

Все молча созерцали эту неземную красоту.

– Ну, от такого у Джека сразу палец вверх, – сказала гримерша.

– Не только палец, – съехидничала Кэролайн, и все засмеялись, а

потом спохватились, что идет запись, и тут же, покраснев, зашикали друг на друга.

Соломон ждал у сцены вместе с Бо. Успел поболтать с бывшими коллегами, пока Лора готовилась к репетиции в костюме. Она вышла на сцену вслед за Бьянкой, ей велели подняться по ступенькам на возвышение в самом центре. Не замечая устремленных на нее жадных взглядов, Лора огляделась, словно на чужой планете. Яркое освещение, пустые зрительные ряды вокруг сцены, огромный экран над головой, где отразится перчатка либо пальцем вверх, либо пальцем вниз. Золоченый трон, с которого Джек будет ее судить.

Соломон не смотрел на сцену, увлекшись разговором с людьми, которых он не видел со времен своей ссоры с Джеком, но и спиной он ощутил, как в зале что-то переменялось. Может показаться наивным, но он и в самом деле спиной почувствовал, как вошла она. И все подняли глаза, отвлеклись от своих занятий, он видел, как изменились лица, выражение глаз. Приятель Соломона Тед прервал на полуслове рассказ, целиком поглощенный тем, что происходило на сцене:

– Ого!

Сердце участило свой бег, едва Соломон ощутил эту перемену в атмосфере. Он откашлялся, собрался с духом. И обернулся.

– Черт меня побери! – пробормотал Тед. – Это и есть Лирохвост?

– Уже победила! – пропел, проходя мимо них, Джейсон, и Тед засмеялся.

Соломон откашлялся снова, он был очень смущен, не знал, куда глаза девать. Если он снова уставится на нее, он за себя не отвечает, все тут сразу угадают его чувства. Нет, смотреть он не мог, не мог себя контролировать – внезапную дрожь, неловкость, простое и примитивное желание схватить ее в охапку, присвоить, проделать с ней все то, о чем грезили в ту минуту все собравшиеся в зале мужчины.

Бо наблюдала за ним, он чувствовал ее взгляд и поспешил отвернуться от сцены, уткнуться в свою аппаратуру.

– Что скажешь? – спросила Бо.

– О чем?

– О Лоре.

Он снова повернулся к ней, словно с первого раза не успел как следует разглядеть:

– Ну да. Она выглядит как-то иначе.

– Иначе? – Бо присмотрелась еще внимательнее. – Соломон, она неузнаваема. То есть она невероятная, черт возьми! Такая, что я и сама бы

готова с ней переспать, но, знаешь...

– Что? – не веря своим ушам, переспросил Соломон.

– Совсем не этого я ждала... – Бо вглядывалась в Лору, пытаясь ее разгадать.

– Это да, – согласился Соломон. И он такого не ожидал. Совсем.

Лору окружила местная команда, все наперебой рвались ей услужить, нашлись неотложные дела и у Бо, а Соломон получил возможность по-настоящему приглядеться к Лоре. Он понял, что она нервничает. Оглянувшись на него, вопросительно подняла бровь. Ей требовалось утешение, ободрение, поддержка, а он ничем не мог ей помочь. Стоит подойти к ней, и все поймут. Она поймет, и Бо тоже. Нельзя было сделать ни шагу к ней под этим беспощадным освещением, под камерами, когда все смотрят. Он держался на расстоянии, смотрел на нее издали, словно воровал каждый взгляд.

Лорой занялся помощник режиссера, Рейчел снимала не прерываясь. Соломон поспешил к ней на помощь – на голове наушники, в руке микрофон, глаза старательно избегают встречи с глазами Лоры.

– Лирохвост, я Томми! – Помощник режиссера протянул руку, и Лора ее пожала. – Добро пожаловать. Я знаю, это нервное дело, все участники чувствуют себя не лучше. Но волноваться не надо, мы тут хорошие ребята. Я и сам из Корка. Мы, уроженцы Корка, будем держаться друг за друга.

Она улыбнулась, и они немного поболтали. Парень из Корка сумел ее немножко успокоить.

– Наш король и судья сидит на этом троне. Во время выступления главная камера смотрит отсюда. За камерой – Дейв.

Дейв весело помахал рукой, и Лора засмеялась.

– Вы встанете здесь. Вы будете двигаться по сцене?

Лора обернулась на Соломона за инструкциями, но он уткнулся в свое оборудование, принялся настраивать звук.

– Ладно, сделаем прогон и сами увидим, – приветливо продолжал Томми. Никакой паники. Паниковать рано. До прямого эфира еще несколько часов. – Для того мы тут и собрались.

Он разъяснил хронометраж и где Лоре следует встать в начале и куда подойти, когда она окончит выступление и будет ждать оценку. Настало время прогона. Соломон, Бо и Рейчел сошли со сцены, и все, кроме Лоры, тоже. Свет усилился, зазвучала музыка. Лора слегка подскочила от этой торжественной громкой музыки, огляделась. Пошел отсчет времени от десяти до начала ее номера, зажегся сначала красный, потом зеленый свет – пора! Таймер над головой Лоры отсчитывал сто двадцать секунд, за

которые ей предстоит убедить его величество Джека Старра, что она достойна выхода в полуфинал.

Лора поднесла микрофон к губам и еще раз огляделась по сторонам. Она ничего не говорила, в абсолютной тишине было слышно только ее дыхание.

Томми, стоявший у края сцены, вскинул руки:

– Скажите что-нибудь, что угодно, все равно, нам нужно разобраться со звуком.

Бо занервничала. Интересно, переживает она за Лору или за собственную репутацию? Рейчел, прикусив губу, смотрела себе под ноги. Похоже, она злилась. Соломон взял на заметку: спросить ее потом, отчего она вдруг рассердилась.

Десятисекундный отсчет закончился.

Лора поглядела на Соломона – и включила кофейную машину на две минуты подряд. Соломон расхохотался безудержно, Бо пришлось двинуть его локтем в живот, чтобы уговорить. Местная команда сердито оглядывалась, он еле выполз из студии, не сумев совладать с собой.

Через несколько часов началось шоу. Четверо участников заработали «палец кверху», пятеро потерпели поражение. Соломон, Рейчел и Бо снимали за кулисами нервное ожидание Лоры. Она уже и говорить от ужаса не могла. Бьянка ни на миг не оставляла ее без присмотра, Лора непрерывно изображала потрескивание рации и голоса в ней и практически все, что делала Бьянка, – та уже и внимание перестала обращать.

– Через две минуты твой выход, – предупредила она.

Лора замерла, потом слепо двинулась куда-то.

– Мне нужно в туалет.

– Стой, стой, сейчас нельзя! – запаниковала Бьянка, вдруг утратив все свое хладнокровие.

Соломон опустил микрофон, Рейчел тоже прекратила снимать.

– Что такое? – растерялась Бо.

Рейчел не удостоила ее ответом. Камера лежала у ее ног. Скрестив руки на груди, оператор мрачно уставилась в пол.

– Соломон!

Он взял Лору за руку и отвел в сторону, чтобы никто не мог их услышать, но и там на всякий случай говорил ей на ухо, уткнувшись носом в ее волосы, касаясь губами нежной мочки:

– Ты обладаешь способностью переносить людей в другое место. Показывать то, что они не видят, но могут почувствовать. Если ты не знаешь, что сейчас делать, если тебе ничего не вспоминается, закрой глаза

и представь то время, когда ты была счастлива. Подумай о маме и Гаге.

– Хорошо, – ответила она очень тихо, дыханием на его щеке.

Он вдохнул ее аромат, ее дыхание.

– Ты прекрасна.

Она улыбнулась.

Он торопливо двинулся прочь, голова опущена, глаза в пол. Чувствовал, как смотрят на него Рейчел и Бо.

– Готова? – спросила Бьянка, все еще тревожась. Явный подтекст: «Попробуй только сказать, что не готова».

– Да, – ответила Лора.

– Круто. – Она поднесла рацию к губам. – Лирохвост, на выход.

И вот Лора уже стоит на сцене, приветственные аплодисменты замерли, наступила полная тишина.

– Привет, – окликнул ее Джек со своего трона, изучая ее искушенным взглядом, но искушенности не хватило, чтобы скрыть простодушное удовольствие от увиденного.

– Привет, – ответила Лора.

Соломон лопался от гордости за нее, а Рейчел грызла ногти: до сих пор Джек щедро позволял им снимать, но только не в прямом эфире – эти две минуты они получают потом в записи.

– Назовите свое имя, расскажите о себе.

– Я Ло... Лирохвост, – вовремя поправилась она. – Мне двадцать шесть лет, я из Корка, из Гуган-Барры.

Кто-то из зрителей радостно откликнулся, и Джек вскинул большие пальцы, приветствуя жителей Корка. Лора ему явно нравилась. Он подпустил обаяния:

– И чем вы нас сегодня порадуете?

Лора чуть помолчала.

– Пока не знаю.

Зрители рассмеялись. Лора не смеялась. Джек усмехнулся добродушно:

– О'кей, неплохой ответ. Решайте скорее, сейчас время пойдет. Удачи, Лирохвост!

Вспыхнул красный прожектор, всю сцену залила кровавая волна. Таймер на экране отсчитывал десять секунд. Затем – зеленая вспышка. Две минуты славы.

Первые десять секунд она молчала. Оглядывалась по сторонам, ошеломленная, может быть, даже напуганная, вбирая в себя все. Десять секунд молчания в прямом эфире – это очень долго. Зрители начали ерзать,

занервничали.

Мужской голос, глубокий, с крепким дублинским акцентом выкрикнул:

– Давай хоть что-нибудь!

Она подскочила от неожиданности и в точности повторила этот выкрик.

Все расхохотались.

Грохочущий смех взрывной волной ударил ей в ухо – и она тут же его воспроизвела. Смех всей публики разом, на разные голоса. Изумленные вздохи – и все затихли. Она завладела их вниманием. Лора видела лишь красный огонек камеры перед собой, остальная студия была погружена в сумрак, только Джек Старр сидел на троне в луче прожектора, словно и в самом деле король. Ей припомнился победитель прошлогоднего конкурса, и внезапно по залу разнеслась песня гармоник – на этот раз уже мало кто смеялся, слышались изумленные вздохи. Но на целую минуту это не растянуть, Лора не помнила мелодию до конца.

Под лучами прожектора горело лицо, ожидание сгущалось, как тяжелая туча.

Лора припомнила совет, который ей дал Соломон. Закрывает глаза. Подумала о мамочке – та никогда бы не поверила, что дочка попала на телевидение, – о бабушке, которая отправила ее жить на горе, желая уберечь от мира, уберечь навсегда, но вот их дочь и внучка стоит открыто на глазах у множества людей. То, чего они так боялись, но это оказалось не страшно.

Вдруг резко прозвучал сигнал, завершающий выступление. Лора испуганно открыла глаза. Ярko горели все лампы, зал уже не был погружен во тьму, а луч прожектора вновь сменился с зеленого на красный.

Лора огляделась пугливо – наверное, она все испортила! Так ничего и не сумела показать. Подвела Бо, хуже того – Соломона подвела. Она отвела от губ микрофон и ждала насмешек, ждала, что золотая перчатка всплывет большим пальцем вниз. Сердце сильно билось, готовясь принять унижение. Никто не хлопал, красный луч погас, и при нормальном освещении она смогла разглядеть лица в зале. Сама она понятия не имела, что было сейчас, что она сделала, но все вокруг переглядывались в изумлении, смотрели на нее молча, удивленно, пожалуй, даже с восхищением. Что она успела за эти две минуты?

С трудом сглатывая, Лора обернулась к Джеку Старру – он что-то говорил, комментировал ее выступление, но смысл слов ускользал от нее. Она слышала каждое слово отдельно, смысл не складывался. Сердце

стучало молотом. Ей стало стыдно: дали шанс начать жизнь совершенно заново, а она так бездарно его упустила. Зрителям отводилось десять секунд на голосование, как в зале, так и из дома. Таким же временем располагал и Джек Старр.

Прежде всего высвечивались результаты голосования в студии. Лора велела себе собраться с духом – сцепить зубы, принять удар. Но, к ее изумлению, сцену залил золотистый свет – по воле зрителей высоко взлетел вверх большой палец.

Следующий – Джек. На экране над головой Лоры выплыл гигантский золотой палец, он был обращен вверх, но этого Лора видеть уже не могла. Зато она услышала бравурную музыку, увидела, как купается в золотом свете сцена, а рядом – Томми, помощника режиссера, который отчаянно махал ей рукой, чтобы она скорее спускалась к нему.

Победа!

Глава двадцать первая

– Это было невероятно, просто немыслимо! – в коридоре их нагнал голос Джека.

Все обернулись, Рейчел направила камеру на Джека, Бо и Соломон поспешили выйти из кадра.

Джек прямоком устремился к Лоре, положил руки ей на плечи, заглянул в глаза.

– Лирохвост, это было невероятно... волшебное! У тебя там точно микрофон не запрятан? – шутя заглянул он ей в рот. – В самом деле... – Он постарался взять себя в руки, восторг его был совершенно искренним. – Потрясающе. Никогда ничего подобного не видел. Ничего подобного не слышал. Уверен, во всем мире никто такого до сих пор не видел. Ну то есть доводилось слышать, но не все эти звуки разом – и чтобы один человек! – Он счастливо засмеялся. – Все это. Вода, ветер, голоса, смех. Ты мне, пожалуйста, список составь. Отпад! Ты у нас станешь звездой.

У Лоры заалели щеки, а у Соломона внутренности свело. Джек вроде бы тоже смутился, оглянулся неуверенно на Бо.

– Снято! – сказала она.

– Пойдем в гримерку, там поговорим, – уже тише предложил Джек.

Похоже, и вся его команда, и даже другие конкурсанты вывалились в коридор послушать их разговор. Они пошли в ту комнату, где Лора ждала перед выступлением. Бо, Джек и его продюсер Кертис вошли вместе с Бо, перед Рейчел и Соломоном закрыли дверь. Рейчел, пожав плечами, отступила в коридор, но Соломон резко толкнул дверь.

Джек дернул головой:

– Нам тут не требуется ни камера, ни запись звука. Большое спасибо! – подмигнул и снова закрыл дверь.

Рейчел посмотрела Соломону в глаза.

– Легче! – предупредила она его. Прислонилась спиной к стене и внимательно за ним наблюдала.

– Ох, дождется, возьму я его за яйца!

Рейчел только бровью повела:

– А ведь за такое удовольствие иные готовы платить.

– Наверное, и он порой платит за удовольствие, – фыркнул Соломон, выпуская пар.

– Вряд ли. Хватает баб, готовых услужить ему задаром, – возразила

Рейчел. – На что только не пойдут ради славы.

– Тебя тут, похоже, от всего тошнит, верно?

– Талант – великое дело. У Сюзи есть племянница, она в десять лет играет на скрипке «Четыре времени года» Вивальди – с закрытыми глазами. Невероятно! Но только на школьных вечерах и семейных праздниках. Нет смысла вытаскивать ее на сцену и окунать в это дерьмо, – продолжала Рейчел, понизив голос: мимо проходила двенадцатилетняя акробатка в сопровождении родителей, на лице толстым слоем необходимый для съемок грим, через плечо – сумка с костюмом.

– Наверное, такими детьми родители гордятся. Хотят предьявить их миру. Поделиться их талантами.

– Вот и ее родителей все уговаривают, дескать, с таким талантом нужно что-то делать, нужно участвовать в шоу или еще что-то. Но почему? Только потому, что у нее что-то хорошо получается? – Рейчел озадаченно покачала головой. – Ну и что такого? Почему «просто хорошо» человеку недостаточно, зачем состязания, непременно «быть лучшим»? То есть я что хочу сказать... – Она поискала слова, видно, эта тема волновала ее не на шутку. – Одно дело делиться талантами. Но вот это – не *делиться*, а *продавать по дешевке*. Ты видел? Девчонку размалевали, словно Елену, на хрен, Троянскую. И кто их знает, что они затеют в следующий раз. Но это всего лишь мое глупое мнение. Я просто стараюсь не смотреть такое дерьмо. – И почему-то она вздохнула.

Соломон что-то пробормотал в ответ и поспешно выкинул ее слова из головы, потому что вовсе не хотел знать, как она смотрит на участие Лоры в подобном шоу, не хотел думать, что она может быть права и что он своими руками подтолкнул к этому Лору. Чем думать об этом, Соломон предпочел помечтать о мести Джеку Старру. Один раз он сумел поставить ему фонарь, за что его два года назад из шоу и вышибли. Джек оплатился за скабрзные шуточки в адрес Бо, специально этим занимался, изводя Соломона, – и Соломон поддался на провокацию. И очень этому рад, до сих пор с наслаждением вспоминает момент, когда его кулак врезался в морду Джека – целил в нос, попал в щеку, но вполне было достаточно ощущения податливой плоти, и прогибающейся скулы, и жалостного скулежа Джека, чтобы скрасить Соломону вечерок и сладко убаюкать перед сном. Возможно, он бы не прочь и повторить, но торопиться не стоит. Придется потерпеть, чтобы не выгнали пока: он не может бросить Лору на полдороге.

– Ну что, ребята, это и правда было офигенно, – заговорил Джек, присаживаясь на туалетный столик, голова его удачно совпала с круглым зеркалом в раме. – Лора, я тебе не крутил яйца перед камерой, я правда так

думаю.

Кертис кивал в такт, навалился на стол рядом с Джеком, обеими руками цеплялся за край, смотрел себе под ноги, пристально рассматривал свою обувь. Высокий угловатый мужчина, нос заострен, волосы светлые до белизны. Он не произносил ни слова, но все время кивал, сложив руки на груди и отрешенно глядя в пространство. Темная грозная сила, достаточно одного его присутствия.

– Ты невероятная. И не переживай из-за того, что сначала занервничала. Я все понимаю, первый раз на сцене, страшное дело. Все через это проходили. К следующей передаче мы над этим поработаем, договорились? Чтоб не заставлять публику томиться тридцать секунд! – Он рассмеялся, только теперь выдав, что и его подводили нервы.

Лора кивнула.

– У меня голова лопается от идей, что можно сделать в полуфинале. Керт, напони мне потом, чтобы я ими поделился! – продолжал Джек все так же напористо, терзая зубами жевательную резинку.

– Непременно, Джек, – кивнул Керт, не отрывая взгляда от замшевых ботинок – синих с оранжевыми подошвами.

Джек еще некоторое время разглагольствовал о постановке сцены, сыпал техническим жаргоном – освещение, расстановка декораций, прожектора, экран, сто слов в секунду, – Керт продолжал кивать и вроде бы все брал на заметку. Непременно, Джек, непременно.

Затем Джек снова сосредоточился на Лоре.

– Мы сделаем это вместе – лучшее в мире шоу, черт его задери. Уговор?

Вдруг он резко оборвал себя и огляделся, словно пытаясь обнаружить источник звука. Уставился на Лору.

Она воспроизводила щелчки лопавшейся на его зубах резинки. Кертис впервые поднял глаза, нахмурился: что за непочтительность к звезде, ведущему шоу?

– Нет, Кертис, она, это... не переживай... с ней это... случается. Спонтанно. Она вовсе, вовсе не... потом это обсудим, – забормотала Бо. – Мы вчера пообщались с антропологом, он объяснил, что делает Лора. Мне бы только припомнить формулировку. Вот Соломон гораздо лучше может объяснить.

Лора изобразила покашливание Соломона, в котором проступала просьба «Лги», а потом его задушевный смех.

Джек и Кертис уставились на нее.

– Если это спонтанно, как планировать следующее выступление? –

спросил наконец Джек.

– Хороший вопрос! – Кертис потер подбородок, пристально глядя на Лору, словно взглядом мог вырвать у нее признание, разоблачить самозванку.

Лора, не сводя с Кертиса глаз, воспроизвела тот звук, с которым Соломон почесывал отросшую щетину. Кертис замер, уронил руки, мгновение не понимал, куда их девать, потом снова схватился за столик.

– Сегодняшнее выступление ты планировала? – спросил Джек.

– Нет, – тихо ответила она, распрямилась в кресле, пытаясь найти удобное положение, при котором коротенькое платье не задерется выше попы. Она сама толком еще не поняла, что это было – на сцене.

– Уф! – Джек, продолжая жевать, оглянулся на Кертиса. Прочсть, что у Джека на лице, никто из съемочной группы не мог, но Кертис понимал без труда.

И тут у Кертиса зажужжал телефон. Он прочел сообщение, и на лице его проступил шок – пожалуй, первое искреннее, без маски, выражение с тех пор, как он вошел в эту комнату.

– Господи! – воззвал он к Джеку.

– Что случилось?

– Уже сто тысяч просмотров Лирохвоста на YouTube.

– Что? – слетев со стола, Джек выхватил у него телефон, быстро просмотрел. – Прошло-то всего сколько? Полчаса, сорок минут после эфира?

Кертис кивнул. На этот раз кивнул по-настоящему. Взволнованно.

Джек задумчиво постучал по экрану телефона, затем обернулся к Лоре:

– Нам с Кертисом надо кое-что обсудить, Лирохвост, а о тебе пока пусть хорошенько тут позаботятся. Договорились? Будут проблемы – сразу ко мне.

Лора кивнула.

– Держите меня в курсе, – сказала Бо, поднялась и достала телефон, тоже не скрывая волнения, даже восторга.

– Завсегда, Бо-Пип! – Он послал ей воздушный поцелуй и ушел вместе с Кертом.

Бо скорчила ему вслед гримасу, но улыбку не сумела скрыть. Взяла себя в руки и устроилась рядом с Лорой.

– Итак... – Но сразу же к ней вернулось то неприятное чувство, которое преследовало ее весь день рядом с Лорой: непонятно, что говорить, как себя вести, она терялась и не могла ни заполнить паузу в разговоре, ни

сформулировать мысль. Разумеется, ей необязательно дружить с Лорой, она всегда предпочитала знакомиться с героями своих фильмов перед камерой, а не в реальной жизни, может быть, потому-то и нервничает в обществе Лоры. Как завзятый курильщик, который не знает, куда деть руки без сигареты, как музыкант, чувствующий себя голым на сцене без гитары, быть может, Бо утратила способность общаться с людьми без камеры – если такая способность изначально была, говорила она себе.

И еще одна особенность Лоры, помимо ее способности воспроизводить голоса всех дохлых животных в мясном отделе, смущала Бо: этот внимательный взгляд. Бо терпеть не может это ощущение – быть объектом наблюдения, а Лора впитывает все, до мельчайшей детали. Стоит Бо вздохнуть, и Лора повторит за ней. Бо словно сама оказалась в свете рампы, мучается клаустрофобией. Для нее естественно быть наблюдателем, а теперь роли перевернулись, и это для Бо кошмар: слишком пристально приходится всматриваться в саму себя.

Вот и сейчас Лора смотрит на нее, будто в душу пытается заглянуть. Нужно рассказать ей про успех на YouTube, сказать, куда они двинутся сейчас, составить план, но как же неуютно под взглядом этих зеленых глаз! Эти глаза уже подметили воздушный поцелуй, который послал ей Джек, – и посмотрели на Бо вопрошая. Они видят, что Бо улыбается, что Бо охотно флиртует с Джеком. Все то видят, чего Лоре вовсе не следует видеть, – а то, что Бо хотела бы ей предъявить, не замечают.

– Пойдем в гардеробную, переоденешься? – устало предложила Бо.

Глава двадцать вторая

В тот вечер после представления Соломон, Бо и Лора никак не могли прийти в себя. Словно не иссякал выброс адреналина. Соломон и Бо с компьютера и смартфона шерстили соцсети, собирали отзывы о выступлении Лоры. Сама Лора, прикорнув на диване, чашку за чашкой пила травяные чаи, совершенно ошеломленная такой реакцией неведомых ей людей. К полуночи количество просмотров перевалило за двести тысяч, и о новом чуде сообщили в интернет-новостях под простым заголовком «ЛИРОХВОСТ».

За ночь этот сюжет разросся и распространялся все быстрее. Соломон улетел в Швейцарию еще до того, как Лора проснулась наутро, и без него она почувствовала себя окончательно сбитой с толку. В интернете ажиотаж все разгорался. Сидя в четырех стенах наедине с Бо, Лора беспомощно следила за тем, как стремительно меняется ее мир, – притом что с ней самой вроде бы ничего и не происходило.

В следующие дни Лора не раз просила Бо сходить прогуляться, но Бо твердо вознамерилась укрыть ее ото всех, на улице она превращалась в параноика, то и дело оглядывалась через плечо, подозрительно щурилась на парочки, вскидывавшие телефон, чтобы сделать снимок, и на тех, кто проверял в телефоне почту – а вдруг они тоже снимают. Страшно она была напряжена, и Лора не могла толком понять, что именно она защищает: ее или свой будущий фильм. По несколько раз на дню Бо включала камеру и принималась расспрашивать, что Лора чувствует и как воспринимает новую жизнь, но Лора вовсе не чувствовала никакой новой жизни: как она могла ее почувствовать, просиживая взаперти? Все, что ей было известно об этой якобы новой жизни, сводилось к тому, что читала ей Бо, – к записям в соцсетях, газетным статьям. К словам, которые произносили неизвестные ей люди.

Они выходили на прогулку вдоль реки, в затишье, и на третий вечер Бо снизошла и согласилась пойти на мюзикл в театре через дорогу – тот самый, откуда на глазах Лоры каждый вечер высыпали зрители с широкими улыбками на лицах. Но во время представления Лора, сама того не замечая, начала воспроизводить голоса и звуки, что вызвало ожесточенную полемику между охранником и Бо, – и в результате Бо, не дожидаясь антракта, увела Лору домой.

– Извини, извини, – бормотала Лора, кутаясь в кардиган – вечерний

ветерок показался ей неожиданно холодным. Они сразу пошли домой, она чувствовала себя как наказанный ребенок.

– Все в порядке, – заявила Бо, но напряженный голос противоречил словам. – Хочешь суши? – добавила она. Ресторан был у самого дома, и Лора бы не отказалась от ужина, однако тон Бо ясно говорил: на сегодня с нее хватит.

– Нет, я сыта. – В животе у нее громко заурчало. А может быть, и не в животе. – Лягу пораньше спать.

Снова рано спать. А Бо конечно же удалится к себе в спальню с ноутбуком. Она из своей комнаты почти и не выходила после отъезда Соломона, как будто боялась остаться с Лорой наедине.

Бо кивнула, довольная. И, войдя в квартиру, поступила в точности как Лора и ожидала. Сказала «спокойной ночи» и ушла к себе, тихо притворив дверь.

Лора вышла на балкон и стала смотреть на мир внизу.

Через пять дней после выступления количество просмотров Лирохвоста в интернете достигло ста миллионов. СМИ были ненасытны. Хотели разузнать как можно больше об этой таинственной женщине, которая привлекла к себе интерес всего мира. Таблоиды вопили: «ЛИРОХВОСТ ВЗЛЕТЕЛ!»

Добровольное заточение в квартире закончилось, когда к делу подключилась студия StarrGaze. Для Лоры оборудовали помещение в бывшей бойне, и там она два дня подряд давала интервью слетавшимся отовсюду журналистам, общалась с поклонниками, которые фотографировали ее и пересылали весточки, подарки, слова поддержки.

- Как бы вы описали себя в пяти словах?
- Есть ли у вас бойфренд?
- Что скажете о неравенстве в зарплате женщин и мужчин?
- Если бы вы были едой, то какой?
- Ваш любимый фильм?
- Ваши топ-десять песен?
- Твиттер или инстаграм?
- Какую книгу вы бы взяли с собой на необитаемый остров?
- Где вы черпаете вдохновение?
- Ваши любимые звуки?
- Каким подражателям вы хотели бы подражать?
- Следите ли вы за президентскими выборами в Америке?
- Есть ли у вас хороший совет для молодых женщин?
- Какой лучший совет вы сами получили в жизни?

– Какой вопрос вам еще не задали, на который вы бы хотели ответить?

Пока Лора два дня подряд торчала в студии под бдительной охраной Бьянки, Бо успела поцапаться с Джеком.

Лора услышала их спор, когда в перерыве между интервью устроилась на унитазе, закрыв его крышкой, подтянув к себе коленки, подальше от непрерывно молотившей по кнопкам смартфона Бо. Этот перестук не замолкал у Лоры в голове, все быстрее, быстрее, будто тикал механизм часовой бомбы.

– Все в порядке? – Кто-то постучал в дверь кабинки, и Лора спохватилась: опять воспроизводила эти звуки вслух. Замерла.

– Джек! – вдруг громко и сердито заговорила Бо. От неожиданности Лора открыла глаза. Голос Бо доносился из вентиляционного отверстия.

– Бо! – весело откликнулся Джек. – Как приятно тебя видеть. Мало мне было твоих писем в эти два дня – теперь ты лично явилась поругаться.

– Джек, я не возражала, пока вы два дня держали Лирохвоста у себя, но в Корк вы ее не повезете.

Дверь хлопнула. Недолгая тишина.

– Разумеется, повезем. Нам нужны натурные съемки для прессы и для шоу. Так проще всего – или ты предпочтешь посылать Лирохвоста в Корк ради каждого телеинтервью? Это самое простое решение.

– Но у меня уже есть эти кадры. Эксклюзивная съемка для моего фильма. И уже два дня я не могу продолжать работу над фильмом, потому что ты полностью завладел Лирохвостом.

– Потому что теперь она в моем шоу, Бо! – устало ответил он. – Никакого подвоха. Она подписала контракт и обязана принимать участие в предварительной рекламе. Ты же знаешь, ты читала договор.

– Но там не сказано отстранить меня! – полыхала Бо.

– Полно, малышка моя, ты – единственный человек, которого мы подпускаем к Лоре с камерой. Ты получаешь весь закулисный материал, о котором все прочие на коленях молят. Керт мне яйца готов открутить за то, что я тебе это позволил, – а ты еще недовольна?

– Я не твоя малышка. И не Керт возглавляет StarrGaze, а ты. Отрасти уже себе член покрепче, на хрен.

Молчание.

– Член покрепче, на хрен. Хм. Мне-то казалось, он у меня достаточно крепкий. И мне казалось, тебе-то это известно.

Лора услышала негромкий смешок Бо и сама улыбнулась их комичной перебранке.

Бо заговорила снова, на этот раз гораздо мягче:

– Джек, я ведь снимаю не сенсационный фильм, не реалити-шоу или жизнь за кулисами. Это не может быть приложением к твоему шоу. Это будет глубокое исследование ее жизни целиком. Изнутри, а не снаружи, и, если ты не дашь мне поговорить с ней, я так и не узнаю, что она переживает сейчас.

– Живете в одной квартире! – засмеялся Джек. – И не можешь разобраться?

К досаде Лоры, в соседней кабинке слили воду, и она не расслышала ответа Бо.

– Поговорю с Кертом, – сказал Джек. – Но при условии, что ты поужинаешь со мной. Поощри меня, а то отказаться от курения ради твоей благосклонности – непростое дело.

– Джек! – рассмеялась Бо. – Ты непереносим. У меня же парень есть. Или ты забыл?

– Ах да, Прекрасный принц с длинными волосами и злющим нравом. Но ведь он сейчас в отъезде?

– Джек, ну пожалуйста! Я пытаюсь тебе втолковать: я снимаю документальный фильм, личностный, это искусство. Тебе ли не понимать! А ты мне мешаешь. Как часто тебе приходилось биться за свою музыку? Лору к тебе привела я. И мне нужно присутствовать при ее интервью. Ты не имеешь права блокировать меня сейчас.

Ее слова заглушило гудение фена, а потом в дверь замолотила кулаками Бьянка, до смерти перепугав Лору. Пора на очередное мероприятие. Игра «Попробуй, если смелости хватит» – жеребьевка на участие в очередном шоу StarrGaze. Каждый участник должен был разбить о свой лоб полдюжины крутых яиц. Проиграют те, кому среди крутых яиц попадется сырое... о чем они узнают, когда яйцо растечется по физиономии.

Лора как раз и проиграла.

До участия в полуфинале основного шоу оставалась еще неделя. В ближайшие выходные предстояло еще одно прослушивание в прямом эфире, а с понедельника ежедневные полуфиналы. В каждом из этих отборочных туров один из пяти участников пробивался в финал. Очередной прямой эфир конкурса талантов привлёк аудиторию вдвое больше обычной благодаря популярности Лирохвоста (уже мировой), по количеству зрителей эта передача превзошла «Новости в девять», традиционно считавшиеся гвоздем культурной телепрограммы. Но все равно Лора обязана была оставаться на виду, этого требовали и СМИ, и StarrGaze,

понимая, что с нарастанием интереса к ней растет и популярность шоу. С каждым днем прибавлялось поклонников Лоры у дверей студии, они уже и лагерь разбили, выжидали свой шанс хоть мельком увидеть Лирохвоста. Новостные программы и различные СМИ регистрировали доходившее до одержимости увлечение Лирохвостом – которое сами же СМИ породили и раздували. Так пресса и публика взаимно подпитывают друг друга. Из США, Великобритании, европейских стран и Австралии ежедневно приходили запросы на интервью или на участие Лирохвоста в каком-либо мероприятии. Японцы пригласили ее рекламировать новый сорт лимонада. Кертис затеял изнурительные переговоры, но в итоге стороны не сошлись в цене.

Приглашали Лирохвоста и на частные мероприятия, на корпоративные и благотворительные события. Агенты и целые агентства бились за право представлять ее, пиарщики наперебой предлагали заняться ее продвижением. Агент Лирохвосту в таких обстоятельствах конечно же требовался, но он у нее уже был: согласно контракту, который подсунул ей Джек, она полностью отдавала себя в распоряжение StarrGaze. Бо нерасчетливо отказалась от контроля над героиней своего фильма.

Бо позвонила Соломону, который все еще возился в Швейцарии с «Уродскими телами». Плакалась: «Эти идиотские интервью превратят мой фильм в дешевку. Я-то годами работаю над проектом, прежде чем предъявить его миру, исследую, редактирую, придаю форму и смысл. Но сейчас все несется стремглав. Ведь это я открыла Лирохвоста, я первая выслушала ее историю, а теперь я в ужасе: ее, того и гляди, выплеснут напоказ всему миру прежде, чем у меня будет шанс рассказать о ней. И не говори мне «Я же тебя предупреждал», мне сейчас совсем не такие слова нужно от тебя услышать».

– Больше мне сказать нечего, – отрезал он в негодовании.

Она печально вздохнула. Его негативное отношение ничуть ей не помогало, потому-то она и не спешила делиться с ним своими тревогами, но сейчас ей требовалась помощь, нужен был человек, с которым она могла бы все это проговорить.

С первого выступления Лоры прошла всего неделя, но интерес к Лирохвосту достиг степени лихорадки, бума. Долго ли этот интерес продержится? Пока Бо снимет свой фильм, Лирохвост, вероятно, превратится во вчерашние новости. А в худшем случае наступит похмелье и никто не захочет иметь дело с этим сюжетом. В отчаянии Бо говорила себе: она первая занялась Лирохвостом, но окажется последней, кто попытается рассказать об этой девушке. Участвовать в безумной гонке

было ей не под силу, она никогда не работала в таком формате.

Со всех сторон тянулись хищные лапы, каждый норовил урвать свой кусочек Лирохвоста. И если так это ощущала Бо, каково же приходилось самой девушке? Бо себе это представить боялась. И с каких пор она сама стала называть ее Лирохвостом?

Слушая жалобы Бо, Соломон сердился все пуще.

– Как Лора? – спросил он.

– Нормально, – ответила Бо. – Очень занята. Я ее почти и не вижу.

– Она понимает, что не обязана делать ничего такого, чего делать не хочет?

– Ну как не обязана, Сол, – она же подписала контракт. – Бо понизила голос, чтобы Лора не услышала ее из другой комнаты.

Он помолчал немного.

– Она счастлива, Бо?

– Откуда мне знать, черт побери, – устало откликнулась Бо. – Она все в себе держит.

– Ее звуки, – подсказал Соломон, пытаясь сохранять спокойствие. Будь он там, он бы сразу все понял. – Перед сном какие она звуки издает?

– Я не обращала внимания. До смерти устаю. Наверное, я к ним уже настолько привыкла, что перестала их слышать.

Кое-как ей удалось отговорить Соломона от мысли тотчас же вернуться в Дублин. Он не мог сорваться со съемок – его бы никогда впредь не позвали в команду. А тут пока далеко до кризиса. К тому же Лора слишком к нему привязалась, и по этой причине тоже лучше не спешить с возвращением. И ведь это не было неправдой.

Бо понимала, что главного в Лоре никто еще не успел рассмотреть, что в этой девушке скрыто еще многое. Лишь бы Лора сообразила, как воспользоваться своим талантом, как подать его в концентрированном виде за две минуты прямого эфира. Если Лора хорошо выступит в полуфинале, это будет на пользу и Бо. Пусть она сейчас не имеет возможности поработать с Лорой один на один, за нее это сделает само шоу. И Бо поспешила написать Джеку несколько эсэмэсок с предложениями насчет следующего выступления Лоры.

Только она прилегла, за стеной принялся скулить щенок, недавно приобретенный соседями.

И, как прошлой ночью, к его жалобам присоединился негромкий, печальный голос Лоры. Бо солгала Соломону, когда тот спросил о новых звуках. Не могла сказать правду. Но в конце концов, он же сам говорил, что это подражание, а не разговор.

Бо выключила свет, подтянула к себе одеяло и накрыла голову второй подушкой, подушкой Соломона, блокируя звук.

Глава двадцать третья

Ровно через неделю после первого выступления Лоры они с Соломоном сидели на пластмассовых стульях в коридоре перед студией в бывшей бойне, откинувшись затылками на стену. Он только что вернулся, поговорить они еще не успели. Соломон украдкой поглядывал на Лору, пытаясь вычислить, как она. Не очень-то он доверял отчетам Бо о полном благополучии девушки.

– Чувствую себя, словно к директору в кабинет вызвали, – пробормотал Соломон, но тут же сообразил, что Лора может и не понять шутку, она же не училась в школе. – Извини, – добавил он. – Не важно.

– Моя понимать, – произнесла она с акцентом Тарзана. – Лирохвост смотреть ТВ, Лирохвост читать книги.

Он фыркнул:

– О'кей. До меня дошло.

Откуда-то, словно из потайных комнат, выныривали люди, косились на них, шептали: «Это она» – и пропадали. Некоторые явно делали крюк, чтобы пройти именно по этому коридору, таращились на Лору, а в итоге упирались в тупик и вынуждены были проходить мимо нее во второй раз.

– Ну что, какие новости? Тихая выдалась неделька? – мягко поддразнил он, и она засмеялась.

Он так по ней соскучился! Разлука с ней была пыткой, но пыткой необходимой. С той ночи, как он услышал, как Лора повторяет его смех, он знал: пора уезжать. Иначе он предает Бо. Предаёт Лору. Только уехать, сбежать от этих ночных звуков. Слушать их – все равно что получить ключ к ее сердцу, читать интимный дневник, на что у него не было ни малейшего права – именно потому не было, что более всего на свете он хотел проникнуть в ее сердце. Теперь весь мир околдован ею так, как был околдован Соломон при первой встрече в лесу. Но он нервничал: ему казалось, с понедельника, когда он уехал, все изменилось. Никто не мог предугадать такой всплеск популярности, но StartGaze хватит профессионализма, чтобы с этой волной совладать. Интересно, кто именно отвечает за это?

– Что ты обо всем этом думаешь? – спросил Соломон. Очередной «случайный прохожий» исподтишка фотографировал Лору, притворяясь, будто посылает сообщение, но наставляя телефон прямо на нее. – Безумные дни. И поговорить-то некогда.

– Да, мы так и не поговорили. – Она изобразила его смущенный кашель и как он скребет отрастающую щетину.

Неделя отсутствия нисколько не помогла ему забыть Лору. Стоило ему уехать, попытаться выкинуть ее из головы – и словно весь мир сговорился против его благих намерений. Всю неделю везде и повсюду только о ней и разговоров: «Видели эту девушку?» Даже Пол, звезда «Уродских тел», той самой программы, на съемки которой Соломон приехал в Швейцарию, однажды в приемной больницы, пока не включили камеру, вздумал расспросить о ней.

Поначалу Соломон уклонялся от таких разговоров, но выяснилось, что, когда он делает вид, будто ничего о новой знаменитости не слышал, собеседник пускается в подробный рассказ, как она выглядела на сцене, как тянула первые секунды паузу, а потом взорвала зал. И тогда он стал отвечать по-другому, сообщал, что видел ее, знает, в надежде, что на том и разговору конец, но нет, приходилось выслушивать гипотезы о спрятанном где-то устройстве, вот только как она его прячет, платьице ведь такое откровенное, хе-хе-хе.

К счастью, никто – ни поклонники, ни пресса – пока не вычислил убежище Лоры. Выйдя из студии, где она общалась с поклонниками, позировала для фотографий и видеозаписей, отдавалась в руки костюмеров, готовивших наряд к следующему выступлению, Лора спешила укрыться в квартире. Ее фотографировали на Графтон-стрит, когда она покупала цветы – постановочное фото, – и во время прогулки в Стивенс-грин, особенно за кормлением уток: Лирохвост и другие птицы. К финалу она немалую денежку заработает, писал один пронырливый журналист в таблоиде, подсчитав вероятную выручку от участия в этом и других реалити-шоу, фотографий для глянцевого журналов и выступлений. Знали бы они, как она проводит свободное время – сидит в комнате, не включая телевизор, или выходит на балкон смотреть издали на воду, вторить чириканию птицы в клетке на соседнем балконе. Если бы знали, это бы их очаровало или показалось скучным? Лора охотно занялась бы готовкой, но, увы, Бо совершенно безразлична к еде, что опять-таки не способствует сближению двух невольных соседок по квартире.

– Я в полном порядке, – заявила Лора, чавкая, словно во рту у нее была резинка.

Соломон сразу же понял намек. Кто этот человек с резинкой.

– Так что Джек? – спросил он.

Какое облегчение – иметь дело с человеком, способным ее понять! Бо до сих пор не научилась разбираться в ее звуках, не угадывает связи,

думает – Лора вроде испорченной шарманки, из которой звуки сами собой сыплются в случайном порядке. И Джек не понимает, и Бьянка. Только Рейчел и лучше всех – Соломон. Соломону это дается без особого труда, хотя Бо и вообразила, будто он изучает некий тайный язык Лоры. Никакой тайны: он просто внимательно слушает, вот и все.

– Джек тебя не любит, – пояснила Лора.

– Вот ужас-то.

Она не засмеялась в ответ. На сердце у нее было тяжело. Конечно, она добровольно согласилась участвовать в шоу, но ведь только ради того, чтобы оставаться рядом с Соломоном – а почему-то из-за этого шоу он отдалился от нее. Уехал на неделю. Так далеко. И даже не позвонил ни разу.

Она заплела в косичку бахрому на подоле платья, расплела и снова принялась плести.

– Тебе надо бы вернуться в студию, – спохватился Соломон. – Джек и Бо говорят там о тебе, планируют, что дальше.

– Лучше тут посижу, – честно ответила она. И тут же сменила тему, попыталась вести светский разговор. – Что ты снимал на этой неделе? – Притворяясь, будто не сердится на него за то, что он ее бросил, притворяясь, будто не сердится на себя за то, что рассердилась на него. Его подруга – Бо. Бо. Не Лора. Бо – такая, какой Лоре не стать. Какой Лора никогда не сможет быть. И не хочет.

– Мы снимали мужчину с огромными яйцами.

Лора широко раскрыла глаза и рассмеялась.

– Да, смешно, но и печально. Он почти не мог ходить, натирал яйца, потом они болели и не заживали. Не мог жить нормально, пока не сделал на той неделе операцию. Понадобится еще какое-то время, чтобы все зажило, но потом он сможет ходить, найдет себе работу, брюки по размеру. А до него была женщина с третьей грудью.

– Вот в каком шоу мне следовало сниматься.

– В тебе нет никакого уродства! – выпалил он и отчаянно покраснел, хотя и пытался усилием воли не допустить этого. Он прислонился головой к стене, закрыл глаза и взмолился: пусть поскорее остынут пылающие щеки. – Да и в них нет уродства. Просто такое дурацкое название у шоу. Эти люди отличаются чем-то, только и всего.

– А уж как я отличаюсь. Настоящий урод.

– Лора! – Он посмотрел на нее, но она отводила глаза. Сосредоточилась на своей косичке из бахромы. – Ты ни в коем случае не урод! – жестко сказал он.

– Так пишут в газетах. «Лирохвост – таинственная,

сверхъестественная, неземная, странная». «Ее нечеловеческие способности...» Вот такая я. Нечеловеческая. Урод.

– Лора! – На этот раз его голос прозвучал чуть ли не гневно.

Она оглянулась на него, удивленная. Даже плести косичку перестала.

– Не смей больше читать это дерьмо, ты меня слышишь?

– Бо велела мне все читать.

– Не читай. Никогда. А если читаешь, ничему не верь. Ни плохому, ни хорошему. И не смей называть себя уродом.

– Ладно.

Он так рассердился, что она притихла, не зная, как дальше вести разговор. Она видела, как раздувается от гнева его горло, как потемнели глаза и сошлись на переносице брови, перепав лоб глубокими морщинами. И голос сделался ниже, в нем появилась грубая хрипотца. Прислонившись головой к стене, Соломон щурился на свет, делал медленные вдохи, ноздри его раздувались. Даже кадык его казался крупнее обыкновенного – то ли от освещения, то ли и в самом деле выпятился гневно. И у гнева тоже был свой звук.

– Лора!

– Что?

– Это я произвожу такие звуки?

Она сама не была толком уверена, какие звуки издавала в тот миг, но, вероятно, он правильно угадал.

– Пыхчу, как загнанная лошадь?

Она пожала плечами. Что-то еще ее тревожило.

– Мы с Бо ходили в театр через дорогу от дома.

Соломон глянул удивленно. Бо не рассказывала об этом.

– Вот и хорошо.

– Ничего хорошего. Моя дурацкая затея. Пришлось уйти еще до перерыва. Пришел охранник и сказал, что я отвлекаю актеров. Просил меня пересесть, куда они скажут.

– Как он выглядел? – Стоит дожидаться этого типа, когда он будет выходить из театра, сказал себе Соломон.

– Он был вполне вежлив. Но он думал, что со мной что-то неладно. Да так оно есть, это же очевидно: нам пришлось уйти. – Глаза ее наполнились слезами, и Лора отвела взгляд. Ужасно, что она позволила себе расклеиться при нем, но больше ей не с кем было поделиться этими мыслями, разве что с самой собой, а себя она уже с ума ими свела. Говорить же с Бо – все равно что вытирать лужу невпитывающей губкой.

– Лора! – ласково заговорил он, беря ее за руку.

Его прикосновение! Оно целительно, оно вернуло ее к жизни, вывело из круга мрачных мыслей о себе.

– Прости, я ничего не знал. Бо не говорила. – Он так был зол. На Бо. На весь мир. Крепко сжал ее руки, потом отпустил, и снова сжал, и снова отпустил, словно делая массаж, словно лаская. – Давай я как могу объясню тебе твой дар, Лора. Знаешь, все, кого записывают, признаются, что их шокировал звук собственного голоса. Люди морщатся, когда им проигрывают запись, удивляются: неужели это они так говорят? Сам себя человек слышит по-особенному. А ты... – Он смолк, завидев приближавшегося к ним очередного зеваку. – Там тупик, – резко предупредил он, и любопытствующая девица, залившись краской, кинулась обратно за угол, где подружки приветствовали ее нервными смешками. – Я думаю, ты вот что с нами делаешь: ты вынуждаешь нас услышать себя и других в точности так, как оно есть. Без фильтров. А в нашем мире все, что в чистом виде, неотлакированное – огромная редкость. Люди хотят слушать тебя по той же причине, по которой смотрят фильмы, ходят в галереи, включают музыку – чтобы увидеть другую картину мира, не ту, что сложилась в собственной голове. Но и это – чужая интерпретация. А ты представляешь нам мир как он есть. Вот в чем твой дар. Не уродство – и не позволяй никому талдычить тебе про уродство.

Глаза Лоры вновь наполнились слезами, и больше всего на свете Соломону хотелось ее обнять, но он не мог себе этого позволить, это было бы неправильно. И она хотела прижаться к нему, но не могла, потому что он снова выставил эту ограду вокруг себя, или это было больше похоже на перегородку в такси – порой он опускал перегородку, но затем опять поднимал.

Распахнулась дверь в комнату, где заседали продюсеры, вышла Бо и сразу же наткнулась на эту парочку – прижались друг к другу, Соломон держит Лору за руку.

Лора выпустила его руку.

– Джек ждет тебя, – холодно сообщила Бо.

– Пойти с тобой? – предложил Соломон Лоре.

– Нет, у нас приватный разговор, – через плечо Бо ответил Джек.

Лора вошла в кабинет одна, а Соломон остался сидеть, уставившись в стену напротив, борясь с kloкотавшим внутри гневом. Со стороны он слышал, как звучит его гнев – пыхтение, фыркание загнанной лошади. Вновь ощутил костяшками кулака податливую плоть и кость. Джек смотрел на него, подначивая, давай ударь меня снова, только дай предлог выкинуть тебя отсюда – навсегда. Джек нарывался, хотел, чтобы Соломон полез в

драку, и Соломон тоже жаждал драки. Он непременно поквитается с Джеком – но потом, когда правильно выберет момент.

– Не успел вернуться, и вы снова держитесь за ручки, – сварливо заговорила Бо, плюхаясь на стул рядом с Соломоном и утыкаясь в свой телефон. – Стоило уезжать.

– Она расстроена.

– И ты ее утешал. Все в рамках приличий.

Соломон подавил желание выскочить из студии, хлопнув дверью. Нет, он перетерпит все.

– Она рассказала мне, как вы ходили в театр.

Бо подняла голову, собираясь снова дать отпор, но силы у нее были на пределе. Она устало потерла глаза.

– Сол, она передразнивала оркестр. Бесконечно пыталась «сыграть на тромбоне», снова и снова. Я не знала, как быть, просто увела ее оттуда. И тебе ничего не говорила, ты только расстраиваешься и злишься.

– Именно, расстраиваюсь и злюсь! – пропыхтел он.

– А толку-то, когда ты в другой стране на съемках? – мягко возразила она. – Я постаралась справиться с ситуацией как могла.

– И в итоге Лора ужасно расстроилась.

– Я говорила ей, что это не ее вина, – вздохнула Бо. – Но с тобой она разговаривает более открыто, чем со мной, сам знаешь.

Оба замолчали. Он слегка успокоился. Не мог сердиться на Бо. Сердился на самого себя – не надо было уезжать.

– Очень трудная была встреча, просто катастрофа, – призналась Бо, отложив наконец телефон и с силой растирая лицо. – Джек хочет в ближайшие дни лететь с ней в Австралию, в Мельбурн, возможно также в Сидней. Обещает вернуться к понедельнику на полуфинал.

– В Австралию? На несколько дней? Что за чушь, она замучается. – Соломон резко выпрямился. Похоже, Бо впервые это сообразила. – А ты-то из-за чего переживаешь, если не об этом?

– Нас с собой не берут. Эксклюзивный договор с журналом и австралийской телепрограммой. Не допускаются журналисты, не аффилированные с «Поиском звезд». Мы собираемся снимать о ней фильм – а он крадет ее у нас. *Опять.*

Его охватило мучительное разочарование. Бо, как всегда, думает только о своей работе. Эгоистка чертова.

– Ты отвратительна, Бо! – Он поднялся и ушел от нее подальше.

– Как моя птичка? – заворковал Джек, хватая Лору за руку и чересчур крепко сжимая. – Охрененная у нас неделя, верно? – подмигнул он.

Она кивнула.

– Прости, что много ругаюсь, возле тебя и ругаться-то вроде как неправильно. Ты ж вроде ангела. – Он усадил ее, сам устроился за столом. Внимательно присмотрелся к Лоре. – Или нет, а?

– Что?

– Ангел или не ангел?

– Нет, – улыбнулась она.

Он улыбнулся в ответ, побарабанил пальцами по столу.

Она повторила этот звук.

– Верно. Не могу без сигарет. Бросил курить неделю назад.

– Ради Бо, – подхватила она.

Он удивленно глянул на нее, потом усмехнулся:

– Держу пари, от тебя ничего не скроешь.

Она изобразила чавканье.

– Хорошая мысль. Где моя резинка?

Пока он шарил в ящиках стола, Лора изучала стены кабинета.

– Не знаешь, шанс-то у меня есть? С Бо?

– Бо-Пип? – приподняла она бровь. – У нее Соломон.

– Да, любимчик ее длинноволосый. Ей бы пора бросить этого лузера. Скажи мне – ты же с ними вместе живешь, – им хорошо вдвоем?

Лора зарычала – так рычал Мосси, когда слышал в лесу незнакомый звук.

– О'кей, о'кей. – Джек забросил резинку в рот.

Лора снова уставилась на стену. Диски в рамках, награды, портреты артистов – одних она узнавала, других нет, фотографии самого Джека с его музыкальной группой, Джек Старр и Starr Gazers.

– Любишь музыку? – спросил он.

Она кивнула. Изобразила потрескивание винила, похожее на треск горящих дров. Уютный, милый и памятный звук.

Он широко раскрыл глаза в изумлении:

– Господи! Ты слушала пластинки?

– Мама и Гага обожали джаз. Билли Холидей, Майлз Дэвис, Нина Симон, Луи Армстронг. – Она напела тему из I'm a Fool to Want You^[1] глубоким хрипловатым голосом, непохожим на голос молодой женщины. – Любимая песня бабушки, – пояснила она.

Джек ошеломленно покачал головой.

Ежась под его взглядом, она снова отвернулась.

– Я так понимаю, в Австралии ты не бывала, – сказал он.

– Не-а, – улыбнулась она.

– Так вот, они мечтают тебя заполучить. Прямо с ума сходят. Крупнейшая тамошняя телепередача прислала приглашение. В Австралии после коалы самое почитаемое существо – лирохвост. И ты, Лирохвост, намного интереснее коалы: сотни поп-звезд похожи на коалу, кого ни назови, все такие милые и вполне доступные, а ты – уникальная, эксклюзивная. Если поехать сейчас, слушай, это самое лучшее время для нас, для нашего шоу. Мы уже сколько лет пытаемся прорваться на австралийский рынок, и это, я думаю, откроет нам дверь. Кабельные каналы присматривались, сумеем ли мы заинтересовать тамошнюю публику, – и вот получилось. Сто миллионов просмотров в мире... – Он сунул нос в телефон. – Уже сто одиннадцать миллионов. – Засмеялся счастливо. – Ты-то можешь ни о чем не волноваться, просто бесплатное путешествие. Выступишь в крупнейшем чат-шоу континента. Сфотографируешься с лирохвостом для прессы. На обложки местных журналов. И в понедельник обратно к вечернему полуфиналу. Что скажешь?

– Это все как-то... немыслимо. – Она растерянно улыбалась, не в силах поверить. – Остальные тоже едут?

– Кто остальные?

– Участники конкурса. Мне показалось, они меня не очень-то любят.

– Завидуют, – ухмыльнулся он. – Это ведь конкурс, а ты всех обставила. Нет, больше никто не поедет. Это затевается только ради тебя.

Она прикусила губу, смущенная.

– Не переживай за них, они все тоже дают интервью. Наверняка даже чаще, чем ты, но пресса клюет на тебя. Предложи я кому-нибудь из них такую поездку, они бы и минуты не думали про остальных. Это состязание, Лирохвост. Сообщи Бьянке данные своего паспорта, и мы закажем билеты.

– О! Паспорта-то у меня нет.

– Ничего, – ободрил он ее, – осталось несколько дней, успеем. Нам и раньше приходилось срочно оформлять документы для поездки. Мы с паспортной службой дружим, они любят наше шоу. Просто передай Бьянке свидетельство о рождении. А если ты оставила его в Корке, не беда, затребуем копию в Дублине.

Лора таращилась на него, открыв рот, но не зная, что сказать. Он неправильно ее понял.

– Говорю же, не переживай, – широко улыбнулся он. – Шоу о тебе позаботится. – И он широко распахнул руки: мол, берем все на себя.

Она сглотнула и выдавила наконец:

– Не в этом дело. У меня и свидетельства о рождении нет.

Улыбка на его лице погасла.

Кертис, Бьянка и Джек созвали экстренное совещание. Мужчины смотрели на Лору, а та – на Бьянку, зачитывавшую список документов, необходимых для получения паспорта.

– Свидетельство о крещении?

– Она уже сказала – не крещена, – свирепо напомнил Джек.

– Школьный аттестат.

– Я училась дома.

– Да, но сохраняются отчеты о сдаче экзаменов.

– Я не сдавала экзамены.

– Ладно, хорошо, – сказала Бьянка, вчитываясь в инструкцию паспортной службы. – Тогда письмо от человека, который знает тебя с раннего детства и может засвидетельствовать, что ты родилась в Ирландии.

Теперь и она смотрела на Лору. Все смотрели на Лору.

Джек рассмеялся с облегчением:

– Ну вот, это же просто. Кто-нибудь знает, что ты родилась на белый свет?

И Керт засмеялся вместе с ним, поддерживая шутку.

– Нет. – Она готова была заплакать. – Простите. Никого нет.

– Так, стой. Это уже что-то странное. Расскажи все по порядку, – мягко попросил Джек, и Кертис выпрямился, насторожившись.

Часть II

Лирохвост склонен к уединенной жизни в дикой местности. Он не способен или не желает существовать на росчисте или в населенных местах. Эти робкие и мирные птицы часто попадают живьем в руки ловцов и становятся предметом изучения для опытных исследователей, но в неволе лирохвосты чахнут и вскоре погибают.

Эмброуз Пратт. Легенды о лирохвосте

Глава двадцать четвертая

Выслушав историю Лоры, Кертис и Джек организовали ей интервью на центральной радиостанции – подробный рассказ, раскрывавший все «эксклюзивные», никогда прежде не обсуждавшиеся подробности ее жизни в коттедже Тулинов, десятилетнее одиночество. Затронули и проблему получения паспорта, в прямом эфире слушатели пытались разобраться, каким образом Лора или другой человек, попавший в подобную ситуацию, может оформить паспорт. Рядовые граждане и чиновники звонили с советами, предложениями помочь. Рассказывали собственные истории. Местный депутат поклялся решить эту проблему.

После изнурительного дня, вычерпанная до самого дна – все о себе рассказала, позволила множеству чужаков заглянуть в свою жизнь и душу, – Лора еле приползла домой. Прислонилась к двери, закрыв глаза. Мигрень, никогда еще у нее не было такой мигрени.

– Ты только что выдала наш эксклюзивный сюжет всей, на хрен, Ирландии!

Бо встала перед ней, руки в боки. Надо же, какая злющая.

– Это плохо? – Лора тревожно оглянулась на Соломона, который тоже вышел из комнаты и пытался сообразить, что тут происходит.

Ее взгляд еще пуще раззадорил Бо: вечно Лора обращается к Соломону за поддержкой. Ее палочка-выручалочка. Бедная маленькая девочка только что спустилась с горы и не может решать за себя. А на самом деле вон какая хитрюга, кто бы мог подумать!

– Еще как плохо! – рявкнула Бо. – Ты сказала, что разговор будет о паспорте. Все о себе выкладывать – такого уговора у нас не было.

Лора недоумевающе смотрела на нее.

– Это я собираюсь снимать о тебе фильм, не забыла? Это мне ты должна была рассказать свою историю, а вместо этого ты собралась лететь на другой конец света и рассказывать обо всем желтым журнальчикам. Да-да, про этот ваш план я тоже знаю.

Лора нервно сглотнула. Издавала какой-то звук.

– Нечего и пытаться! Честное слово, мы же взрослые люди, вот и веди себя по-взрослому. А то я начинаю подозревать, что ты пользуешься этой своей способностью, чтобы уклониться от разговора.

– Бо! – окликнул ее Соломон. – Остановись!

Бо и головы не повернула, ее уже несло:

– Я тебя нашла, я тебя сюда привезла, я впихнула тебя в «Поиск звезд», ты живешь у меня, я тебя кормлю, обихаживаю...

– Остановись, Бо!

– Не перебивай! – Она уже почти кричала. – Уговор был: ты рассказываешь свою историю нам, а не шагаешь по нашим головам к сияющим вершинам. – Она окинула Лору оценивающим взглядом – новый наряд, пачка журналов в руке. – Я смотрю, ты целыми днями читаешь эти статьи, обзавелась обновками, дизайнерскими очками. Славы захотелось, Лора? В этом все дело?

– Бо! Заткнись! – изо всех сил заорал Соломон.

Лору его крик напугал, но Бо и глазом не моргнула.

– Не лезь в это, Сол. К Лоре ты никакого отношения не имеешь, – прошипела она. Ни в каком смысле, готова она была добавить.

– Ну конечно, это ваш с Джеком проект, а как же! Решили поиграть в Господа Бога, чужую жизнь по-своему лепить? И ты обвиняешь Лору в амбициях? На себя посмотри, на вашу парочку!

Лора с ужасом переводила взгляд с одного на другого. Глаза ее наполнились слезами, она пыталась зажать ладонями уши, не слышать эти ужасные крики, этот гнев, яд, ненависть, которые обрушили друг на друга эти двое, якобы влюбленные, составлявшие пару.

– Перестаньте, перестаньте! – Голос ее перешел в вопль.

Они оба уставились на нее. Лору сотрясала дрожь, но она прямо встретила взгляд Бо, глаза в глаза.

– Одежду мне купили для шоу. Когда все закончится, я должна буду вернуть этот костюм. Журналы мне дала Бьянка. У меня просят интервью или фотографию. Велели просмотреть и выбрать, с каким я согласна работать. Я отказала почти всем, кроме тех, кто готов платить. У меня же нет своих денег, если ты вдруг забыла об этом! – В голосе ее пробивался гнев. – Я ем за ваш счет, потому что у меня нет денег. Не могу купить себе одежду, потому что у меня нет денег. Не могу ни заплатить вам, ни что-то купить в подарок за все, что вы для меня сделали, потому что у меня нет денег. А еще я не могла получить паспорт, потому что у меня нет свидетельства о рождении. Нет свидетельства о крещении, нет записей в школьных журналах, нет даже письма от человека, который мог бы засвидетельствовать, что я родилась в Ирландии. Мне пришлось рассказать свою личную историю по общенациональному радио, чтобы получить паспорт, – продолжала она, и слезы горькой обиды уже катились по щекам. – Ты хоть понимаешь, как это унижительно? Думаешь, я такого для себя хотела? Судя по всему, контракт, который я подписала по твоему

совету, обязывает меня участвовать в любой рекламной кампании «Поиска звезд». И Австралия тоже входит в эти обязательства, но можешь не волноваться – вряд ли я получу паспорт, потому что на всем белом свете не осталось ни одного свидетеля моего рождения. Никого, кто мог бы объяснить, откуда я взялась.

Мы с вами всеми, Бо, условились, что вы поможете мне начать новую жизнь. Я согласилась на это, потому что не видела другого выхода. Ты сказала, что Джо не позволит мне больше жить в коттедже, больше мне идти было некуда, оставалось только поехать с вами. И ты уговорила меня участвовать в шоу талантов, сказала, это откроет передо мной новые возможности. И вот я пытаюсь осмыслить эти возможности, сделать правильный выбор, устроить свою жизнь единственным доступным мне способом. Я понятия не имею, как надо это делать, но я доверилась тебе, – последние слова были обращены к Соломону, и на них голос девушки дрогнул. Вновь обернувшись к Бо, она добавила: – Ты говорила, что будешь следовать за мной, а на самом деле вынудила меня идти, куда ты скажешь. У меня никого не было, кроме вас, вы мне очень помогли, словами не выразить, как я вам благодарна за все. Я старалась побольше готовить, чтобы хоть так выразить свою признательность, старалась не выходить из комнаты или сидеть на балконе, чтобы вам не мешать. Бо, я правда из всех сил стараюсь не путаться под ногами. Делаю все, что в моих силах.

Лора, видимо, пришла к некоему решению – слезы высохли, выражение растерянности исчезло с лица.

– К сожалению, как я ни хотела сделать что-то хорошее, я только все порчу. Я выполню все договоренности по фильму, я честный человек, и я вам обязана, но, думаю, сейчас мне будет лучше уехать от вас. Оставить вас в покое и не причинять вам больше хлопот. – Снова она посмотрела на Соломона, и снова выступили слезы. – И я ни в коем случае не хочу становиться между вами. – Она повернулась и двинулась к двери в спальню.

– Лора, ты не должна уходить, – окликнул ее Соломон. Грудь стеснило болью.

– Должна, – тихо ответила она, входя в свою комнату.

Соломон обернулся к Бо, в глазах его сверкали молнии.

– Давай, Соломон! – обнажила она зубы, готовая огрызнуться. – Еще раз попробуешь отчитать меня за мои слова или дела – я так заору, что люди сбегутся. А она все равно не уйдет, – уже тише добавила она. – Куда ей деваться?

Соломон призадумался. Вроде бы Бо права. Идти Лоре некуда – при

этой мысли он почувствовал сильное облегчение и в то же время горечь за нее. Ему следовало как можно скорее убраться подальше от Бо, пока он не сказал что-то, о чем потом пожалеет.

– Я пошел, – сказал он, хватая свою куртку. – Сейчас я ни говорить с тобой, ни смотреть на тебя не могу.

– Вот и хорошо. Вполне взаимно.

– И участвовать в съемках фильма не стану. Не хочу иметь к этому никакого отношения, – сердито, не продумав до конца последствий, добавил он.

Она чуть помедлила и повторила, но уже не так уверенно:

– Вот и хорошо.

– Так прекрасно начиналось, но ты все испортила.

– Прекрасно, спасибо.

– Ты меня слышишь, Бо?

– Громко и ясно, очередной сеанс словесного насилия. Да, я ужасная, а ты святой. Все поняла. А теперь можешь спастись бегством, предоставив остальным прибираться после катастрофы. Скачи на своем белом коне и вини, как всегда, всех, кроме себя.

– Иди на хрен! – Схватил ключи и грохнул дверь.

Бо в молчании опустилась на диван, от прилива адреналина грохотало в ушах. Она пообкусывала кожу вокруг ногтей, яростно болтая ногами и пытаясь себя уверить, что ей наплевать – на них обоих. Но вскоре она почувствовала во рту привкус крови, а оторванный заусенец начало саднить. Как это наплевать? Она все поставила на этот фильм. Деньги, обещания инвесторам, свою репутацию, отношения. Все.

Из временного пристанища Лоры ни звука, едва ли она там собирает вещи. Нет, она не уйдет, успокаивала себя Бо. Она же верно сказала Соломону: идти девушке некуда. В тишине часы отсчитывали минуту за минутой, и мысли Бо прояснились. Пожалуй, не следовало так набрасываться на Лору из-за выступления по радио. В конце концов, как бы Лора объяснила отсутствие элементарных документов, не рассказав всю историю полностью? Не ее вина или не только вина Лоры, что ситуация вышла из-под контроля. Плохо спланировали, но кто мог предвидеть подобный ажиотаж?

В дверь постучали. Бо поднялась, в уверенности, что это Соломон, но, уже дотянувшись до замка, вспомнила, что свои ключи он забрал.

– Кто там? – спросила она.

– Бьянка из «Поиска звезд». В подъезд кто-то зашел, и я вошла вместе с ним.

Бо открыла ей.

– Зачем вы пришли?

– И вам здрасте, – отпарировала Бьянка. – Приехала за Лирохвостом. Сняла ей номер в отеле.

У Бо челюсть отвисла.

– Не можете же вы вот так ее забрать!

– Я не забираю, она сама мне позвонила, – нахмурилась Бьянка. – Привет! – добавила она, глядя мимо Бо.

Бо запаниковала. Надо звонить Солу, только он может это остановить, но, пока она сообразила, пока спохватилась, что нужно поискать телефон, Лора уже стояла в дверях рядом с Бьянкой, пакеты с вещами оттягивали ей руки.

– Спасибо за все, что вы для меня сделали, – сказала она на пороге. – Спасибо, что пустили меня к вам пожить, но вы правильно сказали, Бо: я взрослый человек и не нуждаюсь в руководстве.

Бо так и смотрела, раскрыв рот, как Лирохвост улетает из ее жизни.

А в городской гостинице, ближе к центру, нервно расхаживала по маленькому номеру Лора, прислушиваясь к паническому стуку своего сердца.

Что она наделала, что наделала? Поссорилась с теми людьми, кто был для нее всего насущнее. Но вопреки своему страху она знала, что поступила правильно. В той квартире атмосфера сделалась токсичной. Пора было уходить. И разве Соломон не делал все, чтобы их отношения ни во что большее не переросли? Сначала они то сближались, то отдалялись, потом он уехал, а теперь и вовсе постарался оборвать все связи. Пусть она и провела значительную часть жизни в одиночестве, но в людях все же разбиралась.

Зазвонил телефон, изрядно ее напугав.

– Алло?

– Мисс Баттон, это Джейн, администратор гостиницы. Вас хочет видеть человек по имени Соломон. Пропустить его?

Сердце резко забилося.

– Да, пожалуйста.

Как трудно дышать!

Она опрометью ринулась в ванную, побрызгала себе водой в лицо. Мысли метались – что сказать, как сказать. Как отказаться, когда он попросит вернуться в квартиру? Или не отказываться? Может быть, она и сама хочет вернуться? Он снова ее спасет, он заберет ее из этой гостиницы, где ей вообще не хочется быть.

Стук в дверь.

Ей бы не следовало оставаться с ним наедине в комнате. То, что она чувствует к нему, – это нехорошо. Неправильно. Она накинула на дверь цепочку и слегка приоткрыла.

Темные глаза Соломона заглянули в ее глаза. Она с трудом сглотнула. Он увидел цепочку. Расстроился.

– Понимаю, ты не хочешь иметь со мной дела. Неудивительно после того, как мы с тобой обошлись. Я хочу извиниться за все. За то, что Бо наговорила тебе. И за то, что я уговорил тебя участвовать в «Поиске звезд». Мне очень жаль, что я уехал и оставил тебя одну на неделю. Мне очень жаль, что я увез тебя из твоего дома. Я хочу попросить у тебя прощения – за все.

Сердце стучало оглушительно, и Лора почти не разбирала слов Соломона.

– Я не могу сердиться на тебя за то, что ты ушла. Ты права, и я пойму, даже если ты никогда больше не пожелаешь видеть никого из нас. – Он опустил глаза. – Я пришел только затем, чтобы сказать, как я виноват. Ты правильно решила, тебе будет лучше без нас. StarrGaze о тебе позаботится. Весь мир у твоих ног.

Она почувствовала прикосновение его пальцев – он просунул руку в дверную щель. Прикосновение было нежным, и тело отозвалось на него. Снова прилив адреналина – и светлая печаль. Боль прощания. Он уходил от нее, она видела, как он уходит, и сердце стучало словно барабан, отбивающий сигнал тревоги. Она хотела, чтобы он забрал ее с собой. Хотела, чтобы ее попросили вернуться. А он позволил ей уйти.

– Если я когда-нибудь буду тебе нужен, – сказал он смущенно (трудно предлагать свою помощь, когда чувствуешь себя во всем виноватым), – ты только скажи. Я всегда готов помочь. Всегда.

Едва договорив последние слова, он выдернул руку, повернулся и исчез. Лора осталась стоять, еле дыша, перед чуть приоткрытой дверью, а за ней – пустота.

Боль сместилась из головы в сердце, ломило грудь. Она захлопнула дверь, медленно съехала по стене на пол и осталась сидеть на полу. Давно уже стемнело, а она не двигалась с места, оплакивая еще одну потерю.

Что же она натворила?

Глава двадцать пятая

Насчет удачливости Бо Лора ошиблась. Документальный фильм разваливался на глазах именно из-за невероятного успеха Лирохвоста. Не успев опомниться, Лора уже получила паспорт и могла лететь в Австралию. Студии Бо наотрез было отказано в праве сопровождать ее в этой поездке. Повесть о печальной и одинокой жизни молодой девушки покорила сердца ирландцев. Все хотели помочь ей чем только смогут.

Вечером в воскресенье Лора с маленьким чемоданчиком поднялась на борт самолета. Рейс завершится утром вторника, в 6:25. Сразу же – интервью и фотосессия, потом в среду участие в телепрограмме на центральном канале, и в четверг в 22:25 она отбывает, чтобы поспеть в Дублин в субботу вечером, в 23:20. Три дня напряженной работы в Австралии – и назад, в понедельник полуфинал.

Приземлившись спозаранку, Лора уже в полдень должна была приступить к работе. Предполагалось, видимо, что она отоспится за сутки полета в первом классе. На самом деле она глаз не сомкнула, слишком много новых впечатлений. Впервые попала в аэропорт, впервые летела на самолете, на борту она сразу же принялась воспроизводить самые разные звуки, в том числе, к досаде стюарда, сигнал вызова. Наведавшись к ней раза четыре, он перестал откликаться на ложный вызов и, когда ей действительно понадобилась помощь – убрать поднос, – тоже не пришел.

И в отель она ехала – сна ни в одном глазу, только успевала смотреть по сторонам. Столько всего! В аэропорту налетели фотографы, репортеры, ее поспешно упихали в черный джип. Отвезли в отель «Лэнгэм», в роскошный съют. Она приняла ванну, и тут-то ее сморило – но уже Бьянка звонила с сообщением, что машина прибыла и пора ехать на фотосессию в Данденонг-Рейнджес.

Лора тихонько устроилась на заднем сиденье, ни в какие разговоры Бьянка не вступала, и это Лору устраивало. Вокруг был новый мир, успеть бы освоиться. Новые акценты и звуки, новые запахи и виды. Но как бы ни стремилась она погрузиться в новый мир, что-то ей мешало, словно недоставало какого-то важного элемента души, чего-то оставленного дома. Ностальгия? Через это чувство она уже проходила дважды: в первый раз, когда из дома бабушки перебралась в коттедж на ферме Тулинов, и во второй – когда приехала в Дублин. Она утрачивала связь с миром, словно она-то все та же, но попала туда, где ей быть не следует. Странное, почти

нереальное ощущение – притом что все вокруг вроде бы чувствовали себя нормально.

В расписании значилась «Фотосессия с лирохвостом», без уточнений, но выяснилось, что снимать будут в очаровательном месте, где обычно проводили свадьбы. Этот край национального парка Данденонг-Рейнджес неподалеку от Мельбурна был назван в честь лирохвоста.

Съемочная группа уже ждала. Пришлось пожать столько рук и попытаться запомнить столько имен, что все они тут же высыпались у нее из головы. Оглядываться по сторонам было некогда, ее усадили в кресло и занялись ее волосами и гримом. Все приветливо болтали, и все были почему-то одеты в черное. Странное чувство чуждости всему здесь не исчезало, она все так же наблюдала происходящее словно со стороны. Никак не могла перенестись внутрь этой минуты, этой сцены.

Фотографы и журналисты видели ее выступление в «Поиске звезд». Все они задавали вежливые вопросы: где она училась своему искусству, как училась? Ответить ей было нечего, и вопросы сменились столь же любезным молчанием. Бьянка советует подготовиться к будущим интервью, продумать ответы, и Лора думает над этими вопросами – ей никогда еще не приходилось так много думать о себе, анализировать свои поступки. Почему она делает то, что она делает, почему она так устроена? И почему все это может кого-то интересовать?

Хотя стилисты уже видели ее выступление, внезапное звукоподражание застает их врасплох. Гримерша расстегнула сумку, Лора воспроизвела звук молнии.

– Все в порядке?

Из сумки появилась волшебная вешалка, распрямилась, встала, на ней принялись развешивать наряд за нарядом.

Лора изобразила шипение лака, когда его выпускают из баллончика.

– Хотите пить?

– Это вы репетируете?

Во всем множестве газетных публикаций и постов в соцсетях, посвященных таланту Лоры Баттон, она же Лирохвост, не было сказано главное: этот «талант» не благоприобретенный и заученный, а природный. Это не искусство, тут не требуется подготовка, отработка, какие-то ухищрения. Это часть самой Лоры, часть ее личности. Так она устроена, таков ее способ постигать мир и общаться с ним – а у других людей есть свои способы. Но никто не заговаривает о ее спонтанности, о ее выверте, если угодно. Похоже, людей интересуют лишь те дары, которые удастся аккуратно упаковать и в готовом виде предъявить миру. Она вовсе не умеет

включать и выключать звукоподражание, словно воду в ванной, и все же приходится как-то обуздывать его, иначе люди просто не воспримут ее дар.

Вот Соломон – ни разу не просил ее перестать, не спрашивал, почему она так делает. Ни разу. Голова у Лоры кружилась, а сердце болело от тоски по нему.

Вечером – участие в шоу Кори Кука. Джек проведет интервью, также участвует Уилл Смит, рекламирует свой новый фильм. А потом выступает Лирохвост.

– Что я должна делать в шоу? – спросила она Бьянку.

– В расписании сказано: ОДУ, – сообщила Бьянка, на миг отрываясь от выбора наряда. Прикладывая к себе одно платье за другим, она добросовестно совершала полный оборот перед зеркалом.

– А что такое ОДУ?

Бьянка оглянулась, удивившись: кто ж этого не знает?

– Ожидаются дальнейшие уточнения. Чего именно они хотят, мы узнаем позже.

Через час Лора была уже в гриме и с новой прической, отложив на потом окончательный выбор одежды (всего требовалось шесть костюмов для шести снимков, но на всякий случай пока оставили восемь). Бьянка связалась с руководителями шоу и договорилась, что Лору посадят в первый ряд среди зрителей. Сначала интервью Джека «на кушетке», а камера будет наезжать на Лору, когда Джек пустится рассказывать о Лирохвосте и ее роли в StarrGaze. По-видимому, сидеть в первом ряду на шоу Кори Кука здесь считалось за великую честь.

Еще через час, когда в сетевых СМИ появились фотографии Лоры по прибытии в аэропорт и соцсети залихорадило – Лирохвост в Австралии! – в тот самый момент, когда заканчивали возню с гримом, со студии вновь позвонили Бьянке. К почетному месту в первом ряду были добавлены два вопроса лично от ведущего, Кори Кука. Вопросы ОДУ – сначала нужно дождаться совещания на высшем уровне. А когда и прическу уложили, новый звонок сообщил, что Лора вместо места в первом ряду удостоится привилегии пройти по знаменитой лестнице – исключительно для знаменитостей. Величайшая честь, внушала ей Бьянка. Вроде и сама она стала относиться к своей подопечной с большим уважением. А что Лирохвост будет делать, спустившись по этим ступеням? ОДУ.

Чуть-чуть отпустило, когда Лоре позволили выйти на минутку подышать свежим воздухом перед первой примеркой. В лесу она сразу почувствовала умиротворение. Она уж и забыла тот глубокий покой, в ладу со всем миром, это почти гипнотическое состояние, в котором она изо дня в

день занималась своим хозяйством – и пребывала в полной гармонии. В Дублине даже в лучшие моменты ничего подобного с ней не случилось.

Прикрыв глаза, Лора глубоко вдохнула прекрасный лесной воздух, вбирая в себя новые звуки. Обернувшись, она увидела, что в дверях собрались и команда стилистов, и журналисты, и фотограф, снимавший ее для пресс-релиза.

– Что? – смутилась она. – Я прическу испортила?

Ванда, чудесный специалист по макияжу, смотрела на нее в изумлении.

– Ты кричала кукабаррой, – сообщила она.

– Правда? – улыбнулась Лора.

– И как птица-бич, – добавила парикмахерша.

Они вышли к ней на веранду. Бьянка нервно поглядывала на часы. Ее назначили сопровождать Лору в поездке, потому что они почти сверстницы, Бьянка на год моложе. Это поручение много значит для ее карьеры. Но Бьянка нервничает еще больше, чем ее подопечная, хотя и старается скрыть тревогу под маской невозмутимости.

– Вот это кукабарра, – сказала Ванда. – А птица-бич как кричит, Джейн?

Они все прислушались в молчании.

– Вот, – шепнула Джейн, – вот она.

Лора слушала, прикрыв глаза. Она сама не заметила, как повторила этот звук, – но все вокруг радостно засмеялись.

– Ты потрясная! – кричали они наперебой и принялись указывать ей других птиц, хотя, надо сказать, не так уж хорошо разбирались, сороку опознали да какаду, но Лоре не требовались орнитологические сведения, она просто купалась в этих удивительных звуках. Сколько бы ни теребила Бьянка, боясь выбиться из графика, Лора была благодарна этим женщинам, прервавшим ради нее работу.

– Как хорошо! – Закрыв глаза, Джейн подставила лицо солнцу. – Иногда нужно просто... остановиться.

Другие молча закивали, соглашаясь, вдыхая свежий воздух, растягивая момент досуга, пока не включится снова гонка: новые заказы, потом в салон, потом домой к семье, всегда второпях, одно делаешь, другое планируешь. Хоть ненадолго задержаться в настоящем.

– Ты в удачное время приехала, – пояснила Грейс. – В середине зимы лирохвосты ищут себе пару, и за полчаса до рассвета взрослые самцы начинают петь – так, словно от этого их жизнь зависит, – со смешком добавила она.

– Знаешь, что чудно, – вставила Бьянка, – может быть, ты сейчас не настоящей кукабарре подражала.

Все обернулись к Бьянке.

– Может быть, ты подражала лирохвосту, который подражает кукабарре.

Удивительно слышать такое от Бьянки. Она вроде и сама себе удивилась. Засмеялась, и Лора засмеялась вместе с ней, словно шутке, понятной только им двоим.

Надев первое из шести платьев, Лора снова вышла – для первой фотосессии на природе. Она ощущала на себе множество любопытных взглядов: стилист, парикмахер и вся их команда, журнальный фотограф с помощником, фотограф, готовящий пресс-релиз, журналистка по имени Грейс. Под их взглядами она чувствовала себя неловко.

Хотя июнь в Австралии – глухая зима, вокруг – роскошное изобилие зелени. Отрадный свежий воздух, наконец-то после кондиционеров в самолете и в отеле расправятся легкие. Лора хотела бы прогуляться, но костюмерша переживала за обувь. Туфельки оказались велики, в носы забились кусочки ткани. И платье было слишком свободным, поэтому его прихватили на спине скрепками так, что теперь не наклонишься. Разрешается слегка поворачиваться, чтобы разглядеть лирохвоста, но осторожнее, чтобы скрепки не попали в кадр.

Пока на ее лицо наносили последние штрихи, а фотограф возился со светом, она услышала, как Бьянка сообщает кому-то по телефону, что Лирохвосту предстоит пройти по ступеням шоу Кори Корка. Замечательная новость. Все вокруг перешептывались. Ей не придется сидеть в первом ряду. Где она будет сидеть и будет ли вообще сидеть – ОДУ. Лора негромко смеется, и все смотрят на нее как на чудачку, отчего ее смех становится громче. Они сочли ее странной только сейчас?

Фотограф подошел поговорить с Лорой. Отвел ее в сторону, чрезвычайно торжественно выбирал позу, напряженный, всем недовольный. Красивый малый, рукава футболки вздуваются на бицепсах, черные джинсы низко приспущены, открывая выразительную развилку между ягодицами – похоже, трусов он не носит, отметила Лора.

Она понимала, что фотограф флиртует с ней, пусть даже он всего лишь обсуждал позы и декорации. Это было ясно по его лицу. По губам и глазам. Эта мысль (при отсутствии трусов) слегка возбудила ее, но тут же она поняла, что так он смотрит на все вокруг, со всеми и со всем заигрывает – подмигивая, выпячивая губы, проводя рукой по волосам. Флиртует со всем миром. А на Лору наваливалась усталость. В гостинице она позавтракала

местными фруктами, но, вероятно, этого на весь день недостаточно. Слегка кружилась голова. И столько людей вокруг, у каждого свои причуды, нужно все это заметить и запомнить, чтобы работать вместе, – изнурительно. Видимо, то же самое почувствовала и Бьянка – устроилась молча в сторонке с бутылкой воды.

Лора глянула в глубину леса:

– Мы ждем, что лирохвост сам прилетит к нам?

– Нет, мы доставим лирохвоста на съемки, – улыбнулась Грейс.

Так они и сделали. Как доставили сюда Лору, так доставили и настоящую птицу-лиру – в клетке. Егерь принес и опустил напуганную птицу на землю под покровом леса. Немножко похожа на цесарку – длинная шея, роскошное оперение. Фотограф занялся Лорой, указал ей, где нужно встать. Подошвы туфель обклеили пластырем, чтобы не запачкать, ей велели не шаркать – к вечеру обувь вернется в магазин. И все выжидательно уставились на Лору и птицу.

Чего они ждали? Что она заговорит с птицей на тайном наречии лирохвостов? Это же птица. Напуганное лесное существо, которое поймали, протащили в клетке через лес и плюхнули на землю рядом с женщиной, одуревшей после долгого перелета. Лора понимала: вопреки своему прозвищу она всего лишь человек и не обладает сверхъестественным талантом общаться с пернатыми или понимать их. И лирохвост тоже не обладает коммуникативными способностями, оба они – подражатели, и больше ничего. Но все смотрели на них, взволнованные, растроганные встречей представителей двух разных видов живых существ.

Фотограф не разрешал выпустить лирохвоста из клетки, пока не настроил свет. Птица явно пребывала в печали. Лора присматривалась к ней, вторя ее звукам. Как только самец выбрался из клетки, он сразу спрятался за дерево в поисках убежища.

– И правильно сделал, – вслух похвалила его Лора и двинулась следом, отмахнувшись от предостерегающих воплей, – со спины были видны скрепки, удерживающие платье, которое оказалось велико ей на два размера. Она сбросила туфли, костюмерша бегом кинулась за ними. Подойдя поближе к лирохвосту, Лора остановилась и замерла, разглядывая его, стараясь запомнить все детали.

Птица вторила жужжанию камеры. Лора улыбнулась и присела на корточки. Фотограф понукал ее подойти ближе, но она знала: еще шаг – и птица обратится в бегство. Она бы на ее месте так и поступила. Так и следовало сделать.

Фотограф тоже опустился на корточки, пытаясь подобрать удачный

ракурс. Он просил Лору повернуть голову так и эдак, приподнять подбородок, опустить. Раздвинуть пальцы, сжать кулак, поднять руку, свободно откинуть руку. Посмотреть на лирохвоста, посмотреть мимо него. Притворись, будто смотришь на птицу, но поверх ее головы, куда-то вдаль. Не щурься, закрой глаза и открой на счет три. Нет. Что за пальцы-крючья! Ротик надуть, коленку согнуть, подбородок выше – нет, не туда, в другую сторону. А теперь – пообщайся с лирохвостом.

Если фотограф сделает еще хоть шаг к ней, она убежит, она спрячется. Поступит в точности как это забавное маленькое создание.

Ей припомнилось, как однажды в детстве она отправилась поиграть. Велено было вернуться домой к обеду, а она пропустила время. Вернулась – возле дома стояла машина клиентки, незнакомые дети возились во дворе, ожидая свою маму. Никогда еще Лора не видела вблизи других детей. Читала о них в книгах, видела на экране телевизора, наблюдала за ними из окна машины, когда они выезжали к морю. Она затаилась на опушке леса, так близко к этим ребяташкам, что ощущала себя одной из них, но так надежно спрятавшись, что они никогда бы не догадались о ее присутствии. Они бросали палки в ручей и следили, чья приплывет первой, и она даже осмелилась бросить свой сук, воображая себя частью этой компании, – а ребята подумали, что ветка упала с дерева. С тех пор Лора сочиняла себе такие приключения из укрытия, подсматривая за гуляющими в лесу, за пешими туристами, охотниками, бродягами.

Очнувшись и подняв голову, она увидела слезы на глазах гримерши. Фотографы только поспевали снимать. Лора не знала, какие звуки вырвались только что из ее уст, когда она вспомнила детство, – но почему-то зрители огорчились или пожалели ее. Лишь когда лирохвост повторил эти звуки, она поняла, что это было, – счастливый детский смех. Она изумленно уставилась на птицу – птица-лира смотрела прямо на нее.

Обе, Лора и птица, умолкли. Девушка глубоко заглянула в маленькие глазки лирохвоста, гадая, а вдруг и в самом деле между ними есть таинственная связь, может быть, они действительно сумеют друг друга понять.

Фотограф сделал шаг, и лирохвост опрометью кинулся прочь. Разочарованный, фотограф опустил камеру, а Лора смотрела вслед лирохвосту, радуясь, что тот вновь на свободе. Хоть бы он нашел свою пару. А когда же она обретет свою?

Вечером, ровно в 21:42, после того как Джек дал Кори Куку «интервью на кушетке», с полной откровенностью рассказав о былых успехах, о

наркотиках и реабилитации, развалившемся браке, упорном возвращении обратно на вершину и неожиданной популярности «Поиска звезд», ведущий пригласил гостя программы – Лирохвоста.

– Со времен «мастера десяти тысяч звуковых эффектов» Майкла Уинслоу мы не видели ничего подобного. Наша следующая гостя участвует в ирландском конкурсе талантов «Поиск звезд» под именем Лирохвост, и ее выступление за неделю набрало двести миллионов просмотров на YouTube. Потрясающе!

– Уже двести двадцать миллионов, – вставил Джек, и публика засмеялась.

– Тем лучше, – засмеялся и Кори. – Встречайте – Лирохвост!

Публика словно с цепи сорвалась. Приветствовали ее так же бурно, как Уилла Смита.

Ее облачили в дерзкое красное платье, оно облегало ее так туго, что костюмерша назвала его «бандажом». Она боялась пошевелить ярко накрашенными губами, чтобы не смазать помаду, ноги дрожали и подгибались на высоченных шпильках, когда Лора спускалась по пресловутой лестнице славы. На площадке она помедлила, как ей было велено, слегка помахала рукой – зрителям и тем, кто остался дома. И пошла дальше по ступенькам, предназначенным для самых сливок, для знаменитостей. Остановилась там, где, как ее предупредили, обозначено место для нее – ленточкой, – отсюда приветствовала ведущего. Ни на кушетке, ни в первом ряду ей места не отведено. Все ОДУ были окончательно утверждены за полчаса до выхода.

– Добро пожаловать в страну лирохвостов, Лирохвост.

– Спасибо, – улыбнулась она.

– Как добрались? – продолжал ведущий. – Кажется, вы впервые в жизни летели на самолете?

Она изобразила гонг объявлений в аэропорту, сигнал вызова стюарда, щелчок – пристегивается ремень безопасности.

Зрители засмеялись.

– У вас сегодня была фотосессия с лирохвостом. Познакомились с родной душой?

Она повторила жужжание камеры, голоса кукабарры, сороки, птицы-бич и какаду.

Публика неистовствовала.

Вдруг Лора изобразила поезд. Ненамеренно, просто вспомнила.

– Точно! – изумился Кори. – Билли-пыхтелка, паровоз. Мы тут с Джеком обсуждали невероятную реакцию на ваше выступление, как это

отразилось на шоу и на нем самом. Но как это отразилось на вас? Рады ли вы, что приняли участие в конкурсе? Теперь, когда получили такой прием?

– Рада, – сказала она. – Было трудно и страшно, но все были так добры ко мне. А приехать сюда... – снова щелчок ремня, вызов стюарда, жужжание камеры, – это фантастическая перемена в жизни. Все теперь по-другому.

– Чего вы ждете от этого? Собираетесь создать собственное шоу? Будете работать на телевидении, выступать на сцене? Для какой карьеры пригодится ваш талант?

Она задумалась. Слишком длинная пауза в прямом эфире, и Кори задал наводящий вопрос:

– Почему вы согласились участвовать в конкурсе? Вы смотрели шоу Джека? Были его поклонницей?

– Нет, – покачала она головой, вызвав очередной всплеск смеха в зале.

Джек в притворном смущении закрыл лицо руками.

– Вы сделали это, чтобы изменить свою жизнь, – подытожил Кори, надеясь, что на том и завершит разговор.

– Моя жизнь и так уже изменилась, – возразила она. – Мой отец умер. Дядя не позволит мне оставаться на ферме, мамы и бабушки давно уже нет. У меня не было выбора. Жизнь меняется, приходится меняться и нам. Пора жить собственной жизнью.

Ей удалось растрогать знаменитого Кори, он смотрел на нее гораздо внимательнее, даже проникновенно, – видимо, он слушал не только голоса в своем наушнике.

– Замечательно, Лирохвост! От имени всей Австралии мы желаем тебе удачи. Высокого полета!

– Идеально прошло, – обнял ее за кулисами Джек. – Видишь, как все складывается? К полуфиналу ты у нас уже профессионалом станешь.

Джек с Кертисом и всей командой отправились ужинать. Он звал с собой Лору, собирался представить ее еще кому-то, но она попросилась обратно в гостиницу. Ей нужно было выспаться, побыть в одиночестве, передохнуть. И как Джек выносит постоянное общение, все время среди людей? Ее и один такой день вычерпал до самого доньшка. И земля после суточного перелета все еще плыла под ногами, словно Лора не по суше ступала, а гребла в лодке.

Она запрыгнула в лифт – и удивилась, наткнувшись на Бьянку.

– Ты не пошла на ужин?

Бьянка прикрыла глаза и застонала:

– Удрала. С тобой так бывает: если тебе еще хоть слово скажут, ты завопишь в голос?

Лора вытаращилась на нее.

– Я не про тебя, – улыбнулась Бьянка.

– А, хорошо, – с облегчением вздохнула Лора. У них с Бьянкой только-только завязались человеческие отношения.

– Я очень устала. Не могу больше видеть людей.

Лора снова удивилась:

– Но ты так умеешь обращаться с людьми!

Хотя Бьянка держалась чуть в стороне, она каждую минуту этого дня что-то согласовывала, с кем-то связывалась, все устраивала как можно удобнее для Лоры.

– Несколько часов могу, – призналась Бьянка. – А когда они высосут из меня все силы, нужно подзарядить аккумуляторы.

Лора все так же изумленно смотрела на нее:

– Значит, я не одна такая?

– Нет, не одна, – зевнула Бьянка. – Моя мама говорит, это потому, что у меня есть дар эмпатии, я чувствую переживания других людей и быстро расходую энергию. Но это она по доброте душевной так говорит.

Лифт остановился, двери открылись.

– Думаю, я так устаю потому, что я – придира, – закончила свою мысль Бьянка.

Лора засмеялась, и Бьянка, выходя на своем этаже, улыбнулась ей.

– Доброй ночи.

Лора сидела голая на огромной гостиничной кровати. Сняла с себя до последней нитки наряд, в котором ей было велено «впорхнуть в новую жизнь». Этот наряд похож на официальную форму, но и старая одежда не казалась уместной в новой жизни. Лора нашарила в сумке завтрашнее расписание, а вместе с ним вытащила и листок, недавно врученный ей Бьянкой. Расшифровка интервью с Кори Куком.

В1: Как добрались? Вы впервые летели на самолете?

Звуки из самолета: вызов стюарда, щелчок ремня.

В2: Как прошла встреча с живым лирохвостом?

Жужжание камеры, кукабарра, сорока, птица-бич, какаду.

В3: Вы рады, что приняли участие в шоу?

– Было трудно и страшно, но все были очень добры. Это фантастическая перемена в жизни.

Она смяла бумажку, сердясь на себя. Дрессированная мартышка. Джек учил ее оттачивать свое мастерство, а ей этот совет напоминал, как бабушка точила нож для воскресного жаркого. В детстве ее пугал этот звук и выражение на лице бабушки, когда та водила лезвием по оселку, тем более что она знала, в чем подозревают Гагу.

Рядом с кроватью зазвонил телефон, и боль снова ударила в голову, ломило за глазами. С каждым днем мигрень становится все хуже. Она не стала брать трубку – наверняка StarrGaze с очередным заданием. Она не знала, не почувствовала, что это Соломон – в Ирландии наступило утро, и он спешил узнать, как она. Забравшись под одеяло, Лора накрыла голову подушкой, отгораживаясь от звонка. Хватит с нее звуков.

Она уснула, голая, в незнакомой постели, все еще слыша, как бабушка точит нож, водит и водит лезвием по железной кромке, и этот ее пристальный взгляд.

Глава двадцать шестая

Пол вращался под ногами. Снова Лоре казалось, будто она стремительно уплывает куда-то в лодке. Вчера в это самое время она была в Австралии. Вчера или позавчера? Сколько часов исчезает при перелете? Не сообразить. Сейчас вечер понедельника, настало время полуфинала, это она помнила. Репетиция была вчера. Значит, в австралийской зиме она побывала вчера, а тут уже ирландское лето. Голова кругом. Буря на море, волны раскачивают ее лодчонку. Она протянула руку, чтобы опереться о стену. Кто-то перехватил ее руку.

Глория, хореограф «Поиска звезд». Глянула гневно.

– Это декорация, – прошипела она.

Ну конечно же. Если Лора прислонится, эта псевдостена рухнет. Неужели? Разве декорации такие неустойчивые? Стена с обоями, придающая сцене вид гостиной – гостиной пожилой дамы, судя по всему. По ту сторону уже началось действие. Лора не могла толком понять, почему эта сценка вписывается именно в гостиную пожилой дамы, но она особо и не присматривалась. Разумеется, все это не взаправду, ее окружает видимость вещей с тех самых пор, как она вернулась в студию. Фальшивые стенки – лишь малая часть этой фальши, тут торчат провода, обнажаются потолки, это подбрюшье, изнанка, закулисы гламурного мира телевидения. Ей приходилось выбираться из гостиных через кухни, из ресторанов – через пожарный выход, она входила в здания с черного входа, окруженного помойкой. Проползать сквозь щели, по краям, с тыла – чтобы внезапно оказаться впереди, в центре. От нее требовали проходить сквозь тьму и являться в сиянии. И снова пол сдвинулся у нее под ногами, настигла усталость после перелета. Плотно зажмурившись, Лора сделала глубокий вдох.

– Все в порядке? – позвала ее Бьянка. Бьянке предлагали выходной, чтобы прийти в себя после поездки в Австралию, но вечером она пришла помочь, Лора была ей за это очень благодарна.

Несколько секунд до полуфинала в прямом эфире. Лору ненадолго оставили в покое, чтобы дать ей отдохнуть. Видимо, Бьянка подсказала. Можно прилечь, но голова кружится и мысли никак не утомляются, снова и снова в уме прокручивается все то, что произошло за неделю. Легче было бы в движении. Невозможно отдохнуть в крошечном помещении среди телевизионных декораций. Все вокруг – от участников конкурса до

продюсеров – дрожат от напряжения. Шоу в центре внимания, после невероятного успеха Лоры StarrGaze словно под лупой у всего мира. Аудитория стремительно растет – растет и давление: во что бы то ни стало удержать этот интерес.

Нервничая, эти люди уговаривают Лору не нервничать. Паникующие помощники продюсера велят не паниковать. Измученный телеведущий сообщил ей, что она нисколько не устала, ведь он в ее возрасте каждый день прилетал в другую страну, каждый вечер выступал в других декорациях. Лора с трудом удержалась, чтобы не напомнить ему, во что превратилась его жизнь при таком расписании. Пьянство, наркотики, развод, саморазрушение, отчаяние – потом клиника, реабилитация, долгие годы в тени, и вот наконец он снова поднялся благодаря своему реалити-шоу. Молодые люди не страдают от перелетов с Северного полюса на Южный и обратно. Разумеется. Страдания – удел лишь тех, кто платит, а не молодежи.

Уже не волны под ногами – вулкан.

Лора попыталась размеренно дышать носом. На борту самолета, едва оторвавшись от австралийской почвы, Бьянка вручила ей «сценарий» выступления в «Поиске звезд». Успех тщательно подготовленного участия Лоры в шоу Кори Кука был столь велик – снова многие миллионы просмотров, – что продюсеры надумали изменить формат ее участия в конкурсе. Они хотели чего-то предсказуемого, ожидаемого. Хотели контролировать и планировать.

– Ты будешь великолепна. Все только и ждут, – сказал ей Томми, помощник режиссера, похлопывая Лору по руке.

Лора слабо улыбнулась, сил толком отреагировать не было.

– Надеюсь, никто ничего такого не ждет. Я не готова. После перелета, смены часовых поясов...

– Ты еще слишком молода, чтобы маяться из-за смены часовых поясов, – рассмеялся он.

Интересно, они это твердят, чтобы ее подбодрить, или правда в такое верят?

Плещущая вода, весла ударяют о борт – сначала она услышала эти звуки и лишь потом поняла, что исходят они от нее. Воспоминание о лодочной прогулке с мамой и Гагой. Озеро Тахила, графство Керри, их коротенький отпуск на излете лета, когда уже нет никого вокруг. Они всегда отдыхали вне сезона. Гага ненавидела воду, она не умела плавать и оставалась сидеть на камне и вязать, пока они с мамой купались или удили, но потом помогала потрошить и готовить рыбу.

Томми следил за ней с грустной улыбкой.

– Что с вами? – удивилась она.

– Ничего. Ничего, – покачал он головой. – Мой папа был рыбаком. Иногда и я выходил с ним в море. – Он хотел сказать что-то еще, но остановился. – Вы не обязаны все это выслушивать. Наверное, люди все время обрушивают на вас свои истории. Просто я перенесся на миг в прошлое, вот и все.

Раздались аплодисменты – закончилось чье-то выступление. Сердце билось в горле, во рту пересохло, ноги дрожали. Началась рекламная пауза, зрительный зал гудел, Лоре казалось, будто ее грудь содрогается в такт этому гулу. Адреналин от пяти сотен возбужденных зрителей вливался в ее сердце и внутренности, словно по мощному электрическому проводу.

Ее окружили танцовщицы, они разминались, закидывая ноги выше ушей. Хлопали друг друга по спине, по заднице, желали удачи. Глория, хореограф, присматривала за ними – одета в черное, глаза жирно подведены, лицо, как всегда, хмурое, – ничего не упустит из виду, все оглядит, прикинет, оценит, похвалит или сделает замечание. Ей важен не только танец, но и каждое слово, каждая деталь поведения. Глория перехватила взгляд Лоры и принялась давать ей окончательные инструкции. Лора попыталась вслушаться, но лицо Глории так напряжено, так завинчено, что до Лоры донесся звук крышечки – отвинчиваемой, и вот – хлоп! – открылась.

Глория нахмурилась. Как объяснить ей это – и стоит ли?

Томми махнул рукой, призывая ее. Желудок ухнул куда-то. Все поглядели на Лору с тревогой – тут-то она поняла, что вполне правдоподобно изобразила звук рвоты. Из тех времен, когда она только училась кормиться дарами леса и порой ошибалась в грибах. Томми следил за ней, тревожно распахнув глаза, – он не был уверен, взаправду это было или очередное звукоподражание, но если и звукоподражание, то настолько убедительное, что это пугало. В прошлый раз, когда она так разнервничалась, Соломон сумел ей помочь. Ей припомнилось его теплое дыхание, касавшееся ее уха, его запах – Соломон был так близко. Он сказал ей, что она прекрасна. Само его присутствие успокаивало, всегда. Если бы он сейчас был здесь! Но она сама повернулась к нему спиной, ушла. Сама и виновата, что сегодня его нет рядом.

– Ты как? Хочешь воды?

У Томми даже зрачки расширились от ужаса. Он в панике: вот-вот выступление в прямом, на хрен, эфире, а звезда слетела с катушек.

– Все хорошо, – дрожащим голосом выговорила Лора.

Она поплелась за ним к сцене и едва поднялась на несколько ступеней, как публика разразилась аплодисментами, воплями. Лора смущенно улыбалась такой реакции, но чувствовала себя уже не столь одинокой. Помахала зрителям и заняла свое место на сцене, у белой черты, указывавшей ей, откуда начинать. Женщина в переднем ряду улыбнулась, выставляя напоказ все зубы, и подняла оба больших пальца. Лора улыбнулась в ответ. Это же просто люди. Больше людей сразу, в одном помещении, чем ей довелось узнать за всю свою жизнь. Но ведь не людей она боялась. Только собственной неуклюжести.

Томми вел обратный отсчет до конца рекламы. Одна минута. Танцовщицы разошлись на свои места, готовясь к торжественному вступлению. Наверняка все слышат, как громко бьется ее сердце. И вдруг зал взорвался смехом: Лора поняла, что она изобразила стук своего сердца – вслух.

Она оглянулась на Джека. Тот ухмыльнулся, подмигнул. Но выглядел изможденным, гримерша Хэрриет поспешно пудрила его лицо. Выглядел он так, как Лора себя чувствовала.

Она стояла посреди огромной сцены, танцоры разошлись по местам, камеры наготове. Зазвучал ее голос – в записи.

За одну неделю моя жизнь полностью изменилась. Из уединения и спокойствия в Корке – вдруг к мировой известности. Кадры: Лора идет по Графтон-стрит, вокруг нее собирается толпа. Кадры проматывались ускоренно, было похоже на старые фильмы с Харди и Лорелом. Разумеется, съемка обработана. И когда успели? Вчера? Или это было сегодня утром? И эти слова – неужели она действительно так сказала? Она хотела выразиться иначе, и ей любезно позволили, но потом попросили один раз сказать и сделать так, как они заранее написали, мол, это на всякий случай – и, разумеется, именно эту запись и пустили в ход, жестко отредактировав ее речь, с каждой фразой все ближе наезжая на ее лицо камерой, а для нагнетания «драмы» наложили фоном барабанную дробь.

– Я не хочу возвращаться к прежней своей жизни. Бум-бум-бум.

– Мой единственный шанс прославиться.

Бу-ум.

– Весь мир смотрит на меня. Бум! Бум!

– Я буду бороться за место в финале. Бум!

– Мир, жди меня, я иду! Бум-бум.

– Я – Лирохвост! Бум! Бум! Бум!

От звуков собственного голоса Лора мучительно морщилась. Пустые, выхолощенные слова. И так же пусто было в душе, когда она их

произносила. Ей не нравился встававший за этими словами образ. Никогда не нравились девицы, томящиеся в провинциальной жизни и мечтающие о той единственной минуте, когда они покажут себя всему миру. Такого вообще не бывает. Не может быть, чтобы вся жизнь зависела от одной минуты.

Вдруг вступила музыка, удары ее отдавались в груди. Вспыхнул свет. Публика завопила. Прямой эфир.

Она двинулась с места. Ступала по беговой дорожке, за ее спиной на огромный экран проецировались кадры леса, они смещались так, что казалось, будто она идет сквозь лес. Длинные светлые волосы Лоры заплели в две косички, подвязали на уровне плеч девичьими красными ленточками. Мини-платье с рукавами-буф, сине-белый фартук, в руке соломенная корзинка. То ли Дороти из «Волшебника Страны Оз», то ли Красная Шапочка. Ей было все равно в тот момент, когда она только-только спустилась по трапу самолета и ей сунули под нос этот наряд.

Белые гольфы с помпонами и красные туфли на каблуках.

Заиграла музыка, If You Go Down in the Woods Today^[2] в аранжировке для танца. Лора изобразила, как цокают высокие каблуки, и зрители засмеялись. Она пыталась заранее объяснить и Глории, и любому, кто соглашался ее выслушать, что каблуки не могут так цокать по земле, но ей отвечали: это художественная реальность. И вот Лора подходит к домику в лесу. Он сделан из сладостей. Тут откусила, там лизнула, издавая соответствующие звуки. Публика смеется. Изобразила стук в дверь. Дверь распахнулась, выскочили три поросенка, три весьма сексуального вида девицы, за ними двуногий волк. Лора заглянула внутрь, увидела красивого мужчину-медведя – танцора, обнаженного по пояс. По очереди перед ней предстают три медведя, ей следует выбрать себе партнера. Так она двигалась по сцене, создавая те звуковые эффекты, которые ей вменили, участвуя в комической пантомиме на манер Лорела и Харди, эксцентричный фарс, погони и пощечины, все звуки пока что вовремя и уместны. На постановку не пожалели сил, похоже, пошли в ход все характерные костюмы, что удалось взять напрокат.

После танца – Лора с трудом попевала за тремя сексуальными поросятами, тремя мужественно-красивыми медведями и прочими не менее сексуальными животными – она оказалась в объятиях самого мужественно-обаятельного медведя. Ее выбор. На них упал свет прожектора, вычертил сердечко.

Гость программы «Поиск звезд», судья, специально приглашенный на полуфинал, звезда сцены и экрана, основательница собственной школы

драмы Лайза Логан вскочила на ноги, неистово аплодируя, стараясь попасть в кадр, – у этой записи будут сотни миллионов просмотров, пригодится и для ее слегка пошатнувшейся карьеры. Лора ждет решения судей, остановившись в центре сцены на метке в форме большого пальца.

– Ура, Лирохвост! – заговорила взволнованно Лайза. – Я, как и все тут, ждала твоего выступления! Очень волновалась. Признаюсь, несмотря на твой замечательный талант, я все гадала, найдется ли ему применение в шоу-бизнесе. Как сделать звук зрелищным? Значимым? Но сегодня ты показала нам как. Ты должна именно в этом жанре работать, кабаре, Лас-Вегас. Молодая, талантливая, сексуальная. Ты закончила это шоу блестяще. Вааууу! – заверещала она, вскинув сжатые кулаки, и публика подхватила.

Лора удивилась столь бурному восторгу. Неужели *это* можно считать карьерой? И она в самом деле готова всерьез заниматься этим?

Пауза. Что-то скажет Джек?

– Лирохвост... – Он потер подбородок, шуршащую щетину, словно слова давались ему с трудом. – Это было ужасно.

Возмущенные крики зрителей.

– Нет, правда. – Перекрывая голосом крики и свист, он продолжал: – Это было неуклюже, неловко. По правде говоря... стыдно. Мне было стыдно за тебя. И ты чувствовала себя скованно. Ты же не умеешь танцевать.

– Нет, *не умеет*, – перебила его Лайза. – Но это же и создает комический эффект. Было очень *смешно*.

– Сомневаюсь, что она хотела выглядеть смешной. А, Лирохвост?

Они оба посмотрели на нее. Тишина.

– Я хотела, чтобы это было зрелищно, увлекательно. Надеюсь, зрителям в зале и дома у телевизоров понравилось, – улыбнулась она.

И зрители приветствовали ее криком.

– Нет, Лирохвост, думаю, твоя сила в том, что мы видели на пробах. Естественное, живое поведение. Тогда ты растрогала всех, перенесла зрителей в другое место. А это все – чепуха. Цирк.

Снова гневные крики в ответ.

– Как ты знаешь, в финал пройдет только один из сегодняшних полуфиналистов. Думаешь, ты была достаточно хороша сегодня? Мой тебе совет: если пройдешь в финал, впредь держись настоящего, того, что чувствуешь. А сегодня вышло плохо, Лирохвост. Надеюсь, публика согласится предоставить тебе еще шанс, потому что лично я не уверен, попадешь ли ты в финал.

Глава двадцать седьмая

После шоу. Лора сидит перед столом Джека. Она прошла в финал. Прошла. Но никакой радости по этому поводу не чувствует. И Джек выглядит измученным, совсем плохо выглядит без грима, уже наполовину стертого влажной салфеткой.

– Как я еще держусь на ногах? – бормочет он, яростно вытирая щеку. Размазал тушь вокруг глаз, но Лора не решается ему об этом сказать. – А ты как? – спросил он наконец ее. – Наверное, получше, чем я, ты на двадцать лет моложе.

– Тоже устала, – призналась она.

Он услышал что-то в ее голосе, уронил салфетку, присмотрелся внимательнее.

– Тяжело, да?

Она кивнула. Исчерпана до самого доньшка.

– Да, уж поверь, я через такое прошел. Побывал на твоём месте. Мне было примерно столько же, когда мой альбом вышел в топ – в пятидесяти странах. С ума сойти, – покачал он головой. – Я не понимал, что творится. Ничего не понимал...

В кабинет вошел Кертис, и Джек распрямился. Кертис поставил перед ним кофе и занял обычную свою позицию – сбоку, словно тень.

– Спасибо, дружище. – Джек отхлебнул глоток и вернулся к деловому тону, стал разбирать ее выступление, как делал это с каждым участником конкурса. Перед шоу и после они собирались вокруг Джека, используя любую возможность завладеть его вниманием. Но Лора в последние два дня так измоталась, что не пыталась проникнуть в этот круг, и ей казалось – они как птицы, которые слетаются к задней двери ресторана в надежде поживиться отбросами. Они ждали, караулили всякую мелочь, какую Джек вздумает бросить в их сторону, – комплимент, совет, намек, слегка завуалированное замечание или предостережение. Все ловили на лету, клевали-клевали-расклевывали, анализировали каждое слово, впивались, пытались насытиться, но всегда оставались голодными. Им никогда не казалось вдоволь хвалы, разбора или даже свирепой критики их таланта – из уст маэстро.

– Слушай, Лирохвост, за сегодняшнее выступление не переживай, это часть нашей профессии. У каждого случается и успех, и провал. Тебе даже полезно: пусть все видят, что ты такая же, как обычные люди, что тебе тоже

приходится нелегко. Публика пришла тебе на помощь, тебя спасли. Вот бедные Роуз и Тони – провалились. Она вздумала изображать хот-дог и в этом костюме растянулась плашмя. – Он захохотал, грудной смех выдавал старого курильщика. – Кетчуп видела?..

Но она не засмеялась вместе с ним, и Джек умолк.

– Сегодняшний сценарий написали для меня ваши помощники, пока я была в Австралии, – попыталась она объяснить. – Разучивать пришлось в самолете. И всего один день, чтобы отрепетировать танец.

Он вздохнул.

– Понимаю, на репетиции времени не хватило. Но поверь мне, поездку в Австралию нельзя было упускать. Мы спорили, как лучше сделать, но согласились, что отказываться нельзя и что ты должна принять участие в первом полуфинале, сразу после шоу Кори Кука, пока интерес публики еще не остыл. Эта поездка – уникальный шанс, любой из твоих соперников пожертвовал бы ради нее репетициями.

– Они со мной даже разговаривать не хотят.

– Ревнуют. Все понимают, Лирохвост, что ты – победительница. Ты выиграешь конкурс.

У нее от изумления отвисла челюсть.

– Джек, вы же сами сказали, что я неуклюжая. Сказали, что все было ужасно. Я не умею танцевать. Вам было неловко за меня, даже стыдно.

– Это чистая правда, – рассмеялся он. – Совершенно ужасно, на хрен.

Снова ему пришлось смеяться в одиночку.

– Да полно же! Гляди веселей.

– Я не хотела этого. Я предупреждала, что не умею танцевать. Говорила, что это уже не я. Мы сидели в этом самом кабинете, и я вам сказала: мне не нравится этот сценарий. А вы велели делать, как написано.

– Лирохвост...

– Меня зовут Лора! – Она стукнула кулаком по столу.

– Не забываетесь, юная леди! – предостерег ее Кертис. – Найдутся и поважнее вас.

– Все в порядке, – устало сказал Джек. – Это же шоу, из этого и состоит наша жизнь. Я – злой судья, посмевающий унизить всенародную любимицу. Ты же слышала, как реагировала публика? Завтра они только об этом и будут говорить и полюбят тебя пуще прежнего. Поверь мне. Именно так это и работает. Знаешь, сколько голосов набрал в прошлом году победитель финала? Шестьдесят пять тысяч. А сколько человек проголосовало сегодня за тебя, чтобы ты прошла в финал?

Она покачала головой, ненавидя себя в эту минуту за то, что ей

хотелось знать ответ.

– Триста тридцать тысяч.

Она посмотрела на обоих мужчин с удивлением, но поразило ее не то, что они говорили. Да, эти цифры ей льстили, радовали ее, ошеломляли, но было и что-то другое, более существенное.

– Для вас это всего лишь игра, – мягко произнесла она.

И пожалуй, именно мягкость тронула Джека. Она не спровоцировала в нем гнев или желание доказывать свою правоту. Лора не сердилась, она даже не успела как следует подумать, прежде чем у нее вырвались эти слова. Ее волшебный пузырь лопнул. Джек смотрел на нее оцепенев.

– Ладно, подведем итоги. – Кертис оторвался от стола, выступил чуть вперед. – Можете идти, – махнул он Лоре и повернулся к ней спиной.

– Один только вопрос, – сказала она. Внутри – пустота. – Бо. Ее планы нарушены. Я подписала контракт с вами, но с ней у меня тоже было соглашение. Еще до того. Она привела меня сюда, у меня есть перед ней обязательства. Мне не по себе, я не выполняю обещанное.

Может быть, это усталость от перелета действовала на нее так, но едва ли: Лора была уверена, почти уверена, что мыслит вполне ясно. Да, ее жизнь накренилась, многое казалось ей странным, перекошенным. После поездки в Австралию она ко многому пригляделась заново, сегодняшнее шоу напомнило ей о том, от чего она пыталась отмахнуться, и этот разговор с Джеком помог ей окончательно удостовериться: что-то пошло не так. И в чем бы ни заключалась причина ее ссоры с Бо, расставания с Соломоном, она знала теперь: первый шаг к тому, чтобы все исправить, – возобновить съемки документального фильма.

– Наши отношения со студией Бо вас не касаются, – оборвал ее Кертис. – Это деловой вопрос, им занимаются юристы.

– Юристы? – Лора в недоумении оглянулась на Джека. – Но ведь все гораздо проще. Поговорите сами с Бо.

Она почувствовала, как нарастает внутри паника. Ей-то казалось, она вышла на свободу, а она оказалась на необитаемом острове, одна.

– Мне нужно поговорить с Джеком. Наедине. Вы свободны, – произнес Кертис и переместился за спину Джека, наклонился над ним, словно собираясь говорить ему на ухо, словно он распоряжался Джеком.

Лора в ужасе следила за ним, сердце стучало оглушительно. Помешать ему, еще раз воззвать к Джеку!

Но Кертис уже заговорил так, словно ее тут и не было:

– Алан Мерфи хочет обжаловать условие, по которому ему запрещено выступать до конца конкурса. Говорит, что остался без заработка. Но так

прописано в контракте, и он его подписал. Я сказал ему, нельзя и на елку влезть, и зад не ободрать. Но учти это на случай, если он обратится напрямую к тебе.

– Господи, сейчас это самая популярная платформа в мире, а ему все мало? – возмутился Джек и швырнул на стол измятую салфетку.

Лора поднялась и медленно пошла к двери, но на пороге остановилась и сказала, обращаясь только к Джеку:

– У племянницы Алана первое причастие. Брат просил его выступить, а StarrGaze не разрешает. Никаких денег он за это не получит.

– Это правда? – спросил Джек Кертиса.

– Не вникал в подробности. Ему не положено выступать.

Джек посмотрел Лоре в глаза. Подумал.

– Так выясни в точности. Если у его племянницы первое причастие, пусть он выступит там, черт бы все побрал, Кертис!

Лора кивнула в знак благодарности. Джек не утратил человечность. Она вышла, чувствуя, как сверлит взглядом ее спину Кертис.

Вслед ей Джек громко сказал:

– Не беспокойся, Лирохвост, я поговорю с Бо. Мы все уладим. Дело зашло слишком далеко, ты права: если отдать его на откуп юристам, мы так ни до чего не договоримся.

Она почувствовала такое облегчение, что едва не взлетела, – и как на крыльях пронеслась по коридору мимо жадных глаз, наставленных на нее камер мобильных телефонов, а потом мимо вспышек, нагло бивших в тонированные окна автомобиля, рвавшихся проникнуть прямо ей в душу.

Ее била дрожь. И хотелось надеяться, что им удалось сфотографировать лишь свое отражение в темном стекле.

Глава двадцать восьмая

Весь день глаза смыкались – зато теперь не уснуть. Пока Майкл вез ее в отель, Лора с ужасом думала, что ей в очередной раз предстоит одинокая ночь, бессонница, все мучения, вызванные перелетом через множество часовых поясов, – и все же острее, до боли, ощущалось именно одиночество. Когда Соломон зашел к ней в тот вечер, когда они виделись в последний раз, он через цепочку дотронулся до ее руки и просил позвать его, если он будет ей нужен. Да, он нужен ей, нужен прямо сейчас и все время, но она не могла заставить себя взять трубку, позвонить ему, снова внести хаос в его жизнь. От самой себя Лора не скрывала: договариваясь с Джеком о том, чтобы возобновить съемки, она не только о Бо хлопотала, она подстраивала новую встречу с Соломоном. Она рассталась с ними обоими, чтобы никогда больше не влезать в их жизнь, не портить их отношения. Желание видеть Соломона – эгоистично, а она еще и Джека подсылает, перекладывает на него грязную работу. Чем больше она общается с людьми, тем явственнее становятся изъяны ее характера. Пока она жила одна, была и доброй, и щедрой, и оптимистичной. А стоило выйти в мир – и проявились иные стороны ее характера, которые ей вовсе не нравятся. Она была о себе лучшего мнения.

Лора с трудом пробилась через группу фотографов у входа в гостиницу, остановилась подписать фотографии для кучки поклонников, дежуривших там весь день, восхвалявших и нынешнее провальное выступление. На стойке администрации она забрала ключи.

– Вас ждет в баре знакомый, – предупредила администратор. – Мистер Фаллон.

Соломон! Сердце так и подпрыгнуло.

– Спасибо, – улыбнулась она.

Пробежала через вестибюль в бар, покружила там в поисках черноволосого Соломона, высматривая знакомый высоко подвязанный хвост. Нигде не видно. В растерянности она двинулась к выходу. Чьи-то руки обхватили ее сзади за талию.

– Привет! Узнаешь?

Рори.

Лора повторила звук выстрела. Шорох падения. Плач умирающего зайца.

– Ну да. – Рори уставился себе под ноги, смущенно почесал в

затылке. – Про то и хотел поговорить. Приехал извиниться.

Он и правда смотрел виновато, смущенно.

– Посидишь со мной? Я тут знаю неплохое местечко.

Они отправились в «Маллиганс», сумрачный паб, сели напротив друг друга за столик, как можно дальше от других посетителей. Пришлось выбирать самый укромный уголок, потому что, едва они вошли, все уставились на Лору. Все ее узнавали, и молодые и старые, а если и не узнавали в лицо, то слышали ее имя, знали про ее талант. Бармен тут же предложил им первый стакан за счет заведения – Рори взял «Гиннесс», Лора – воду. И Рори не позволил себе ехидничать по поводу ее трезвенности, он уже столько ошибок наделал, что теперь старался не допустить больше ни единого промаха. Сначала он зашел к Соломону, хотел извиниться за безобразие на стрельбище – уже большое дело для него, Рори не любил признавать свою вину, особенно перед старшим братом. Затем он хотел поговорить с Лорой, но Соломон сказал, ничего не выйдет. И тут Рори снова обозлился: братец придерживает девушку для себя, а ведь у него уже есть подружка, так нет же, он ведет себя так, словно и это чудо принадлежит ему. Всегда таким был. Ничем не хотел с Рори делиться, что его, то его, и точка. У них не очень-то складывались отношения, всегда чувствовалась какая-то натянутость, не выходило болтать легко и беззаботно, как со старшими. Старшие братья понимали Рори, часто смеялись над его выходками и, даже если не смеялись, все-таки понимали. Соломон – нет. Сразу же обижался. Всегда строго судил.

Он ведь и сам был не рад, что так вышло. Задним числом он прекрасно понимал, какую жестокую глупость совершил, но в тот момент ему так хотелось привлечь внимание девушки, что он забыл о последствиях – об опасности для других стрелков, о том, что она может счесть его психом. И ладно бы он налажал там, где его не видел никто из близких, но на глазах у братьев, отца, Лоры...

Разумеется, Соломон не принял извинения, пнул лежачего, и Рори догадывался, что брат ни словечка не передаст от него Лоре. Но он видел ее выступление, слышал, как все только о ней и говорят, и решил прийти повидаться. Найти ее было несложно, эту гостиницу упоминали чуть ли не в каждой газете, а раз она переселилась в гостиницу, у него появился шанс повидаться с ней, когда Соломона не будет поблизости.

Теперь он сидел за столиком и присматривался к Лоре. Необычная девушка – и при этом очень красивая. Экзотическая пришелица с гор графства Корк. Что же там вышло у них в квартире, почему она съехала от Соломона и Бо? Впрочем, где брату убыток, там ему прибыль. Так у них с

детства повелось.

Прежде всего он извинился. Нет, вполне искренне – он из кожи вон лез, стараясь показать, как сильно сожалеет о своей глупости. Глазки раскрыть пошире, не впервой ему проделывать этот трюк. Девчонки от этого балдеют.

Лора сидела напротив Рори и чувствовала, как плывет голова. Она выпила два бокала белого вина и прислушивалась к непривычной реакции. Ей понравилось, можно бы выпить и еще. Ушло смятение, ушла и мигрень, которая чуть ли не каждый вечер настигала ее после того выстрела в Голуэе, пульсировала позади глаз. С тех пор мигрень словно и не прерывалась, лишь обострялась от стресса. Вот и правильно, что мигрень исцелилась именно сейчас: Рори был ее виновником, Рори и помог избавиться от мигрени. Или вино помогло? Так или иначе, он к этому руку приложил. И такой забавник, она смеялась без умолку, стоило ему раскрыть рот. Лора всем сердцем поверила, что Рори сожалеет о своем поступке, хотя, вероятно, немного преувеличивает, расписывая угрызения своей совести. Строит такие же гримасы, как тот флиртовавший со всеми подряд фотограф, от этого взгляд смягчается. Все это понарошку, но парни почему-то думают, что эти приемы должны сработать. И с чего ему так уж каяться? Она ему не судья. То происшествие сильно ее расстроило, но она же не вправе ставить другим людям оценки. Так она ему и сказала.

Рори оказался похож на своего отца. Он пустился рассказывать озорные истории о себе, о своих братьях, как они в ранней юности тайком удирали из дома по ночам. Похоже, главным занятием его жизни было доставать братьев, и об этом он рассказывал увлеченно и жизнерадостно. Лора слушала с удовольствием, особенно истории о Соломоне, хотела знать, каким он был в юности. Но, почувствовав, как закрывается Рори от слишком частых вопросов о Соломоне, она постаралась сдержать свое любопытство, откинулась на спинку стула и стала терпеливо слушать, с надеждой дожидаясь, пока вновь не всплывут волновавшие ее подробности. И старалась не дергаться при упоминании бывших подружек Соломона, не выдавать свой жгучий интерес. В итоге она получила такую информацию: все подружки Соломона были странные, на грани. Та, с которой он встречался несколько лет, поступила в университет искусств, и всей семье пришлось смотреть ее выставку «на ногах». Буквально на ее волосатых ногах с желтыми ногтями. Тут он расхохотался, и Лора осталась в недоумении, выдумал он эту подробность или не совсем.

– Как ты думаешь, почему он выбирал именно их? – спросила она, прикидываясь, насколько могла, равнодушной.

– Потому что сам он зануда, – ответил он. Жестко ответил.

Но ей почему-то казалось, будто общение с Рори приближает ее к Соломону. Во-первых, братья были похожи внешне. Рори коротко стриг волосы и ростом был пониже, черты лица еще не определились, и все же – уменьшенная копия Соломона. Лицо еще инфантильное, а Соломон сильнее, резче и во всем выразительнее – и в движении, и в осанке и позе, и, конечно, особенно выразительны его глаза. Рори сидит как придется, его поза ничего не означает, его взгляд редко останавливается на собеседнице, мечется во все стороны. И пусть его глаза сверкают, игриво блестят, выдавая внутренний жар и склонность к озорству, но сосредоточиться он ни на чем не умеет. Болтать с ним интересно, что правда, то правда. Болтая, он все время смотрит куда-то еще, потому что главным образом рассуждает как раз о людях, которые сидят за соседними столиками. Разговаривает на разные лады, якобы изображая вон ту парочку. Сочинил за них диалог и довел Лору до колик – пришлось попросить передышку.

Он плотник, Лоре представлялось нечто романтическое – мебель по собственной выдумке, вроде того подарка, что его отец сделал Мари, но нет, ничего подобного, говорит он.

– Ходишь по стройкам и по всяким офисам, делаешь что велено, лямку тянешь, – скучливо рассуждает он. – Честно говоря, – он подался вперед, округлил глаза, собираясь поведать страшную тайну, – ненавижу эту работу. Они этого не понимают. Папе сказать не могу, это разобьет ему сердце. Только я из всех и пошел по его стопам. Все разбежались, меня оставили в гнезде. – Он улыбнулся, но глаза не участвовали в улыбке.

Вот сейчас, пожалуй, впервые с той минуты, как они сели за столик, он совершенно откровенен – Лора это видела и готова была посочувствовать. При всей его самоуверенности, стремлении обаять – растерянный мальчик.

Он прикончил четвертую бутылку пива. Ему не сиделось. Она бы охотно побыла тут еще, так уютно стало после двух бокалов вина, но Рори ерзал на стуле, и это ее напрягало.

– Прости, Рори, я бы купила тебе выпивку, но у меня нет денег.

Он вроде бы удивился.

– Даже на автобус, если б мне было куда поехать. Ничего нет, – сказала она и впервые сама поняла, как это ее пугает. – В коттедже я могла, по крайней мере, жить с земли. Собирать травы, грибы и выращивать фрукты и овощи. У меня был полный шкаф солений, сушеных фруктов, достаточно припасов, чтобы продержаться зимой. Я бы справилась даже без покупок Тома, если понадобилось бы, но здесь, в городе, я совершенно беспомощна.

Вот насмешка судьбы: попасть в столицу, где со всех сторон тебя окружает все, о чем только можно мечтать, – и ничто из этого не доступно.

У Рори вдруг вспыхнули глаза.

– Вот тут-то ты ошибаешься, дорогая моя Птица-лира. Ты же мировая знаменитость.

Она попыталась отмахнуться от этой нелепости, засмеялась, но он был непреклонен.

– Сейчас научу тебя, как «жить с земли» на городской лад.

Урок включал поход в эксклюзивный клуб, где на входе брали двадцать евро, а их пропустили бесплатно, потому что Рори вместо пропуска предъявил охранникам Лирохвоста. В клубе он нашел с кем познакомиться, чтобы их пригласили за стол и купили им напитки.

В полночь Лора, стоя и болтая с очередным знакомцем, пошатнулась. Он протянул руку, подхватил ее и продолжал свою речь, словно ничего и не случилось, – но руку уже не убирал. И вдруг пузырь счастья, в котором она пребывала, лопнул. Извинившись, она вывернулась из-под мужской руки, двинулась к туалету, земля снова плыла под ногами. А вокруг словно нарастала громкость каждого звука, музыка отдавалась в висках и в груди, люди толкали ее, все время оказывались ближе, чем думалось. Ей вдруг стало тесно, не хватало воздуха, а ведь прежде она чувствовала себя прекрасно. В туалете уже не так гремела музыка, только в груди по-прежнему бумкало. Уши заложило, как в самолете. До кабинки нужно выстоять длинную очередь. И на все она смотрела словно издали, хотя вот же она стоит. Но и как будто стоит позади себя в очереди и смотрит. Все двигались быстро, она только успевала подмечать детали. Чьи-то туфли, ботинки по щиколотку, рыжая кожа, мокрый пол, раковины, промокшие салфетки. У нее за спиной взревела сушилка для рук, Лора подпрыгнула, зажала уши, глянула себе под ноги – увидела собственную обувь в пятнах спиртного, разводах от пива и вина и как бы не от чего-то похуже. Она прикрыла глаза. Сушилка замолкла. Она отняла руки от ушей, подняла взгляд. Девушка впереди обернулась, смотрела на нее, узнала. Хочет что-то сказать? Девушка заговорила, но в этот момент вновь затарахтела сушилка, и Лора снова заткнула уши.

– Сучка тупая, – прочла она по губам девушки.

Идет непрерывный поток людей, двери открываются, закрываются, цокают высокие каблуки, оскальзываются на плитке, хлопают двери. И все взгляды устремлены теперь на Лору. Множество широко раскрытых глаз. Земля колеблется под ногами. Надо за что-то схватиться, не то упадешь. Только не за девушку впереди, с кожей цвета красного дерева, с большими

сиськами под топом, выставляющим все напоказ. В пупке серьга с бирюзой. Губы обведены карандашом, но помады нет. На кого, на что опереться? На раковину? Тоже не пробиться, там своя очередь, женщины поправляют макияж, у каждой в руке телефон, нацелены на нее. Спят вспышки. Никто не поможет. Звать на помощь? Наверное, надо звать. Они смотрят на нее сквозь камеры мобильных, как будто она не настоящая, не из плоти и крови, живой человек перед ними. Как будто видят ее на экране телевизора.

Дома, с мамой и Гагой, Лора видела многих людей по телевизору. И там, и в коттедже читала о них в книгах и журналах. Порой ее охватывало желание видеть реальных людей, дотрагиваться до них. В этом новом мире люди имеют такую привилегию – видеть и трогать живых людей, – а предпочитают смотреть друг на друга сквозь камеру.

Она слышала, как хлопают двери, сливается вода из бачка, щелкают и цокают каблуки. Девушки вокруг хохотали, запрокинув головы, – громкий, неприятный смех. Неужели эти звуки вырвались из ее рта? Она не знала, у нее кружилась голова. Здесь и не здесь. Прижала руку ко лбу. Ей нужна помощь. Она потянулась к девушке цвета красного дерева, увидела у нее на запястье татуировку, черную змею, спиралью вверх к локтю. Зашипела, признавая правдоподобность рисунка, и рухнула на девушку – та с силой ее отпихнула. Несколько девиц подскочили к ним, заорали:

– Драка!

Лора совсем растерялась, она вовсе не собиралась драться, главное было не упасть.

И вдруг кто-то схватил ее сзади, потащил прочь. Она не хотела драться, а девушки смеялись, задирали телефоны, фотографировали, снимали на камеры. Ее вывели из туалета, куда-то по коридору ее тащил человек, незнакомый мужчина, она вдруг осознала это и запаниковала. Стала отбиваться. Почему девушки смеялись, почему никто не защитил ее? Никто не помог?

К ее рту кто-то поднес стакан. Тот же незнакомый мужчина. Велел пить, но она не хотела. И никого больше поблизости, а музыка такая громкая, что она не разбирала слов этого мужчины. Что-то о людях, пьянстве, наркотиках. Он совал ей в лицо стакан, крепко удерживая ее рукой. Нет, она не хотела это пить. Вышибла стакан из его руки, осколки на полу. Гнев на его лице. Ничего не поймешь. Мужчина повел ее по коридору дальше, она пыталась оглядеться, все расплывалось, ни на чем не удавалось задержать взгляд. Не видела толком, не слышала, не могла думать. Ей нужен Соломон, очень нужен, только он, больше ни о ком не могла думать.

И вдруг она оказалась на улице, за дверью клуба, сердитый человек отпустил ее. Ушел и вернулся с ее пальто, она поняла – он не пытался похитить ее или отравить наркотиками. Это охранник. Она замерзла, закуталась в пальто.

– Извините, – сказала она тихо, но его не интересовали извинения. Он велел ей ждать тут и снова ушел внутрь.

Вернулся он вместе с Рори, который поспешно надевал куртку. Сначала он недоумевал, но, увидев ее, расплылся в улыбке:

– Что ты натворила? С чего меня вдруг потащили?

У Лоры кружилась голова, надо бы поскорее отсюда убраться. Она повернулась – и увидела толпу, жаждущую проникнуть в клуб. Попыталась обойти стороной, пропустить их, но люди стояли стеной. У всех камеры, все фотографировали ее. А она не видела, куда ступает, ничего толком не видела из-за вспышек. Споткнулась и упала. Не больно, но встать сразу не смогла. Рори подскочил, сунул руки ей под мышки. Она слышала, как он хохочет, поднимая ее.

Разве это смешно? А он заливается.

Она попыталась сделать шаг, другой, но ее куда-то повело. Все еще посмеиваясь, Рори подхватил ее под руку.

Как же все плохо! Они оказались в проулке, отсюда не было видно выхода на улицу, и Лора поддалась панике, клаустрофобии. В этом городе ступить некуда. Столько людей! Ее замутило.

– Нет, не сюда, – остановил ее Рори. Перестал смеяться. – Лора! – мрачно, предостерегающе сказал он. Вокруг папарацци.

Лора выskalзывала из его рук, ее тело и ноги превратились в желе. Она выше ростом, ему трудно было удерживать ее.

– С дороги! – заорал Рори на фотографов.

Они выбрались на улицу, но там тоже было полно народу, всем любопытно, что стряслось, какая знаменитость в таком виде покидает ночной клуб.

– Лирохвост, Лирохвост, – несло из всех уст. Словно ветер шуршит листьями у нее на горе. Но ведь она не там, она здесь, ей тычут в лицо телефонами. Протягивают блокноты и ручки, просят автограф.

Какие-то парни принялись куковать, и этот звук преследовал ее, пока они продвигались к мостовой. Рори дотащил ее до такси, их несколько стояло у обочины. Лора рухнула на заднее сиденье, запрокинула голову, закрыла глаза. В окно тыкались камеры, ее все еще фотографировали. Закрыв глаза, Лора делала глубокие вдохи. Главное – чтоб не вырвало. Очень уж кружилась голова.

– Куда? – спросил водитель встревоженно: его машину окружили фотографы.

– К Соломону, – не открывая глаз, не поднимая головы, ответила Лора. Камеры дребезжали об оконное стекло.

– Так где это? – еще более нервно переспросил таксист. – Бампер поцарапаете! – заорал он на папарацци. Они так навалились на машину, что он, не выдержав, вышел и принялся их отгонять. Но пока таксист пререкался, камеры продолжали снимать Лору, почти в отключке, на заднем сиденье.

– Черт! – сказал Рори. Толку сидеть тут, без водителя, на осадном положении. – Черт, черт!

– Соломон! – сонно повторила она.

– Ну нет, не к Соломону. Ладно, Лора, меняем планы. – Он потряс ее, чтобы разбудить. Вышел из машины, обошел ее, открыл дверцу и вытащил Лору. Попытался удержать ее на ногах, но усталость и опьянение давно вступили в свои права. Фотографы прекратили препираться с водителем и погнались за Рори и Лорой.

– Эй! Вы куда? – завопил таксист.

– Не собираюсь торчать тут, пока вы не напоритесь! – столь же громко ответил ему Рори.

– Все из-за вас, кем вы только себя возомнили? – Таксист извергал им вслед ругательства, глядя, как Рори чуть ли не на руках уносит Лору прочь. Остальные такси тем временем разъехались. – Из-за вас я потерял клиентов!

Другое такси резко затормозило перед ними. Огонек не горел. Внутри уже сидели пассажиры. Дверца распахнулась:

– Залезайте.

Рори глянул, узнал двоих из клуба. Устроил Лору на переднем сиденье, постарался натянуть пониже платье, высоко задравшееся на длинных изящных ногах. Шотландская клетка, а под ней черные мартенсы, высокие носки – для прогулок. Сам кое-как втиснулся сзади между двумя мужчинами.

– Куда ехать? – спросил один из них. Вроде бы его звали Ниал и он занимался недвижимостью? Или нет? Встречались ли они вообще в клубе?

– Куда подальше, – ответил Рори, заслоняя лицо от камер.

Те оба засмеялись. И такси куда-то поехало.

Глава двадцать девятая

Лора проснулась в темноте. Все болело – голова, горло, глаза. Откуда-то доносилось жужжание – знакомый звук вибрирующего телефона, – и Лора подумала о Соломоне. Оглядевшись по сторонам, она увидела, как что-то мерцает – телефон вибрировал в кроссовке. Пискнул в последний раз, и раздался тот характерный звук, когда разряжается батарея, – предсмертный. Экран погас. словно еще одна смерть у нее на глазах. Тупая головная боль, зародившаяся в Голуэе и усилившаяся в Дублине, исчезла после первых двух бокалов вина – а теперь вернулась в сто раз злее. Тяжело даже поднять голову, земное притяжение усилилось, не дает привстать. В страхе Лора поняла, что не знает, куда попала. И все-таки заставила себя сесть. На диване, почти вплотную к двуспальной кровати. На кровати кто-то лежал поверх одеяла, и обрисовывалась накрытая фигура.

Воняло блевотиной. Запах шел от ее собственных волос, от одежды, и мгновенно вспомнилось, словно очередная вспышка мелькнула перед глазами, как она низко склоняется головой в унитаз, грязный, в нем полно дерьма. Кто-то придерживает ее волосы, чтобы не запачкались. Вокруг смеются, много девчонок, кто-то говорит: «Ш-ш, все обойдется, вот увидишь». Ласковый голос. Женский. Дальше она припомнила Рори, ночной клуб, мужчину, который схватил ее. Вывел за дверь. Потом вспышки камер, такси, другое такси, и ей стало дурно.

Но что это за место? Она не знала. Не помнила, как добралась сюда, как попала в эту комнату, с кем. Поглядела на конверсы, на затихший телефон – телефон принадлежал Рори. Значит, он где-то здесь. Возможно, он-то как раз и лежит на кровати. Доставил ее сюда. Она не вправе винить его за случившееся ночью, винить надо только себя. Ей двадцать шесть лет, могла бы и соображать. Ей так стыдно, что она утратила контроль над собой, стыдно за свою безответственность, за то, что предстала перед людьми в подобном виде. Так стыдно, что она не смеет разбудить Рори. Обувь так и осталась у нее на ногах, без пальто можно обойтись. Лишь бы выбраться отсюда.

Она встала, выпрямилась, преодолевая головокружение. Подождала, пока пройдет дурнота, делала глубокие вдохи, но как можно тише, чтобы не разбудить спящих. В комнате было жарко и душно. Пахло спиртным и потом, ее чуть снова не вывернуло наизнанку. Перешагивая через обувь и

бутылки, она споткнулась, но успела упереться в стену – стукнула при этом в стену и услышала, как за спиной кто-то зашевелился, кажется, проснулся в тревоге. Оглядываться она не стала, шагала дальше – скорее выбраться отсюда, пока никто не спохватился.

Вышла из комнаты в коридор. Увидела впереди дверь, которая должна была вывести ее в подъезд. Рядом дверь в ванную. Еще надо было пройти через гостиную, объединенную с кухней. Там тоже были разбросаны – на полу и на диванах – спящие тела, на одном диване лениво обжималась парочка, рука мужчины проникла под блузку девушки, девушка слегка постанывала.

Лоре вспомнилось, как Соломон и Бо занимались любовью в гостинице, и невольно она повторила тот звук – выдала себя. Парочка прекратила целоваться, оба подняли головы.

– Что это было? – спросила девушка.

– Птица, – ответил парень.

– Лирохвост, – хихикая, уточнила девушка.

– Типа того. Эй, привет, – сказал он, и Лора вроде бы его узнала. Видела его в клубе. К ней он был добр, порывался угостить, отпихнул парня, который случайно толкнул ее, проходя. Почему-то бармен принимал у него заказ быстрее, чем у других. А что этот парень шептал ей на ухо? Целовал ее в ухо? В шею? Это он крепко ухватил ее за руку, когда она споткнулась по пути в туалет. – Я Гэри. Актер. Сегодня у нас была премьера на фестивале, – напомнил он.

Точно. На нее тогда это произвело впечатление: впервые в жизни она познакомилась с актером. Правда, как выяснилось, непрофессиональным.

– Гэри, засранец! – воскликнула девушка, стукнула его и вскочила с дивана так поспешно, что еще и коленом ему наподдала. Парень застонал. – Ты актером назвался? Леонардо, на хрен, Ди Каприо?

– Всего лишь шутка, охлони, беби.

– Не смей называть меня беби! – Она снова отпустила ему звонкую затрещину, потревожив спящих.

Знакомый голос. Лора присмотрелась к девушке, соображая, где ее накануне видела. Вспомнила: в туалете, головой в унитаз, стараясь не смотреть на засохшее дерьмо, – и тут-то она услышала смех, голос этой девушки, приподняла голову между спазмами и увидела телефон в ее руке, нацеленную камеру.

– Нет! – сказала она, пытаясь прикрыть лицо.

– Прекрати, Лайза, – чей-то голос из-за двери.

– Выложу в Facebook, – заявила девица, покидая ванную. – Лирохвост,

дерьмохвост, – дразнилась она.

Кажется, Лора повторила все это вслух.

– Ты выложила в Facebook фотографии, как ее полощет? – возмутился Гэри. – И смеешь мне еще что-то говорить?

– Ты как? – выглянула голова из кухни. – Налить тебе чашечку чая?

Голову эту Лора в лицо не узнала, зато сразу узнала голос: тот, что шептал ей на ухо: «Ш-ш, все обойдется». И это она тоже повторила вслух. Девушка улыбнулась. У нее было приветливое лицо, приятно посмотреть. И чашка чая в руке.

Но Лора, покачав головой, двинулась к двери. Ей бы следовало сначала зайти в ванную и умыться, но она понимала, что нужно спешить, пока не проснулся Рори. Невыносимо обсуждать с ним, что произошло ночью.

Она понятия не имела, где она, где ее вещи. Очутилась в какой-то квартире неизвестно где. Вышла, как оказалось, не к лифту, а на лестницу, пробежала пять этажей вниз. Ей мнилось, будто ее кто-то преследует, но она не смела остановиться и даже посмотреть назад – настигнут. Словно дурной сон наяву. Она сама и разыгрывала этот сон наяву, всему виной чересчур живое воображение. Неслась вниз, на ходу цепляясь за перила, то металл, то впивавшиеся в ладонь занозы старой краски. Ей казалось, будто она вечность спускается по этой лестнице, нет конца ступенькам, – но вот и первый этаж. Миновала ряды серых почтовых ящиков с номерами квартир, ни одной фамилии – впрочем, а что бы ей сказали фамилии? Выскочила на улицу в надежде увидеть хоть что-то знакомое, места, где успела побывать вместе с Соломоном, Бо или Рейчел, но – ничего узнаваемого. Напротив – такое же здание, как и то, из которого она выбежала, по бокам, всюду вокруг – его близнецы.

Громкий звонок трамвая напугал ее, она едва успела отскочить с рельсов на обочину. Водитель обругал ее, проезжая.

Слегка успокоившись, Лора огляделась по сторонам и решила идти налево, куда проехал трамвай – ведь он куда-то же вез людей. Лучше идти куда-то, чем оставаться одной в неизвестности. Так она действовала с тех пор, как в ее жизнь вторглись Бо и Соломон. Следуй за ними, они куда-то движутся, лучше куда-то, чем никуда. На ходу она вспоминала звонок трамвая, от которого у нее чуть сердце не разорвалось. Видимо, она воспроизводила этот звук, сама того не замечая, – но слышала его, словно мелодию, от которой невозможно отделаться. И люди, проходившие мимо, вздрагивали, отскакивали в сторону, кто-то смеялся.

А может быть, она вовсе не подражала трамваю, это ее вид так шокировал прохожих, ее запах. Блевотина в волосах, засохшая блевотина

на обуви – только теперь заметила. Выглядит омерзительно, пахнет еще хуже. Она попыталась стянуть волосы в узел, хоть немного привести себя в порядок, тем более что кто-то рядом уже вытягивал из сумки телефон. И словно лавина – как будто если один человек вздумал ее снимать, это и другим дало возможность, право делать то же.

Она почувствовала, как долбит в грудь вчерашняя музыка, кричат рядом люди, слышала звон бьющегося стекла, еще какие-то глухие звуки – все сливалось в шумную и страшную какофонию. Она прижала руки к ушам, отгораживаясь. И как таращились на нее, фотографировали, вспышки камер – работали фотоаппараты. Теперь она вспомнила: фотоаппараты!

О боже, ее фотографии появятся в газетах, все увидят! Неужели такую гадость опубликуют? Она представила себе, как Соломон разворачивает утреннюю газету. Если там он увидит ее в таком виде, она никогда больше не сможет посмотреть ему в глаза. Сгорит со стыда.

Она услышала, как шуршит его газета, пока Бо щелкает на телефоне: Бо главное увидеть все на экране, а Соломону – потрогать. Шорох, щелчки, упреждающий звонок трамвая, бьющееся стекло. Рассерженный таксист, который орал на нее. Грубая мужская рука, схватившая ее под локоть. Теперь она вспомнила. В такси ее вырвало, и таксист вышвырнул ее вон. Она упала на колени на обочине, ее снова рвало. Парни смеялись. Рядом остановились синие конверсы, блевотина попала на их белый ободок. Снова смех. Чья-то рука коснулась ее лба, потом обвилась вокруг талии. Стоять на ногах Лора не могла, ее волокли куда-то, девушка спрашивала хозяина этой руки, что это он надумал. Голос Рори: велит этому мужчине отойти прочь. Что он хотел с ней сделать? Щеки Лоры пылали от стыда: как она позволила, как допустила, чтобы с ней все это случилось?

А потом ванная. Унитаз. Пятна дерьма в нем. Потом теплое одеяло. стакан воды. Смех и музыка за стеной.

Она прижала руки к ушам и опустилась на землю, прячась от камер. Мама и бабушка были правы, ее следовало навсегда спрятать от мира, она к нему не приспособлена. А теперь ей некуда бежать. Если б они могли укрыть ее сейчас!

Но, когда она подумала о маме и Гаге, шум в ушах немного стих. Мысли чуть прояснились, а когда мысли успокоились, она словно со стороны услышала себя – скулеж, плач, до задыхания и икоты. Она сидела на земле, вокруг собиралась толпа. Кое-кому еще хватало вежливости не смотреть на Лору в упор, но и эти люди подходили поближе. Она подняла глаза и увидела, кто стоит совсем рядом. Полицейский. Женщина-полицейский. Мама и Гага не велили им доверять. Но эта с виду добрая.

Встревоженная. Наклонилась, заглянула ей в лицо и улыбнулась ободряюще:

– Пойдете со мной?

Она протянула руку, и Лора ухватилась за нее. А что ей оставалось делать? Лучше идти куда-то, чем никуда.

Глава тридцатая

Лора сидела в углу полицейского участка, завернувшись в плед. В руках у нее – чашка горячего чая. Помогает прийти в себя. Она ждала, пока кто-нибудь за ней приедет. Но не стала называть имени Бо или Соломона: не хотела, чтобы они увидели ее в таком состоянии, узнали, что с ней произошло. Ее гордость пострадала. Хотела доказать свою самостоятельность – и вот что из этого вышло.

Полицейские занимались своими делами. Ставили печати в паспорта и водительские удостоверения, заверяли другие документы. Много бумажной работы. Вот из чего в основном состоят охрана закона и поддержание порядка. Она чувствовала себя в полной безопасности. Раньше ей представлялось: в полицейский участок все время приволакивают каких-то страшных грабителей. Но ничего подобного. Мама и Гага до смерти боялись полиции, а тут ничего плохого, тут мирно. Лора подумала о бабушке и маме и услышала, как ходит по оселку, затачиваясь, нож. Не слишком уместный звук для полицейского участка. Сразу несколько голов повернулись в ее сторону. Может быть, потому-то она и поступила так – потому что не следовало. Нервы сдали или хотелось взбунтоваться, обратить на себя внимание? Сколько раз Бо задавала ей подобный вопрос – наедине. И теперь Лора задумалась над ответом, задумалась так, как никогда прежде – раньше она не пыталась разобраться в себе. Не очень-то понимала, что побуждает ее производить тот или иной звук. Во всяком случае, не всегда понимала – случалось и так, что смысл звуков был очевиден. Но вот это – «точить нож» в полицейском участке – просто глупо. Другое дело, если бы она сидела на горе, читала книгу, рядом строила бы гнездо малиновка. Там было естественно присоединиться к хору птиц.

– Малиновка! – сказал вдруг сидевший поблизости полицейский. – Узнаю!

– Ты разбираешься в птицах, Дерек?

– У нас они поселились на заднем дворе. – Полицейский развернулся лицом к коллеге. – Папаша довольно-таки свиреп.

– Они охраняют свою территорию, – подтвердила из своего угла Лора.

– Вот именно. – Полицейский уронил ручку на стол. – Малиновки и нашей собаке трепку могут задать. Лютик до смерти их боится.

– Лютик всех боится, – проворчал другой полицейский, листая бумаги. – С таким-то имечком.

Общий хохот.

Этот смех пробудил в Лоре еще одно воспоминание. Снова слышалась музыка, грохот ночного клуба.

Сучка тупая! Та девушка подумала, что Лора заткнула уши, не желая с ней разговаривать, – а на самом деле ее напугал грохот фена для рук. Девушка неправильно поняла.

Мизофония. Бо однажды попыталась ей объяснить. Неприязнь к конкретным звукам, у человека с мизофонией эти звуки – триггеры – вызывают стресс, гнев, недовольство и даже, в острых случаях, неукротимый гнев. Тогда Лоре показалось, что к ней это не имеет отношения, но вдруг Бо права? Она постаралась мысленно восстановить ту сцену.

Девушки смеялись в туалете. Снимали ее на камеры мобильных. Мужская рука вокруг талии, ее куда-то ведут, успокоительное «ш-ш» прямо в ухо. Другая, добрая девушка шептала ей «ш-ш», гладила по спине, убирала волосы с лица, чтобы не испачкались.

Нет, сказала себе Лора. Не было неадекватной реакции. Она всего лишь попыталась заткнуть уши.

Повышенная чувствительность к звукам, предположила Бо в другой раз.

Тот полицейский, с семейством малиновок на заднем дворе, подкатил ближе свое кресло на колесиках, посмотрел на нее ласково и озабоченно.

– Если прошлой ночью что-то случилось, расскажите об этом нам.

Она сглотнула. Справилась с дрожью и покачала головой.

Явился на дежурство еще один полицейский и бросил на стол газету. На первой странице – фотография Лоры. Заголовок: «УПИВШАЯСЯ ПТИЦА». Она запаниковала. И тот полицейский растерялся, не ожидал, что наткнется в участке на Лирохвоста. Женщина в форме, которая привела сюда Лору, убрала газету и попыталась успокоить девушку. Но Лора почти не разбирала слов, заглушая их ревом самолета, рычанием Мосси, а вот и летучие мыши хлопают крыльями в ночи, воют сирены, жужжит камера, лирохвост натывается на прутья клетки, щелкает ремень безопасности, сливается вода в туалете, цокают по кафелю каблуки, включился фен для рук. Все перемешалось в ее голове.

Пусть полицейские и были поначалу добры, ей следовало понимать, что ее не оставят надолго в покое. Вот уже и пресса прознала, где она. Журналисты собрались у двери, поджидают ее. Приехали Бьянка и Майкл. Майкл остался снаружи, расчищал путь от дверей до автомобиля с тонированными стеклами. Поскольку Лора не желала звонить ни Соломону,

ни Бо, оставалась только Бьянка.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила встревоженно Бьянка, завидев Лору.

Лора заскулила. Так стонал перед смертью Мосси, так плакал подстреленный заяц.

– Тяжелая выдалась ночь, – сказала добрая женщина-полицейский. – Пусть отдохнет.

– Девушка будет подавать жалобу? У нас проблемы? – спросила Бьянка.

– К нам никто с жалобами не обращался, – ответила представительница полиции.

Бьянка обернулась к Лоре:

– Девушка из туалета в ночном клубе утверждает, что ты ее толкнула, напала на нее. Кертису нужно знать, как обстоит дело. Придется сделать заявление для прессы.

Лора постаралась собраться с мыслями:

– Я никого не толкала. У меня закружилась голова, я пыталась ухватиться за того, кто стоял рядом. Мне нужна была помощь. У меня будут неприятности?

– Нет, – сердито ответила полицейская. – Никаких жалоб не поступало. Доверять надо нам, а не газетам. Надеюсь, вы отвезете ее в надежное место?

Лора не могла больше сдержаться. Звуки нахлынули сами собой – в растерянности, смятении она переживала заново все случившееся, пытаясь справиться с ним.

Бьянка смотрела на нее чуть ли не с испугом. Она уже много раз слышала ее звуки, но никогда не видела Лору в таком состоянии. Это было похоже на сухие рыдания, на икоту после долгого плача.

– Лора, ты... ты в порядке? – спросила она.

То есть сами по себе эти звуки для нее – норма?

– Да, но... – Бьянка в самом деле испугалась за нее.

– Все в порядке, – сказала Лора. – Я хочу...

Домой, чуть было не сказала она. Домой. Но где теперь ее дом? Навалилась усталость.

– Ладно, найдем тебе удобное, безопасное место, не беспокойся. Там куча фотографов, – добавила Бьянка, тревожно оглядывая Лору. – Вот, надень. – Она протянула ей большие солнцезащитные очки. Лора нацепила их – и словно укрылась от всего мира. – И еще это. – Бьянка стащила с себя меховую жилетку и протянула своей подопечной. Лора не ожидала такого.

Какая-то непривычная для нее Бьянка.

– мех искусственный, – сказала Бьянка, словно Лора из-за меха переживала.

Наконец Лора решилась надеть жилетку – пусть она не лучшим образом сочеталась с клетчатой рубашкой, которую отдал ей Том, – слишком широкой и длинной, она носила ее с поясом, но, по крайней мере, жилетка прикрыла пятна. Поблагодарив полицейских, она вышла навстречу фотографам, увидела телекамеру и на миг вообразила, что это Рейчел снимает кино, а значит, рядом с ней Соломон – она огляделась в надежде увидеть его напряженное, сосредоточенное лицо, какое у него бывает, когда он прислушивается к окружающему фону, но Соломона нигде не было видно, и, пока Лора сообразила, что это новостная программа, корреспондент уже забросал ее вопросами, тыча ей в нос огромным микрофоном. Бьянка и Майкл потащили ее дальше так быстро, что все вокруг расплывалось. Потом, на фотографиях, Лора выглядела словно другой человек: волосы подвязаны высоким узлом, скрывая блевотные брызги, поверх клетчатой рубашки меховая жилетка, солнечные очки больше ее лица, обтерханные мартенсы, которые она носила с шестнадцати лет, и высоко подтянутые шерстяные носки. На следующий день модные журналы объявили ее новой иконой стиля. Мех и хлопок в клетку, мартенсы с шерстяными гольфами. Все примеряли на себя нестандартный образ Лирохвоста. Нет, она не узнавала себя на этих снимках.

Джип тронулся, Бьянка швырнула рядом с ней на сиденье газету.

– Пока только они успели напечатать. Завтра обрушится лавина.

– Зачем ты ей это показываешь? – вступился Майкл.

– Кертис велел.

Майкл вытянул губы в прямую жесткую линию. Лора покосилась на разложенную возле нее газету.

«УПИВШАЯСЯ ПТИЦА»

«У ЛИРОХВОСТА КУКУШКА СЪЕХАЛА»

«ПТИЧЬИ МОЗГИ НЕ ВЫДЕРЖАЛИ ПЬЯНКУ НОЧЬ НАПРОЛЕТ»

Сердце отяжелело, ей стало совсем плохо. Лора приоткрыла окно, чтобы вдохнуть свежего воздуха. Почему все так на нее сердятся? От газеты словно исходили волны гнева – пугали ее.

Бьянка вывернулась назад с переднего сиденья. Майкл молча следил за Лорой в зеркальце заднего вида. Дотянувшись до газет, Бьянка смяла их и бросила на пол. Но Лора уже видела достаточно, чтобы запомнить это

навсегда. Жуткий образ самой себя: валится на хохочущего Рори, волосы упали на лицо. И это лицо, а также ноги, руки – все кривое, все вышло из-под контроля, на некоторых снимках глаза полузакрыты, вид одурманенный. Мертвые глаза, зрачки расширены так, что глаза из зеленых сделались черными. Или того хуже – ее застигли в темном проулке, на земле, в луже алкоголя и бог знает каких еще жидкостей. Лицо при яркой вспышке – мертвенно-белое. Выглядит она не пьяной и испуганной, а – теперь она поняла, за что ее возненавидели, – мошенницей: выдавала себя за наивное дитя, которое капли в рот не берет и мистически связано с природой, ведь об этом все твердили. И вот она, слетевшая с катушек, обдолбанная, – разве сама она хотела бы познакомиться с человеком, у которого такое лицо? Вот и неистовствуют журналисты, чувствуют себя обманутыми.

Наверное, они правы. Наверное, она всех обманула.

Она дотянулась до газет. Худшая, самая желтая, опубликовала фотографии девушки из той компании, у которой Лора в итоге заночевала. И из статьи никак не следует, что она была испуганна, ей было плохо, она просилась домой. Нет, судя по этой фотке, она пустилась во все тяжкие. Лора не могла закрыть газету, оторваться от этого зрелища. И никак не находила на этих фотографиях себя. Не могла соотнести их с теми чувствами, которые одолевали ее в ту ночь. Страх, растерянность, ужас. А эта девица выглядит наглой, распушенной, самодовольной.

– Мы отвезем тебя в дом для участников конкурса. Из гостиницы мы тебя выписали, там полно журналистов. StarrGaze размещает победителей полуфиналов – пока это только ты – в безопасном убежище. Чтобы их не донимали журналисты и чтобы никто не соблазнился дать интервью. Такое тоже бывало. Заодно присмотришься к Элис. Это серьезная для тебя угроза. У нее полуфинал завтра, и пока что она собрала много голосов – скорее всего, пройдет в финал.

Ей бы следовало испугаться скорой встречи с Кертисом и перспективы жить с Элис, которая вовсе не принадлежала к числу ее сторонников, но Лора чувствовала только облегчение – ее куда-то везут. Еще один мост, не застряла она на своем изолированном острове. Еще один дом, еще одно убежище, еще один мост, по которому она пройдет дальше в неведомое. Обратного пути нет. Даже физически ей назад не добраться.

Дом для финалистов находился за пределами Дублина, в горах Уиклоу. Вокруг, на радость Лоре, природа, деревья, горы, открытое пространство. Но ей было не до красот, она то и дело возвращалась к фотографиям, к этой незнакомке в ее одежде. Хотя бы дышать под деревьями стало легче.

У ворот караулили фотографы, снова камеры, утыкающиеся в стекло, – и снова вспомнилась прошлая ночь. Лора услышала, как полились из ее уст те же звуки. Майкл присмотрелся к ней в зеркальце, ожидая, пока откроются ворота.

– Почти приехали, – мягко сказал он.

Дом был виден со стороны ворот, не так уж тут укромно. Все занавески подняты, Лора заметила какую-то фигуру у окна – кто-то наблюдал за машиной, потом быстро отошел. Постаралась учесть: у окна стоять нельзя.

Она не могла смотреть в глаза Саймону, представителю StarrGaze, который жил в этом доме и заботился о конкурсантах. Ей хотелось просить прощения у всех – Майкла, Бьянки, Саймона, – сколько хлопот всем доставила и навлекла неприятности на шоу, но она опять-таки не могла смотреть им в глаза. Очки, одолженные Бьянкой, она так и не сняла, укрываясь за ними. Еще и смотрела себе под ноги, пока ее вели вверх по лестнице, а Майкл тащил сзади вещи. Бьянка постаралась устроить ее поуютнее и посулила, что завтра явится Кертис. Она постаралась сообщить об этом как бы между прочим, но прозвучало грозно. Словно предостережение.

Лора выключила свет и задернула шторы. К счастью, окна выходили на задний двор. Сад, качели, дальше лес. Она приняла душ и наконец-то почувствовала себя чистой. Забралась в постель, все еще не оправившись от выпитого, страшно униженная. И голодная, но не могла заставить себя спуститься вниз, найти кого-то. Лежала в очередной незнакомой постели, свернувшись клубком, спрятавшись под одеялом. Так и заснула.

Глава тридцать первая

От безвестной девицы с гор до мегазвезды интернета: похоже, внезапная слава ударила в голову фаворитке «Поиска звезд» Лирохвосту. Представитель Лоры Баттон подтвердил сообщение, что она участвовала в инциденте, имевшем место вчера ночью в одном из ночных клубов Дублина. Сегодня газеты опубликовали фотографии, на которых Лору выносят из клуба охранник. Ему пришлось вмешаться, и девушка бросила в него стаканом с водой.

Пошла видеозапись с Лорой.

Первое выступление на конкурсе принесло ей всемирную популярность в одну неделю, но, как стало известно, сегодня она блуждала по улицам Дублина в полной дезориентации и была ради собственной безопасности доставлена в полицейский участок. Сейчас она снова находится под опекой StarrGaze и гостит в принадлежащем студии доме для участников финала.

«Поиск звезд» выступил сегодня в защиту своей любимицы, выпустив пространное заявление с призывом прекратить травлю. Джек Старр отзывается о Лирохвосте как о милой молодой женщине с трудным прошлым. В возрасте шестнадцати лет Лора после смерти ее матери была оставлена бабушкой в уединенном коттедже и провела там десять лет, не общаясь ни с кем, кроме своего отца, который сохранял сам факт ее существования в тайне. Старр заявил, что Лоре приходится нелегко в этом новом для нее мире и она пребывала в стрессе еще с первого прослушивания. Сделаться звездой мировой величины за считанные дни – это очень страшно, в чем Лора и имела случай убедиться.

Лирохвост получила куда больше чем пятнадцать минут славы и может заработать миллионы на книгах, рекламе и выступлениях. Но у славы есть своя цена, и, по-видимому, Лора Баттон уже начинает платить по счетам.

Соломон встал и швырнул пульт в стену над камином. Разбил его о кирпичи. Крышка отвалилась, батарейки посыпались на пол. Бо забилась

еще глубже в угол дивана. Соломон покосился на нее, говорить что-то не было нужды: Бо выглядела достаточно виноватой. Столь же виноватой, сколь виноватым чувствовал себя он.

– Нужно что-то делать, – сказал Соломон. Он сам услышал, как напряженно звучит его голос. Но не может же он сидеть перед телевизором и смотреть, как Лору раздирают на куски!

– Делаю что могу, Соломон, – со слезами в голосе ответила Бо.

– Хватит с меня попыток добраться до нее через «Поиск звезд». – Он пустился сердито расхаживать по гостиной. – Мы должны сами поговорить с ней. Где этот дом для финалистов, о котором говорили в новостях?

– Понятия не имею, – сказала Бо и призадумалась. Ее осенило: – На фэн-сайтах выясним.

– Я друг Лоры Баттон. Приехал повидать ее, – сообщил Соломон привратнику возле дома для финалистов.

Охранник засмеялся:

– Ну да, еще один друг.

Только тут Соломон огляделся по сторонам и увидел десяток фотографов и съемочную группу. Они поглядывали на него с любопытством и насмешкой: как-то он примет отказ? За оградой еще горсточка упорных фанов, разложили на траве спальные мешки, выставили самодельный плакат: «МЫ ♥ ЛИРОХВОСТА».

– Оставь ее в покое! – крикнула Соломону какая-то девица.

Гнев ударил ему в голову.

– Сообщите ей, что я здесь, и она скажет пропустить меня.

Охранник оглядел его с головы до пят:

– Так позвоните ей. Пусть она позвонит мне и велит вас пропустить.

– Я не могу дозвониться, – оскалил зубы Соломон. – Потому и приехал.

– Так я вас впустить не смогу. Сначала ваше имя должны внести в список, а пока его нет в списке, я вас впустить не могу.

Соломон заглушил двигатель и собрался выходить из машины.

– Сэр, прошу вас оставаться в машине. Нет никакой надобности выходить.

Охранник стоял вплотную к дверце, мешая ее открыть. Соломон толкнул сильнее. Дверца ударила охранника по ноге, и он отступил.

– Что вы себе позволяете? Я сказал вам оставаться в машине.

– Не загораживайте дверь! Не загораживайте дверь!

Оба готовы были вцепиться друг в друга.

Скучающий фотограф на всякий случай сделал несколько фотографий. Из будки вышел второй охранник.

– Барри? – окликнул он напарника.

– Отлично, наверное, вы сумеете помочь, – обратился к нему Соломон, убирая волосы с лица и пытаясь собраться, чтобы не разжигать интерес толпы. – Мне нужно поговорить с Лорой Баттон. Я ее друг. Я понимаю, что моего имени нет в списке, но, если вы позвоните ей – минутное дело, – она подтвердит, что меня нужно внести в список. Годится?

– О ком он? – спросил второй охранник, переводя взгляд с напарника на Соломона.

– Про Лирохвоста.

– Ее настоящее имя Лора. Лора Баттон! – снова раскипятился Соломон.

– Оставьте Лирохвоста в покое! – снова крикнула ему фанатка. – От таких, как вы, ей только хуже.

Соломон и головы не повернул.

– Подумаешь, знаете вы ее настоящее имя, во всех газетах было, – равнодушно заметил Барри.

– Ладно, ладно, поспокойнее, – посоветовал второй охранник. – Переживать тут особо не из-за чего.

Соломон начал успокаиваться. Второй парень был ничего, с ним можно договориться.

– Пройдемте со мной, – предложил второй охранник, и Соломон последовал за ним в будку, подальше от зрителей. Наконец-то его воспринимают всерьез. – Позвольте я объясню вам, как организована работа, – заговорил второй охранник.

– Я уже объяснял, – перебил его Барри.

– Барри! – Этого оказалось достаточно, чтобы Барри, ворча, вышел из будки.

– Мы получаем список людей, которым разрешен вход. Список крайне ограниченный. Если вы хотите навестить кого-то из гостей, нужно обратиться в агентство, а они сообщат нам. Мы не можем пускать всех, кому вздумается приехать сюда. Вы даже не родственник. И уже десять часов вечера. Поздновато для визита.

– Я все понимаю, я уважаю ваши правила. Так все и следует делать, но я знаю, что сейчас я ей нужен. Меня нет в списке, потому что она не знала, что я смогу приехать. А я смог. И теперь, если вы только сообщите ей, что я здесь, уверяю вас, вы убедитесь, что я не зря вас побеспокоил.

Охранник внимательно посмотрел на Соломона, словно пытаясь его вычислить.

Снял с телефона трубку. Какое облегчение!

– Саймон, это Ричи. Тут посетитель к Лирохвосту. Да. Прямо передо мной. В списке его нет, но хочет ее видеть.

– Соломон Фаллон, – подсказал Соломон. Он же так и не назвался.

– Соломон Фаллон, – повторил в трубку Ричи. Прислушался. Подождал. – Проверяют, – сообщил он. Подождал еще.

Что-то не так, почуял Соломон. Какая-то подлянка. Он присмотрелся к телефону и понял, что Ричи вовсе не прижимает трубку к уху. Он никому не звонил, просто прикидывается. Соломон напряг слух – из трубки доносился длинный гудок.

– Вранье! Все вранье! – В ярости Соломон стряхнул бумаги со стола Ричи, выскочил из будки и сел в машину.

Барри помахал ему рукой, Ричи пожал плечами: мол, попытка не попытка.

– Свяжитесь с агентством, – настойчиво повторил Ричи, прихлопнув рукой по капоту.

Соломон втопил педаль зажигания и понесся на максимальной скорости, в глазах было красно от ярости.

Наутро Лору разбудил стук в дверь. Саймон сообщил ей, что Кертис уже явился. Она натянула джинсы, футболку и слишком большой кардиган – в него она куталась, словно в поисках защиты. Тот самый кардиган, который Соломон купил ей еще в Корке. Занавесила лицо свежевывмытыми волосами, прячась от взглядов, и босиком спустилась на первый этаж.

Кертис сидел в столовой, во главе большого стола. Окна здесь выходили на главные ворота, где собиралась толпа. Приостановившись в дверях, Лора метнула взгляд за окно.

– Сядь, – велел ей Кертис.

– Нас отсюда видно?

Он глянул в сторону окна.

– Теперь ты беспокоишься, как бы тебя не увидели? – Но все же поднялся и задернул шторы.

– Спасибо, – тихо, испуганно поблагодарила она.

– Мы в StarrGaze много для тебя сделали. Приняли тебя, хорошо с тобой обращались, вывели на мировую сцену, свозили в Австралию, платили за твои наряды, прически, проживание. Ни в чем не скупилась.

– Я знаю это, и я правда...

Он продолжал, будто и не слышал.

– Нашу программу смотрят целыми семьями. Более 70 % зрителей – в возрасте от 16 до 34 лет. – Он пригвоздил ее взглядом, подчеркивая: пусть усвоит хорошенько. – И мы рассчитываем, что все вы будете строго придерживаться условий контракта, в котором предусмотрено: никоим образом не носить ущерб доброму имени «Поиска звезд» и StarrGaze Entertainment.

Он не давал ей вставить ни слова.

– Мы обсудили ситуацию и пришли к соглашению: мы позволим тебе участвовать в шоу до конца. Пропустим в финал.

Повисла пауза. Лора взглянула на него, расширив в изумлении глаза. Ей в голову не приходило, что ее могут выгнать из шоу.

Он смотрел на нее, словно ожидая какой-то реакции.

– Спасибо! – прошептала Лора, чувствуя, как сжимается горло. Ей оказали великую милость, а она даже не знала, что в этом нуждается.

– На здоровье, – сурово ответил он. – Тебе теперь трудно придется. Многих снова настроить в свою пользу, мнение многих нужно изменить.

Лора кивнула. Голова шла кругом.

Кертис поднялся и заговорил так размеренно, словно заучил и отрепетировал заранее написанные слова:

– Мы проявим понимание. В твоей жизни произошли существенные перемены, к которым затруднительно адаптироваться. «Поиск звезд» может предоставить квалифицированного психотерапевта. Я рекомендую тебе встретиться с ним. Если желаешь, мы назначим дату.

Лора представила себе откровенную беседу еще с кем-то из «Поиска звезд». Едва ли это пойдет на пользу. Переживать все заново – нет, ей хотелось забыть это как страшный сон.

Она покачала головой.

– Если твое мнение изменится, сообщи куратору. Рекомендую ни с кем не вступать в общение до финала. Никаких интервью. Это не просто пожелание – это безусловное требование «Поиска звезд».

– Хорошо. – Она кашлянула и уточнила: – А как же документальный фильм? Джек собирался поговорить с...

– Со студией «Свежее дыхание»? Ваши отношения с этой студией прекращены.

Окончательный приговор. Обжалованию не подлежит.

Слезы щипали глаза. Значит, все это происходит на самом деле. Сказано и подтверждено. Вот теперь она по-настоящему рассталась с Соломоном, и это надрывает ей сердце. Она не смеет спросить, отвергли ее Бо и Соломон из-за ночных походов или Кертис попросту настоял на

своем. Но и оплакивая утрату, она скорее рада, что укрылась здесь от Соломона, – она не могла бы посмотреть ему в глаза. Нет смысла уговаривать себя, что газеты могли и не попасться ему на глаза. Нельзя прятаться от правды: на этих же фотографиях и его брат, их увидит вся семья Соломона, его друзья, его славные соседи, с которыми она познакомилась на дне рождения Мари. Все эти люди, которые были так к ней добры, увидят, во что она превратилась.

На пороге Кертис помедлил, словно ему что-то еще пришло в голову, словно его сердце – есть ли у него сердце? – смягчилось. Лора замерла: неужели он передумал и сейчас скажет, что ей можно повидать Соломона? Или, наоборот, все-таки выкинет ее из шоу?

– Это будет опубликовано через несколько дней. Я заранее получил черновой экземпляр, чтобы ты прочла и имела возможность ответить.

Он положил на стол большой коричневый конверт и ушел.

Она уставилась на конверт, кровь грохотала в ушах.

В дверь постучали. Лора обернулась. Дверь открылась, но никто не вошел. Потом в комнату заглянуло лицо – но не лицо человека. Это была Мейбл, кукла Алана-чревоушителя. Сам Алан где-то прятался.

Мейбл откашлялась.

– Привет, Мейбл, – улыбнулась Лора.

– Алан спрашивает, не хочет ли Лирохвост чая. Лирохвост не ела со вчерашнего вечера, я слышала, как она приехала. Алан заварил чай.

– Спасибо, Мейбл, – улыбнулась Лора. – Ты очень добра. И зови меня по имени, Лорой.

– Хорошо, Лора, – застенчиво просюсюкала кукла, и Лора засмеялась. Кукла не умела краснеть и все же казалась живой – Алан так ловко управлял ее лицом, что Мейбл превращалась в реального человека.

Следом за Мейбл просунул голову в комнату и Алан. Он нравился Лоре. Они прослушивались в один и тот же день. Это был приятный человек. Своеобразный: в сорок лет он жил с родителями и вкладывал все деньги в Мейбл. У него было доброе сердце и несомненный талант.

– Поздравляю, Алан! Рада, что ты прошел в финал. Я вчера пропустила шоу.

Ей стало стыдно. Как она забыла включить телевизор – ведь это состязание так важно для других участников! Опять ее чудовищный эгоизм дал себе волю.

– Спасибо. Никак не оклемаюсь. Мейбл уговорила меня выпить бутылку «Джеймсона», чтобы отпраздновать.

Лора снова засмеялась.

– Мейбл говорит, ты просила звать тебя Лорой. Мне тоже можно?

– Конечно.

Он вошел в комнату чуть ли не на цыпочках, словно в запретное помещение. Он всюду держался так, словно боялся помешать, словно его могли выгнать, – но стоило ему надеть на руку Мейбл, и он преображался, становился остроумен, очарователен, даже проказлив. Мейбл была способна произнести вслух такое, о чем Алан, казалось Лоре, не мог и помыслить. От них обоим людям была только радость.

– Хотел убедиться, что с тобой все в порядке, – сказал он.

Она отвела глаза, чтобы он не увидел слез.

– Дурак ты, дурак, до слез ее довел, – возмутилась Мейбл.

Лора засмеялась.

– Зато ты ее рассмешила, – сказал Алан своей кукле.

– Что бы ты без меня делал! – ответила кукла.

Лора утерла глаза.

Алан сел рядом с ней.

– Мне так стыдно, Алан. В глаза никому не могу смотреть.

– Нечего стыдиться. У всех случаются такие ночи.

Лора покосилась на него.

– Допустим, не у меня. Но у Мейбл точно были.

Мейбл так глянула на своего создателя, что Лора не удержалась от смеха.

– Слушай, мы все в одной лодке. Конечно, кое-кто...

– Элис, – вставила Мейбл.

– ...воспринимает это как состязание. Каждый за себя, и все против всех. Я так не хочу. Я соревнуюсь только с самим собой. Всегда. Важно только показать все, на что мы способны.

– И я тоже, – подхватила Мейбл.

– И ты тоже, Мейбл. Эта история изменит нашу жизнь. Вчера меня узнали в аптеке. Я зашел купить «Пед-Эгг». Знаешь, что это?

Она покачала головой.

– Набор для педикюра.

– Сексуальненько, – протянула Мейбл.

– Да уж, – кивнул Алан. – И под разговор о «Пед-Эгг» у меня впервые попросили автограф.

Лора уже сгибалась от смеха.

– Понятное дело, с тобой мне не сравниться, но и на меня набрасываются, а ты – главная мишень. Двести миллионов человек жаждут узнать о тебе все подробности. – Он пожал плечами. – Так задай им жару.

– Спасибо на добром слове. Они дали мне еще один шанс. Участвовать в финале.

Алан посмотрел на нее с удивлением:

– Так Кертис...

– Засранец, – прошипела Мейбл.

– Приходил к тебе с этим?

Лора кивнула.

Алан подался вперед. Уронил Мейбл на стол, и кукла обиженно ойкнула.

– Ты хоть понимаешь, что без тебя они – ноль? Еще одно дурацкое ирландское шоу, про которое никто слыхом не слышал, пока не появилась ты!

Такого Лора не ожидала.

– Ты помогла им подняться. Благодаря тебе они уже продали франшизу в двенадцать стран, и запросы все поступают. Если ты сейчас уйдешь из шоу, оно превратится в пустышку.

– Много на себя берешь, – проворчала Мейбл, лежа на столе и глядя в потолок.

Лора вдумалась в услышанное.

– А это что? – ткнул Алан в коричневый конверт.

– Статья обо мне, появится в завтрашних газетах. Кертис велел прочесть.

– Не читай! – сказал Алан.

– Но я должна.

– Ничего ты не должна. Никогда больше не читай эту грязь. – Из его голоса исчезли все следы добродушного юмора. – Нельзя этим отравляться, Лора. Ты самый чистый, самый естественный человек, какого я видел в жизни. Хочу, чтобы ты победила.

Она улыбнулась.

– А я хочу, чтобы победил ты.

Они посмотрели друг другу в глаза. Для Лоры поддержка Алана в такой момент была счастьем. А Мейбл поспешила сбить торжественный тон:

– А как же я, черт побери?

И они расхохотались.

– Так, несу тебе чай. Надо прийти в себя, вечером очередной полуфинал. Потом ланч приготовлю. Жарить-варить не умею, бутерброды с ветчиной и сыром пойдут?

– Еще как. Спасибо.

– На твоём месте я бы это есть не стала, – шепнула ей на ухо Мейбл. – Вдруг яду подсыплет.

Лора продолжала смеяться, даже когда Алан вышел из столовой.

Теперь, чувствуя себя намного увереннее, она посмотрела на тот коричневый конверт. Алан прав, нужно быть выше этого. После разговора Лоре стало намного лучше, и все же она считала нужным выяснить, что о ней думают.

Она вытащила бумаги из конверта.

Первый лист – письмо юриста, представляющего газету. Он сообщал, что газета намерена опубликовать этот материал завтра, и, если Лора Баттон имеет что возразить, просьба сделать это до конца рабочего дня.

Отложив в сторону письмо, она перешла к самой статье.

«ЛИРОХВОСТ – ЛГУНЬЯ?» Таков был заголовок. Дальше история: по мнению некоего полицейского из Гуган-Барры, бабушка Лоры, Хетти Баттон, убила своего мужа. Полицейский, расследовавший это дело, подозревал, что к убийству была причастна и четырнадцатилетняя Изабел, которая после смерти отца взяла фамилию матери и звалась Изабел Баттон. Полицейский, Лиам О’Грэди, давно умер, но газета взяла интервью у его дочери: дескать, отец, бедолага, всю жизнь добивался справедливого наказания для тех, кого считал виновниками смерти своего друга Шона Мерфи. Шон женился на Хетти Баттон, англичанке, устроившейся няней в местную семью. Брак был вроде бы по любви, у них вскоре родилась дочь, но Хетти оказалась странной, не любила выходить в город, ни с кем не общалась, стала парией. Шон был не дурак выпить, но он работал на ферме, все жилы из себя тянул, честный человек. На вопрос, не был ли Шон склонен к насилию – когда после его смерти вдову подвергли досмотру, по всему ее телу обнаружили и новые, и давно зажившие следы от ударов и порезов, – дочь полицейского отвечала: про это ей ничего не известно, и даже если так, факт остается фактом: мать и бабушка Лоры Баттон убили ее деда.

Лоре стало плохо. Но она заставила себя читать дальше.

Шона Мерфи нашли в ручье, лицом в воде. Он захлебнулся на мелководье. Высокий уровень алкоголя в крови и травма затылка, нанесенная тупым предметом. По словам Шейлы, дочери полицейского, ее отец был убежден в виновности Хетти, но так и не сумел собрать улики. Хетти забрала дочь из школы, и с тех пор они жили очень замкнуто, их отношения с соседями сводились к шитью и ремонту одежды. О’Грэди не спускал с них глаз, надеясь, что когда-нибудь преступницы себя выдадут, но этого так и не случилось.

Он сошел в могилу, чувствуя, что подвел друга, не сумел за него отомстить. Что касается матери Лоры, она, по словам дочери полицейского, была «простушкой», и, что бы Шейла ни думала о ее соучастии в убийстве Шона Мерфи, «Том Тулин – негодяй, спал с умственно отсталой женщиной. Неудивительно, что ребенка они спрятали». Поведение Лоры в ночном клубенисколько Шейлу не удивило. «Она вовсе не такая тихоня, какой прикидывается. Сладко поет, да только все врет. Такая же врунья, как ее мать и бабушка».

Лора задыхалась. Пыталась, но не могла вдохнуть. И ни звука не могла издать. Перечитывала снова и снова: ее любимых, маму и Гагу, раздирают на кусочки – через десять лет после того, как они умерли и упокоились в могиле. Все их секреты вывернуты наизнанку, память их замазана мерзкой и подлой ложью, с которой они устали бороться, ничего от их характера, их жизни не осталось в памяти, от веселья и счастья, что наполняли дом ее детства, – только эта темная, холодная, склизкая ложь.

А виновата во всем она. Это из-за нее все – покинула свое убежище и навлекла беду.

Надо было оставаться на горе.

Глава тридцать вторая

– Мне кажется, она в шоке, – заявила Селена, оперная певица. Дыхание ее отдавало дымом: она только что вернулась из сада, выкурив очередную ментоловую сигаретку и воображая, будто никто этих ежечасных отлучек не замечает.

Полуфиналы «Поиска звезд» закончились, все, кто прошел в финал, собрались теперь в этом доме. Ночью прибыли двое последних: девятнадцатилетний маг Спаркс и юный, очаровательный исполнитель песенок в стиле кантри Кевин. Пройти в финал должен был только один, но голоса разделились поровну, зрители запали на обоих – и Джек, поддавшись слабости, не смог сделать выбор и взял в финал обоих. Так завершилась неделя безумного напряжения и слез. Благодаря милосердию Джека финала – в следующие выходные – дожидались шестеро участников, которым предстояло прожить вместе целую неделю, готовясь к заключительному туру. И теперь пятеро участников столпились вокруг кровати Лоры. Лора, свернувшись клубком, смотрела в пустоту и никому не отвечала.

– Да, явно в шоке, – подтвердил Мастер Брендан, демонстрировавший цирковые номера в паре с Элис. – Эта история даже меня доконала, могу себе представить, как себя чувствует она.

– Вот что я люблю! – признался Кевин, исполнитель кантри.

Исполнив песню в честь своей не названной по имени пассии, признавшись ей в любви с экранов телевизоров, он набрал полмиллиона просмотров на YouTube. И пожалуй, не милосердие, а здравый расчет побудил Джека сохранить столь популярного исполнителя до финала. Кевин тем временем перенес свою страсть с той, кого он воспевал в прямом эфире, на Элис, пару Брендана в цирковом дуэте.

– Она слышит нас? – громко спросила Элис. – Может, ее удар хватил и она нас не слышит? Или нервный срыв?

– Разумеется, слышит, – вмешался Алан. – Просто не хочет отвечать.

– Идиотка хренова, – добавила Мейбл.

– Повежливее не помешало бы! – вступился за свою очередную пассию Кевин.

– Чувство юмора не помешало бы! – рявкнул Брендан на исполнителя кантри, вздумавшего увиваться за его феноменально гибкой партнершей, которую он и сам много лет втайне обожал. Когда они познакомились, ему

было двадцать четыре, а ей четырнадцать, и при такой разнице в возрасте он долго не считал себя вправе говорить о своих чувствах, но теперь ей исполнилось двадцать два года, ему – тридцать два, и можно бы объясниться, если бы не путался под ногами этот придурок с песенками.

– Но ведь она ничего не говорит! – напомнила Селена.

– Знаю, не глухая! – огрызнулась Мейбл.

– Я не про слова, – уточнила певица, обращаясь к Мейбл. Куклу все воспринимали как полноправного соседа по дому, тем более что Алан явно не справлялся с ее воспитанием. – Она звуков не издает. Раньше она все время издавала свои звуки.

Они устали на Лору – съжившуюся в постели, смотревшую в стену и словно не замечавшую собравшихся возле нее участников шоу талантов. Действительно, с ее губ не слетело ни единого звука. Для нее это было необычно.

Одна только Элис ликовала. Главная соперница устранена.

– Похоже на детективную загадку, – хихикала она. – Кто украл песенку у Лирохвоста? Уж точно не я.

– Они, – ответил Алан, окидывая взглядом валявшиеся вокруг кровати газеты. Поднял с пола раскрытый таблоид со статьей, где мать и бабушка Лоры обвинялись в убийстве ее деда. Статья вышла накануне, в последний день полуфиналов «Поиска звезд». «ГНЕЗДО ПТИЦЫ-ЛЖИЦЫ», – вопил заголовок. Лора и так-то была молчалива с тех самых пор, как Алан поил ее чаем четыре дня назад, но, прочтя это, ушла в себя и перестала замечать все вокруг. Алан всерьез беспокоился за Лору. Смяв газету, он сунул ее под мышку – надо изорвать, чтобы не попадалась больше Лоре на глаза. Другой таблоид расписывал жуткую подоплеку общения пресловутого Лирохвоста с настоящим лирохвостом под Мельбурном: ради фотосессии прекрасную птицу жестоко вырвали из родной среды. Отчет сопровождался огромной фотографией Лоры рядом с клеткой, где сидел лирохвост, – и все любители животных и птиц были возмущены.

– Надо сообщить продюсерам, – испуганно предложил Спаркс.

– Нет! – остановил его Алан. – Им мы ничего не скажем. Они-то и довели ее до такого состояния и с удовольствием вытащат в таком виде на сцену, если понадобится.

– Тогда Бьянке? Она пару дней назад звонила, передавала, что Лора должна поговорить с каким-то парнем. Оставила его телефон, но Лора и слушать не стала.

– Нужно, чтобы она поговорила с тем, кто может помочь, – продолжал Алан. – Как насчет того психотерапевта, был же разговор?

– Ларри, – уточнил Спаркс. Ему удалось выполнить в прямом эфире свой фантастический карточный фокус, но после нервы разгулялись так, что маг и волшебник не смог унять дрожь пальцев. Трехчасовая беседа с Ларри его спасла.

– Он хорош? – уточнила Селена.

– Покажи руки! – пискнула Мейбл, и Алан сердито на нее покосился.

– Прости, – извинился он за ее неуместное требование перед Спарксом.

– Все в порядке. – Спаркс тоже воспринимал Мейбл и Алана как две разные личности.

– Вызовешь к ней психотерапевта? – спросил Алан.

– Ага.

– Умница.

– Можешь положиться на Спаркса, – заметила Мейбл вслед фокуснику, торопливо вышедшему из комнаты. – У него рука не дрогнет, у нашего Спаркса.

Все чуть не прыснули со смеху. Алан снова сделал замечание своей кукле.

Лора их слышала. Разумеется, она все слышала. И была им благодарна за такую заботу, но еще больше за то, что они наконец ушли. Как только за ними закрылась дверь, она села и подумала с ужасом: а ведь они правы, она сама этого не заметила, а они правы – звуки исчезли. Она не слышала ничего, ее губы не шевелились – да, иногда она сама того не замечала, но на этот раз звуков и правда не было. Она перестала думать о своем прошлом, пропали все воспоминания – и счастливые, и печальные. Какое-то тупое оцепенение мешало ей заглянуть в прежнюю жизнь, оторваться от момента здесь и сейчас – хотя здесь и сейчас ничего, кроме пустоты. Но там, в прошлом, все слишком больно. Ее разум закрылся от воспоминаний, от мыслей и чувств. Сосредоточился на пустом здесь, этом, сейчас. А потом паника схлынула и наступил покой.

Если она умолкла, так, наверное, и мир вокруг замолчит и не будет больше говорить о ней. И в этом – ее свобода.

Глава тридцать третья

Соломон места себе не находил от ярости. Съёмки документального фильма прекратились: «Поиск звезд» и близко не подпускал съёмочную группу. Ситуацию пытался разругать отец Бо, известный юрист, но пока ничего не добился. Но и он имел дело только с юристами агентства StarrGaze, и через них не было возможности добраться до Лоры. Не собирается ли «Свежее дыхание» предъявлять Лирохвосту иск из-за нарушенного контракта, поинтересовался отец Бо, и, к огромному облегчению Соломона, Бо ответила решительным отказом.

Все пошло под откос, на фильм он уже и не рассчитывал, думал только об одном: увидеться с Лорой. Словно наркоман, он чувствовал потребность видеть ее, и чем дольше ее не видел, чем чаще ему повторяли «нет», захлопывали перед ним дверь и вешали трубку, тем отчаяннее он рвался к ней. Поскольку сезон «Уродских тел» закончился, ему нечем было больше заняться. Не мог он сидеть в квартире вместе с Бо, неизвестно чего дожидаясь. Жизнь замерла – теперь они оба видели, что их жизнь, их отношения полностью зависели от этого проекта. Проект лопнул, и они остались ни с чем. Говорить они могли только о Лоре. Сначала о том, какая она замечательная, потом о том, как ее вернуть. Словно у них отняли единственного ребенка. А все жадность Бо – и ее наивность, и его глупость привели к такому итогу. Пока Лора была рядом, она вбивала между ними клин, но, утратив ее, они ею оказались соединены. Без нее или разговоров о ней у них не оставалось ничего общего. Жизнь зашла в тупик.

Главным его занятием в ту неделю стали попытки связаться с Лорой – то он пытался пробиться через охрану дома для финалистов, то обращался к Бьянке, а Бьянка передавала Лоре просьбу позвонить ему – но впустую. Он не знал, можно ли верить Бьянке, что она сообщила Лоре его телефон. Когда и последняя такая попытка не дала результата, он не мог больше оставаться с Бо в квартире. Какое-то преддверие ада, а не жизнь. И их работа, и их отношения – все в подвешенном состоянии. Лучше бросить все это и смотаться в Голуэй, выбить дерьмо из Рори. Он с самого начала об этом мечтал, со вторника, когда газеты заполонили фотографии Лоры – и прохиндейской рожи его младшего брата. Он тщательно обдумывал, смаковал расправу – и теперь был готов.

За три часа дороги его гнев ничуть не смягчился, скорее возрос. Было достаточно времени, чтобы мысленно перебрать все фотографии,

всплывавшие на мутной поверхности таблоидов при каждом упоминании имени Лоры. Как она падает. Как лежит на земле. А Рори хохочет. Хохочет!

Суббота. Он позвонил Мари, выяснить исподволь, дома ли Рори. Рори работает с отцом, и оба возвращаются домой на обед. Он говорил очень спокойно, просто задал вопрос. Не может же она заподозрить, что он надумал приехать, что он уже в пути. Но мать слишком хорошо его знает. Когда он добрался в Голуэй, застал дома и родителей, и старших братьев Кормака и Донала, и сестру. Целый родственный комитет поджидал его за кухонным столом.

– Чего собрались? – гневно приветствовал он их.

Мари опустила глаза, потом и вовсе отвела – чувствовала себя виноватой. Наконец вскочила и отошла к плите, поставила чайник. Правильно, выпить чаю. Снять напряжение.

– Соломон нашел новый способ управлять гневом, – попытался шутить Донал.

Но Соломон не в том настроении, чтобы смеяться. Пора пустить в ход кулаки, слова ни к чему. Он так давно этого ждал, столько дней, и после нескольких часов за рулем его распирала энергия. Не стоило тратить ее зря.

– Где он? – спросил Соломон, не собираясь маскировать цель своего приезда.

– Сначала поговорим, – предложил отец.

– Где этот засранец? – прорычал он. – Вы на себя посмотрите, собрались тут его спасать, вечно его защищаете. Трусливого паршивца ни разу за всю жизнь не ткнули носом в то, что он натворил. А много ему пользы от вашего заступничества? Так и сидит дома с мамочкой и папочкой, так и ходит каждый день на работу с бутербродами. Ты уж прости, мама, но он – балованный засранец, и больше ничего. И всегда таким был.

Мари все-таки обиделась.

– Он очень жалеет обо всем, милый. Ты бы видел...

– Жалеет? – сердито усмехнулся Соломон. – Прекрасно. Так скажи, где он, и предоставь мне самому судить, достаточно ли он об этом жалеет или еще добавить.

Мари непроизвольно вздрогнула.

– Хватит! – сурово сказал отец.

– Он идиот, Соломон, – дипломатично вмешался Донал. – Мы все это понимаем. Натворил дел, но он же этого не хотел. Сам не понимал, к чему это ведет.

– Ребята! – Соломон попытался взять себя в руки и говорить спокойно,

чтобы они наконец поняли. – Он загубил ее жизнь. Уничтожил ее репутацию. У нее *ничего* не было, она жила на своей горе, никого не знала, никто не знал о ее существовании – и вдруг она стала знаменитостью. У нее появился шанс... – Гнев снова завладел им, но Соломон изо всех сил боролся с ним. – Она никогда прежде спиртного в рот не брала. Ни капли.

Мари грустно поглядела на него.

– А он потащил ее в *паб*. Оттуда – в *ночной клуб*, где знаменитости тусуются. Использовал ее, чтобы попасть туда. Плевать, что ей нужно, чего она хотела, – все только под себя. Прикатил на выходной в Дублин поразвлечься. Ни разу не догадался позвонить мне. Я бы выручил. Их окружили фотографы, она уже на ногах не стояла, – как он поступил? Поташил ее дальше, на гребаную вечеринку. Позволил, чтобы ее фотографировали, когда она блевала, валилась с ног, когда она вырубилась. Где он был, на хрен? Он обязан был присмотреть за ней. В тот вечер он за нее отвечал.

Но это же Соломон мог бы сказать самому себе. Он за нее отвечал, он сам признавал это. Он позволил ей уйти и виноват во всем, что произошло. И он хочет избить Рори до полусмерти – за собственное упущение.

– Какого черта я должен это слушать? – раздался вдруг голос Рори, и Соломон, резко обернувшись, оказался лицом к лицу с младшим братом. – Мы в каком веке живем? Она взрослая женщина, Сол, и никто не обязан за ней присматривать.

Соломон сжал кулаки. Выбрал подходящее место на смазливой физиономии Рори – куда нанести первый удар. Не торопился, растягивал удовольствие. Слышал, как проехали по кухонному кафелю ножки стульев – братья и Кара поднялись, тоже приготовились. Встали у него за спиной.

– Рори, – заговорил отец, – ты поступил дурно, и сам это понимаешь. Признай это, извинись перед Соломоном, и покончим с этим. Поступите оба как мужчины.

– Почему вдруг извиняться перед Соломоном? Какое отношение он имеет к Лоре? С ней я готов объясниться.

– Ты к ней и близко не подойдешь, – прорычал Соломон.

– Похоже, и тебе не судьба, – ухмыльнулся Рори.

Они мерили друг друга взглядами.

Рори покосился на сжатый кулак брата.

– Что, надумал меня поколотить? – хмыкнул он, издеваясь.

Соломон припомнил, как мальчишкой младший брат передразнивал дефекты его речи, картавость и заикание. Его обуял уже неконтролируемый

гнев, такая ненависть, что он испугался самого себя. Очень хотелось врезать Рори покрепче, только бы не искалечить.

– Немедленно извинись перед Соломоном, Рори! – твердо велела сыну Мари, а ребенком вновь почувствовал себя Соломон.

– Мне правда жаль, – сказал наконец Рори. – Честное слово. Я и думать не думал, что она так напьется. А тебе я не позвонил, потому что она была против.

Сердце резко забилося. Каждым словом Рори умышленно дразнил брата, нарываясь на драку. Но ударь он его сейчас – и все кинутся спасать Рори, а Соломон выйдет обидчиком младшего.

– У нее есть имя.

– Лирохвост, – закатил глаза Рори. – Лирохвост сказала, чтобы я тебе не звонил.

– Ее зовут Лора, – сквозь стиснутые зубы проскрежетал Соломон. – Ты даже имени ее не знаешь, черт тебя дер!

– Я не знал, куда ее везти, – продолжал Рори свое псевдоизвинение. – Она не хотела возвращаться в гостиницу, не могла поехать и в твою квартиру, поскольку вы поссорились и ей пришлось уйти, вот я и подумал, раз добрые люди предлагают помочь, зачем отказываться. На той вечеринке девушки присматривали за ней. Я подумал: с ними она будет в безопасности. Не мог же я предвидеть...

Выражение лица Рори не соответствовало тону его голоса. Братья плотно стояли у Соломона за спиной, он слышал их дыхание.

– Разумеется, никакой проблемы тут и вовсе не было бы, мы же все это понимаем, если бы Соломон не приревновал только из-за того, что я пригласил Лору выпить.

– Остановись, – велела Мари.

– Пожмите друг другу руки, – велел отец.

Рори протянул руку, и Соломон ее принял. Ему хотелось рвануть его на себя и ударить головой в лицо. Разбить подонку нос. Для такого мелкаша рукопожатие у Рори было сильным и крепким. Он давно разработал собственную тактику выживания в большой семье – как привлечь к себе внимание, как оказаться на виду. Но такого, чтобы все на него ополчилось, не случалось никогда. И, хотя Рори прикидывался, будто ему все равно, хотя изображал полнейшее хладнокровие, Соломон понимал, что ничего страшнее для Рори быть не может: вся семья выступила против него и заставила извиниться, причем он и сам понимал, что виноват. И вдруг Соломон ощутил прилив радости: пусть Рори думает, будто и на этот раз всех перехитрил, на этот раз всем стала ясна слабость Рори и его

неправота. Напряжение чуть-чуть уменьшилось, плечи Соломона слегка распрямились.

Вероятно, Рори почуял, как Соломона отпускает гнев. Понял, что Соломон выиграл эту схватку, – и не выдержал.

– Но в постели она – что надо, – заявил он.

Мари передернуло, отец сердито прикрикнул на Рори. Тот выпустил руку Соломона. Соломон облизал пересохшие губы, сердце сильно билось, атавистические барабаны звали к бою.

И вдруг кулак просвистел в воздухе и врезался в лицо Рори. Рори пошатнулся. И это был кулак не Соломона. Кормака. Старшего брата, самого из них ответственного. Все в изумлении уставились на него, никто не сообразил помочь Рори, который в итоге рухнул наземь, но тут Кормак пронзительно завопил, и все словно очнулись.

– Я палец сломал! – кричал Кормак.

Рори приподнялся, схватился за голову:

– Кто меня треснул в лоб?

Кара умирала со смеху. Подняла фотоаппарат и принялась фотографировать всех участников свары.

Вечером братья и сестра устроились во дворе за круглым садовым столом с изрядным запасом пива. Мать в их сторону и не глядела, наказывая за дурное поведение молчанием, и отец вынужденно солидаризировался с ней, хотя пива ему, конечно, тоже хотелось.

У Кормака рука на перевязи. Два пальца оказались сломаны. Сочетание болеутоляющего с алкоголем превратило его в потеху для всей компании.

Рори устроился подальше от Соломона, на лбу у него вздулась шишка размером с яйцо. Прошла гроза, всюду мокро, они с трудом нашли сухие места, чтобы пристроиться. Одна мысль неотступно терзала Соломона: в самом ли деле Рори переспал с Лорой? Он был почти уверен, что Рори выдумал все ему назло, в очередной раз ткнул в самое больное, – и все же он не мог отделаться от этого вопроса. К счастью, Кара пришла ему на помощь.

– Вообще-то, Рори, если ты действительно переспал с Лорой, тобой может заинтересоваться полиция.

– Что ты несешь? – взвыл младшенький.

– Добровольное согласие. Слышал про такое? – И Кара пустилась разъяснять: – Женщина должна сказать «да», Рори. Это серьезно. Нормальные мужчины не занимаются сексом с женщиной, которая вырубилась и ничего не соображает. Им важно, чтобы женщина понимала,

с кем она и что происходит. Конечно, ты привык к иному, но...

– Заткнись, Кара!

Подмигнув Соломону, она продолжала:

– Мы же все видели фотографии. Весь мир их видел. Она еле волочила ноги. Если ты привел ее на вечеринку и сделал с ней что говоришь, у тебя могут быть неприятности, и серьезные.

Рори оглядел их всех, кроме Соломона:

– Ой, ну ладно. Хорошо. Разумеется, я с ней не спал. Она собственного имени не помнила. Ее всю ночь полоскало.

Огромное облегчение для Соломона. Но тем больнее ему за Лору. Почему она должна была пережить такую ночь – и одна?!

– Но в одном Рори прав, – пробормотал Кормак.

– Поехали! – фыркнул Донал.

– Выслушайте же меня.

Они чуть поутихли.

– Ясно всем, что ты очарован этой молодой женщиной, Соломон. – Ему понадобилось несколько попыток, чтобы выговорить слово «очарован», но Кормак проявил упорство. – Рори поступил неправильно, спору нет, но ты бы так не злился, если бы не твои к ней чувства.

– Кормак Фаллон, местное светило психологии, – попытался отделаться шуточкой Соломон.

– В этом что-то есть, – вдумчиво произнес Донал.

– Жаль, не тот брат ей приглянулся, – вылез Рори и получил затрещину от Кормака. – Оставь меня в покое, и так голова разламывается.

– Так заткнись, – посоветовал Кормак.

Засмеялись все, даже Рори. Не привыкли, чтобы старший так себя вел.

– Бо, – продолжал Кормак, нахмурившись. – Не уверен я насчет тебя и Бо.

– А я не уверен насчет тебя и Мэдлен, – быстро вставил Соломон, почему-то обидевшись, и запил это глотком пива.

Все охнули и ждали ответа.

– Ты прав, – торжественно подтвердил Кормак, и все снова охнули – от неожиданности. – Насчет нас с Мэдлен я тоже иногда не уверен.

Рори включил камеру на мобильном телефоне.

– Прекрати, не будь гадом! – попросила Кара и стукнула брата по затылку. Он уронил телефон.

Кормак гнул свое:

– Мэдлен... иногда она мне даже не нравится.

Общий хохот. Кормак знаком попросил их утихомириться и дать ему

закончить:

– Но... но... послушайте же! Она часто доводит меня, как никто. Хочется ее удушить. Или бросить. Но даже в самые дурные минуты... а у нас их немало, особенно в последнее время... чертова менопауза. Если бы можно было уйти и переждать менопаузу, я бы ушел. Честно.

Они чуть не описались от смеха, только Кара сердито покачала головой:

– Ушам своим не верю.

– Но не могу. Потому что, даже когда Мэдлен перестает мне нравиться, я все равно ее люблю, черт побери.

Наверное, это самое нелепое – и самое романтическое, – что кто-либо из них говорил другим о своей паре.

– Так о чем бишь я? – Он сосредоточил взгляд на Соломоне, прищулив один глаз. – Ты и Бо. По-моему, вы друг другу не подходите. Неудачная пара.

– Извини, Кормак. Я понимаю, ты заботаешься обо мне, – негромко заговорил Соломон. – Но ни у кого, кроме нас с Бо, нет права судить, подходим ли мы друг другу.

– Конечно! – вскинул руки Кормак, расплескав при этом содержимое бутылки. Подавшись вперед, он ткнул мокрым от пива пальцем в грудь Соломона. – Но сам ты как думаешь: вы друг другу подходите? Соломон, братишка, такова жизнь, нет ничего постыдного в том, чтобы признать честно, если отношения не сложились. Нужно выбираться из таких отношений, пока еще можно. – Он помахал в воздухе рукой. – Не понимаю, почему ты за них держишься.

На следующий день, кряхтя от тяжелого похмелья, Соломон ехал в Дублин, перебирая все, услышанное от Кормака и других родичей.

Ночью все казалось разумным и очевидным. Надо расстаться с Бо. Кара подсказала ему правильные слова для объяснения, они обсуждали это до восхода. Но теперь, при ясном и трезвом свете дня, его охватил страх.

Чтобы отвлечься, он включил радио.

– И к новостям шоу-бизнеса. Пока не ясно, примет ли Лирохвост участие в финале «Поиска звезд». После первой пробы конкурсантка Лора Баттон получила двести пятьдесят миллионов просмотров в сетях, но в прошлые выходные она вновь оказалась в центре внимания после того, как провела всю ночь в злочных местах. Окончательное решение Джек Старр объявит сегодня на пресс-конференции с финалистами.

– Мы очень надеемся, что Лирохвост все же появится на сцене. Разумеется, последнее слово остается за ней и «Поиск звезд» окажет ей

всемерную поддержку.

Другой участник финала, Алан, из популярного дуэта «Алан и Мейбл», говорит:

– Лора справится. У нее все хорошо. Она просто устала – эмоционально, физически и душевно. Мы все прошли через настоящую мясорубку, а уж как ей досталось, я и представить себе не могу. Думаю, ей только и нужно что отдохнуть, отдышаться. Побывать в одиночестве и пережить все, что произошло с ней, это неслыханно.

По поводу бурной ночи Лирохвоста, о которой писали передовицы газет во всем мире, Алан говорит следующее:

– Лора вернулась из Австралии, где провела всего два дня, там у нее был напряженный график, чуть ли не с самолета она отправилась на репетицию полуфинала, вечером выиграла полуфинал и после этого впервые в жизни выпила вина. Имела полное право отпраздновать успех. В ночном клубе она ничего плохого не делала, произошло недоразумение, ей нужна была помощь, а ее состоянием злоупотребили. Ей пришлось усвоить нелегкий урок – что ж, она его усвоила.

– И Лирохвост выступит в финале?

– Очень на это надеюсь, – ответил Алан.

– В самом деле? Но это же ваш главный соперник. Вы и она – главные фавориты.

– Она самый подлинный, самый прекрасный и талантливый от природы человек, какого я только знал. Надеюсь, она выйдет на сцену и люди сразу вспомнят, за что ее полюбили. И я надеюсь, что она победит.

– А мы за такие слова будем больше прежнего любить чудесных Алана и Мейбл. Итак, удалось ли Лирохвосту сохранить свой дар или она его утратила? Смотрите финал «Поиска звезд» – и узнаете!

Резко, через три полосы Соломон вывернул на обочину, и плевать на разъяренные гудки. Включил аварийку, опустил стекло в окне, дышал глубоко. Никого в жизни он не хотел так сильно, никогда ни в ком так не нуждался.

Глава тридцать четвертая

Лора закрыла не только рот, из которого прежде лились удивительные звуки, но и все двери в своей жизни. Закрылась от финалистов, размещенных в соседних комнатах, от Кертиса, с которым отказывалась встречаться, даже от Соломона – не могла его видеть после такого позора – и от Бо, потому что StarrGaze запретил ей в обозримом будущем общаться с прессой и телевидением.

Несмотря на все протесты Бо, несмотря на все попытки уговорить Джека, сначала по-хорошему, потом угрозами, письмами от адвоката, – ничего не менялось. Поговорить с Джеком у Бо практически не было возможности, Керт блокировал все подходы. Похоже, «Поиск звезд» охватила паника: сначала студия радовалась росту популярности, когда сотни миллионов зрителей во всем мире смотрели выступления Лирохвоста, но теперь недолгая слава обернулась против шоу, и на «Поиск звезд» набросились со всех сторон. В газетах и на телевидении обсуждали, не подвел ли «Поиск звезд» свою звезду. Разве не на их ответственности находилась Лирохвост? Разве не по их недосмотру случилась беда? Могли бы приложить больше усилий для защиты участников шоу, могли бы заранее проводить психологические тесты и обеспечивать помощь психотерапевта до конкурса, во время и после. И в целом не пора ли шоу талантов более внимательно отнестись к душевному состоянию этих самых талантов?

Джек Старр давал интервью CNN, Sky News и каким-то иностранным агентствам новостей, разъясняя, как дороги ему все участники шоу, в первую очередь он заботится об их благополучии, все остальное второстепенно.

– Никто не мог предугадать последствий первого выступления Лирохвоста, никто не был к этому готов. И никто не мог предвидеть, как зашкаливающая популярность скажется на человеке. Это было ново, неожиданно для всех, и за случившееся все разделяют ответственность – и студия, и СМИ, и зрители, и даже сама Лирохвост. Беспрецедентное событие. Огромный талант. Я хочу беречь и опекать и ее талант, и ее саму, – говорил Джек. – Поверьте, мы все только об этом и думаем. Ведь, в конце-то концов, это шоу-бизнес. Развлечение. Если не получать удовольствие, то в чем смысл? Лирохвоста мы спрашивали, и не раз, готова ли она продолжать. Дойдет она до конца вместе с «Поиском звезд» или

нет – решать только ей. Мы на нее ни в коем случае не давим.

– Джек, – напомнил ему какой-то журналист, – вы могли бы лучше представлять себе возможные последствия славы, вы же сами прошли через это, когда были музыкантом. А иначе зачем иметь такого наставника, ментора, как вы, от кого новичок может узнать и о позитивных, и о негативных сторонах шоу-бизнеса?

Джек уставился на интервьюера, словно оцепенев. Не знал, как отвечать. Изумление, шок, признание вины – все эти выражения быстро сменялись на его лице.

– Так Лирохвост примет участие в финале?

Джек собрался с духом:

– У Лирохвоста много сторонников, но и критиков немало. И она... она им всем утрет нос.

Лора выключила телевизор в своей комнате, и наступила тишина. Ей нравилось сидеть в комнате. Словно в коконе. Занавески задернуты днем и ночью. Комната голая, в бледных тонах, ничего общего с ее жилищем в Корке. Как и весь дом, обставлена она скудно, нет ощущения, что здесь кто-то живет, кому-то это место принадлежит. У дома и сада не было личности – ничего, кроме брошенных в саду качелей. И Лоре такое отсутствие индивидуальности импонировало. Кремовые и бежевые краски, бледный пушистый ковер. Она снова съежилась под одеялом и закрыла глаза. Прислушалась, не вернутся ли звуки, но их не было.

Совсем не было.

Ничего.

Часть III

Во время линьки лирохвост в первую очередь сбрасывает два тонких и узких пера, похожие на проволоку и имеющие форму лиры, которые при распущенном хвосте поднимаются над основным веером и остаются под острым углом к другим перьям все время, пока птица поет...

Когда линька хвоста заканчивается, первые несколько недель только внимательный наблюдатель отличит самца от самки. В этот период самец предпочитает уединение, и его почти не слышно... он не танцует и редко поет... Более того, общий вид его печален и горестен. Тщательные и длительные исследования показали, что самец Menura – чрезвычайно гордое и тщеславное существо, которое, лишившись своей красоты, чувствует себя посрамленным. Он безутешен и оттого склонен прятаться.

Эмброуз Пратт. Легенды о лирохвосте

Глава тридцать пятая

Бо сидела в опустевшей и тихой квартире и смотрела на часы. Соломон еще не вернулся из Голуэя и даже не позвонил. И она не звонила. Не знала, сегодня он вернется или завтра. И кажется, ей было все равно. В последнее время ничего хорошего они друг другу сказать не могли, и стало ясно: это конец. Не ухабистый участок дороги, где нужно сбавить скорость, подумать, всмотреться в себя и происходящее, – нет, огромный стоп-сигнал, который прямо-таки вопил им обоим: «Остановитесь!» Дальше пути нет.

Вот она сидит за столом, мысли мечутся, Бо пытается снова собрать свою жизнь. Замысел документального фильма рухнул. Преследовать Лору по суду, как предлагал отец, она никогда и не думала, и о фильме пора забыть. Нужно двигаться дальше. Пока это все, что она знает. Но двигаться куда? И растерянность – еще не самое худшее, что с ней случилось. Пострадала, пусть не очень сильно, ее репутация, но опять-таки и не это мучает Бо. Главная беда – как заставить себя взяться за следующий сюжет, не разобравшись с прежним? Соломон не совсем прав со своими упреками – в историю Лирохвоста Бо вложила душу.

Зазвонил телефон, и при виде высветившегося номера сердце екнуло. С тех самых пор, как они разошлись и начался ее роман с Соломоном, Джек всегда ухитрялся позвонить в самый тяжелый момент. Словно на расстоянии чуял, когда она наиболее уязвима, готова его принять. Все эти дни юридической тяготы из-за «прав на Лирохвоста» Бо втайне молилась, чтобы возобновились эти звонки, – а ведь сама же просила его прекратить.

– Алло!

– Привет, – сказал Джек тоном человека, признающего свое поражение.

– Спасибо, что перезвонил наконец. – Она и не пыталась скрыть свой гнев.

Он вздохнул:

– Бо-Пип, мне нужна помощь.

Это было странно. Таким она его не помнила.

– Тут последние дни черт-те что творится. С ума можно сойти. Я страшно устал, Бо, – сказал он и умолк на миг. – Думал, научился на собственных ошибках, мало я, что ли, их натворил. Думал, теперь я знаю,

как помочь новичку. Не допущу, чтобы с участниками моего шоу случилось то же, что со мной. Думал я... – Он тяжело вздохнул. – Я все испортил. Все, я сдаюсь. К черту адвокатов. Всех к черту. Мне нужна твоя помощь.

– Моя?

– Лирохвост не выходит из своей комнаты. Уже несколько дней. Ни с кем не разговаривает, не издает свои звуки. Без нее финала не будет. И мы не можем давить на нее, мы слишком на виду сейчас. Все так за нами и следят. Ждут, чтобы шоу провалилось, чтобы она осрамилась. Послушай, когда это случилось – что сенсация стала важнее таланта? Ее я ни в чем не виню. Я через все это и сам проходил.

Бо ничего подобного не ожидала. Она готовилась к яростному спору о правах.

– Бо, нам нужна твоя помощь. Ты ее лучше знаешь. Что нам делать?

– Я подсказывала, как нужно организовать полуфинал. Говорила тебе – лесная тема. По нотам расписала, что нужно делать, а вы все испортили.

– Знаю, знаю, виноват, – повторил он. – Накосычили. Я гордился тем, как защищаю талант, и вовсе не ждал такого. Знаешь, она чем-то похожа на меня, она сейчас – каким я был, когда у меня все пошло прахом. Меня тоже откинуло назад... – Голос его затих. – То есть нет, пить я не стану, – кажется, он старался убедить прежде всего себя. – Ни за что. Но сигарету выкурил. Одну. Надеюсь, ты дашь мне еще шанс, – пошутил он невесело, не веря в успех.

– Давай встретимся? – Бо выпрямилась, мгновенно наполнилась энергией – вернулась прежняя Бо. Она беспокоилась за Джека и была счастлива, что вновь оказалась востребованна. Снова в деле.

– Давай, – выдохнул он. – Нам нужна помощь. Любая. Срочно нужна твоя помощь.

– Сделаю все, что в моих силах. – Она уже встала и торопливо швыряла в сумку необходимые вещи. – Один маленький совет для начала.

– Слушаю.

– Называй ее Лорой, – мягко подсказала она.

– Хорошо! Понял! – отозвался он.

Глава тридцать шестая

Лора проснулась рывком, сердце резко билось, в ушах пронзительно свиристело. Может быть, ей приснился кошмар, который она забыла при пробуждении, но паника все еще заставляла трепыхаться ее сердце. Что-то ее напугало. Снизу доносились голоса других финалистов, они болтали, смеялись, пили после очередной драмы, в результате которой один участник шоу покинул дом, а другой занял его место.

Из «Поиска звезд» выгнали певца кантри Кевина, обнаружив, что его контракт со студией звукозаписи еще не истек. Никто из участников шоу не должен иметь иных обязательств, нарушающих эксклюзивные права StarrGaze на новооткрытый талант. Больше всех радуется Брендан, вот только бедняга не знает одного: когда Кевин вернулся за своими вещами, Элис сделала ему на прощание подарочек. За стеной у Лоры слышался скрип изголовья и в такт с ним гортанные вскрики Кевина: «Господи Иисусе!» Тайные любовники обсудили ближайшие публикации в журналах, возможность поучаствовать в шоу знаменитостей «Большой брат», после чего Кевин упаковал ковбойские сапоги и шляпу и был таков.

На освободившееся место взяли двенадцатилетнюю акробатку. Она торчала в саду, отрабатывала прыжки через горящий обруч под наблюдением родителей, одетых в одинаковые тренировочные костюмы с ее именем и фотографией на спине.

Элис быстро осушила слезы после расставания с Кевином и уже бранилась в коридоре с Бренданом, упрекавшим ее в недостатке внимания и сосредоточенности. Лора села на постели и прислушалась. Сосредоточься на своей карьере, твердил Брендан, подумай о себе и обо мне. Элис резко ответила: она сыта по горло, ей нужна личная жизнь помимо карьеры, это шоу – ее путь в большой мир. Лучше бы она Брендану пулю в сердце пустила.

Но сквозь их спор Лора слышит какое-то чириканье, свист. Этот звук исходит не от нее. Уже несколько дней, как все звуки замерли, словно в ее гортани опустилась шторка. Включив свет, Лора садится и оглядывает купающуюся в приглушенном оранжевом свете комнату.

А сердце все никак не утомится.

Она стала медленно вдыхать и выдыхать, стараясь успокоиться, недоумевая, откуда эта тревога. Уже несколько дней спальня служит ей надежным убежищем. Шторка в гортани стала плотной завесой,

отделяющей Лору от всего мира, – на какое-то время это позволило ей почувствовать себя в безопасности, защищенной. А сейчас она словно в ловушку угодила, стены как будто смыкаются вокруг нее. В комнате, еще недавно казавшейся просторной, вдруг закончился воздух. Клетка.

Чирикание или свиристенье послышалось снова, и Лора догадалась наконец, откуда этот звук. Сбросив одеяло, она поспешно оделась, выглянула в окно. Два часа ночи, фотографы разошлись поспать, ее никто не увидит. Сложила в рюкзак кое-какие вещи и небольшие суточные, выплачиваемые студией. Выбраться отсюда не так-то просто: хотя до ближайшей деревни несколько минут пешком, в темноте не дойти. Придется вызывать такси, а телефоны есть только на первом этаже. Элис и Брендан, продолжая спорить, прошли дальше по коридору. Лора осторожно открыла дверь и двинулась по коридору на цыпочках, молясь о том, чтобы не наткнуться на Элис, которая, похоже, о каждом ее шаге сообщала журналистам.

Скрипнула под ногами половица, напугав Лору. Но вроде бы все разошлись по своим комнатам отсыпаться или готовиться к финалу – уже завтра. Она вошла в гостиную и собралась звонить в службу такси, как вдруг в дверях возникла какая-то фигура.

– Алан! – испуганно шепнула она.

– Лора! – Он тоже растерялся. – Что ты здесь делаешь?

– Вызываю такси.

– Я тебя отвезу.

– Ты даже не знаешь куда.

Он пожал плечами:

– Сейчас где угодно будет веселее, чем здесь.

Она улыбнулась сочувственно:

– Что не спишь так поздно?

– Единственное время, когда можно порепетировать. Днем тут какое-то безумие. Слишком много нас, и все друг за другом следят. Завидую тебе порой, закрылась в комнате и сидишь безвылазно.

– Ну извини.

– Не за что извиняться.

– Мне нужно уехать, – заторопилась она.

– Но ты вернешься?

– Надеюсь, – честно ответила она. Да, она хотела вернуться, чтобы никого не подвести. Никто из тех, кто помогал ей, не виноват, что все так обернулась, только она сама и виновата. Но как принять участие в финале – без звуков? Уже и радио, и телевизор твердят, что Лирохвост забыла свои

песни.

У Алана был усталый вид.

– Иди спать, Алан. Завтра трудный день.

– Не могу уснуть. – Он потер глаза. – Никогда в жизни так не нервничал, – выдавил он из себя. – Вот Мейбл – она ложится вовремя, боится морщин.

Лора засмеялась:

– Очень хочу, чтобы ты победил. Никто этого так не заслуживает, как ты.

– Думаю, мы с тобой оба этого заслуживаем, – ласково отозвался он.

И они улыбнулись друг другу.

– Если один из нас выиграет, счастливы будем мы оба, – подытожил он. – Можно задать тебе вопрос? Почему ты согласилась участвовать? Казалось бы, ты не тот человек, чтобы заинтересоваться такой жизнью. Нет-нет, я никого не с-сужу, – он снова начал заикаться. – Если б ты знала мою историю, ты бы поняла, почему я в это влез. У меня ничего нет. Живу с мамой и папой. Я и Мейбл... вот и все. Если у меня тут ничего не выйдет, запасного пути нет. Все остальное я уже перепробовал. – Он горестно покачал головой. – Перепробовал и потерпел поражение. У меня нет никого и ничего, кроме Мейбл.

Лора призадумалась.

– Наверное, Алан, у нас много общего – больше, чем ты думаешь. Я тоже не знала, куда еще идти, если не в это шоу, но вот еще чего я не знала: что можно так усложнить, даже испортить себе жизнь, делая то, что я умею и люблю.

Он грустно улыбнулся:

– И это нам еще повезло. А если бы мы так ничего и не поняли?

И, пока она обдумывала его слова, добавил:

– Пойду за ключами.

Им удалось выбраться из дому незамеченными, хотя Лора была готова и к тому, что в прессе появятся сообщения о ее тайном романе с Аланом. Элис была способна на все, лишь бы подорвать позиции конкурентов. Несомненно, это Элис – источник утечки «о закулисных разногласиях Лирохвоста с продюсером».

До города они доехали спокойно и быстро, в такой час движение почти прекращалось.

– Квартира того звуковика? – спросил Алан, припарковавшись перед домом.

– Да, – подтвердила Лора. – А ты откуда знаешь?

– Видел тебя с ним, – ответил он. – Мейбл думает, между вами что-то есть.

Лора откинула голову на спинку сиденья.

– Мейбл ошибается. Ничего между нами нет.

И постаралась не расплакаться.

– Ну, не знаю, Мейбл довольно проницательна, – возразил, присматриваясь к ней, Алан. – Бьянка оставляла тебе его телефон, ты же знаешь.

– Знаю, – вздохнула она. – Но я не могла позвонить. После такого позора.

– Лора, надо это пережить и забыть. Когда мой брат женился, я напился так, что пустился в грязный танец с его тещей. Сам я наутро ничего не помнил. А потом посмотрел запись. Я разодрал на себе рубашку и прижимался к ней голой грудью. Хватал ее за лицо, чуть в глаз пальцем не ткнул. И если после этого я не прячусь от нее на семейных праздниках – в дни рождения, на Рождество и на Пасху, – обойдется все и у тебя.

– Спасибо, Алан, – засмеялась она.

Он не хотел уезжать, пока не убедится, что Лора вошла в подъезд, но она схитрила: сделала вид, будто звонит в домофон, помахала Алану рукой – и он поехал обратно в дом для финалистов, несомненно беседуя по дороге с Мейбл, невидимо присутствовавшей в машине.

А Лора зашла под балкон и прислушалась. На миг ей показалось, будто Соломон перебирает струны гитары. Она с надеждой подумала, что этот звук издала она сама, но нет, на ее связках все еще плотно лежит та загадочная шторка. Девушка подняла глаза к окну комнаты, где она спала в окружении вешалок с его рубашками и футболками. Ей нравился запах его вещей, их присутствие – музыкальное оборудование, гитара в углу комнаты, аппаратура для звукозаписи. Она вспомнила, как Соломон занимался любовью с Бо, и сердце заныло. Нет, нужно держаться от него подальше. Нужно жить без него. Она приехала сюда не затем, чтобы войти в их квартиру.

Снова то чириканье в голове, звук, пробудивший ее от кошмара. Столы и стулья, принадлежавшие ресторанчику на первом этаже, на ночь не убрали, только составили в угол, у витрины. Это сгодится. Она старалась двигаться как можно тише, помня, как отчетливо доносится в ту комнату, где она прежде спала, любой звук снизу. Правда, она восприимчивее к звукам, чем большинство людей: только Соломон слышит так же ясно, как она. Его слух натренировался в ту пору, когда Соломон музицировал, совершенствовался благодаря работе в звукозаписи – всегда напряжен,

отслеживает фон. Составив один на другой четыре стула, Лора попыталась вскарабкаться наверх. Но пирамида вышла неустойчивая, и не хватало высоты. Она подтащила под балкон стол, стулья взгромоздила на него. Стол она поднять не осилила, ножки шаркали по асфальту – Лора задрала голову, проверяя, не потревожила ли жильцов. Свет нигде не горел, балконы пусты, из окон не выглядывали растрепанные головы. Она использовала еще один стул как приступку, чтобы забраться на стол. Уцепилась за раму окна в кафе и стала подниматься выше по стульям. Новая конструкция вышла достаточно высокой, чтобы добраться до балкона, однако опасно кренилась под ее весом. Пришлось рискнуть – ухватиться одной рукой за перила, подтянуться, поставить ногу на балкон, в то время как вторая нога все еще опиралась на самодельную лестницу из стульев. Набрав в грудь побольше воздуха, Лора сделала рывок и встала обеими ногами на балкон, пока снаружи, держась за перила. При этом она оттолкнулась от верхнего стула, и все это сооружение опрокинулось со стола на землю, грохот разнесся по кварталу до самого канала. Затаив дыхание, Лора прижималась к перилам балкона – авось никто не разглядит ее в темноте. Вероятно, пока что ей ничего не грозило, но спуститься тем же путем она не сможет – сама уничтожила пути к отступлению.

Она снова услышала птичью трель и пустилась искать клетку. Пол балкона уставлен коробками с игрушками, игрушки надо убирать на ночь, заботливая мама использует каждый уголок небольшой квартиры, чтобы разместить имущество ребенка. Лора пришла сюда освободить птицу. Она так долго слушала ее из квартиры Соломона и Бо, так долго наблюдала за ней и подражала ее голосу, что, хотя говорить по-птичьи и не умеет, эту песенку разгадала: «Я в плену. Выпустите меня». Но тщетно она искала на балконе клетку. Птица исчезла.

Чувствуя себя совершенно беспомощной, бесполезной, никчемной, Лора расплакалась.

Вдруг внутри вспыхнул свет, и Лора запаниковала. Прыгать на стол? Высоко и опасно. Если стол перевернется под ее весом, она рухнет на асфальт. Все-таки рискнуть?

Занавеска отодвинулась, появилось женское лицо. При виде Лоры хозяйка квартиры закричала. На польском. Лора выпрямилась, показала ей открытые ладони.

– Все в порядке, – сказала она, догадываясь, что женщина ее не слышит, а если бы и услышала, понимает ли она по-английски? – Прошу вас...

В квартире Соломона тоже вспыхнул свет.

Паника лишила Лору способности рассуждать. Нельзя, чтобы он застал ее здесь, не так, не в таком виде. Дверь соседнего балкона отодвинулась, Соломон, заспанный, шагнул наружу. Голый по пояс, тренировочные штаны сползают с бедер. Даже в своем паническом состоянии Лора ухитрилась внимательно его рассмотреть. Соломон потерял глаза, словно не веря тому, что перед ними предстало.

– Лора?

Она снова заплакала, чувствуя себя дурой – нелепой, жалкой и вместе с тем счастливой только оттого, что снова видит его. Все эти взаимоисключающие чувства разом.

Соломон постучал в дверь. Он слышал, как визжит внутри Катаржина, плачет ее ребенок. Дверь она не открыла, но, похоже, разговаривала с кем-то внутри квартиры. Разговаривая, она вскрикивала и рыдала, маленький мальчик вторил ей. Соседи выходили из своих квартир и сонно взирали на Соломона, который молотил кулаками в дверь, – похоже, главным виновником переполоха сочли его. Но он ни на кого не обращал внимания. Главное – попасть в ту квартиру.

– Кася! – крикнул Соломон еще громче, и плевать на шиканье и шипение соседей.

Наконец Катаржина открыла дверь. Испуганные глаза покраснели от слез, двумя ручьями стекавших по щекам, она усиленно шмыгала носом, укачивая на руках младенца и прижимая к уху телефон. Старший мальчик цеплялся за ее ногу.

– Я Соломон, ваш сосед, – заговорил Соломон, и ужас на лице полки сменился растерянностью. Они не были знакомы, обменивались на ходу приветствиями, если сталкивались на площадке, и ничего более.

– На балконе грабитель, – прорыдала она и вновь пулеметной очередью выстрелила по-польски в телефон. Оставив дверь открытой, Катаржина ушла внутрь квартиры, держась при этом как можно дальше от балкона – видимо, страхась того грабителя, что сидел, оказавшись в ловушке, на каменном полу, уткнувшись лицом в ладони.

– Вы полицию вызвали? – спросил Соломон.

– Что?

– Полицию.

– Нет! Мужа! Друзья приедут.

– Нет-нет, – заговорил он и попытался отобрать у нее телефон, объяснить все тому человеку, с кем она говорила, но соседка сильно ударила его по руке, застала врасплох. Младенец взвыл громче прежнего, а мальчик исхитрился пнуть чужака. – Кася, послушайте же! – взмолился

Соломон, спеша ее успокоить, чтобы она перестала орать в трубку. – Это ошибка. Это не взломщик. Моя подруга. На балконе не взломщик. Это моя подруга.

Катаржина смолкла наконец и подозрительно уставилась на Соломона.

– Это недоразумение. Моя подруга хотела сделать мне сюрприз. Перепутала балкон.

По правде сказать, Соломон понятия не имел, зачем Лора влезла на этот балкон, может, и правда ограбить квартиру задумала, но в любом случае он будет стоять за нее до конца. Мужа Катаржины ему довелось как-то раз увидеть. Иметь дело с его друзьями – врагу не пожелаешь.

– Ошибка! Она влезла на ваш балкон по ошибке!

– Зачем она лезла на ваш балкон?

– Это... Это... Романтика, понимаете? Шекспир. «Ромео и Джульетта». Балкон. Знаете? Честное слово, она не воровка. Это недоразумение. Скажите мужу, не надо звать друзей.

Катаржина обдумала услышанное и снова выпустила в трубку пулеметную очередь гневных слов.

Пока она трещала, Соломон открыл раздвижные двери и, сев на корточки, окликнул Лору. Та съежилась на полу, обхватив себя руками, и еще больше сжалась, когда заскрипела дверь. Ноги подтянула к животу, обхватила руками, уткнулась лицом в колени.

– Все в порядке, – шепнул он, придвигаясь ближе, пытаясь заглянуть ей в лицо.

– Я хотела ее освободить, – ответила она сквозь слезы.

– Кого освободить? – нахмурился он.

– Птицу. – Она подняла наконец глаза. – Я слышала птицу. Это меня разбудило. Она хочет на волю. Я пыталась ее освободить, но ее тут нет...

Так вот что она хотела сделать!

– Ох, Лора! – Он обнял ее, прижал к себе, крепко прижал, почувствовал прикосновение обнаженной кожи там, где топ высоко задрался на ее талии. Поцеловал Лору в макушку, вдохнул аромат ее волос. Так бы и стоял вечность. Она прижималась к нему с тем же отчаянием, с каким он обнимал ее. Всем своим существом он отдался этим объятиям, растворился в этой минуте.

Она оторвала мокрое лицо от его груди и заглянула ему в глаза. При этом движении ее лоб скользнул по его обнаженной груди – его кожу кололо иголками, от ее кожи исходил жар. Сердца их стучали в унисон. Она задрала подбородок, чтобы смотреть ему прямо в глаза, их губы оказались так близко, что дыхание смешивалось. В его глазах она нашла тот ответ,

который был ей нужен. Увидела желание в его расширенных зрачках. Улыбнулась ему.

И тут к двери подошла Кася. Младенец все еще рыдал у нее на руках.

– Пошли, – шепнул он.

Никуда идти ему не хотелось, но надо выбираться, пока не явился муж. Лора покорно двинулась следом, их руки сами нащупали друг друга, сцепились. В этот момент, распрямившись, Соломон увидел фигуру на соседнем балконе. На балконе своей квартиры. Бо. Наблюдала за ними.

– Ох, простите! – шмыгала носом Лора, свернувшись в кресле, поджимая под себя ноги. Даже укрывшись одеялом, она все еще дрожала. И не могла смотреть в глаза ни Соломону, ни Бо.

Они оба смотрели на нее с дивана. И хотя они снова образовали треугольник, позиции в нем сместились – Бо как можно дальше отодвинулась от Соломона, на самый край дивана.

– У меня был кошмар. Я проснулась и почувствовала, что я в клетке, и я услышала птицу.

– Что именно услышала? – уточнила Бо в надежде вызвать у нее звук.

Лора подумала и покачала головой – ни звука.

– Наверное, я схожу с ума. – Она устало потерла глаза. – О чем я только думала!

– Нет, ты совершенно нормальная, – тихо ответила ей Бо. Соломон от нее такого не ожидал.

Не обращая внимания на Соломона, Бо принесла из кухни стул и пододвинула его вплотную к креслу, села напротив Лоры. То ли нарочно загородила от него женщину, которую он с первой встречи пожирал глазами, то ли не хотела смотреть на него, чтобы не сбиться, – этого Соломон не знал.

– Вокруг тебя творилось безумие – вот в чем дело. Как можно было ожидать, что ты с этим справишься? Вот ты и нашла выход. Стала по балконам лазить.

Лора изумленно вытаращилась на Бо, и обе они расхохотались, дав выход нервному напряжению.

– Это канарейка. У меня такая в детстве была. Они живут в клетках. А по ночам их уносят в дом, в тепло, – пояснила Бо.

– Ох! – в очередной раз хлюпнула носом Лора. – Мне следовало это знать.

– Думаю, дело не столько в желании выпустить канарейку, сколько в твоих ощущениях – ты попала в ловушку, ты хочешь освободиться, –

подсказала Бо.

Соломон был ошеломлен этим разговором. Сидел тихо, впервые поверив, что Бо может справиться и с этой проблемой – с Лорой.

– Все были так добры, – сказала Лора. – У меня ни единой причины не было сходить с ума. И ты, и Соломон были так добры ко мне, внимательны, гостеприимны. – Она быстро глянула на Соломона и тут же отвела взгляд, не желая предавать Бо, которая так хорошо все понимала. – Я не хотела вам все портить. Не хотела подводить, ставить в неловкое положение.

– Ничего такого и не было! – Бо сердилась не на Лору, на саму себя. – Мы... Нет, я вправе говорить только за себя. Я обязана была тебя защитить, а я бросила тебя на съедение. Я видела, что происходит, но сказала себе, что это для твоей же пользы. Это была неправда.

Лора и Соломон слушали ее с изумлением.

– Нет, наоборот, ты меня спасла, – возразила Лора. – Я очень благодарна за все.

– Не за что благодарить, – негромко ответила Бо. – Прошу, пойми: мы все были в таком восторге, какая ты замечательная, уникальная, невероятная, – мы потеряли голову. Твой талант...

– Нет у меня никакого таланта, – перебила Лора. – Вот у Алана – талант. Он репетирует ночами, каждую ночь, отрабатывает свой номер. Сначала пишет сценарий, потом разыгрывает его и сам чинит свою куклу, когда она обтреплется. Пятнадцать лет путешествует по всей стране, готов выступать всюду, куда позовут. Его освистывают, над ним смеются, платят гроши – он идет на все, лишь бы оттачивать свое искусство.

При слове «оттачивать» она снова увидела Гагу с ножом, но ни звука – ни в голове, ни вслух. Эта внутренняя немота еще больше побуждала ее говорить о других:

– Элис, какая бы она ни была противная, по четыре часа в день проводит в спортзале. Каждый день. В рот не возьмет ничего вредного. Складывается, словно на тысяче шарниров, всю жизнь посвятила своему искусству. Спаркс – он занимается карточными фокусами с семи лет. С семи! И репетирует по шесть часов ежедневно. Селена поет словно ангел, а еще у нас есть двенадцатилетняя девочка, прыгающая сквозь огонь. Вот это талант. А я что? Странное существо, разевает рот и подражает всяким звукам. Ничего оригинального. Вроде попугая или... или мартышки. Какой-то каприз природы. Урод, годный для цирка, а не в шоу талантов. Я – подделка, фальшивка. Меня правильно назвали лгуньей. Ничего подлинного, уникального, оригинального – я воспроизвожу чужие звуки и зачастую даже сама этого не замечаю. Мне тут не место, я прекрасно это

понимаю. Нельзя мне было вторгаться в вашу жизнь, в ваши отношения – я же вижу, что я натворила, я прошу за это прощения... – Слезы все лились. – Но я не видела другого выхода. Не знала, куда еще пойти. Некуда больше – и вернуться нельзя. Я стараюсь, все время стараюсь двигаться дальше, но за что бы ни схватилась – не нахожу опоры... – Голос ее сник, заглушенный слезами.

Соломон сам едва не плакал. Если бы не Бо, он бы уже вскочил, подошел к ней, обнял, он бы ее целовал, каждый сантиметр ее тела, говорил бы ей, какая она красивая, какая талантливая, совершенство во всем. Самая талантливая, самая уникальная, самый подлинный человек, какого он видел. Сказал бы, что она околдовала его сразу, ей достаточно для этого просто быть самой собой. Но он не вправе: здесь, в одной комнате с ними, Бо, и любым словом, любым движением он выдаст себя – предаст Бо. И он сидел молча, пленник, заточенный в собственном теле, смотрел, как женщина, которую он полюбил, разваливается на куски и рыдает перед той женщиной, которую он пытался любить.

И вдруг женщина, которую он пытался, но не сумел полюбить, сказала все за него – лучше, чем он, – и он всегда будет ей за это благодарен.

– Позволь я объясню тебе про твой талант, Лора. – Бо говорила с большой убежденностью. – Часть его заключается в умении передать красоту мира. Ты подмечаешь мельчайшие детали в людях, животных, вещах – во всем. Ты слышишь то, чего мы не слышим вообще или давно перестали слышать. Ты подхватываешь все это и предъявляешь нам. Напоминаешь нам о забытой красоте.

Говорят, я то же самое делаю в моих фильмах. Показываю людям характеры, судьбы, которые оставались невидимыми. Нахожу сюжет, человека и помогаю ему раскрыться всему миру. Ты делаешь это с помощью звуков. Иногда достаточно мгновенно ускользающего запаха, чтобы перенестись в прошлое, – так, вдохнув аромат маминых духов, я снова попадаю в детство. Но ты одним звуком переносишь всех зрителей в другое время и место. Ни одно сердце не остается равнодушным. Пойми же это, Лора!

Соломон рассказывал мне, как ты повторила песню его матери на семейном празднике, и Мари сказала, что ничего прекраснее в жизни своей не слышала. Она играет на арфе уже пятьдесят лет, но впервые услышала свою мелодию по-настоящему – от тебя. Понимаешь ли ты, как это важно? Помнишь Кэролайн? Ты увидела ее впервые, а через минуту она уже со слезами на глазах вспоминала, как маленькой девочкой сидела под столом, когда ее мама строчила на машинке. Ты видишь, что ты делаешь с людьми?

Раскрываешь всю красоту мира, печаль повседневности, чудо обыденного. Лора, тебя взяли в шоу после того, как ты шестьдесят секунд подряд изображала кофемашину.

Они засмеялись – все трое.

– Ты необходима людям. Ты очень важна. Ты уникальна – и заслуживаешь показаться на этой сцене больше, чем многие другие. Что с того, что тебе не пришлось репетировать, – из этого никак не следует, что ты чем-то хуже. Разве подлинный гений непременно требует жутких усилий? Если тебе твой талант достался даром, от этого он не перестал быть талантом. Скорее это еще большее чудо. Наверное, в этом и заключается главный урок, который ты преподавала всем: твой дар идет изнутри. Он природный, редчайший. Богом данный.

– Он пропал, – шепнула Лора.

– Просто затаился. Как икота – пропадает, если человека напугать. Ты сильно испугалась, и звуки исчезли, но они живут в тебе. Надо их вернуть.

– Как?

– Может быть, они вернуться, если ты вспомнишь, с чего все началось. Сейчас ты утратила любознательность, любовь ко всему вокруг. Верни это – и вернется вдохновение.

Бо оглянулась на Соломона, словно передавая эстафету. Неужели она в самом деле хотела сказать то, что ему послышалось? Смущенный взгляд, печальный, но решительный тон. Бо встала:

– До завтрашнего вечера еще есть время. Сегодня я поработала с Джеком, мы пытались придумать сцену, в которой ты почувствуешь себя естественно. Без дурацкого кордебалета и секси-медведей. Чтобы все было как дома. Ну... Я, пожалуй, пойду, а вы все обсудите, ребята.

Снова она глянула смущенно и на глазах у Соломона принялась собирать вещи. Он попытался что-то сказать, но слова не шли с языка. Да и правильно ли он понял? Бо зашла в спальню, Соломон услышал, как она расстегивает чемодан.

Он оглянулся на Лору: осознает ли она значение этой минуты? Но Лора пребывала в своем собственном мире, перебирая все то, что сказала ей Бо.

Соломон последовал за Бо в спальню. Она действительно собирала вещи.

– Бо...

– Бо... – одновременно с ним заговорила с порога Лора.

– Да, – ответила она именно Лоре.

– Ты сказала, если бы я припомнила, с чего все началось...

– Была у меня такая мысль.

– У тебя камера под рукой?

Бо слегка покраснела.

– Я не имела в виду... не просила тебя...

– Знаю, что ты не имела этого в виду. Но я хочу тебе рассказать.

– Лора, мы не можем снимать фильм. Юристы StarrGaze Entertainment не оставили нам ни малейшей лазейки.

– Мне плевать, что они себе думают. Мой рот, мои слова, мои мысли – они принадлежат мне, и только мне.

Соломон и Бо переглянулись. Соломон кивнул.

Рейчел была в роддоме с Сюзи. У Сюзи начались схватки. Но Лора хотела рассказывать немедленно, здесь и сейчас. Бо установила камеру на треногу. Соломон проверил звук. Оба работали быстро и без суеты. Настало время для истории Лоры.

Глава тридцать седьмая

Изабел становилось все хуже. Она быстро слабела. Домашние средства не помогли – все то, что они изобретали, делали для нее сами. От лечения в больнице она отказалась наотрез. Не желала проходить химиотерапию, полагалась на альтернативные методы, специальную диету. Провела очень тщательное исследование. Вместе с Гагой. Они всегда так делали, и как будто все, чему они в жизни научились, было подготовкой к этой беде. Изабел очищала печень, соблюдала диету с высоким рН, то есть ела богатую щелочами пищу, чтобы улучшить кислотно-щелочной баланс. А когда не смогла больше есть, пила по тем же правилам отвары.

– Если мне суждено умереть, – протянув руку, мать утерла слезу на щеке дочери, – по крайней мере, умру здоровой.

Лора улыбнулась, шмыгнула носом, втягивая в себя слезы, и поцеловала мамину руку.

Ателье перенесли в дом, чтобы, ремонтируя одежду, Гага и Лора могли одновременно ухаживать за больной, но клиентов Гага по-прежнему принимает в гараже. К ним в дом никто не входил. Укрывать от мира Лору всегда было для них первостепенной задачей, хотя теперь бабушке ужасно не хотелось даже на полчаса уходить от больной дочери. Лора понимала: хотя рядом с мамой остается она, Гага предпочла бы сама сидеть с ней. Она запустила работу, торопливо спроваживала клиентов, лишь бы не отлучаться надолго. Матери становилось все хуже, они дежурили возле нее ночами, договаривались по очереди, но обе они боялись проспать ту самую минуту. В один из таких дней, когда Гага все-таки вышла в гараж к клиентке, Лора осталась с мамой одна. И по ее дыханию поняла – что-то с ней происходит.

– Мамочка! – позвала Изабел тонким, словно детским голосом.

Первое слово за несколько дней молчания.

– Я здесь, мама, это Лора. – Лора взяла ее руку, поднесла к своим губам.

– Мамочка! – повторила больная. Широко раскрыла глаза и огляделась по сторонам в поисках Гаги.

Лора метнулась к окну, выглянула из-за шторы: что там делается? Гага все еще оставалась в гараже, на подъездной дорожке стояла чужая машина. Лора переводила взгляд с матери на гараж, чувствовала себя в

ловушке, никогда еще в жизни не попадала в такую безнадежную ситуацию. Если позвать бабушку, клиентка тоже услышит, а то и увидит ее. У них был нерушимый договор: никто не должен знать о Лоре, пока она не достигнет совершеннолетия. Давний, безусловный, необсуждавшийся договор. И думать нельзя о том, чтобы открыться миру, когда ей нет еще и шестнадцати.

Лора разрывается между двумя невозможностями: мамино дыхание слабеет, она уходит, Лоре нельзя звать Гагу, нельзя допустить, чтобы ее обнаружили, но не может же она позволить маме уйти, думая, что ее все оставили!

Паника жаркой волной заливает тело, пот выступает на лбу, течет и по спине. Сердце трепещет. Ледяной страх. Мама уходит... Лора готова орать, звать на помощь – но не может, потому что тогда ее разлучат и с бабушкой тоже. Она потеряет все.

Нельзя, чтобы мама умирала, чувствуя себя сиротой, какой станет она без мамы. Нельзя, чтобы Гага узнала – ее дочь умерла, сознавая, что ее нет рядом. Лора села ближе к маме, закрыла глаза и усилием воли призвала все свои способности, чтобы решить эту невыносимую проблему, помочь им обоим.

Она громко запела. Словно со стороны она слышала голос Гаги, голос немолодой женщины с йоркширским акцентом. Изабел крепко сжимала ее руку.

В темном лесу, заросшем бурьяном,
Дерево сломано ураганом.
Сморщились почки, повисли ветки,
Остов темнеет в тумане редком.

Ни пауков, ни медведей хищных
В том бору не найдешь, не сыщешь.
Лишь иногда прилетает Птица
И на поваленный ствол садится.

От ее рулад или песен дивных
Вьются шмели над ягодой дикой,
Паутиной заткана сень лесная,
И цветы растут, лепестки роняя.

И, пока поет волшебная Птица,

Успевают дерево исцелиться –
Так искусный мастер латает вещи, –
И приходят звери на голос вещий.

Ненадолго дерево оживает,
А вокруг него дети, смеясь, играют.
Улетит Вещунья на сказочный остров –
И опять в буреломе темнеет остр³ов.

Соломон и Бо, затаив дыхание, следили за Лорой. Изменился не только голос, когда она запела ту песню, которой провожала мать: в нее словно бы вошел дух ее Гаги. Настоящее чудо. Бо обернулась к Соломону, посмотрела ему в лицо в первый раз с той минуты, как своей волей расторгла их отношения. Глаза ее были полны слез. Он потянулся к ней, взял ее за руку и почувствовал ответное пожатие. Лора открыла глаза и посмотрела на их руки – соединенные.

Бо вытерла слезы. Лора улыбнулась ей.

– Это был... – Бо откашлялась, справилась с эмоциями и попробовала снова: – Тогда ты впервые осознала свой дар?

– Да, – тихо ответила Лора. – Тогда я осознала это впервые. Но, когда осознала, поняла также, что делаю это не в первый раз.

Бо кивнула, попросила ее продолжать.

– Однажды, за много лет до того, мне сказала Гага. Мы лежали на траве за домом, я плела венок из ромашек. Мама читала книгу, она любила романы про любовь, бабушка их терпеть не могла. Иногда мама читала какую-нибудь фразу вслух, чтобы поддразнить Гагу. – Лора засмеялась. – Так и слышу, как они пререкаются. Бабушка затыкала уши и пела: «Ла-ла-ла».

Но сейчас Изабел не читает вслух. Все тихо. И вдруг Гага расхохоталась.

– Отлично вышло, Лора, – похвалила она.

Девочка понятия не имела, о чем это она.

– Прекрати, – сказала бабушке мама, отрываясь на миг от книги.

– Что такое? Этот звук был лучше прежних. Она совершенствуется, Изабел. С этим не поспоришь.

Лора приподнялась и села.

– В чем я совершенствуюсь?

Мама приподняла брови, подавая какой-то сигнал бабушке.

– Ни в чем, крошка, ни в чем. Не слушай Гагу, она уже старенькая.

– Дело известное. Но с ушами у меня пока все в порядке, – подмигнула внучке Гага.

Лора захихикала:

– Так расскажи мне!

Мама отложила книгу. Глянула на Гагу – не одобряя, но сдаваясь. Она как бы дала ей разрешение говорить, но просила быть осторожнее.

– Ты замечательно умеешь подражать звукам, детка. Не замечала за собой?

– Звуки? Нет! Какие еще звуки? – засмеялась Лора, думая, что бабушка ее разыгрывает.

– Всевозможные звуки. Только что ты жужжала, как пчела. Я уж подумала, сейчас меня ужалят. – Она тоже засмеялась, колыхая животом.

– Нет! Не было такого! – растерялась Лора.

Мама снова поглядела на Гагу, чуть встревоженно.

– Было, было, маленькая моя пчелка. – Прикрыв глаза, бабушка подставила лицо солнцу.

– Я не жужжала, зачем ты так говоришь? – У Лоры уже дрожал голос.

– Жужжала, я слышала, – спокойно повторила Гага.

– Не надо, мама.

– Ладно, – сказала Гага, поглядев на дочь одним глазом, и снова зажмурилась на солнышке.

Лора уставилась на них обеих. Бабушка растянулась в шезлонге, мама читает книгу. В ней вспыхнула ярость.

– Ты врешь! – крикнула она и опрометью бросилась прочь со двора, в дом...

– Сколько лет тебе было? – уточнила Бо.

– Семь. Потом мы долго об этом не говорили. Наверное, год. Мама не хотела, она понимала, как меня это расстраивает, и настрого запретила Гаге обсуждать это со мной.

– А почему тебя это расстраивало, как ты думаешь?

– Представь, что тебе то и дело говорят, будто ты делаешь то, чего ты вовсе за собой не замечаешь?!

Бо улыбнулась, потом прикусила губу. Посмотрела на Соломона, чуть поддразнивая:

– Пожалуй, да, мне знакомо это чувство. Кажется, будто сходишь с ума. И сердишься на того, кто тебе это говорит.

Соломон прекрасно понял, к чему это она.

– Даже если знаешь, что о тебе же заботятся, – подхватила Лора. – Даже если понимаешь, что тебя ни в коем случае не обманывают: если ты этому человеку доверяешь, то тем более начинаешь сомневаться во всем. Однажды мой звук напугал маму. И тогда она решила поговорить со мной начистоту.

– Что за звук?

– Полицейское радио. – Лора сглотнула. – Я умею повторять только звуки, которые слышала. Конечно, рацию я могла услышать и в телевизоре, но маме показалось, рация была настоящая. Этот звук всегда внушал им ужас. Мама потребовала объяснить, где я его слышала, но я не понимала, о чем она. Не знала, какой звук я повторила. Постепенно нам удалось разобраться. Я услышала это однажды, когда их обоих не было дома. Я сидела у себя в комнате с задернутыми шторами, как полагалось. Когда живешь в уединенном домике, нужно принять меры предосторожности на случай, если кто-то вздумает подобраться и заглянуть в окно.

– Тебя оставляли дома одну – в семь лет? – встревожилась Бо.

– Они пошли в лес за травами, за грибами. Я предпочла остаться дома и почитать. Услышала, как подъехала машина. Легла на пол и заползла под кровать. Услышала мужские шаги по гравию. Под окном. Кто-то встал прямо у меня под окном. А потом я услышала треск полицейского радио. – Ее и сейчас трясло, когда она это вспоминала. – Я ничего не сказала маме и Гаге, когда они вернулись. Не хотела их пугать. Ничего же не случилось, так что можно было не рассказывать. Но мои звуки все-таки меня выдали.

– Как это восприняла мама?

– Запаниковала. Бросилась к Гаге. Заставляла меня снова и снова повторять эту историю, уточняла, что я слышала, что именно я слышала. Пока я совсем не запуталась. Я знала, что они не любят полицейских, но не знала почему.

– Этого они тебе не сказали?

– В тот день я задала этот вопрос. Я думала, они боятся, что меня заберут из-за моих звуков. И когда я это сказала, мама усадила меня и рассказала мне все. О себе и о Гаге. Рассказала все.

– Все?

Лора оглянулась на Соломона. Глубоко вдохнула.

– О том, как умер мой дед.

Соломон снял наушники:

– Лора, ты уверена? Бо, наверное, пора выключить камеру.

– Уже выключила. – Бо тоже обернулась к нему, глаза ее расширились. Они оба читали в таблоиде статью, в которой Изабел и Хетти обвиняли в причастности к смерти их отца и мужа. Эту историю Бо слышала и в Корке, когда собирала сведения о семье Лоры. За этим сюжетом она погналась, впервые интервьюируя Лору в доме Гаги, а теперь не решается его записать. Не уверена даже, что хочет знать правду. Как все изменилось.

– Лора, – мягко заговорил Соломон, откладывая микрофон в сторону, – ты не обязана нам это рассказывать.

– Думаю, надо это сделать.

– Нет-нет, – подхватила Бо. – Не думай, что ты кому-то должна. Я не собираюсь на тебя давить.

– И я тоже, – кивнул Соломон. – Вообще-то, – добавил он, вставая, – нам, наверное, пора сделать перерыв, поразмяться. Час уже поздний. Три часа. Долгая бурная ночь. А завтра ответственный день, и надо...

– Я должна рассказать – ради них, – сказала Лора. – Он больше не доберется до них.

– Кто не доберется? – переспросила Бо. – Дед? Или тот полицейский?

– Оба они. Я должна рассказать их историю до конца. Ради мамы и ради Гаги. Спрятав меня, они вынуждены были утаить и правду о себе. Они старались защитить меня, а теперь мой черед защитить их.

Соломон посмотрел на Лору, пытаясь понять, куда она клонит. Лора встретила с ним глазами, а Бо наблюдала за ними обоими и думала, что это происходит между ними с первой их встречи – невербальное общение.

Она отвела глаза, чтобы они чувствовали себя свободнее, чтобы самой чувствовать себя свободнее, уйти от неловкой ситуации. С самого начала она видела, как между ними завязалось что-то, и сама подталкивала их ближе друг к другу, поощряла их, чтобы заполучить эту историю, – использовала Соломона, чтобы подобраться к Лоре. Самой себе она лгать не станет: так все и было. Соломон пытался соблюдать дистанцию, он осознавал свои чувства, но нет – она толкала его все ближе к Лоре. Их ей упрекнуть не в чем. Себя она тоже винить не будет, но трезво видит все как есть – видит все разумно и уравновешенно. Что-то большое, значимое соединяет этих двоих, хотя, может быть, Соломон это еще не вполне понимает. Соломон, такой пристальный к ее изъяснам, так точно оценивающий других людей, не умеет сделать шаг в сторону и присмотреться к себе.

Но то, что происходит между ними – как это ни назови, – помогает им принять решение.

– Хорошо, – сказал Соломон, проводя рукой по длинным волосам. – Раз ты этого хочешь.

Такой у него мягкий голос, такой нежный, столько понимания – говорил ли он так хоть раз в жизни с Бо? И слышит ли сам, как сейчас заговорил?

– Хочу, – твердо повторила Лора и кивнула, рассыпав волосы по плечам.

Она сидела в кресле перед задернутыми кремовыми шторами, сбоку разливался теплый свет лампы, на спинку кресла Бо подложила зеленую подушку, чтобы ярче засияли глаза Лоры.

Соломон сидел напротив и все это время не сводил с Лоры глаз. Бо казалось, что она вторгается в чужой разговор, и она сообразила, что так она чувствовала себя каждый раз, когда они оказывались все вместе в одной комнате. Уголкем глаза она следила за Соломоном: как он надевает наушники, подправляет звук. Вспоминала, как часто он уходил в собственный мир, укрывшись за этими наушниками, – в работу или в собственную музыку. Звук был для него убежищем, как и для Лоры. Бо переводила взгляд с одного на другого. Кажется, они правда еще не все поняли – или не решаются понять из уважения к ней? Да, наверное, так. Ей хотелось обнять их обоих, а потом толкнуть друг другу в объятия. Идиоты эдакие.

– Ты готова? – спросила она Лору.

Та снова решительно кивнула.

– Мой дед бил их обоих. И Гагу, и маму. Он пил. Бабушка говорила, он и так-то был нехорош, а напившись, впадал в ярость. Сержант О’Грэди, участковый, был его закадычным другом. Они вместе учились в школе, а потом вместе пили. Гага не здешняя, она выросла в Лидсе. Приехала в Ирландию в семью, няней. Познакомилась с дедом, так все и вышло, она осталась здесь, но приживалась плохо. Она была не очень общительна, местным это не нравилось, а в итоге она совсем замкнулась. Дед был ревнив и придирчив, подмечал каждое слово, как она вела себя при людях, на кого не так посмотрела, так что она предпочитала уже никуда и не ходить. Ей и дома хорошо, говорила она. И все же дед становился злее, агрессивнее. Избил ее, она попала в больницу со сломанными ребрами. Так плохо стало, что она пошла к приятелю деда, к сержанту О’Грэди. Нет, она не собиралась подавать заявление, она просила его как друга поговорить с дедом, помочь ему остановиться. Но сержанту это пришлось не по вкусу. Он сказал ей, что во всем виновата она, это она так себя ведет, что муж теряет голову.

Она бы не стала больше обращаться к этому полицейскому, но потом дед избил маму. Бабушка сказала сержанту: либо он что-то сделает, либо она обратится в суд. А сержант О'Грэди передал ее слова деду. В ту ночь дед вернулся из паба пьяный вдрызг. Ударил бабушку и сказал, что маму сейчас будет убивать. Гага крикнула ей: «Беги!» – и мама выскочила из дома, кинулась к лесу. Дед погнался за ней, но его качало, так он напился, к тому же он плохо видел в темноте. Гага бежала за ним по пятам. Она видела, как он споткнулся, упал и ударился головой о камень. Тут он взмолился о помощи, просил вызвать «скорую». Она не помогла ему. Оцепенела, застыла на месте. Тот человек, кого она в молодости любила – кто только что в очередной раз побил ее и грозился убить их дочь, – лежал перед ней и захлебывался в ручье, а она сидела рядом и смотрела. Она сказала мне – так было лучше для всех. Она не была убийцей, она его пальцем не тронула – но и спасать не стала. Предпочла спастись сама и спасти свою дочь. – Лора вздернула подбородок: – Я горжусь ею! Горжусь тем, что они сделали. Я рада, что им хватило сил защитить себя единственным доступным способом. Бабушка уже все перепробовала – поговорить с его другом, обратиться к закону, – а вышло только хуже. Дед сам себя загубил.

– Но почему они скрывали тебя?

– Потому что сержант О'Грэди не оставлял их в покое. Первые несколько месяцев он таскал бабушку на допросы ежедневно, он и маму терзал, хотя ей было тогда всего четырнадцать лет, он ее тоже допрашивал. Обвинял в убийстве обеих. В любой час дня и ночи заезжал к ним. Запугивал, сулил упрятать в тюрьму на всю жизнь. Они жили в страхе – но и уехать не решились.

Мама искала подработку, так она в какой-то момент устроилась к близнецам Тулин. И у нее был роман с Томом Тулином. Не знаю, как долго это длилось, но все закончилось, когда мама забеременела. Она не сказала Тому о ребенке. Она боялась, что сержант О'Грэди каким-то образом меня отберет, найдет способ лишить ее прав. И бабушка этого боялась. Поэтому они меня спрятали. Они не хотели, чтобы я жила, как они, в страхе, чтобы он мучил меня. Они защищали меня как умели.

– Как ты думаешь: то, как они поступили, какую жизнь выбрали для тебя, – было правильно?

– Они делали что могли. Защищали меня. Я могла в любой момент уехать из домика Тулинов, но я была там счастлива. Я с детства привыкла прятаться, мне нравилось. Нравилось смотреть на мир со стороны, издали. А будь иначе, я бы не впитала в себя все звуки вокруг. Звуки стали словно

частью меня. Я впитывала их как губка, потому что в моей жизни оставалось свободное место. Там, где у других людей тревоги, переживания, бесконечные проблемы со всех сторон, у меня – ничего. Я могла быть собой.

– Быть собой, – задумчиво пробормотала Бо. – Чувствуешь ли ты себя вполне собой теперь, покинув коттедж? Оказавшись среди людей?

– Нет. – Лора опустила взгляд на свои руки. – Я перестала воспринимать звуки так, как прежде. Слишком много шума. Смешанного, смазанного... – Она поискала слово и не нашла. – Во мне, кажется, что-то сейчас сломалось, – печально подытожила она.

Глава тридцать восьмая

Соломон дольше обычного возился в прикомнатной ванной с чисткой зубов и вроде бы смотрел в зеркало, а себя не видел. Обернулся – увидел Бо с сумкой в руках.

На глазах ее блестели слезы.

Он поспешно выплюнул пасту, утер рот. Вернулся в комнату, зацепился бедром о выдвинутый ящик. Зашипел от боли. Пытался что-то сказать, слова не шли на ум, ничего уместного. Его охватила паника: настал этот миг – и, в конце концов, уверен ли он, что именно этого хотел? Не облегчение, а паника. Ужас. И он чувствовал себя обязанным принять происходящее, разобраться с ним, а не прятаться. Но так устроен человек, таково естественное чудо: перемены побуждают его усомниться в самом себе.

– Джек? – неловко откашливаясь, спросил он.

– Нет, – легко усмехнулась она. – Всего лишь – не ты.

Ответ показался ему до жестокости прямым.

– Полно, Соломон! Разве это сколько-нибудь неожиданно – для нас обоих?

Он рассеянno потер ушибленное бедро.

– Ты влюблен в нее, – торопливо пробормотала она. Утерла непрошеную слезу. Бо никогда не умела толком плакать.

Соломон изумленно раскрыл глаза.

– Даже если ты сам еще этого не понял – это правда. Никогда не могла тебя разгадать. Что ты знаешь и только прикидываешься, будто этого нет, а что ухитряешься заблокировать. Иногда ты так ясно все видишь, а в другие моменты не понимаешь самого себя... Впрочем, у всех так, правда? – Она грустно улыбнулась.

Соломон подошел к Бо, крепко ее обнял. Уронив сумку, она тоже обхватила его руками. Он поцеловал ее в голову, как пришлось.

– Жаль, что у нас не получилось. Наверное, я виноват...

– Наверное! – фыркнула она, и он отпустил ее, поморщившись. Бо рассмеялась, подхватила с пола сумку: – Ну не я же виновата, скажи?

– Ты – никогда! – широко ухмыльнулся он, качая головой. И все же чуточку ему было грустно. Словно какую-то часть себя он терял с ней.

Бо помедлила у двери, заговорила очень тихо:

– Ты все делал правильно. И у нас было много хорошего. Но когда в

нашу жизнь вошла она – что-то с нами произошло. Ты сказал однажды: она каждому подносит зеркало. Мне не понравилось то, что я увидела в этом зеркале – какими я нас увидела, – тем более что я увидела и другое: каким ты можешь быть на самом деле.

Он почувствовал, как вспыхнули щеки.

– Она спасла нас, мне кажется, – продолжала Бо, изо всех сил борясь со слезами. – Слыханное ли дело: спасти парочку, разбив ее? Видимо, совсем мы никуда не годились.

– Неправда! – вступился он. Да, их отношения идеальными не назовешь, но и хорошего у них было немало. Не были они неудачной парой – вполне друг другу подходили, просто не навсегда. Но зачем же задним числом обесценивать то, что было? – Куда ты пойдешь?

– Только не к родителям. – Она скорчила гримасу.

– К Джеку? – повторил он свой вопрос.

– Пора бы тебе забыть о нем, – рассердилась Бо.

– Это тебе пора, – завелся он, и Бо с еще более выразительной гримасой отвернулась.

Разуму вопреки в эту минуту Соломон пуще прежнего возненавидел Джека и мечтал врезать ему покрепче.

– Я помогу «Поиску звезд» подготовить выступление Лоры в финале, ты, главное, привези ее завтра в студию. На неделе я заберу свои вещи. Не трогай мое белье.

– Постараюсь удержаться, – пообещал он, скрестив руки на груди. – Беда в том, что от кружева я завожусь.

Пряча улыбку, она толкнула дверь.

– Чудное у нас вышло расставание.

– Да и парочка была чудная.

– Могу себе и почуднее представить, – заметила она, глянув через его плечо.

Он обернулся, решив, что там стоит Лора, но дверь соседней спальни была закрыта. Когда же он снова повернул голову к Бо, за ней уже захлопнулась дверь. Только тут он заметил, что слегка дрожит – от потрясения, от потери. Он уставился на закрытую дверь в комнату Лоры, перебирая сказанное Бо.

Влюблен в нее.

Вот и ответ на мучившую его проблему: что правильнее – беречь нечто ценное и редкое или делиться им? Его любовь к Лоре была драгоценной, любовь такой силы нечасто настигает человека. Но этой любви лучше оставаться неразделенной. Лоре будет без него лучше, он завел ее в эти

дебри, и ничего хорошего она от него не видела. Для такой девушки он – вовсе не подходящая пара. Драгоценный дар нужно беречь, не присваивая.

Теперь его задача – вытащить Лору из трясины, куда он ее завел, из хаоса, в который превратилась ее жизнь. Он выдернул эту птицу из ее гнезда, переломил ее жизнь – и с тем ее оставил. Он все сделает, чтобы помочь ей, исцелить и восстановить. Закрывая за собой дверь спальни, Соломон прислушался к тому звуку из комнаты Лоры, который более всего его пугал. К тишине.

Глава тридцать девятая

В пять утра Соломона разбудил телевизор в гостиной. Лора, значит, так и не уснула. Особых надежд, что она сможет сегодня выступить – день уже наступил, солнце взошло, – не оставалось, да и не очень-то это Соломона беспокоило. Он прикинул, велик ли будет ущерб, если она вовсе не появится в финале. Студии Лора ничего не должна, но у нее есть обязательства перед самой собой. Публике внушили ложное представление о ней, и хотя, казалось бы, с какой стати переживать, если о тебе плохо думают те, кого ты и знать не знаешь, все-таки, когда у человека есть такой дар, когда он может поделиться с миром чем-то настолько прекрасным, нужно добиваться, чтобы этого человека увидели и поняли. Лора не должна никому, но самой себе должна – выступить в последний раз, от своего имени, предстать такой, какой она хочет быть. Он не знал, что задумала Бо, но доверял ей. То, что она сказала и сделала в эту ночь, убедило Соломона: в Бо есть подлинное величие и все полученные за этот год награды не случайны. В своем деле она лучшая, она умеет рассказать историю так, чтобы покорить умы и сердца.

Он не мог уснуть и, хотя старался держаться от Лоры подальше, особенно в тесной квартире, не мог оставаться в постели, зная, что она сидит в гостиной. Разумеется, он не набросится на нее без приглашения, но, черт, он бы, пожалуй, хотел. Лучше и близко не подходить. И – все это понимая – он снова поднялся и, не удосужившись надеть футболку, выглянул из спальни. Лора сидела на диване спиной к нему и смотрела фильм о близнецах Тулин.

Соломон молча наблюдал за ней. Она натянула на себя его футболку, устроилась на диване, поджав ноги, волосы спутались, свалялись от беспокойного метания в постели. У него сжалось сердце. Он хотел сказать ей что-то – теплое, утешительное – о ее отце, о дяде, – но тут Лора перемотала запись на несколько секунд назад и снова прослушала то же место. Нельзя было вмешиваться, пусть смотрит или слушает то, что ей так важно. А он ждал, глядя на нее. Минуту спустя она снова отмотала запись назад и снова включила, напряженно выпрямившись. Соломон перевел взгляд на экран. Братья на горе, со стадом овец. Снова Лора включила с того же места.

Не время было заговаривать с ней. И может быть, такое время никогда не наступит. Он тихо прикрыл дверь, лег и уснул. А за стеной Лора снова

перемотала запись и снова ее включила.

Когда дверь у нее за спиной приоткрылась, Лора не решилась отвести глаза от экрана. Мурашки побежали по коже, пробил озноб. Она сидела оцепенев. В квартире они остались вдвоем, она слышала, как уходила Бо, слышала обрывки их разговора, запрещала себе вслушиваться – из уважения. Она разрушила их отношения, так хотя бы не мешать им попрощаться по-человечески, разобраться в том, что произошло. Пока все это происходило, она лежала в постели с широко раскрытыми глазами, не чувствуя, вопреки позднему часу, усталости. В комнате пахло Соломоном – тот самый запах, что она учуяла в первый день в лесу.

Она почувствовала его прежде, чем учуяла его запах.

Она учуяла в дыхании ветра его запах прежде, чем его увидела.

Она наблюдала за ним, прежде чем он ощутил ее присутствие.

Глядя на него из-за дерева, она поддалась необоримому желанию – чтобы и он увидел ее. Не так, как было в детстве. Тогда она следила за детьми, играющими в лесу, и хотела бы поиграть с ними, но знала, что нельзя, и по большей части ее вполне устраивала роль наблюдательницы. Этого было достаточно. Но когда в тот день она встретила в лесу Соломона, она словно утратила разум – эгоистически хотела привлечь его взгляд. Намеренно стала издавать звуки, чтобы он обернулся. Этот момент навсегда изменил ее жизнь. Не смерть матери, не решение Гаги поселить ее в коттедже, не смерть отца. Самый рискованный шаг, на который Лора отважилась за всю свою жизнь, – звук, которым она привлекла внимание Соломона. Она хотела, чтобы этот мужчина ее увидел.

И на миг там, в лесу, он принадлежал ей.

Тогда все изменилось, жизнь распалась на две части: до встречи с Соломоном и после.

Жесткий ком встал в горле: Лора вспоминала, как мечтала о прикосновении его рук, о его поцелуях, как пыталась себе это представить, напрягая воображение. Сила или нежность? Каким будет его поцелуй? Краем глаза она следила за ним и Бо, видела, что в нем есть доброта и мягкость, гадала, будет ли он и с ней таким – или совсем другим? Не могла отделаться от мыслей о вкусе его кожи, его языка. С той самой минуты, как увидела его, – все время об этом думала.

Она знала, что не имеет на это права. Запрещала себе эти мысли, но ее все равно тянуло к нему. Мама и Гага учили ее: нельзя отбивать мужчину у другой женщины. Они бы ее поведение не одобрили, она и сама была собой недовольна, хотя это вроде бы всего лишь мысли. Уцепилась за Соломона,

как утопающий за плот, ни о ком больше не думая. Она понадеялась, что разлука, поездка в Австралию, это огромное расстояние помогут оторваться от него. Или знакомства с другими мужчинами. Может быть, ее чувство так болезненно обострено потому, что она никого другого не знала. Но напрасно она на это надеялась.

Не помогли ей ни новые знакомства, ни отвлечения. Его запах... не просто его любимый одеколон, но запах его кожи. Пока она жила в его квартире, спала в его комнате, этот запах окутывал ее со всех сторон. Она утыкалась лицом в подушку, вжималась в подушку – словно к нему прижималась лицом. И стонала от разочарования, потому что всего этого было мало. Чувствовать его запах вокруг, быть так близко к нему, но снаружи. Нет, всего этого мало. Этой ночью она не смогла уснуть, перебралась на диван, чтобы хоть как-то отвлечься.

Почувствовав его присутствие за спиной, она замерла, не дыша. Закрыла глаза – а фильм тем временем продолжался, – ждала, что он подойдет, его губы на ее затылке, его руки на ее бедрах, повсюду. Эти мысли – и его близость – напугали ее. Лора поспешно открыла глаза, заставила себя сосредоточиться на фильме, на том, что говорили ее отец и дядя. Сердце сильно стучало, и не потому, что она вновь видела отца.

Пока что этот фильм ничем ее не порадовал. Пожалуй, даже усугубил ее одиночество. Она надеялась ощутить связь, обрести корни, чтобы голова больше не кружилась, найти какую-то точку опоры посреди всего, что с ней происходило. Вернуть себе чувства, вернуть слух, вернуть свои звуки. Но она не могла избавиться от обиды: все время, пока снимался этот фильм, она жила там же, на ферме, но в фильме нет ни следа, ни намека на ее существование.

– Вы никогда не думали жениться, завести детей? – задала Бо вопрос им обоим, и Лора насторожилась.

Джо покачал головой, чуть посмеиваясь, чуть смущаясь. Жениться? Его старое морщинистое лицо при таком вопросе вдруг превратилось в лицо застенчивого подростка.

– У меня тут дела. На ферме. Полным-полно.

– Конечно, какая баба его захочет? – поддразнил Том.

– А ты, Том? Никогда не думал о браке, о семье?

Обдумывая этот вопрос, он молчал дольше, чем Джо.

– Все, что у меня есть, все, что мне нужно, – здесь, на этой горе.

Лора нажала на паузу. Снова сильно забило сердце – и на этот раз из-за отца. Она перемотала и снова просмотрела эту сцену. Следила за тем, как Бо задает один и тот же вопрос двум мужчинам, склонившимся над

копнами сена, кепки заслоняют их лица. Рейчел – великий оператор, но эти двое близнецов сами по себе – благодарнейший материал для кино. Они и состарились одинаково.

Еще раз та же сцена.

Ее отец.

– Все, что у меня есть, все, что мне нужно, – здесь, на этой горе.

Здесь, на этой горе.

О, как бьется сердце! Она велит себе успокоиться, всмотреться внимательнее, та ли это гора. Мало ли что. Вдруг у него есть еще дети, на других вершинах, рожденные другими женщинами, после того как ее мать рассталась с ним. Нелепое предположение, но в таком важном деле она должна разобраться в точности. Она снова поставила на паузу, вернулась назад и снова проиграла тот же эпизод.

На четвертый раз она уверилась окончательно. Он тщательно обдумал ответ – так тщательно, что Джо удивился его молчанию, оглянулся с мальчишеской улыбкой на лице. Что-то братишка о девчонках призадумался, фыркнул он.

Что же там было, на горе у Тома? Джо, его дом, его ферма, овцы, собаки. Его воспоминания. И его дочь. Она жила на этой горе, и, значит, в своей ответ он включил и Лору. Пусть он не любил ее так, как обычно родители любят детей, но он признал ее и дорожил ею. И это для Лоры важнее всего.

Лишь теперь, когда она это поняла и продумала, она вспомнила, что в гостиную заглядывал Соломон. Со счастливой улыбкой обернулась к нему. А он ушел. И дверь в комнату закрыл. Улыбка тут же померкла, но затем она вспомнила слова Тома и пошла спать, чувствуя себя так, словно отец только что ее обнял – чего он никогда не делал. До этой минуты.

Глава сороковая

Соломон негромко постучался в комнату Лоры. Не получив ответа, забарабанил громче.

– Лора, я...

Дверь открылась. На ней была его рубашка – и больше ничего. Зеленые глаза сонно приоткрылись, утренний свет был чересчур ярким. От нее пахло сном, пахло теплой уютной постелью, Соломон готов был – буквально – наброситься на нее. Впился в нее жадным взглядом, пока она протирала глаза, – длинные ноги, изящные бедра, полускрытые его футболкой.

– Извини, что взяла твою рубашку, – пробормотала она. – Следовало попросить разрешения, но... – Она не могла сообразить, что сказать себе в оправдание, а ему-то и вовсе было все равно.

– Не за что извиняться. Все хорошо. Великолепно. Ты прекрасна. Тебе очень идет, – запутался он в словах. Горловина была ей широка, все три верхние пуговицы Лора оставила расстегнутыми, и он видел, как начинается изгиб ее груди, а если наклониться, тогда там, где одна сторона распахнута чуть больше, он, наверное, увидит...

Тут она заметила тарелку у него в руках.

– А, да. Я приготовил тебе салат из курицы. С гранатом. Просто потому, что нынче гранат суют во все подряд.

Она растроганно улыбнулась.

– Поешь, прежде чем ехать на студию, это лучше, чем тамошняя синтетика. – Он присмотрелся к своему блюду и пожал плечами: – Хотя не уверен.

Сам чувствовал, как путается в словах, взрослый мужчина, а в голове одно – уложить ее в постель. Так бы и поступить – но нельзя, нельзя, нельзя. Он погубит ее. И так уже многое ей испортил. Усилием воли Соломон заставил себя выпрямиться и отступить, а то уже чуть не полез ей за пазуху.

– Через пару часов пора ехать. Ты полдня проспала.

– Ночью не могла уснуть.

Стоило ей вспомнить о вечернем выступлении, вернулся страх.

– И я не мог.

Их взгляды встретились. Он готов был поклясться – она его околдовала.

– Шоу в восемь. Ты выступаешь последней. Можем приехать туда в шесть – обычно приезжают заранее, но они сказали, тебе не нужно. Проверку звука проведут без тебя.

– А репетиция? – удивилась она.

– Сказали, тебе и это не нужно. Все будет хорошо, Лора, все будет в полном порядке. Это последний раз. Две минуты на сцене – и все. Используй их на всю катушку.

– Только я начала успокаиваться – и тут ты это сказал.

– Я вот о чем: ты должна показать им, кто ты есть на самом деле. Вернее, даже не им показать – быть собой. Все это увидят и поймут. – Поймав ее улыбку, он засмеялся: – Фигово у меня получается, да? В последний раз, когда меня выпустили на разогрев, двадцать человек ушли из зала еще до того, как началось основное.

Она засмеялась в ответ:

– Так распугай их и сегодня – мне будет легче выступать.

Взяв у него из рук тарелку, Лора прошла в кухню, села за стол. Он смотрел, как она ест, скрестив ноги, – босая. Сердце стучало оглушительно. Ему следовало уйти, но не мог же он бросить ее одну в квартире, на нем ответственность – присмотреть за ней, помочь ей собраться, привезти в студию. А то как бы она снова не принялась лазить по балконам.

При воспоминании о прошлой ночи он невольно улыбнулся.

– Что такое?

– Ничего. – Он сел за стол напротив нее. Всякий раз, как подумает, что нужно уйти, поступает наоборот. Но она так смотрит на него, что... – Вспомнил, как ты вчера разыгрывала из себя ниндзя.

Она прикусила губу:

– Повезло, что ее муж не приехал.

– Слушай, если он сегодня заглянет, я сразу в окно. Разбирайся с ним сама.

Он облокотился на стол, опустил голову на скрещенные руки, посмотрел на нее снизу вверх.

– Эй! – Ухмыльнувшись, она слегка пнула его под столом.

Они замолчали. Он смотрел, как она ест. Как она думает, как собираются морщины на лбу. Ее серьезность умиляла, каждая, на хрен, мелочь в ней его умиляла, а когда она вдруг взглядывала на него, он с трудом – напрягаясь всем лицом – успевал спрятать разоблачавшую его улыбку. Точно перевозбудившийся мальчишка двенадцати лет.

– В прошлый раз пришлось репетировать весь день. Все эти хитроумные танцы. А на этой неделе ничего не было. Не знаю, как это

понимать. – Она покосилась на Соломона. – Ты видел полуфинал?

С улыбкой так и не получилось справиться. Как бы Лора не подумала, что он смеется над ней.

– Видел, конечно, – признался он. – Это было ужасно.

Со стоном она запрокинула голову, длинная шея напряглась.

– Не твоя вина. Бо посоветовала их арт-директору лесную тему. Разумеется, она не имела в виду Златовласку и трех медведей. Ты тут ни при чем.

– Я говорила Джеку, что мне это не нравится, но они спросили: а что я сама могу предложить, и мне ничего другого не пришло в голову.

– То есть делай, как они велят, или никак.

Она кивнула.

– Это было совсем скверно?

Он стал припоминать, что он почувствовал, увидев ее. Казалось, что он не видел ее так давно – она ушла из квартиры жить в гостиницу, побывала в Австралии, все это время никаких контактов.

– Я был счастлив снова видеть тебя.

Она улыбнулась, ее глаза засияли.

– Но я знаю, ты можешь выступить намного лучше. Бо что-то готовит к сегодняшнему вечеру. Она всю душу в это вложила. Мне кажется, она хочет исправить ошибку, позаботиться о тебе.

И он бы хотел, только не знал как.

– Она мне ничего не должна, – нахмурилась Лора. – Все ошибки на моей совести. Я их признаю.

– Кстати, насчет признания ошибок... Та ночь с Рори...

Лора съежилась. Вот уж о чем она даже думать боялась.

Соломон выпрямился.

– Я подвел тебя. Сильно подвел. Сам я себе никогда этого не прощу, но я бы хотел извиниться перед тобой. Мне следовало заботиться о тебе, защищать. Дело в том, что я боялся... думал, что нельзя стеснять твою свободу. Ну, в общем, по некоторым причинам – моим внутренним причинам – не хотел мешать тебе. У тебя столько новых возможностей... – Он запнулся, поглядел на нее, соображая, можно ли продолжать.

– Я видела тебя три года назад, – вдруг перебила она, словно ни единого слова не слышала или ничего не поняла, но этого не могло быть, она так внимательно слушала. – Там, на горе. Я ходила в лес. Искала бузину. Том всю вырубил, она разрастается и лезет в живую изгородь, а мне ее не хватало, летом у нее вкусные ягоды, а цветы ее... впрочем, не важно...

– Продолжай, – попросил он.

– Цветы – это в бузине главное. Они придают замечательный вкус вину, любым напиткам, варенью. Гага настаивала на бузинных цветах ликер, его уже через полгода можно было пить. И я хотела отыскать куст, до которого Джо и Том не успели добраться, поэтому зашла дальше обычного, вышла из леса с другой стороны, и ты стоял там – глаза закрыты, наушники на шее, сумка с аппаратурой на плече. Тогда я не знала, что ты делал. Теперь понимаю, что ты прислушивался, проверял фон, но тогда ты выглядел таким безмятежным – вот что я увидела.

– Почему я не заметил тебя?

Она покачала головой:

– Потому что я этого не хотела.

– Это было три года назад?

– В мае. – Четвертого мая, она помнила этот день. И не только потому, что бузина как раз была в цвету. – Потом я спросила Тома, откуда ты. Он сказал, ты приехал снимать фильм. И что ты тоже любишь звуки. Вот и все, что он мне сказал. – Она сглотнула с трудом и заставила себя договорить до конца: – Я еще несколько раз подглядывала за тобой.

– Правда? – Он улыбнулся, а сердце билось резко. – Что ж ты меня не окликнула?

– Да, жаль, – тихо призналась она. – Каждый день, когда мне не удавалось тебя найти, я жалела о том, что не показала тебе на глаза в прошлый раз, – но когда находила, снова не хватало отваги. Так что теперь, когда я увидела тебя в лесу через три года, я уже не могла рисковать, поэтому я издала тот звук. Хотела привлечь внимание.

– Да уж, ты привлекла мое внимание. – Он потянулся к ней через стол, отодвинул тарелку и взял ее руки в свои.

Она ждала, когда же он ее поцелует.

И он хотел ее поцеловать, он так этого хотел. Обойдя вокруг стола, он прижал ладонь к ее щеке, потом притянул ее лицо ближе – и поцеловал ее, сначала слегка, и отодвинулся, чтобы заглянуть ей в глаза, убедиться, что можно продолжать. Ее зрачки расширились, зеленая кайма вокруг них казалась почти прозрачной. Она закрыла глаза и с жадностью ответила на его поцелуй.

Она почувствовала его прежде, чем учуяла его запах.

Она учуяла его запах прежде, чем его увидела.

Она наблюдала за ним прежде, чем он ее увидел.

Она узнала его прежде, чем он узнал ее.

Он полюбил прежде, чем посмел поцеловать.

Глава сорок первая

Напряжение, адреналин, восторг и страх излучали сами стены бывшей бойни. Сотни фанов уже собрались за ограждением к тому моменту, как подъехали Соломон и Лора, – махали плакатами, щелкали камерами, распевали песни любимых групп, не имевшие никакого отношения к шоу талантов, но объединявшие этих людей в некое братство. При виде машины все радостно завопили, у Лоры от звука стольких голосов свело желудок. Дрожь била и Соломона, а ему ведь не предстояло выступать. Если б Лора сейчас попыталась сбежать, он бы не счел ее трусихой. Она не обязана была проходить через такое.

Ограждение и вход в бывшую бойню охраняли мужчины в черной униформе с оранжевыми жилетками, с рациями на бедре. Собрались журналисты, неслыханное множество репортеров и фотографов, – шоу сделалось международным, и главный интерес состоял не в том, кто победит в итоге, а появится ли на сцене Лирохвост. StarrGaze блюла свой интерес, студия прекрасно понимала, что больше всего привлекает зрителей и СМИ, и никто не собирался укрывать Лору от назойливого любопытства – сама виновата, за всю неделю так и не сказала однозначно, будет ли выступать. Так что Майкл, хотя он почему-то проникся в последние дни добрыми чувствами к Лоре, предупредил: дверь машины он откроет с той стороны, где поджидают журналисты.

Он вылез из машины, и у Лоры с Соломоном осталось примерно полминуты до того, как буря поглотит их. Соломон осторожно пожал ей руку. Постель, где в тишине, в блаженной безмятежности они познавали друг друга, теперь была далеко, но у них были эти долгие часы, когда они могли прикасаться друг к другу, как желали, осуществляя давнюю мечту.

А теперь они на виду. Дверь машины открылась, их руки расцепились. Эту тайну следует хранить свято. Лора выглянула – навстречу вспышкам, морю лиц, камер, криков – приветственных, а порой и возмущенных: кое-кто так и не простил ей клубную ночь.

Майкл ободряюще кивнул, протянул руку, чтобы помочь ей выйти. Большая, теплая, крепкая рука, из многих придурков она вышибала дух, но про это Лоре знать не обязательно.

Она доверчиво оперлась на его руку, когда он осторожно вытаскивал ее из машины. Лора скользнула по кожаному сиденью, помня, что нельзя привставать слишком рано – камеры суют снизу. Теперь она ученая. На ней

была рубашка Соломона в зеленую клетку с кожаным поясом ржавого оттенка и такого же цвета высокие ботинки с замшевой бахромой на щиколотках. Под рубаху Соломона Лора надела свою короткую, из плотного хлопка, руки до самых плеч – в браслетах. Look от Лирохвоста, как писал журнал Grazia. Толпа вопила, журналисты, перекрикивая фанов, требовали интервью. Не зная, как себя вести, Лора помахала рукой, попыталась улыбкой извиниться перед теми, кто выражал возмущение, и позволила Майкл быстро провести ее к дверям. Внутри Лору ждала, улыбаясь, Бьянка.

– С возвращением! – сказала она весело. Ни капли сарказма в голосе. – Мы с тобой идем сразу к стилисту и парикмахеру. Времени мало. Все остальные прошли саундчек, одеты, загримированы, дают последнее интервью – и готовы к выступлению. Тебе настройка звука не нужна, так что у нас есть время до без четверти восемь. – Понизив голос, она взволнованно шепнула: – Поверь, ты будешь счастлива, – они для тебя такое придумали. Идем!

Она зашагала, Соломон и Лора – следом.

– Бьянка, ты что принимаешь, что такая радостная? – поинтересовался Соломон.

Лора усмехнулась.

– Отвали, Соломон! – фыркнула Бьянка.

– О, теперь я тебя узнаю.

Бьянка с трудом удержалась от улыбки. Она проводила их в гардеробную, где ждала Бо с каким-то незнакомым Лоре мужчиной.

– Лора, Соломон, – заторопилась Бо, слегка нервничая. У Лоры вспыхнули щеки при мысли, чем они с Соломоном только что занимались. Румянец выдал ее, и Бо конечно же это заметила, но виду не подала, ей другое в тот момент казалось важнее. – Это Бенуа, арт-директор финальной постановки. Он раньше работал с Джеком, и Джек попросил его помочь нам сегодня. Бенуа – волшебник, настоящий волшебник в своем деле!

Бенуа был лыс и с головы до ног одет в черное – такого стильного наряда из шелка и бархата Лоре еще не доводилось видеть. Круглые очки в золотой оправе, элегантная осанка и поза. И голос – успокаивающий, музыкальный, чуть ли не гипнотизирующий.

– Большая честь познакомиться с вами, Лирохвост, дорогая! – Теплыми пальцами он сжал ее ладонь. – Я большой поклонник вашего таланта. Надеюсь, вы одобрите то, что мы подготовили для вашего выступления.

– Никаких танцев в лесу? – намекнул Соломон.

Бенуа оскорбила сама мысль, будто он способен повторить провальный полуфинал.

– Нет, дорогие мои, на этот раз за дело взялись профессионалы. Так, времени у нас в обрез, – жизнерадостно добавил он.

– Как я рада! – воскликнула при виде Лоры Кэролайн. – Лучший-то номер у нас пойдет напоследок.

Лора улыбалась, расцветала от их любви, тепла, искренней радости. Бенуа сидел рядом и наблюдал.

– Лирохвост – можно так тебя называть? Знакомые Лоры у меня есть, а Лирохвост впервые.

– Конечно! – усмехнулась она.

– Спасибо! – Он склонил перед ней голову. – Мы придумали для тебя потрясающее зрелище. Завораживающее. Идея, по правде говоря, принадлежит Бо.

– И что же я должна делать?

– Быть самой собой. Никакого сценария, никаких голых по пояс медведей, никаких ужасов – будь собой и делай все, что захочешь.

Он увидел ужас на ее лице и тихо засмеялся.

– Да, моя дорогая. Быть собой – это самое страшное. Итак, – он раскрыл блокнот и показал ей набросок, – я нарисовал клетку в человеческий рост. Не для птицы, а для тебя, Лирохвост. Из полированной бронзы, мой друг сделал по особому заказу. Дорого, но это необходимые траты, и продюсеры «Поиска звезд» не стали спорить. Клетку подвешат под потолком над сценой. Я позаботился о специальных усиленных крюках, чтобы они выдержали вес, – не беспокойся, мы все проверили. – Он прикрыл глаза и растопырил пальцы. – Идеально. Внутри – качели. Ты сядешь на качели. На сцене будет установлен экран, так, чтобы ты его видела. Смотри, пожалуйста, на экран. Там появятся образы, сцены – смотри и реагируй так, как захочешь, теми звуками, которые покажутся тебе правильными. Это твоя история, Лирохвост, твоя жизнь. Мы разлучили тебя с твоими корнями... – Как великодушно он принял вину и на себя, хотя до этой минуты никакого отношения не имел к судьбе Лоры. – Настала пора тебе вернуться и стать собой. Выражай свою душу так, как пожелаешь.

Лора всмотрелась в простой набросок, который он ей показал, и улыбнулась:

– Спасибо.

– Твой костюм – тонкое трико. Золотое. Тончайший шелк, на который Кэролайн собственноручно нашила триста крошечных кристалликов.

Разумеется, под трико ты наденешь купальник телесного цвета. Красиво, правда?

– О да!

– Посмотри, как играет свет на кристаллах. Отличная работа, Кэролайн.

Кэролайн улыбалась и краснела.

Лора провела рукой по нежному шелку, кристаллы сверкали при каждом движении. Ей показалось, трико совсем маленькое, неужели налезет? Она оглянулась на Соломона, тот чуть насмешливо приподнял голову.

– О да! – подхватил Бенуа. – Мужчины при виде тебя с ума сойдут.

Лора смущенно покосилась на Бо, Соломон опустил голову. Бо отошла в сторону и смотрела куда угодно – на стены, на вешалки с нарядами, только не на эту парочку.

Бенуа продолжал расписывать костюм Лоры, не скрывая возбуждения.

– Кэролайн, покажи ей, пожалуйста, что мы припасли напоследок.

Он ни на миг не сводил глаз с Лоры. Впитывал ее реакцию, следил настороженно, понравится ли ей то, что она сейчас увидит. Мысленно она дала себе зарок: что бы это ни было, она выразит радость. Совершенно очевидно, сколько труда в это вложено, она видела, как важно все происходящее для Бенуа, и была ему благодарна. Но притворяться не пришлось: при виде того, что поднесла ей Кэролайн, у Лоры захватило дух, слезы хлынули из глаз. Это было так прекрасно.

Она осчастливила Бенуа своей искренней радостью. Он восторженно захлопал в ладоши:

– Самое красивое – для самой красивой.

– Ничего себе! – присвистнул Соломон.

Это были крылья, роскошная огромная пара крыльев, которые предстояло закрепить на спине. Они переливались кристаллами, как и трико, только здесь кристаллов были уже не сотни – тысячи.

– Десять тысяч, – сообщила Кэролайн шепотом, словно от обычного голоса хрупкие крылья могли сломаться. Впрочем, на вид они не казались хрупкими. Они выглядели большими и сильными. Размах – полных два метра. Огромные, величественные крылья, такие прекрасные, даже когда блестели и сверкали в этой тесной гардеробной, трудно вообразить, как они вспыхнут на сцене.

– Можно мне?..

– Конечно, конечно, это твои крылья, – захопотал Бенуа.

Лора подошла и потрогала их.

– И все эти кристаллы пришила ты? – спросила она Кэролайн.

– Все вместе. По рисунку Бенуа. Это было... – У Кэролайн тоже на ресницах повисли слезы. – Было радостно создавать такую красоту. Словно вернулись дни в колледже и... Словом, ты вполне это заслужила.

– Спасибо! – шепнула Лора.

Когда она взяла крылья в руки, комната наполнилась шумом, почти грохотом – так хлопает крыльями лысый орел, хотя здесь едва ли кто мог это угадать, как бьют по воздуху его крылья, когда орел замедляет полет. Этот грохот наполнил комнату, и все замерли, широко раскрыв глаза. Лора сначала подумала, что это звуковой эффект, и лишь потом поняла, что звуковой эффект создала она сама.

Кэролайн прижала руку к груди.

– Я же вам говорила! – шепнула она Бенуа.

– Подумать только! – пробормотал он, глядя на Лору, словно на живое чудо. Встав, распрямившись, он склонил перед Лорой голову, словно видел ее впервые. – За работу, Лирохвост. У нас еще много дел. Идею клетки мне подсказал один из моих любимых фильмов, «Зузу». Смотрела? – заговорил Бенуа, пока Лора переодевалась.

Она покачала головой.

Он втянул воздух сквозь зубы.

– Просто кощунство. Посмотри обязательно. Завтра все кинутся его смотреть. Жозефина Бейкер – первая чернокожая женщина, снявшаяся в большом кино. Есть сцена, когда она поет, поет, словно птица в клетке, щелкает, свистит – на качелях. Ключевая сцена, и фильм надо смотреть.

Под речи Бенуа Лора успевает присматриваться к происходящему в зале. Шоу меж тем началось. В финале шесть участников. Показывают короткие интервью, записанные с ними на неделе или в тот же день с утра: каждый говорит, как важно для него это состязание.

– Теперь или никогда!

– Сделай или сдохни!

– Лучшая песня в жизни.

– Самое главное для меня.

– Ради моих детей, пусть гордятся своей мамой.

– Они в любом случае будут гордиться, – шепнул ей Бенуа. – Мы-то с тобой это понимаем, Лирохвост.

Лора кивнула. Он действовал на нее успокаивающе, этот всевидящий и всеведущий пророк, чуть ли не тысячу раз побывавший на подобных выступлениях. Нет во всем этом ничего особенного – кроме, разумеется, того, что создали его руки, руки художника. Все будет хорошо. И Лора

действительно успокоилась.

Выступление Элис и Брендана – безупречно. Захватывало дух. Они все выше задирали планку возможного, отваживались на самые опасные трюки с огнем, с водой, с летающими мечами. Элис – сильная, напористая, Брендан – тонкий, хлесткий. Идеальная пара.

Спаркс совладал с дрожью в руках.

Двенадцатилетняя гимнастка отработала прыжки, сложные кувырки, огненное кольцо.

Никто ни разу не сбился. Рейчел привезла на финал свою Сюзи и сверток с новорожденным Бреннаном. Лоре позволили подержать на руках маленькое тельце, она растворилась в его криках. И наконец, когда на сцену вышел Алан, переговоры по рации в коридоре, завершившиеся стуком в дверь, вызвали у Лоры мгновенный приступ рези в желудке – за ней пришли, пора выходить. Она обернулась к Соломону – тот оглянулся на Бо, словно за разрешением.

– Да поцелуй же ее, черт побери! – прикрикнула она и демонстративно уставилась в стенку.

Глаза Рейчел расширились от удивления, она еще не вполне поняла, что тут происходит. Поцелуй затянулся. Наконец, оторвавшись от губ Лоры, Соломон шепнул:

– Будь собой. Насколько сможешь быть собой в золотом трико с двухметровыми крыльями.

Она фыркнула, расхохоталась в голос, и они оторвались друг от друга.

– Прелестно, – пробормотал Бенуа, притворяясь, будто лично он ничуть не растроган, но легкий блеск глаз его выдал.

Лора ждала за кулисами, крылья пока сложены: Бенуа не велел раскрывать их, пока она не войдет в клетку, при таком размахе крыльев в дверцу не пройти. Стоя позади сцены, она любовалась тем, как Алан покорял зрителей. Вот кто отточил каждую реплику, каждое движение, и теперь все казалось таким легким, естественным, но Лора-то знала, сколько работы в это вложено.

Мейбл заявила Алану, что уходит от него. Все, это окончательно. Она нашла другого. С этим мужчиной она чувствует себя иначе, говорит другим голосом. Кто этот мужчина? Джек Старр. Под аплодисменты Джек вышел на сцену и сунул руку в Мейбл – та содрогнулась, ей это непривычно, до сих пор внутри нее никого, кроме Алана, не бывало. И ее голос действительно зазвучал иначе – низкий, насмешливый. За эти дни Алан усовершенствовал куклу, теперь он управлял ее мимикой с помощью дистанционного пульта. Они яростно спорили, Алан и Мейбл, – Мейбл

захотела вернуться, а он ее отвергал. Стоял возле кулис, сложив руки на груди, Мейбл орала на него, и он кричал в ответ, а Джек, застрявший посреди этой перебранки, помирал со смеху. Наконец Алан согласился, Мейбл снова оказалась у него на руке, они воссоединились.

Зал взорвался.

Алан покори́л всех.

Выступление закончилось. Пустили запись, предваряющую выступление Лоры. Она услышала собственный голос, настоящий: рассказ о поездке в Австралию, о том, как это изменило ее жизнь. Ничего сенсационного, зато это чистая правда. Под рассказ, наложенный на сцены сельской жизни, Лора двинулась к сцене мимо Алана, который успел пожать ей руку и поцеловать в щеку:

– Ты справишься.

С потолка спустилась огромная клетка, и, хотя зрителям полагалось сидеть тихо, по залу прокатился подавленный вздох. Дверца распахнулась, Лора шагнула внутрь. Бенуа поскромничал: клетка была вовсе не такой простенькой, как на его рисунке, это было роскошное произведение искусства, прутья изгибались, словно виноградная лоза, на них росли ярко отполированные бронзовые листья. Лора села на качели, невидимые руки защелкнули ремень безопасности, и клетка захлопнулась, стала медленно подниматься. Лора прекрасно себя чувствовала в этом воздушном лифте, так хорошо, что ей чудилось – она светится изнутри. Повиснув высоко над сценой, она казалась себе разом и очень уязвимой – и волшебной всемогущей. Распрямилась – так удобнее всего на качелях – и сосредоточилась на экране, еще не зная, что сейчас будет, чего ждать от самой себя.

Вспыхнул свет – не все огни, только освещавшие клетку прожектора. Лора не сводила глаз с экрана. Она узнала кадры из «Близнецов Тулин», документального фильма Бо. Вид с птичьего полета на горы Гуган-Барры, ветряки, овечьи фермы. Ее гора, родной дом. Верхушки деревьев. На миг она прикрыла глаза и глубоко вздохнула. Как будто и правда перенеслась домой. Утренние прогулки, походы за травами и ягодами, дальние пути, земля пружинит под ногами, манят новые тропы. Звук шагов по мягкой земле, капли дождя падают на листья, все четыре времени года сменяются перед глазами. Птицы – их сердитые и радостные вскрики, возня, гнездование, поиски пищи. В отдалении – гул тракторов, вой бензопилы, автомобили.

Коттедж. Дом, где она жила. Вода кипит над огнем, поленья потрескивают зимним вечером, когда после трех темнеет и уже нельзя

выйти в лес. Жарится лук, запах наполняет комнату, ее собственный лук, с огорода. Будит поутру крик петуха, обе курочки уже снесли по яйцу, скорлупа разбивается о край сковороды, шипит на раскаленном металле белок, а вот коза – ее пора доить. Мирные звуки сменились завыванием бурной ночи, когда ветер чуть не срывает крышу. А это что? Похрапывает Мосси, хлопают крыльями совы, летучие мыши.

Глубже в прошлое – дом мамы и Гаги. На экране – комната, где они работали. Крутится пластинка, джаз, стрекочет швейная машинка, горячий уют шипит паром, ножницы режут ткань, падают со звоном на другие инструменты.

Фотография мамы и Гаги. Звон стаканов, смех двух женщин, обожавших друг друга. Им было хорошо вместе, им больше никто не был нужен, мать и дочь, сердце к сердцу.

Бывшая бойня, переделанная под студию. Первое выступление. Джек жует резинку, слепящий свет, камера, аплодисменты. Отсчет времени, переговоры по рации, та ужасная пьяная ночь. Фотографии в газете. Вспышки, обидные выкрики, нападки, та девушка в туалете, которая не захотела помочь, которая делала селфи, цокот каблуков по кафелю, хлопают двери, сливается вода из бачка, ревет фен для рук. Разбивается стекло, снова вспышки, орут репортеры, все выкликают ее имя, лица расплываются, расплываются звуки. Дурнота, голова низко свисает над унитазом, все звуки отдаются эхом, звуки рвоты. Ты как? Смятение... помогите, помогите... никто не хочет помочь.

И шум города. Слишком много звуков в Дублине, она не поспевает за всем, что атакует ее слух. Сирены «скорой помощи» и полиции, кофемашины, банкоматы, звонки мобильных, писк эсэмэсок, кассовые аппараты, видеоигры, шипение автобусных тормозов – все эти звуки в новинку для нее.

Полицейский участок, фотография Лоры, пытающейся закрыть лицо.

– Вы в порядке? – голос доброй женщины-полицейского.

И вдруг видео закончилось, и Лора увидела на экране себя сейчас – женщину-птицу, чей костюм переливается в свете прожекторов. Полный приключений путь привел ее – сюда.

Каким же звуком завершится это путешествие? Что прозвучит сейчас? Она умолкла.

Столько труда вложил Бенуа в эту работу, а она забыла крылья, она же должна была раскрыть крылья. Второпях она дернула шнур, и крылья распахнулись. Раскрылись широко, такие мощные, что чуть не сорвали ее с качелей.

Зрители охнули. Лора посмотрела на них – они присматривались к ней.

Ее путешествие еще не завершено. Она подумала о Соломоне. Как он смущенно откашливается. Как вздыхает, как стонет удовлетворенно, как перебирает гитарные струны. Счастье, настигшее в этот день их обоих. Волшебная мелодия, которую его мать исполняет на арфе. Волны, плещущие возле дома его родителей. Чайки. И когда они вдвоем и больше никого. Никто им больше не нужен, ничто не нужно. Нет, это не конец пути. Только начало.

Она подумала о Рейчел и ее маленьком сыне Бреннане и вдруг услышала его крик. Наверное, его принесли в зал, Рейчел и Сюзи смутятся оттого, что малыш закричал, нарушил тишину во время ее выступления. Но никто и глазом не повел. Все улыбались, многие утирали глаза. Ей понравился этот младенческий крик, он не был печален, она могла бы слушать его целый день, и под этот крик Лора принялась раскачиваться на качелях, ее крылья теперь полностью раскрылись.

На взлете она заглянула за кулисы и увидела тех, кто привел ее сюда.

Бо плакала.

Соломон глядел на нее – счастливый, улыбка до ушей, глаза сияют.

Всхлипывала Бьянка.

Даже Рейчел боролась со слезами. А Бреннан сладко спал на руках у Сюзи, и Лора поняла, что это не он кричал, это – она сама. Как же она не догадалась?

Клетка медленно опускалась на сцену. Лора оставалась на качелях, пока дно клетки не коснулось мягко пола. Зрители снова замерли, глядя, как она сходит с качелей. Помедлила в нерешительности: две минуты еще не истекли. Осталось пять секунд. Они отсчитывались на экране, висевшем теперь у нее над головой. На счет «один» дверь клетки автоматически открылась.

Мастерский штрих Бенуа. Она улыбнулась, благодарная.

Глава сорок вторая

Лора и Алан стояли посреди сцены «Поиска звезд», Джек встал между ними, но Лора дотянулась и взяла Алана за руку. Ладонь его была влажной, на другой руке сидела верная Мейбл, прикрывая ручками глаза в ожидании приговора.

За спиной у них в темноте стояли остальные финалисты, над ними свет померк, когда Джек объявил, что они проиграли по итогам зрительского голосования. Элис свирепо насупилась. Двенадцатилетняя гимнастка уже поцапалась за кулисами с разочарованными родителями. И теперь осталось только выбрать между Аланом и Лорой.

Напряжение в зале росло, но Лора купалась в безмятежном покое. Она победила. Она достигла всего, о чем мечтала, и сверх того. Действительно взлетела в свою новую жизнь. Достигла новых высот. Она свободна, ее жизнь переменялась, ее ждут приключения. Двадцать шесть лет она скрывалась от мира, а теперь открыта всему.

Джек Старр разорвал золотой конверт. Пот проступил у него на лбу и верхней губе.

– И победителем «Поиска звезд» становятся... АЛАН И МЕЙБЛ!

Лора улыбнулась. Дверь ее клетки распахнута. Она свободна.

Часть IV

С конца июня до середины июля в пении самца происходит удивительная перемена: он перестает пользоваться своей способностью к подражанию и всецело сосредоточивается на собственной мелодии, призыве к самке, и на протяжной, воркующей и страстной брачной песне своего племени. Это, без сомнения, лучший номер в его обширном репертуаре, и две недели в году лирохвост усердно совершенствуется в этом искусстве, исполняя брачную песнь от рассвета до заката. В эту пору самец и самка неразлучны. Они движутся по одному и тому же маршруту по лесу и бушу от одной «сцены» к другой, и всюду самец останавливается, чтобы исполнить свою песнь.

Эмброуз Пратт. Легенды о лирохвосте

Глава сорок третья

Лора сидела на балконе в одной из футболок Соломона. Длинные ноги вытянуты, ступни скрещены на ограждении, в руках – чашка зеленого чая. Прикрыв глаза, она подставляла лицо утреннему солнцу. Соломон лениво наблюдал за ней с дивана, обняв гитару и слегка перебирая струны, потихоньку сочиняя новую песню, проборматывая слова, пробуя так и эдак пригнать их друг к другу. При Бо он не мог сочинять, ему нужно было остаться в одиночестве, ее он стеснялся, но рядом с Лорой ему хорошо и спокойно. Она слушает, время от времени вторит звуку струн. Тогда он умолкает, прислушиваясь к ней: Лора сделала несколько попыток, пока не стало получаться идеально. Так он совершенствует свою песню, а она – свою. Улыбаясь, Соломон покачал головой: как все это удивительно, как прекрасно!

Наконец Лора открыла глаза и увидела газету, которую Соломон оставил рядом с ней. Она видела, как он положил тут газету прежде, чем перебрался с гитарой на диван. «СУПЕРЛИРОХВОСТ!» – вопил заголовок.

– Ты же запретил мне читать газеты.

Он продолжал наигрывать на гитаре.

– Это ты должна прочесть.

Вздохнув, Лора скинула ноги с ограждения – нужно сесть понадежнее, приготовиться к очередному потрясению, хотя она и понимала, что статья, скорее всего, хорошая, раз Соломон так настойчиво советует ее прочесть. Телекритик Эмилия Бельведер о финале «Поиска звезд». Лора собирается с духом и читает.

Моя мама была повитухой, но в большей степени считала себя садоводом. Все свободное время она отдавала борьбе с сорняками, которые пробивались сквозь трещины в бетонной дорожке и на лужайке перед домом. Помню ее на четвереньках, бормочущую угрозы и проклятия. Трещины в бетоне и асфальте – самое удобное укрытие для занесенных ветром сорных семян. Бесполезно даже пытаться выдернуть их оттуда. Одуванчики, чертополох, иван-чай, тысячелистник – заклятые враги моей матери. И я вспоминаю эти сцены борьбы с сорняками, когда думаю о роли различных конкурсов и шоу талантов в нашем обществе.

Судей и скаутов, разыскивающих таланты, я бы не сравнила с ветром, который несет семена. Они скорее похожи на мою мать – замечают и пытаются выдернуть росток, поначалу без присущей моей матери агрессии, даже без раздражения. Они не ставят себе целью уничтожить все, однако именно таков обычно результат их усилий. Нечто редкостное, нечто прекрасное выросло не там, где надо, – и они это искореняют. Выдергивают и помещают в причудливую вазу, выставляют напоказ, чтобы все могли полюбоваться, и убеждают сорняк, что именно тут ему и следует быть. Убеждают сорняк бороться с другими сорняками – а пока они прорастали каждый в собственной трещине асфальта, им и надобности не было бороться друг с другом. В этом и сила, и слабость шоу талантов. Те, кто находит дикуинку, не умеют ее сохранить. Тянут, выдергивают, пересаживают – и на чуждой почве цветок скоро вянет. Он не может здесь расти, не может набраться сил, утрачена жизненная энергия, которая изначально погнала его в рост. В неизвестном ему мире, в неестественной и непостижимой среде сорняк погибает.

Искатели талантов хотят, чтобы таланты засияли в ярком свете, но свет чересчур ярок, он ошеломляет, ослепляет.

С самого момента их появления я презирала телевизионные конкурсы талантов. Только что обнаруженный талант выставляют напоказ не там, где следует, растяг его – если вообще пытаются растить – не так, как следует. Возможно, будет преувеличением сказать, что на наших глазах эти редкостные сорняки поливают концентрированным раствором уксуса, но последствия именно таковы. Однако один конкурс нынешнего года изменил мои представления о них. Удалось найти редчайший сорняк, выросший и расцветший в неведомом убежище...

Алан и Мейбл – достойные победители «Поиска звезд», симпатичный номер, номер, который вызывает аплодисменты и смех, который трогает нас глубоко скрытым отчаянием, но Лирохвост завоевала сердца всего народа – нет, сердца всего мира. Двухминутное выступление перенесло меня в детство – что случается нечасто. И обычно в детстве мы пытаемся укрыться от самих себя, от того, чего не хотели бы знать. Но Лирохвост поставила меня лицом к лицу с самой собой. С самой

сутью.

Ее звуки обрушивались так стремительно, волнами, порой чудесным образом накладываясь друг на друга, что никто не мог расслышать каждый звук, даже потом, проигрывая запись. И каждому эти звуки говорили что-то свое. Пока мы распознавали один звук, уже возникал следующий. Внутри меня распахивались какие-то дверцы, взрывались эмоции – внезапно, то здесь, то там, повсюду. Трепет сердца, ком в горле, покалывание слезных желез. Я слышала голоса моего детства, отрочества, юности, созревания, брака, материнства – и все за две минуты. Это было так прекрасно, так потрясающе, что я не могла вдохнуть и слезы сами собой капали, пока то кроткое существо в клетке, на качелях, открывало нам свою жизнь. Жизнь в звуках, и каждый звук принадлежал только ей, но к этой жизни, к этим переживаниям причастны мы все. Мы соединились, она соединила нас – в общности умов и сердец. Кое-кто будет недоволен отсутствием пиротехники, но в этом простом изяществе я вижу силу этого выступления, его величие. Такая сдержанность свидетельствует о высоком даре. Конечно, учитывая, что постановщиком был Бенуа Моро при участии кинодокументалистки Бо Хили, удивляться не приходится – и все же это было удивительно. Это выступление было наполнено чувством, человеческим теплом. Оно было искренним, нежным, а порой – душераздирающим. Мы взмывали на крыльях, и падали, и снова взмывали. Посреди красивых и отрадных образов нас вдруг будили резкие и пугающие звуки, а мучительная скорбь разрешалась кротким вздохом примирения.

Выступление Лирохвоста покоряло, околдовывало, это было подлинное волшебство – не стандартный трюк телевидения, но редчайшее в реальной жизни волшебство. Что бы ни стряслось в штаб-квартире «Поиска звезд», какие бы там ни происходили предполагаемые журналистами споры или ссоры, все вышло правильно, честно, только так и должно быть. Победила истина. Со временем люди забудут – они всегда забывают, – что пережили в эти две минуты. Это чувство рассеется, пока они вскипятят чайник, уложат детей спать, пошлют эсэмэску, переключатся на другой канал, но в тот момент они пережили нечто подлинное, от чего никто не может отречься.

Произошло нечто важное не только на телешоу талантов,

но и во мне. Я присматриваюсь к себе – телекритику, человеку – и вижу, что есть та, кем я была до того, и та, кем я стала, посмотрев это.

Просить Лору Баттон указать момент, в который у нее проявился этот талант, – все равно что просить человечество указать момент, когда оно отделилось от приматов. Это – часть истории Лоры, ее эволюции. Мы знаем, что до сих пор Лора жила уединенно, десять лет в полном одиночестве на горе, а до того – тоже очень замкнуто, с мамой и бабушкой. Известно, что существо, развивавшееся в уединении, вырастает удивительным и прекрасным, – так случилось и с Лорой.

Голос Лирохвоста пробился сквозь щель в асфальте, разросся вишрь и ввысь, быстро и далеко и глубоко проник в сердца людей.

Не свет рампы, а солнечный свет способствует росту. Прошлой ночью Джек Старр убедился в этом.

Профессионалы отыскиали этот талант, любители вроде меня будут хранить принесенные этим талантом дары, а теперь отпустим ее, и пусть она летит на свободу.

Лора дочитала статью не дыша, сквозь выступившие на глазах слезы. Оглянулась на Соломона: он уже не перебирал струны, а наблюдал за ней.

Широко улыбнулся при виде ее реакции:

– Говорил же тебе – хорошая.

В дверь постучали. В десять часов воскресного утра – кто бы это мог быть?

– Сиди тут, – сказал он, откладывая гитару, готовый оградить Лору от любого вторжения.

Подошел к двери и глянул в глазок. Бо.

– Лора, Бо пришла, – предупредил он, чтобы она успела собраться. – Привет, Бо, – неловко пробормотал он, машинально убирая за уши выбившиеся пряди волос.

Она окинула его взглядом, смутилась: не застала ли врасплох.

– Надеюсь, я не помешала... – Тут она заметила на балконе Лору и вздохнула с облегчением: по крайней мере, она не ворвалась совсем уж в интимный момент. – Можно войти? Я на минутку.

– Конечно, конечно.

Лора поставила чашку и приподнялась.

– Нет-нет, сиди где сидишь, – помахала ей рукой Бо. Она еще не

привыкла чувствовать себя гостьей в доме, где несколько дней назад была хозяйкой.

– Садись с нами. – Лора пододвинула к своему стулу второй.

Бо села, Соломон маячил на заднем плане. Бо мельком глянула на газету, оставшуюся лежать на стуле.

– Отличная статья, хорошо, что ты прочла.

Лора улыбнулась:

– И про тебя не забыли. Спасибо тебе, Бо! Я очень благодарна за все, что ты сделала для меня, особенно за последние дни.

Бо слегка покраснела:

– Не за что благодарить. Мы все сделали то, что следовало сделать, – и чуть не опоздали. Я должна была вмешаться раньше, но не понимала как. Есть ли у тебя уже планы на ближайшее будущее? Наверное, поступило множество предложений?

Лора покачала головой:

– Надо все обдумать. Ты права, предложений много. Даже от кулинарного шоу.

– В нем ты будешь блистать! – рассмеялась Бо.

– Мне лучше не в кухне торчать, а собирать – травы, грибы... – ответила Лора и сбилась с мысли. – Не знаю, я хочу одного, по-настоящему, – сначала вернуться домой. Чувствую, я не смогу двинуться дальше, пока не побываю там. Я хочу сесть и поговорить с Джо. О многом поговорить, расспросить его, объяснить. Он очень обижен на Тома, я понимаю, и я могла бы найти слова, которые его утешат. И еще я хотела тебе сказать – я помню свои обязательства. Я буду сниматься в твоём фильме, непременно. Но если Джо согласится поговорить со мной, мне кажется, в первый раз мы должны побыть наедине.

– Господи, Лора, само собой! – отмахнулась Бо. – Я, собственно, зашла передать тебе вот это. – Она порылась в сумке и достала конверт. – Пришло в StarrGaze Entertainment.

Соломон подозрительно оглядел конверт. Не хотел впускать в свой дом ничего из StarrGaze: хотя под конец студия и поступила с Лорой по-честному, лучше бы впредь обходиться без их «помощи».

Бо заметила его настороженность.

– Ты все-таки не доверяешь мне, – сказала она тихо и грустно: недоверие близкого человека граничит с предательством.

– Бо, – мягко откликнулся он, – не тебе я не доверяю, а им. Прости. Конечно, на тебя мы вполне полагаемся, тем более после того, что ты сделала для финала.

Бо вздохнула с облегчением:

– Понравилось?

– Еще бы! Но ты использовала съемку для документального фильма...

Она пожала плечами:

– Что ж, права на съемку все равно остались у меня, пусть теперь это не эксклюзив – переживу. Так было надо. Слушай, это письмо – официально мне его никто не давал, так что...

– Мы никому не скажем, – кивнул Соломон, следя, как Лора вертит в руках конверт. Она прочла надпись на нем и вдруг широко раскрыла глаза. – Что это? – тревожно спросил он.

– «От Джо Тулина, ферма Тулинов, Гуган-Барра», – прочла Лора и торопливо вытащила из конверта листок.

Соломон быстро обернулся к Бо, но она смотрела не отрываясь, как Лора разворачивает письмо, как единственная страница дрожит в ее руках. Она стала читать вслух:

Настоящим подтверждаю для официального удостоверения:

Лора Баттон родилась в Гуган-Барре, графство Корк, Ирландия. Ее мать – Изабел Баттон (Мерфи), отец – Том Тулин. Она жила с Хетти Баттон и Изабел Баттон до шестнадцати лет, а с шестнадцати лет и до недавнего времени в принадлежащем мне Тулин-коттедже, ферма Тулинов, Гуган-Барра, графство Корк.

Я ее дядя. Полагаю, этого достаточно для паспорта.

Желаю ей удачи.

Джо Тулин

Лора оглянулась на Бо, почти ничего не видя от слез.

– Он, видимо, слышал тебя по радио, – пояснила Бо. – Джек сказал, они его не запрашивали, Джо сам прислал это письмо. Я бы сразу сказала тебе, но сама только что узнала.

Соломон внимательнее присмотрелся к Бо и заметил, что она одета кое-как, вся взъерошенная. Где привычный ее клевый и всегда свежий вид? Десять часов утра, воскресенье. Она примчалась сюда с письмом Джо, как только его заполучила. И каким же образом она узнала об этом письме от Джека в ночь на воскресенье? Давняя ревность шевельнулась в нем, обожгла – и тут же Соломон подавил недоброе чувство и обругал себя за

подобные мысли.

– Я подумала, это поможет тебе... сделать выбор, – улыбнулась Бо Лоре.

– Да, да! Очень поможет. Большое тебе спасибо.

Лора вскочила, обняла Бо, та обняла ее в ответ, и так они и стояли на балконе, прильнув друг другу, – виноватая и простившая, пришедшая на помощь и спасенная, обе благодарные друг другу.

В шесть часов вечера того же дня Соломон въехал в ворота фермы Тулинов (Гуган-Барра, графство Корк). Джо мог отправиться в любой конец своего немалого хозяйства, и они бы прождали его возвращения до темноты – в горах его не отыскать, – но Лоре повезло. Джо чинил ограду перед домом.

Он поднял голову и прищурился, пытаясь разглядеть, кто к нему приехал. Поза агрессивная – опасается очередных журналистов, которые явились с расспросами о Лирохвосте. Соломон опустил окно, помахал старику рукой – и тот успокоился слегка, узнав гостя. Машина остановилась у дома.

Лора оглянулась на Соломона.

– Я никуда не спешу, – сказал он. – Где бы ты ни построила свою сцену, я буду преданно следовать за тобой и внимать твоим песням.

Она улыбнулась, шепнула «спасибо», прижалась к нему, погладила по щекам. Поцеловала его – мужчину, которого она любила, которым любовалась, за которым пошла, доверившись ему, – и обрела себя. Она вышла – Ринг и незнакомый ей щенок кинулись навстречу, заплясали у ног, приветствуя. Вышел из машины и Соломон, облокотился на капот, наблюдая.

Лора перелезла через ограду перед домом, спустилась немного под горку – волосы развевались на ветру, – подошла к дяде. Тот ожидал обычного приветствия, но девушка не сказала ни слова – она сразу же принялась помогать ему. Подняла с земли деревянную опору и установила вертикально, чтобы удобнее было наматывать на нее проволоку. Джо помедлил мгновение, присматриваясь, пытаясь сообразить, что она за человек, зачем приехала, – а потом перехватил проволоку, и они принялись за работу вдвоем.

Заключение

Собрав воедино все нити, ведущие нас к пониманию природы лирохвоста, мы с необходимостью входим в то туманное царство, где разум разлучается с инстинктом и приобретает форму, хотя и смутную, духовной уверенности.

Лирохвост, он же птица-лира, он же *Menura*, как мы убедились, добровольно подчиняет свою жизнь определенному кодексу принципов поведения.

Он явственно ощущает территориальные права и ценность собственности.

Он уважает права соседей и отстаивает свои.

Он обладает способностью передавать идеи особого рода речью.

Он моногамен и строго блюдет верность – даже, по всей видимости (хотя это еще предстоит исчерпывающе доказать), и после смерти спутницы своей жизни.

Он наделен глубокой любовью к музыке и выражает эту любовь совершенным и сладостным искусством.

Он грациозно танцует под аккомпанемент дивной музыки эльфов, отбивая такт ударами ног по земле.

Его чрезвычайно привлекают места, исполненные божественной красоты и величия, которые из года в год наполняются самыми приятными ароматами буша.

От природы он дружелюбен и приветлив и с очевидностью склонен к общению.

Он способен к верной дружбе с человеком, но его дружбу, как и расположение иных диких существ, нельзя купить за угощение.

Его семейная жизнь может служить образцом и никогда не искажается ссорами.

Эмброуз Пратт. Легенды о лирохвосте

Благодарности

Вдумчивая и проницательная книга Эмброуза Пратта «Легенды о лирохвосте» помогла мне погрузиться в мир этой изумительной птицы, в которую я влюбилась всем сердцем. Любознательность Пратта и его искреннее восхищение лирохвостом были заразительны; также немало сведений я почерпнула у Р. Т. Литлджонса («Лирохвост – чудо-певец Австралии») и выстроила образ моей Лоры, наделив ее легендами и волшебными песнями.

Огромная благодарность моей маленькой семье – Дэвиду, Робин и Сонни. Спасибо вам за вашу поддержку, любовь, энергию. Вы наполняете мое сердце.

Спасибо вам, мои прекрасные родители, Джорджина и Ники, мои терпеливые друзья-приятели – Марианна Гунн О’Коннор, Линн Дрю, Марта Эшби, Лиз Доусон, Чарли Редмейн, Кейт Элтон, Роджер Казалет и вся команда HarperCollins – за креативность и поддержку. Я высоко ценю вас всех.

Спасибо читателям, отважившимся на новое приключение вместе со мной. Надеюсь, оно вам понравилось не меньше, чем мне.

notes

СНОСКИ

1

«Так глупо желать тебя» (*англ.*).

«Если ты сегодня идешь по лесу...» (англ.)

Перевод А. Курт.